Кирпиченко Вадим Алексеевич

Разведка: лица и личности

<krpch000.jpg>

Москва, 1998

Информация с официального сайта СВР

Вадим Алексеевич Кирпиченко родился 25 сентября 1922 года в Курске. В годы Великой Отечественной войны пошёл добровольцем на фронт.

После войны в 1952 году окончил арабское отделение Московского института востоковедения и был рекомендован на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности.

В 1952–1953 годах учился в 101–й школе КГБ СССР, готовившей кадры для внешней разведки. Овладел арабским, французским и английским языками.

С 1953 по 1954 год работал в центральном аппарате разведки.

С 1954 по 1960 год находился в Египте в качестве заместителя резидента.

С 1960 по 1962 год работал в линейном отделе центрального аппарата.

В 1962–1964 годах году был направлен в служебную командировку в Тунис в качестве резидента внешней разведки. После возвращения из этой командировки до 1967 года работал в центральном аппарате разведки.

В 1967 году был назначен начальником африканского отдела ПГУ КГБ СССР. Эту должность занимал до 1970 года.

С 1970 по 1974 год снова находился в служебной командировке в Египте в качестве резидента внешней разведки.

С 1974 по 1979 год являлся заместителем начальника ПГУ КГБ СССР, возглавлял управление нелегальной разведки.

С 1979 по 1991 год был Первым заместителем начальника ПГУ КГБ СССР.

С 1 октября 1988 года по 6 февраля 1989 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

Генерал–лейтенант.

В 1991 году назначен руководителем группы консультантов Службы внешней разведки Российской Федерации, в качестве заместителя главного редактора принимал активнейшее участие в подготовке и издании многотомника «Очерки истории российской внешней разведки». Автор нескольких книг.

Награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, 8 иностранными орденами, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался 3 декабря 2005 года.

* * *

Аннотация

Автор - генерал-лейтенант в отставке, с 1974 по 1991 годы был заместителем и первым заместителем начальника внешней разведки КГБ СССР. Сейчас возглавляет группу консультантов при директоре Службы внешней разведки РФ.

Продолжительное пребывание у руля разведслужбы позволило автору создать галерею интересных портретов сотрудников этой организации, руководителей КГБ и иностранных разведорганов.

Как случилось, что мятежный генерал Калугин из «столпа демократии и гласности» превратился в обыкновенного перебежчика? С кем из директоров ЦРУ было приятно иметь дело? Как академик Примаков покорил профессионалов внешней разведки? Ответы на эти и другие интересные вопросы можно найти в предлагаемой книге.

Впервые в нашей печати раскрываются подлинные события, положившие начало вводу советских войск в Афганистан.

Издательство не несёт ответственности за факты, изложенные в книге.

* * *

<krpch002.jpg>

Первый заместитель начальника внешней разведки КГБ СССР, генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко. Москва, 1991 г.

К читателю

В 1993 году в издательстве «Международные отношения» вышла книга моих воспоминаний «Из архива разведчика».

В связи с тем, что она быстро разошлась, встал вопрос о повторном издании. Просто переиздавать книгу мне показалось неинтересным, и я решил со временем добавить к ней новые главы о жизни разведки и о самих разведчиках.

После выхода книги я продолжал работу в Службе внешней разведки Российской Федерации (СВР), возглавляя группу консультантов, принимал участие в международных конференциях, где обсуждался вопрос о том, какой должна быть разведка в демократическом обществе, выступал у нас и за рубежом с докладами по разведывательной тематике, а также занимался проблемами истории отечественной разведслужбы.

Эта работа позволила мне общаться со многими интересными людьми, заставила постоянно читать специальную литературу, и, таким образом, я собирал новый материал, который, надо полагать, заинтересует читателей. Это в первую очередь касается той части книги, где идёт максимально объективный рассказ о нашей вовлеченности в афганские дела или о моём друге, недавнем директоре СВР, а ныне министре иностранных дел России Е.М.Примакове, с которым я знаком уже полвека.

Свою вторую книгу, как и первую, я адресую прежде всего сотрудникам разведки и её ветеранам.

В.Кирпиченко.

Школа № 101

<krpch004.jpg>

Учебный год, проведённый в специальной разведшколе с 1 сентября 1952 года по июль 1953 года, - счастливое время молодости. Тогда я начал осваивать «героическую профессию разведчика».

Правда, у нас с женой не было ни квартиры, ни комнаты, ни даже угла (всё это называлось в то время более нейтральным словом «жилплощадь»). Зато в нас жили горячая вера в будущее и надежды на какую-то новую, необыкновенную жизнь. Надежды эти, кстати говоря, в значительной степени оправдались. Жизнь получилась полнокровной, и кое-чего мы в ней достигли.

Итак, школа № 101. 25-й километр налево, если ехать от Москвы по Горьковскому шоссе. Это учебное заведение было создано в 1938 году как школа особого назначения (ШОН) НКВД СССР. Именовалось оно и Высшей разведывательной школой (ВРШ). А в быту ходило название «25-й километр» или просто «лес». Это и был лес, только огороженный зелёным забором. В лесу стояло несколько деревянных зданий, в которых располагались администрация, учебные аудитории, столовая и общежития. Здесь мы осваивали азы разведывательной профессии, изучали, доучивали и шлифовали иностранные языки и активно

занимались спортом. К своему большому удовольствию, в школе я восстановил спортивную форму, потерянную за время пребывания в институте.

Учиться было легко и очень уж необычно по сравнению с институтом. Вдохновляло освоение таинственного предмета - «спецдисциплины № 1», то есть основ разведки или, как это называлось иногда более торжественно, разведывательного искусства. Мысль, что мы изучаем то, чего не изучает никто другой, вызывала дополнительный интерес к предмету и повышала сознание собственной значимости. Необычными были и семинарские занятия, во время которых разбирались различные оперативные ситуации и решались задачи из практики разведывательной деятельности. Конечно, годичное пребывание в школе № 101 не могло вооружить нас такими глубокими знаниями, которые подсказывали бы конкретные решения возникающих разведывательных задач, но оно пробудило устойчивый интерес к профессии, и мы поняли, что нам будет предоставлено широкое поле для проявления инициативы.

Многих из нас мучил вопрос, справимся ли мы с практическими делами, как будем решать главную задачу - приобретение источников информации. Надо сказать, что сомнения эти имели вполне серьёзные основания и не всем далась эта профессия в полном объёме. В большинстве своём слушатели были достаточно хорошо подготовлены в политическом отношении, прилично знали литературу и иностранные языки. Были среди нас и опытные уже ораторы, и вообще некоторые слушатели держались довольно уверенно, можно сказать, глядели орлами - молодости свойственно покрасоваться и распушить перья. К тому же подавляющая часть нашего набора имела за плечами по два университета. Я имею в виду армию и фронт плюс высшее учебное заведение (в основном тогда в школу брали людей с гуманитарным образованием). Так что все слушатели школы № 101 обладали каким-то жизненным опытом. Но, как показала практика, этого было мало - разведчиками стали не все. Не у всех гладко пошла работа. Некоторые сразу отсеялись, в том числе и по собственной воле. С течением времени внешне непримечательные слушатели обогнали уверенных в себе эрудитов, бравые на вид и будто созданные для разведки люди оказались на второстепенных ролях. Короче говоря, состоялись в разведке те, кто объективно, реалистически оценивал собственные возможности и хорошо разбирался в психологии своих иностранных собеседников, люди целеустремлённые, настойчивые, очень конкретно мыслящие и цепкие.

Учебных пособий в школе тогда было мало. Возможно, так оно и лучше. Сейчас в нашем институте масса книг и пособий по всем направлениям разведывательной деятельности, и поглощение всей этой литературы может рассеять внимание на частности и сказаться на усвоении полезных практических навыков.

С жадным нетерпением мы ждали выступлений у нас сотрудников разведки, и хотя не все из них были интересными рассказчиками, на этих людей мы всё равно смотрели широко раскрытыми глазами.

Богами разведки нам казались и начальник школы генерал-майор Вячеслав Васильевич Гриднёв, и его заместитель генерал-майор Михаил Андреевич Аллахвердов. Оба были плотненькие, небольшого роста и в гражданской одежде выглядели довольно заурядно. Но и тот и другой прожили большую жизнь в разведке, были удостоены многочисленных высоких наград. К сожалению, с нами они общались намного меньше, чем хотелось бы.

В.В.Гриднев в довоенное время работал по линии разведки в Монголии и помогал монгольским коллегам в создании органов безопасности. С начала Великой Отечественной войны он был командиром полка Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), сражавшейся на подступах к Москве и в немецком тылу. С 1942 года Гриднев командовал этой бригадой. Яркой страницей в боевой биографии Вячеслава Васильевича была его работа по подготовке и направлению в немецкий тыл отрядов Медведева, Орловского, Мирковского и Прудникова. Вся эта славная плеяда партизан - Героев Советского Союза прошла, можно сказать, через руки нашего начальника школы. Но об этом мы узнали значительно позже.

Когда было объявлено о смерти Сталина, Гриднев выстроил школу и со слезами на глазах, прерывающимся голосом сказал: «Товарищи! Наша Родина осиротела - умер товарищ Сталин». А в день похорон мы стояли во второй цепочке напротив Мавзолея и в непосредственной близости наблюдали всю траурную церемонию.

Вячеслав Васильевич прожил долгую жизнь - девяносто три года - и до последних дней сохранял связь с внешней разведкой.

М.А.Аллахвердов действовал и как нелегал, и как руководитель легальных резидентур. Особенно хорошо ему были известны наши южные соседи. Около двадцати лет с небольшими перерывами он проработал в Афганистане, Турции и Иране. Михаил Андреевич был, если так можно выразиться, интеллектуалом от разведки. Он стал первым начальником созданного в 1943 году информационного отдела разведки, а в школе № 101 являлся заместителем В.В.Гриднёва по учебной и научной работе.

С повышенным интересом слушатели школы относились к так называемым практическим занятиям в городе. Это была имитация встреч разведчика с иностранцем. В роли иностранцев выступали сотрудники разведки, которые составляли потом заключения о том, насколько квалифицированно слушатель провёл встречу и беседу.

Не менее интересными были и занятия по наружному наблюдению - «наружке». Предмет для работы нужный и полезный. Научиться выявлять «наружку», которая ведётся за тобой, держаться спокойно под наблюдением (установленным или предполагаемым - всё равно), уметь оторваться от «хвоста» естественным образом - всё это непростая, а главное, крайне необходимая наука. «Наружкой» мы занимались с большим энтузиазмом. Пришлось познакомиться с Москвой с неожиданной стороны. Теперь - на какое-то время - меня уже

интересовали не архитектура зданий, не мемориальные доски, не музеи и не магазины, а проходные дворы, места, где легко можно было выявить наблюдение, и здания, улицы и площади, где было удобно «потеряться». До сих пор помню один большой дом где-то позади Елисеевского магазина, который представлял здание гостиничного типа с длинными коридорами. По этим коридорам можно было ходить часами, перемещаясь с этажа на этаж, не привлекая ничьего внимания, а выход был на две улицы из нескольких дверей. Очень хороший дом! Подобные здания мы должны были находить сами и использовать их в учебных целях. Несмотря на всю условность занятий по наружному наблюдению, они дали для практической работы больше, чем иные теоретические лекции.

Из преподавателей школы больше всего запомнился мне, да и другим однокашникам, начальник кафедры разведки, бывший сотрудник нелегальной службы полковник Евгений Петрович Мицкевич. С высоты своих шестидесяти лет он поглядывал на нас иронически и покровительственно и любил рассказывать забавные эпизоды из своей оперативной работы. Поражал он нас, в частности, своими заявлениями о том, что может в любое время выехать за границу в качестве иностранного гражданина и немедленно начать торговать мехами. «Могу заниматься и другими видами бизнеса, - уточнял он, - но мехами всё же лучше!» И это была чистая правда. Долгие годы провёл Мицкевич на нелегальной работе в США, а также в Китае, где основным содержанием работы тогда было получение разведывательной информации о милитаристской Японии.

С Мицкевичем вышел у меня неприятный казус. Мы выполняли письменное задание на тему «Вербовочная комбинация». Давались вводные данные на якобы уже изученного разведкой человека. Требовалось составить план вербовки и описать саму вербовочную беседу. За выполнение этого задания я взялся с большим энтузиазмом, написал пространное сочинение, переполненное второстепенными деталями, и настолько углубился в вопросы оперативной психологии, что Мицкевич, вызвав меня к себе в кабинет для разбора работы, вполне серьёзно спросил, не собираюсь ли я этим литературным опусом убедить руководство школы в своей полной неспособности стать разведчиком. Я, естественно, принялся уверять его в обратном. На этом инцидент был исчерпан. Однако в дальнейшем, получая подобные задания, я уже не умствовал и выражал свои мысли проще и короче.

По окончании школы мне посчастливилось познакомиться ещё с одним бывшим нелегалом - легендарным Александром Михайловичем Коротковым, награждённым помимо других орденов шестью орденами Красного Знамени. Он прошёл путь от электромонтёра до нелегала и стал начальником нелегальной службы и заместителем начальника разведки. В первые дни Великой Отечественной войны Коротков, работавший тогда в берлинской резидентуре под «крышей» нашего посольства, обманув полицейских, блокировавших посольство, сумел выйти в город и установить прерванный контакт с широко известной впоследствии агентурной группой «Красная капелла». Этот эпизод, кстати сказать,

описан в книге В.М.Бережкова «Страницы дипломатической истории», который сам принимал активное участие в организации выхода Короткова в город.

С интересом занимались мы и иностранными языками. Здесь также привлекала практическая сторона дела. Мы хорошо отдавали себе отчёт в том, что теоретические знания можно будет и наверстать, а вот языком нельзя пренебрегать - на нём ведь сразу придётся говорить, а серьёзной практики ни у кого ещё не было.

Преподавателей арабского языка в школе тогда не имелось, начинать изучать английский сочли для меня нецелесообразным, и я стал продолжать занятия французским. Это несколько облегчило мне жизнь и дало возможность читать, что хотелось или что казалось полезным.

В школе было много преподавательниц английского, французского и немецкого языков. Недавние выпускницы языковых вузов, они казались нам необыкновенно красивыми, нарядными и элегантными. Наверное, они и были такими. Сто будущих разведчиков (а нас было ровно сто на курсе) весьма заинтересованно обсуждали достоинства (главным образом неязыковые) каждой из них. Случалось, что некоторые из преподавательниц становились жёнами наших холостых коллег. Так было и раньше, и позже.

А учили они хорошо - язык давали большими порциями, концентрированно, живо и увлекательно. Мы даже пели на уроках. Именно преподавательницы иностранных языков были ближе к нам, чем все остальные, и именно они создавали в школе особый уют и дружную, семейную атмосферу. Здесь же, в школе, зародилась и настоящая профессиональная дружба между многими слушателями, которую мы пронесли через всю жизнь.

Два-три года спустя мы и сами уже выступали в школе с лекциями, беседами, входили в состав экзаменационных комиссий, а некоторые из нас впоследствии стали там преподавателями-воспитателями. Визиты в свой «лес» всегда доставляли мне радость.

На нашем курсе были свои поэты (Володя Петушков) и свои художники (Сергей Чуканов, который «без отрыва от производства» стал заслуженным деятелем искусств РСФСР). Устраивались концерты художественной самодеятельности, шла активная общественная жизнь.

Большой популярностью у нас пользовалось автодело/ Осваивали мы езду на давно списанных «козликах» (газиках), гоняя их по лесным дорожкам на территории школы и налетая довольно часто на сосны («Коль на клумбу не заеду, так заеду на сосну» - стихи из местной стенгазеты).

Увлекались мы и бильярдом. В просторном вестибюле перед входом в столовую стоял большой бильярдный стол, у которого всегда толпилась очередь и пробиться к которому было трудно, да и времени в течение дня для игры выкроить практически было невозможно. Тогда мы с одним моим другом вступили в «преступный сговор» со сменным поваром, который

заступал на работу с вечера и готовил завтраки. Поздно вечером, когда все уже готовились ко сну, мы давали повару условный сигнал и он открывал нам дверь, которая тут же запиралась изнутри. Проверялось, плотно ли задёрнуты шторы на окнах, и начинались многочасовые баталии по принципу «навылет». Все трое играли примерно в одну силу, что повышало азарт и остроту схватки. Когда выпадало играть нам с другом, повар уходил к своим котлам, что-то туда засыпал, что-то добавлял, помешивал и вскоре возвращался, чтобы сразиться с победителем.

Приходили мы в общежитие под утро с соблюдением всех необходимых мер предосторожности и засыпали на два-три часа. На этом этапе службы в разведке провалов у нас не было - тайна ночных бдений оказалась нераскрытой, а отсыпались мы уже следующей ночью.

Быстро пролетело время учёбы. Подошли выпускные экзамены. Особо запомнился экзамен по «спецдисциплине № 1». Была суббота - рабочий тогда день. Я успешно сдал экзамен и, радуясь, что сбросил с себя этот груз, позвонил на работу жене, чтобы условиться о встрече вечером и договориться, как и где провести время в воскресенье. Жена, не слушая моих вопросов, взволнованно сообщила, что у них сегодня во всех кабинетах сняли портреты Берии. Я, насквозь пропитанный идеями бдительности, конспирации и осторожности, не стал дальше говорить на эту опасную тему и попытался уточнить место встречи. Затем подошёл к классу, где продолжались экзамены, и забыл на время о разговоре с женой. Вдруг из класса вышел сконфуженный, красный как варёный рак слушатель и заявил, что его непонятно почему выгнали с экзамена. А это был наш секретарь партбюро и старший по званию - один из двух учившихся на курсе майоров. Мы начали расспросы, что и как. Потерпевший рассказал, что на первый вопрос по теории разведки ответил уверенно и бодро, на второй - практическая задача - также дал правильный ответ, затем с большим воодушевлением стал отвечать на третий, а экзаменаторы почему-то затопали ногами, замахали руками и прогнали его вон. Сообразив кое-что, я спросил: «Что был за вопрос-то?» Парторг ответил: «Очень хороший вопрос, беспроигрышный: „И.В.Сталин и Л.П.Берия - создатели и руководители советских органов безопасности»«. На это сообщение я со знанием дела ответил: «Ты не беспокойся... Твоей вины тут нет... Дело в том, что сегодня утром в министерстве сняли портреты Берии». Все начали глубокомысленно чесать затылки и обсуждать эту сногсшибательную информацию.

После ареста Берии в системе госбезопасности начались обычные в таких случаях увольнения, сокращения, реформы, неопределённости, и многие из нас оказались на длительный период в подвешенном состоянии, без должности и без работы.

Да, школа № 101 навсегда осталась в памяти как место светлое и даже счастливое. Все мы были молоды, здоровы, преисполнены надежд, а заряд положительных эмоций нам давал сознание обретённой необычной и почётной профессии и ясность жизненного пути. Наивные, конечно,

были мысли. Стезя оказалась тернистой, а для некоторых вообще непроходимой. Кое-кому пришлось сойти в начале дистанции или пройти лишь часть её. Но большинство моих однокашников стали настоящими разведчиками и отдали по меньшей мере по три десятка лет любимому делу.

О тех, кто был рядом в начале пути

Школу № 101 я окончил в тот момент, когда в разведке начались очередная реорганизация и сокращение кадров. Однако меня всё-таки приняли на работу и даже зачислили в куцый штат восточного отдела ПТУ, поскольку требовался новый человек для отправки в Каир.

Люди шатались без дела, ждали решения своей судьбы, играли в шахматы, рассказывали анекдоты и придумывали друг про друга озорные двустишия. Именно тогда, жадный до новых людей и впечатлений, я познакомился и быстро сошёлся со многими сотрудниками отдела. Люди необычной и загадочной, на мой тогдашний взгляд, профессии, они казались мне чрезвычайно интересными, тем более что у многих за плечами уже был разнообразный опыт разведывательной работы. В первый же день я познакомился с Викентием Павловичем Соболёвым, Яковом Прокофьевичем Медяником, Иваном Ивановичем Зайцевым и Павлом Ефимовичем Недосекиным, бок о бок с которыми и проходила впоследствии моя работа в разведке.

О жизни и работе разведчиков у нас писали и пишут мало, за исключением тех редких случаев, когда дело касается репрессированных в своём отечестве или севших за решётку в чужом государстве. О людях же, которые на крайнем нервном пределе в течение тридцати-сорока лет добывали информацию для своего государства, прошли через многочисленные войны, перевороты и кризисы и при этом ещё остались в живых, не написано почти ничего. Чтобы восполнить этот пробел, расскажу немного о своих коллегах, друзьях, о своих первых начальниках.

Первым моим резидентом и учителем был Викентий Павлович Соболев. Наша жизнь в разведке очень тесно переплелась. Дружили мы и семьями. К моменту нашего знакомства он уже несколько лет успешно проработал в Египте и снова собирался туда. В.П.Соболев был всесторонне подготовленным профессионалом-разведчиком. С равной охотой и умением он занимался проведением оперативных мероприятий, включая всю черновую и подготовительную работу, и информационной деятельностью, которую многие недолюбливали, считая слишком нудным занятием.

В Египте он, казалось, знает всех и вся. Если со своими соотечественниками Викентий Павлович сходился иногда довольно туго, то с египтянами и с арабами вообще у него мгновенно устанавливался контакт, возникала взаимная симпатия. Нам, начинающим, очень импонировали его напористость, бесстрашие и изобретательность в разведывательных делах. Мы переняли у него много полезного и всегда

завидовали его блестящему знанию арабского и французского языков, а также необыкновенной быстроте и лёгкости при составлении информационных телеграмм. Сколько же он написал их за свою оперативную жизнь чётким и красивым почерком! О знании им обстановки, о его тонком политическом чутье, даре предвидеть события свидетельствует хотя бы то, что, услышав сообщение о национализации Суэцкого канала, Викентий Павлович сразу сказал обеспокоенным и не допускающим возражений тоном: «Будет война!» И мы стали готовиться к войне. В 1962 году нам с В.П.Соболёвым удалось вместе проработать несколько месяцев в Тунисе, где главной задачей было оказание помощи алжирской революции.

Проведя много лет в разных арабских странах, Викентий Павлович стал заместителем начальника разведки по району Ближнего Востока и Африке, и когда ему присвоили звание генерал-майора, мы шутили: «Викентий Павлович, вы единственный в мире генерал-майор со знанием арабского языка, не считая самих арабов!» После работы в Нью-Йорке со здоровьем у Викентия Павловича начались проблемы, и он рано, где-то сразу после своего пятидесятилетия, ушёл, к нашему большому сожалению, на пенсию.

Яков Прокофьевич Медяник, в отличие от В.П.Соболева, поставил своеобразный рекорд. Своё семидесятилетие он отпраздновал на посту заместителя начальника разведки, а на пенсию ушёл не потому, что состарился, а лишь потому, что о его возрасте всё время напоминал календарь. Человек живого ума, чрезвычайно общительный и испытывавший постоянную тягу к людям, он всегда был переполнен разнообразными идеями и предложениями, направленными на совершенствование нашей работы. От долгой службы сначала в пограничных войсках, а затем в разведке в его памяти сохранилась масса воспоминаний об интересных людях, событиях, ситуациях. Если бы он решился на написание мемуаров, это было бы увлекательное чтение.

В момент моего знакомства с Яковом Прокофьевичем в 1953 году он вторично собирался на работу в Израиль, на этот раз в качестве резидента. В те годы в Израиле самыми распространёнными языками были русский и украинский, и у нашего выходца из-под Полтавы не было никаких языковых проблем. Дела у него там шли хорошо, а начало деятельности было ознаменовано любопытным фактом. По прибытии в Тель-Авив передовой группы посольства в 1954 году (после восстановления дипотношений) все израильские газеты вышли с броскими заголовками примерно следующего содержания: «Приезд в Израиль господ Медяника и Симеошкина - лучший праздник в жизни еврейского народа». Нечего и говорить, что, когда до нас доходили сообщения ТАСС, мы зачитывались этими строками.

В характере начальников всех рангов редко гармонично уживаются деловая хватка, доброта и любовь к людям, а в Медянике всё это сочеталось самым естественным образом. Поэтому ему без колебаний вверялись судьбы людей и руководство большими коллективами. После

возвращения из Израиля и работы в Центре Яков Прокофьевич возглавлял резидентуру в Афганистане (во времена королевского режима), потом - ближневосточный отдел ПГУ, а затем был резидентом в Индии, после чего много лет занимал должность заместителя начальника разведки по району Ближнего Востока и Африке.

Медянику всегда удавалось договориться с самым трудным собеседником, и отказать ему в его просьбе было невозможно. Начинал он обычно так: «Я ведь хохол, значит, человек хитрый и всё равно вас обману». И он действительно в одном месте заполучал нужного ему работника, в другом - средства на финансирование какого-либо мероприятия и тому подобное. Любил он застолье, такое, чтобы можно было попеть и повеселиться от души, поэтому, очевидно, и сохранил до преклонных лет светлый ум, интерес к жизни и удивительное обаяние.

Иван Иванович Зайцев, фронтовик, боевой офицер, после войны продолжал службу в армии, а затем был направлен в разведку и долго не мог привыкнуть к новым порядкам. Был он в то время ростом и телосложением, оканьем и пышными усами похож на молодого Горького. Любил и ценил шутку и в любой момент был готов отреагировать на острое словцо или солёный анекдот. Однажды по ходу дела я рассказывал ему что-то забавное, и он громко расхохотался, позабыв, что сидит в президиуме, в большом конференц-зале, на важном совещании.

Ивану Ивановичу пришлось работать в разных районах мира, но основные свои силы и опыт он отдал разведывательной работе в ФРГ. Там он сформировался как руководитель и, возвратившись из Бонна, стал начальником Краснознамённого института имени Ю.В.Андропова. Более удачную кандидатуру на эту должность трудно было подобрать: доброжелательность, терпение, знание людей, богатый личный опыт разведывательной работы, добрая ирония - всё это давало Ивану Ивановичу право быть воспитателем и самих воспитателей, и многочисленных слушателей. Любой, кто окончил наш институт в период пребывания И.И.Зайцева его начальником, обращаясь к годам своей учёбы, в первую очередь вспомнит, конечно, Ивана Ивановича, его мудрые советы и душевную щедрость. Работал он, можно сказать, до последнего дыхания и, несмотря на тяжёлую болезнь, был преисполнен оптимизма и планов на будущее.

Павел Ефремович Недосекин был постарше остальных, но долгое время глядел орлом, и угадать, сколько ему лет, было трудно - никто не давал ему его истинного возраста. А биография у него была самая что ни на есть героическая. Один собеседник как-то спросил меня: «Неужели это тот самый Недосекин?» - «Какой тот самый?» - «Тот, о котором уже в начале войны в Орловском управлении НКВД рассказывали легенды. С группой бойцов он несколько раз переходил линию фронта, устраивал переполох в тылу у немцев, добывал нужную информацию и успешно возвращался назад». Это был действительно тот самый Недосекин. Всю войну он провёл так же, как начал. Несколько раз его сбрасывали с парашютом в белорусские леса, где он воевал в качестве заместителя

командира партизанского отряда по разведке, а позднее и сам стал командиром одного из отрядов. Так что разведчиком Недосекин был, можно сказать, с начала своей трудовой деятельности и прошёл путь от разведчика в лесах и болотах до разведчика внешнеполитического, многократного резидента в странах Африки и Ближнего Востока.

У красивого и статного, на всю жизнь сохранившего военную выправку Павла Ефимовича была столь же красивая, притягивавшая взгляды жена Евгения Фёдоровна, которую он вывез из тех же белорусских лесов. Там, в партизанской республике, они встретились, вместе воевали и полюбили друг друга. Тяжёлые годы войны не прошли бесследно - и Евгения Федоровна, и Павел Ефимович рано ушли из жизни через мучения и страдания.

Первые свои шаги во внешней разведке Недосекин сделал в послевоенные годы в Эфиопии, где тогда не ставились задачи глобального характера. Из его эфиопской эпопеи известен такой случай. Ехал как-то Недосекин по скверной эфиопской дороге. Неожиданно на дорогу выскочил местный житель. Какие-то доли секунды водитель пытался избежать столкновения, но не удалось. Эфиоп погиб, машина закончила свою жизнь в кювете, Недосекин остался, как говорят в таких случаях, чудом жив. А какова же была реакция Центра? Года два спустя мне показали написанную синим карандашом резолюцию заместителя министра госбезопасности А.И.Серова по этому делу: «Стоимость машины взыскать: половину - с эфиопа, половину - с Недосекина». Понятно, что эфиоп уже ничего не мог заплатить по объективным причинам, а Павла Ефимовича спасли от уплаты начавшиеся реорганизации (некому было следить за исполнением «синих» резолюций). Войны и потрясения так и не отпустили от себя П.Е.Недосекина - большую часть жизни ему пришлось работать в беспокойных арабских странах в тревожные времена. Он никогда не терял присутствия духа и чувства юмора, выглядел всегда так, будто собрался идти на официальный приём, обладал даром подмечать всякие забавные ситуации и рассказывал о них с большим мастерством. В последние годы он работал в нашем аппарате в Чехословакии. Там тяжело заболела Евгения Федоровна - рак мозга... и мучительная смерть. Утрата жены подкосила Павла Ефимовича. Спустя несколько месяцев ему самому ампутировали ногу - прямое следствие пребывания во время войны в лесах и болотах. И пока мы хлопотали о хорошем протезе в Чехословакии (до чего же тяжела и не устроена наша жизнь: герой войны, награждённый боевыми орденами, многократный резидент внешней разведки, имеющий все виды льгот полковник ждёт долгие месяцы, сидя на балконе своей квартиры, решения о протезе), встал вопрос об ампутации и второй ноги. Вскоре после операции он скончался.

Кроме этих близких мне людей в первые дни работы в разведке я познакомился и с тогдашними руководителями отдела. Сначала меня повели к заместителю начальника Василию Иосифовичу Старцеву, а вместе с ним мы уже пошли к начальнику отдела Владимиру Ивановичу Вертипороху. Владимир Иванович объявил мне, что есть нужда в срочной

посылке оперативного работника в Каир и что после непродолжительной подготовки в отделе мне нужно будет выехать в Египет.

В.И. Вертипорох был, наверное, самым видным и интересным мужчиной в разведке. Очень высоким ростом (без малого два метра), могучим телосложением, светлыми курчавыми волосами, ухоженными усами, улыбчивым лицом он напоминал картинного былинного богатыря - какого-нибудь Микулу Селяниновича. Сразу возникала мысль: как же такой мужик может скрыться от «наружки»?

Владимир Иванович работал в Иране и Израиле, а после пребывания в Центре был послан старшим советником по вопросам безопасности в Китайскую Народную Республику. Там он, наверное, выглядел Гулливером. Мне недолго пришлось с ним работать, но каждый приход к нему в кабинет оставлял ощущение удовлетворения и радости. «Повезло с начальником», - думалось мне. Из общения с ним особо запомнились два случая.

В один из первых дней моей работы Вертипорох поручил мне написать телеграмму по какому-то оперативному вопросу. Я ещё не был допущен к шифропереписке и не знал, как пишутся телеграммы. По своему разумению, руководствуясь принципом экономии слов и места, я написал её как обычную телеграмму - без предлогов и знаков препинания, без употребления падежей, с минимумом глаголов и существительных. Владимир Иванович очень долго смеялся, а я растерянно стоял, не понимания, в чём дело. Выяснилось, что телеграммы надо писать обычным языком, без всяких сокращений, чтобы всё было понятно. Моя же телеграмма не поддавалась ни зашифровке, ни тем более расшифровке.

Второй раз я направился к нему сам и попросил выдать мне положенное табельное оружие. Дело в том, что в 1953 году из мест заключения по массовой амнистии была выпущена целая армия уголовников и в Москве начались грабежи и бандитские нападения, а на московских окраинах под вечер даже слышалась стрельба. Мы с женой в это время снимали комнату на окраине, в деревне Черкизово, куда поздно вечером было страшно возвращаться. Владимир Иванович стал мягко уговаривать: «Зачем вам пистолет? Подстрелите кого-нибудь, а потом не отвертитесь. А вы мне нужны в Каире. Не дам я вам пистолета, и не обижайтесь». Вскоре Вертипорох ушёл из отдела, а затем уехал в Китай, где и умер. Сердцу было трудно поддерживать такое большое тело.

Василий Иосифович Старцев был, в противоположность Вертипороху, небольшого роста, и красавцем его никак нельзя было назвать. Это внешнее несоответствие и сыграло роковую роль в служебной расстановке руководящего состава отдела.

Придя после смерти Сталина, в марте 1953 года, к руководству органами государственной безопасности, Берия объединил под своим началом МГБ и МВД в Министерство внутренних дел. В период с марта до своего ареста 26 июня 1953 года он успел отозвать из командировок практически всех резидентов якобы для отчёта. Арест Берии и

последовавший за ним новый период нестабильности поставили под вопрос судьбу отозванных резидентов. Акция с вызовом резидентов была неоправданной с любых позиций. Во-первых, их массовый отъезд привёл к ослаблению практической деятельности резидентур; во-вторых, он, по существу, расшифровал резидентов как разведчиков; в-третьих, вызвал недоумение и нервозность в самом аппарате разведки. Следовали вопросы: как? что? зачем? В обвинительном заключении по делу Берии эта его акция квалифицировалась как вредительская, направленная на срыв работы разведки.

В числе отозванных был и резидент в Израиле В.И.Вертипорох. Он успел попасть к Берии на приём. Пришёл к нему в сопровождении начальника восточного управления и начальника отдела этого управления В.И.Старцева. Заслушав доклад резидента и выразив своё удовлетворение его работой, Берия отпустил Вертипороха и Старцева и спросил у исполнявшего обязанности начальника управления А.М.Короткова: «Кто Вертипорох по должности и как вы намерены его использовать?» - «Мы планируем его на должность заместителя к Старцеву». Берия поморщился и сказал: «Как же так? Этот - такой красивый, такой представительный, со свежим опытом оперативной работы, а тот - совсем невыразительный, невидный такой... Давайте сделаем наоборот!» Когда я пришёл в отдел в сентябре 1953 года, расстановка «наоборот» уже действовала, что не добавило оптимизма и благодушия Василию Иосифовичу Старцеву.

В.И.Старцев, или, как его все звали за глаза, дядя Вася, был тоже человеком выдающимся. В дальнейшем он много лет являлся начальником отдела, который занимался Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией, а затем стал заместителем начальника разведки по кадрам. Старцев, несомненно, был самым сильным начальником отдела, цепким и решительным. Сотрудников своих он в обиду никому не давал, и все остальные начальники знали, что со Старцевым лучше всего не связываться - его не переспоришь. Язык у Василия Иосифовича был как острая бритва, а иногда и как ядовитое жало. Его афоризмы оперработники повторяли долгие годы, и даже сейчас, спустя почти два десятилетия после его ухода со службы, нет-нет да и кто-нибудь из старослужащих вспомнит: «А вот дядя Вася сказал по аналогичному случаю...»

За невыполнение заданий в установленные сроки Старцев устраивал строгие выволочки, и некоторые работники из робкого десятка его просто боялись. Один из них, как только получал вызов на доклад к Старцеву, начинал дрожать и заикаться. Оправдываясь за невыполнение какого-то задания, он сказал заплетающимся языком:

- Иосиф Виссарионович, я просто физически не успел это сделать!

Ответ был точен и афористичен:

- Если бы я был Иосиф Виссарионович, я сидел бы не здесь, а в Кремле. А если вы не успеваете сделать что-то физически, то впредь делайте это химически, но выполняйте всё в срок!

Много лет спустя после этого случая мы с Яковом Прокофьевичем Медяником и Павлом Ефимовичем Недосекиным повстречали дядю Васю. Медяник и Недосекин только окончили Высшую дипломатическую школу и ожидали назначения на должность. Желая доставить приятное Старцеву, они несколько игриво обратились к нему: «Василий Иосифович, возьмите нас к себе в отдел. Мы хотим работать с вами!» Старцев, изобразив ухмылку (эта кривая усмешка в наших кругах называлась антисоветской), бросил: «Да... возьми вас в отдел - вы тут же сгоните меня со стула и сами на него сядете!» - и ушёл, помахав рукой.

Ещё одна колоритная личность - Иван Васильевич Вирюкин. Он производил неизгладимое впечатление своей манерой держаться с большим достоинством и библейской внешностью - чёткий профиль тёмного лица, большие печальные глаза, борода с проседью. Иван Васильевич был к тому же крупным специалистом в вопросах мировых религий. Лучшей модели для портрета какого-нибудь апостола и искать не надо было. К моменту нашего знакомства Вирюкин вернулся уже из третьей долгосрочной загранкомандировки, и представлялось, что он уже всё на свете знает и всё ему уже порядком надоело.

Однажды он, видя, как я судорожно листаю оперативные дела и одновременно что-то выстукиваю на пишущей машинке, многозначительно изрёк: «Вот ты весь сейчас полон энергии, с восторгом готовишься к первой командировке. Всё тебе интересно, всё волнует, до всего есть дело. Но попомни мои слова: ко второй командировке ты будешь много тяжелее на подъём, появятся проблемы- вещи, дети, то да сё, в третью тебя уже будут выталкивать ногами, а ты будешь изо всех сил сопротивляться». Не скажу, что всё получилось по этой схеме, но в целом замечание Ивана Васильевича было очень метким.

Как это ни удивительно, я помню абсолютно всех сотрудников отдела, работавших в нём в пору моего появления на службе. Первые впечатления были настолько глубокими, что крепко отложились в памяти. Впоследствии дело уже обстояло по-другому...

Ушедшие друзья

1 сентября 1947 года начался мой первый учебный год на арабском отделении Московского института востоковедения, который находился в Сокольниках, в Ростокинском проезде.

Здание института казалось большим, светлым и относительно новым. Построено оно было специально для Московского института истории, философии и литературы, который просуществовал с 1931 по 1941 год. Здесь приобретали гуманитарные знания люди, которые впоследствии составили ядро советской партийной и научной элиты. Позднее этот институт слился с МГУ, а здание было отдано востоковедам.

Недавно я проезжал мимо него и с грустью разглядел за разросшимися деревьями какое-то захудалое строение. Здание обветшало, почернело и уже не вызывало тех радостных эмоций, как в

далёкие послевоенные годы.

В нашей арабской группе было 16 человек, в том числе только что окончившие школу четыре девочки - одна из них стала на втором курсе моей женой. А из 12 ребят 11 недавно демобилизовались из армии после участия в Великой Отечественной войне. Все они носили шинели, сапоги, гимнастёрки, кителя, брюки-галифе, некоторые даже продолжали щеголять в армейских фуражках.

Каждый заслуживает отдельного очерка, но я хочу рассказать об одном из тех, кто после окончания института попал, как и я, на работу в разведку и остался в ней до конца.

Из нашей команды бывших фронтовиков своей подтянутостью, стройностью и молодцеватостью выделялся Саша Оганьянц, недавний старший лейтенант, командир батареи знаменитых «катюш». Офицерская форма сидела на нём великолепно, и к тому же её украшал орден Отечественной войны, который он носил с гордостью и видимым удовольствием.

С Сашей мы вместе проучились пять лет в институте, год - в 101-й Высшей разведывательной школе, попали в один и тот же восточный отдел Первого главного управления КГБ и почти одновременно оказались на работе «в поле», в одной из важнейших в то время резидентур - в Египте.

Отношения СССР с арабским миром в тот период бурно развивались, открывались новые посольства и резидентуры, и Сашу прямо из Египта перевели резидентом в королевский Йемен. Впоследствии он побывал в качестве резидента также в Иордании и в Южном Йемене.

То, что он уже в начале своей оперативной деятельности стал резидентом, говорит само за себя. Резидент в разведке - это главная должность, достичь которой удаётся далеко не каждому. Куда легче стать каким-нибудь начальником в Центре.

Одним из свидетельств политической дальновидности Оганьянца является его оценка тогда ещё молодого иорданского короля Хусейна как опытного, мудрого и рационального политика. Такие суждения Саша высказывал в своих телеграммах в то время, когда у нас бытовало пренебрежительное отношение к этому монарху, его считали марионеткой и чуть ли не платным агентом Вашингтона и Лондона.

Мой друг оказался прав. Со временем короля Хусейна стали уважать и в Москве. Он умело выходил из самых затруднительных и даже отчаянных ситуаций и, вступив в 17-летнем возрасте на престол в 1952 году, сохраняет власть до сих пор. Мне не приходилось встречаться с королём Хусейном, но я был знаком с его первой женой, королевой Диной. К сожалению, развить знакомство с этой милой, симпатичной и образованной дамой в интересах советской внешней политики не удалось.

На протяжении всего нашего знакомства и многолетней дружбы с Оганьянцем мне всегда хотелось задать ему один вопрос: «А правильно

ли ты поступил, что выбрал себе профессию востоковеда-арабиста и разведчика? А не лучше ли тебе, Саша, было пойти на эстраду?» Этот, так и не заданный вопрос, имел под собой самые веские основания. Да и вообще много ли есть на свете людей, совершенно сознательно избравших себе профессию или нашедших мужество круто изменить свой жизненный путь в поисках истинного призвания?

Если бы он пошёл в эстрадные артисты, то наверняка стал бы звездой первой величины. Живое лицо, богатая мимика, удивительная способность копировать язык и жесты людей, умение находить смешное и оригинальное в обыденном, способность сочинять на ходу анекдоты - всё это притягивало к нему людей, делало его популярным человеком и желанным гостем в любой компании. Причём Саша не пересказывал услышанные смешные истории, а главным образом придумывал их сам, черпая материал из своей богатой биографии, из общения с окружающими, из тайников своей буйной фантазии. При всём этом он был крайне самоироничен и не стеснялся представить себя в самом смешном виде.

В Московский институт востоковедения Оганьянц попал не в силу каких-то убеждений и долгих исканий, а потому, что здесь в качестве инженера-строителя работала его мать Федосья Николаевна, истовая партийка, комиссар времён гражданской войны. Она ему и посоветовала вступить на востоковедную стезю, а поскольку он был женат на своей боевой подруге, однополчанке Марии Васильевне, и уже имел ребёнка, то Федосья Николаевна выхлопотала ему и жильё в преподавательском общежитии, в доме, замыкавшем тогда Сретенский тупик.

Дом этот легендарный. Там жили наши преподаватели. Иногда мы ходили к ним туда на занятия и консультации: Дом был густо заселён разношёрстными людьми, почему-то с очень неспокойными характерами. Наиболее колоритную часть его составляли выходцы с Востока, в том числе и палестинские арабы, и, конечно, «лица кавказской национальности». Короче, настоящая «Воронья слободка» из бессмертного творения Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» с вечной враждой, склоками и даже драками. Будучи секретарём партийного бюро института, я однажды провёл почти всё лето в Москве, сопровождая поочерёдно жильцов этого дома на заседания партийной комиссии МГК ВКП(б). А поскольку все наши склоки и дрязги на почве жилищной неустроенности сопровождались, как правило, и политическими обвинениями, то за нашими делами пристальным оком наблюдал сам Матвей Фёдорович Шкирятов, тогдашний заместитель председателя Комиссии партийного контроля. Много крови мне попортил этот Сретенский тупик!

Федосья Николаевна, проявив недюжинный инженерный талант, комиссарскую настойчивость и дьявольскую пробивную силу, построила под лестницей этого ветхого дома маленькую каморку, размером эдак в пять квадратных метров, и прописала там Сашу с семьёй.

А отец его, Александр Нерсесович, был преподавателем

общественных наук в каком-то московском вузе и являлся, по определению сына, марксистом-идеалистом. «Удивительный человек, - говорил про отца Саша, - он слепо верит всем постановлениям ЦК ВКП(б) и с воодушевлением. читает «Правду» от первой до последней строки, а кое-что стремится выучить и наизусть!»

Всё, что рассказывал Оганьянц, многократно повторялось его друзьями и знакомыми и становилось фольклорным наследием сначала в институтских стенах, а потом и в коридорах разведки. :

Первый цикл этих рассказов составляли эпизоды армейской жизни, потом студенческой и так далее. Любил Саша поговорить и о том, как армия научила его бояться всякого начальства, а при наличии благоприятных условий и держаться как можно подальше от него.

- Меня почему-то постоянно ругали начальники всех степеней, - жаловался он.-Но особенно сильно я погорел дважды. Был у меня в батарее один чересчур грамотный еврейчик, который до войны успел окончить первый курс какого-то института и на политзанятиях постоянно задавал армейским политработникам каверзные вопросы, и чаще всего о том, что такое есть деньги с точки зрения марксистской политэкономии.

Понятно, что никто не мог ответить на этот глупый вопрос, который быстро превратился в проблему реального подрыва авторитета политработников солдатом вверенной Оганьянцу батареи. Начальство громко ругало Сашу и в конце концов приказало заткнуть глотку этому умнику: «Или ты заставишь его замолчать, или пойдёшь под трибунал за организацию подрыва авторитета политработников Красной Армии!»

- Второй раз меня чуть-чуть не понизили в звании, - продолжал мой друг, - когда во время полкового смотра по случаю 7-го ноября в одной из установок моей батареи грозный командир полка обнаружил половину туши лошади. Расторопный расчёт, состоявший в основном из татар, подобрал убитую снарядом лошадь и пытался замаскировать её в автомашине с «катюшей». Не пропадать же такому изысканному жаркому! Вот с тех пор я и боюсь всякого начальства.

Ну а если серьёзно, то своей службой в армии, на фронте он гордился, армейские порядки любил и стал в известном смысле личностью исторической: будучи курсантом артиллерийского училища, участвовал в знаменитом военном параде 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве.

В каморке под лестницей стояла узкая кровать, на которой с трудом помещались супруги Оганьянц. Время от времени Саша с неопределённым выражением на лице сообщал доверительно собеседнику: «Сегодня я опять хорошо выспался. Накануне Мария Васильевна приревновала меня к соседке, назвала развратным армяшкой и прогнала с постели на коврик у двери. Это моё самое любимое место для заслуженного отдыха».

Попав в Каир, Оганьянц не изменил своей натуре. В сшитом у хорошего портного костюме он выглядел так же импозантно, как и в военной форме. В выходные дни, когда советская колония собиралась во

дворе посольства на кинопросмотр, вокруг него обычно толпились посольские дамы, слушали его неиссякаемые истории и постоянно делали ему комплименты:

- Вы у нас в колонии, Александр Александрович, самый красивый мужчина!

Картинно потупившись, Саша отвечал:

- Ну что вы, что вы! Вы преувеличиваете, мне не положено по дипломатическому рангу быть самым красивым. Самый красивый у нас, конечно, посол, затем секретарь партийной организации, ну а потом уж, возможно, и я!

Весь комизм ситуации заключался в том, что посол и партийный секретарь были совсем не красавцы, а скорее наоборот. Женщины дружно смеялись.

Занимался Саша, как бы это сказать, и мелким хулиганством, что ли. Встретив в посольском дворе худенького мальчика, дежурный комендант спросил его:

- Серёжа, ты что такой худой и бледный? Ты плохо кушаешь? - Да, у меня вообще плохой аппетит.

- Ну, а что ты ешь, например, на завтрак?

- Яичко всмятку и чай.

- А что, ты любишь яйца?

- Да нет, просто дядя Саша Оганьянц всегда говорит детям, что вся сила в яйцах!

Вести разведку в Йемене в профессиональном смысле слова было просто невозможно. Прессы нет, радио нет, политикой мало кто интересуется, кругом неграмотный люд, жалкий по численности дипкорпус (поверенный в делах Италии ходил, накинув на себя шкуру какого-то зверя), а Москва напоминала всё время: «Давай-давай, нужно больше информации! Восток пробудился, а резидентура спит!»

Оганьянцу приходилось добывать информацию на суке - столичном базаре. Тут тебе и политика, тут тебе и экономика, тут тебе и сплетни о том, что происходит во дворце, какие страсти разыгрываются в королевском гареме и как себя чувствует сам имам Ахмед!

Поскольку в Таизе при каждом более или менее солидном доме (в йеменском понимании) положено было иметь охранника-привратника, то Саша приучил своего стража каждое утро рассказывать ему городские новости. Ну и, конечно, кое-что перепадало от встреч с немногочисленными дипломатами.

Короче говоря, информационных телеграмм из Йемена было мало, и Сашу вызвали «на ковёр» к начальнику разведки Александру Михайловичу Сахаровскому. Последний, занятый противоборством с США, ФРГ и другими китами, естественно, не проникал своим взором в королевский

Йемен и решил послушать Сашу и повысить его коэффициент отдачи. Обычно на такие беседы отводилось минут 15-20. Но вот проходит час, другой, из-за двойной двери начальника ПГУ всё время слышится хохот обычно редко улыбающегося начальника разведки - это Саша живописует йеменскую действительность, всё представляя в лицах. При этом ещё и показывает снимки врагов королевства с отрубленными головами (казнь совершалась публично на самой большой площади Таиза, иногда в присутствии самого имама Ахмеда).

После аудиенции Александр Михайлович сказал начальнику отдела: - Ну, что ты там говорил, что Оганьянц не дорабатывает? Все бы так хорошо знали обстановку в стране пребывания, как он. На все мои вопросы он дал самые исчерпывающие ответы!

Отделы, которые занимались разведработой на Востоке и в Африке, были сосредоточены на девятом этаже здания на Лубянке. Между сотрудниками этих отделов существовало своего рода корпоративное единство. Почти все они работали в тяжёлых климатических и даже антисанитарных условиях, жили в примитивных квартирах без удобств, и это давало им право сознавать себя тружениками, знающими почём фунт лиха.

И когда в нашем коридоре раздавались взрывы хохота, можно было смело выходить из служебного кабинета и говорить деланно строгим голосом: «Александр Александрович, кончай разлагать молодёжь и рассказывать басни про разведку!»

Всё это было в прошлом. Два известных мне поколения Оганьянцев закончили свой земной путь. Сначала безвременно скончались родители, потом, очень рано, жена Саши Мария Васильевна, а потом и он сам. Тяжёлый и скоротечный рак скосил его в 1995 году.

Метастазы быстро проникли в мозг, и Сашу странным образом зациклило на личности Сталина. По всей квартире он развесил его портреты и, как бы внезапно пробуждаясь из состояния небытия, вдруг начинал горячо говорить о мудрости, гениальности и дальновидности вождя, оправдывая всю его деятельность и последними словами ругая Хрущёва, осмелившегося выступить с критикой своего учителя и «вождя всех времён и народов». В этих высказываниях чувствовалась уже явная ненормальность, и слушать всё это было просто тяжело.

На поминки собрались родственники, друзья по институту, разведчики и после двух-трёх грустных тостов стали вспоминать Сашу живого, обаятельного, остроумного, его рассказы, случавшиеся с ним истории. Послышался смех, который переходил иногда в хохот, и создалась не совсем траурная ситуация. Какой-то дальний армянский родственник, который толком-то и не знал покойного, сидел всё время с очень кислым лицом и вдруг заговорил: «Я ничего не понимаю... Человек умер, а здесь люди смеются... У нас в Армении так не принято. Сначала надо выпить отдельно за светлую память отца, потом за светлую память матери, Существует ведь порядок поминания...»

Пришлось вносить ясность в существо вопроса и объяснять родственнику, что нет ничего плохого в том, что хорошего, весёлого и дарившего людям радость человека поминают именно таким образом, и кавказские обычаи тут ни при чём.

И ещё одно воспоминание о Саше. Иногда, переступив порог своей квартиры, я слышал, как моя мать радостно сообщала: «Звонил Саша Оганьянц, сказал, что сегодня зайдёт. Уж он-то расскажет много интересного. Как я люблю, когда он приходит».

8 августа 1994 года скончался мой друг и друг многих моих товарищей генерал-майор Дмитрий Иванович Якушкин - руководящий работник разведки и прекрасный американист. В разведке Якушкина любили, несмотря на то, что иногда он яростно распекал подчинённых. В этих выволочках не было ни грубости, ни ярости, ни, тем более, какого-то злопамятства. За глаза его ласково называли Димой, несмотря на генеральское звание и высокое служебное положение начальника отдела США.

В отличие от других сотрудников разведки, Якушкин происходил из дворянского сословия, и не из какого-нибудь худородного и неизвестного, а из семьи декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, героя Отечественной войны 1812 года, капитана Семёновского полка, выведшего своих солдат 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь и получившего за это 20 лет каторжных работ.

Да, далеко не у каждого имеются предки по прямой линии, о которых слагал стихи Пушкин:

Друг Марса, Вакха и Венеры,

Тут Лунин дерзко предлагал

Свои решительные меры

И вдохновенно бормотал.

Читал свои ноэли Пушкин,

Меланхолический Якушкин,

Казалось, молча обнажал

Цареубийственный кинжал.

Одну Россию в мире видя,

Преследуя свой идеал,

Хромой Тургенев им внимал

И, плети рабства ненавидя,

Предвидел в сей толпе дворян

Освободителей крестьян.

От предков Дмитрий Иванович Якушкин унаследовал большую библиотеку и имя. В роду Якушкиных любимыми именами были Дмитрий и

Иван, передающиеся из поколения в поколение. Но не только это. Были в нём какая-то стать, импозантность, манера держать себя с достоинством и особо почтительное и благородное отношение к женщинам, независимо от их возраста и внешности.

Видом своим он всегда напоминал мне первого из Бурбонов Генриха IV с картины Рубенса из «Галереи Медичи» в Лувре, где король изображён разглядывающим портрет своей невесты Марии Медичи: те же черты лица, та же осанка. Обращаясь к Якушкину, я иногда так и называл его: «Анри катр» (Генрих IV, фр.).

Впрочем, иметь известных предков-дело нелёгкое и беспокойное. Тому примеров более чем достаточно. Высокое положение родителей часто накладывало неизгладимую печать на судьбы детей, очень осложняло их жизнь, а нередко детям приходилось и расплачиваться за дела отцов и дедов.

Не минула чаша сия в какой-то мере и Дмитрия Ивановича. Его отец, известный академик-растениевод, в разгул блаженной памяти перестройки был обвинён (журнал «Огонёк») в том, что являлся правой рукой и исполнителем злой воли Т.Д.Лысенко по истреблению вейсманистов-морганистов, а заодно и менделистов в нашей сельскохозяйственной науке (Лысенко Трофим Денисович (1898-1976) - советский биолог и агроном, академик АН СССР, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Выдвинул антинаучную концепцию наследственности, изменчивости и видообразования, названную им «Мичуринским учением». Административно внедрялась советскими властями в 30-60-х годах. Монополизм Лысенко сопровождался уничтожением других научных школ, что принесло большой ущерб генетике и биологии в нашей стране). Впрочем, на эту тему с Дмитрием Ивановичем мы никогда не беседовали. Мне было неудобно касаться столь щекотливого вопроса, а ему тем более было не с руки высказываться по данной теме.

Если пытаться создать достоверный портрет друга, то надо писать правду. Следовательно, нужно упомянуть, что Дима Якушкин любил иногда покрасоваться, несколько распушить хвост и победоносно им помахать. Причём выходило это как-то очень мило и, пожалуй, даже самоиронично. При его появлении в вестибюле посольства в Вашингтоне офицеры и прапорщики-пограничники из службы охраны вытягивались перед ним «во фрунт» и отдавали ему честь, громко щёлкая при этом каблуками (хотя в интересах конспирации они не должны были бы этого делать), а он говорил доверительно собеседнику: «Вот видишь, какой у меня порядок!» Или, сделав очень хороший доклад начальнику разведки о положении в США и о работе резидентуры в Вашингтоне, он с видимым удовольствием шепнул мне: «Правда, ведь никто другой не смог бы сделать такого интересного сообщения?» Какая-то восторженная наивность была в этой самооценке. Надо сказать, что наивность у него иногда проявлялась и в оценках людей. Проистекала она от его доброты и доверчивости по отношению к своим коллегам по работе. Были такие

случаи, когда он рекомендовал на ответственные посты не очень достойных людей, а потом клял и бичевал себя, страшно переживал, что где-то не доглядел и не разобрался толком в человеке. И эти покаяния были очень искренними и по-человечески понятными.

А ещё он был большой книголюб. Часто ходил по книжным магазинам, покупал новые книги, с жадным интересом читал их, а некоторые откладывал до лучших времён и мечтал привести, наконец, в порядок свою огромную библиотеку, но так и не успел этого сделать, как и все мы всегда чего-то не успеваем сделать в этой жизни.

Главной заслугой Д.И.Якушкина в разведке является то, что он прекрасно знал США и давал самые точные прогнозы по вопросам развития внутриполитической ситуации там, а также по всему комплексу советско-американских отношений. В таких делах у него никакой наивности и излишней доверчивости никогда не проявлялось, а имели место очень точный расчёт и прогноз.

Я глубоко благодарен Дмитрию Ивановичу, что он буквально открыл для меня Америку, был для меня своего рода Колумбом в этом деле. В середине 70-х годов он говорил мне: «Пойми, ты не сможешь состояться как заместитель начальника Главка, если не будешь знать США и сам не побываешь в этой стране». И вытащил-таки меня летом 1978 года в США, всесторонне обосновав необходимость этой поездки. Несколько коротких путешествий по стране, беседы с дипломатами (в том числе и с очень интересным собеседником - в то время нашим послом в США Анатолием Фёдоровичем Добрыниным), участие в качестве советника делегации СССР в работе сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где выступали наш тогдашний министр иностранных дел А.А.Громыко и руководители делегаций других государств, посещение театров, музеев, картинных галерей - всё это обогатило мои знания и расширило представление о Соединённых Штатах. Много было в этом «открытии Америки» неожиданного, начиная с быта и кончая высокой политикой. Но больше всего информации мне дали многочасовые беседы с Д.И. Якушкиным и его женой Ириной Алексеевной. А одна, заключительная, беседа с Дмитрием Ивановичем навсегда врезалась в память. Это было в начале июня 1978 года. Её итоговую часть я не раз повторял своим коллегам.

- Все трудности твоей работы здесь я понимаю, во многом с твоими оценками согласен и доведу их до сведения начальства в Москве, - сказал я, - но меня в гораздо большей степени интересует, как политическая элита и властные структуры США относятся в действительности к СССР и как они будут строить в ближайшем будущем свои отношения с нами? Ведь от этого будет зависеть и вся наша разведывательная работа здесь в обозримой перспективе.

Дмитрий Иванович какое-то время молчал, а затем чётко, убеждённо и как-то взволнованно изложил свои мысли:

- Американцы не перестают удивляться, как смогла отсталая, лапотная и голодная Россия за четыре десятилетия стать супердержавой

и в военном отношении сравняться с США. Они никогда не смогут примириться с таким положением и будут делать всё, чтобы ослабить своего главного противника и перестать жить в вечном страхе...

Суммируя всю имеющуюся в нашем распоряжении информацию, секретную и не секретную, - продолжал он, - я должен тебе сказать: сейчас американцы особенно пристально следят за внутренним положением в Советском Союзе, ибо они пришли к выводу, что наша страна вступает в кризисную полосу своего развития. Кризис этот назревает в трёх сферах. Во-первых, наступает стагнация в экономическом развитии страны, советская экономика уже просто не в состоянии воспользоваться плодами мировой научно-технической революции. Во-вторых, в республиках Советского Союза набирают силу ростки национализма и в ближайшем будущем там проявятся сепаратистские тенденции. В-третьих, диссидентское движение в СССР, и в первую очередь в самой России, также набирает силу и становится необратимым явлением.

Признаться, тогда я сразу не поверил нашему резиденту в Вашингтоне, который разделял американские оценки, но, отдавая должное его опыту и убеждённости, довёл эти мысли до сведения руководства разведки и потом уже находил всё больше подтверждений этим прогнозам в нашей действительности.

Выходит, что американцы видели то, чего мы не замечали или не хотели замечать. Да и как было не запутаться, если на совещаниях в КГБ его руководящие работники делали победоносные заявления о том, что «с диссидентством в Советском Союзе покончено навсегда, а главный диссидент академик Сахаров давно уже превратился из авторитетного учёного в обычного московского юродивого». Горькая истина состоит в том, что отнюдь не Центральное разведывательное управление США и не его «агенты влияния в СССР» разрушили наше великое государство, а мы сами, и все наши высшие партийные и правительственные инстанции продолжали скакать на химерах, не хотели отличать мифы от реальностей и боялись проводить полнокровные демократические реформы, ничего не разрушая и никого не предавая. А вот Д.И.Якушкин всё это, кажется, понимал ещё тогда, двадцать лет назад, в 1978 году. Кое-что со стороны, из-за океана, проглядывалось лучше.

В разведке много было и есть прекрасных людей, подвижников, храбрых и даже легендарных личностей, но я хотел заселить свою книгу прежде всего теми из них, которые всегда были наполнены доброжелательностью - качеством, которое не измеряется метрами, градусами и килограммами.

На земле фараонов

Как выяснилось позднее, нам с женой очень повезло, что мы попали на работу в Египет. Несмотря на разные повороты и зигзаги, Египет всегда оставался главным центром политической, культурной и духовной

жизни арабского мира. Для становления молодых специалистов по арабским странам лучшего и желать было нельзя.

Выехали мы в Египет с трёхлетним сыном Сергеем в декабре 1954 года поездом Москва-Вена, а дальше должны были лететь самолётом в Каир.

Вена поразила нас сиянием огней, праздничностью, громадными магазинами, обилием товаров, какой-то лёгкой и радостной атмосферой, разлитой повсеместно. Конечно, праздник - канун Нового года - оживлял картину: всюду стояли нарядные ёлки, по улицам ходили Деды Морозы, играла музыка. Но откуда вдруг взялось это изобилие во всём?

В апреле 1945 года наша 103-я Гвардейская Краснознамённая ордена Кутузова II степени воздушно-десантная дивизия участвовала в боях на подступах к Вене, и я, старший сержант одного из её дивизионов, видел разрушенный, безлюдный город, где, казалось, все окна домов были забиты фанерой и досками...

И вдруг девять лет спустя такое сияние и великолепие. Это было непостижимо и не очень вязалось с образом загнивающего капитализма. Выражаясь языком современным, мы получили сеанс шоковой терапии и, не поняв толком, что к чему, прилетели из праздничной Вены в шумный Каир за два часа до наступления Нового года. Пока мы ожидали встречающих нас товарищей, сын успел испугаться громадного суданца-носильщика с полосами-насечками на щеках (признак принадлежности к определённому племени) и завопил впервые за всю дорогу: «Хочу домой, к бабушке!» Но к бабушке уже было поздно: за нами приехали, и мы помчались через весь тоже ярко освещённый Каир в квартал Замалек, где в скромном особняке на берегу Нила размещалось тогда наше посольство. Здесь уже шумел новогодний вечер. Сына уложили спать на диване в служебном кабинете, где в обществе своих товарищей по резидентуре мне предстояло проработать пять с лишним лет, а мы сами пошли к праздничному столу и на танцы.

В последующие дни снова был шок - теперь уже другого рода. Мы с женой обнаружили, что люди на улице говорят на каком-то мало понятном для нас языке - вроде бы и на арабском, а вроде бы и нет. Уж слишком египетский диалект был не похож на арабский литературный язык, который мы, судя по оценкам, успешно изучали в институте. Слава Богу, в ту пору в Каире многие представители интеллигенции наряду с английским знали и французский язык, и это вначале очень нас выручало.

Пока же мы ожесточённо зубрили диалект, ходили в кино, слушали радио, пользовались любой возможностью поговорить с египтянами, читали газеты и даже говорили по-арабски друг с другом. Года через полтора более или менее освоились и с диалектом, но всё равно для серьёзной работы с людьми, для бесед на сложные политические темы знаний языка не хватало. Не раз вспоминались слова Харлампия Карповича Баранова, нашего профессора, многолетнего заведующего кафедрой арабского языка в Московском институте востоковедения и

автора превосходного арабско-русского словаря: «Ничего... арабский язык труден только первые двадцать лет!»

Сейчас, конечно, учат лучше, используют не только книги, газеты, но и аудио- и видеотехнику. У нас ничего этого не было, и нам оставалось лишь на месте спешно доучивать язык.

С первых же дней мы с необыкновенной жадностью стали заводить знакомства среди египтян, сознавая, что страну можно понять лишь через людей. Со многими из этих первых знакомых мы поддерживали дружеские отношения долгие годы и в Каире, и в Москве. В основном это были литераторы, журналисты, политические и общественные деятели, люди симпатичные, без всяких религиозных и национальных предрассудков, большие патриоты Египта, сторонники египетско-советской дружбы. Это - «красный майор» Халед Мохи ад-Дин - бывший член Высшего революционного командования Египта и многолетний руководитель египетского Комитета сторонников мира; Лутфи аль-Холи - писатель и журналист; Ахмед Баха ад-Дин - один из ведущих журналистов, руководитель крупнейших египетских органов печати; Махмуд Амин аль-Алим - литературный критик и общественный деятель; Инжи Рушди - журналистка; Юсуф Идрис - тогда начинающий, а впоследствии крупнейший в арабском мире писатель. К нам в дом он попал сразу по выходе из тюрьмы, где сидел за левые убеждения. Произведения Идриса заинтересовали жену, она серьёзно занялась изучением его творчества и впоследствии написала о нём книгу.

Были и иные друзья, но поскольку интерес у меня к ним был и профессионального свойства, лучше умолчу о них. Хотя есть в этом какая-то вечная несправедливость: человек близок тебе, делится с тобой самым сокровенным, а говорить о нём ты ни с кем не вправе.

Чуть ли не в первый месяц пребывания в Египте мне несказанно повезло. Наши велосипедисты принимали участие в международных соревнованиях, старт которым был дан в Луксоре. Меня командировали туда как представителя посольства, чтобы участвовать в протокольных мероприятиях в связи с началом соревнований. При этом произошла какая-то путаница, несогласованность, и когда я прибыл в Луксор, велогонщики уже мчались на север, в сторону Александрии. С ними уехали и организаторы соревнований. В Луксоре я обнаружил только румынского посла и его жену, которые обрадовались мне, как близкому родственнику, тем более что кроме румынского и русского другими языками не владели и чувствовали себя неуверенно. Румыны, так же как и я, опоздали к началу соревнований. Старт, как выяснилось потом, был дан раньше, чем намечалось.

Решили воспользоваться случаем и познакомиться с Луксором. В глубокой древности здесь находились знаменитые Фивы с грандиозным храмом, статуями, обелисками, аллеями сфинксов.

Рядом был Карнак, а на другом берегу Нила - Долина царей - «город мёртвых» с захоронениями фараонов. Не стану подробно описывать эти

памятники мирового значения. Скажу только, что и румынская пара, и я были потрясены увиденным: громадные храмы подавляли своим величием - рядом с ними люди казались муравьями. А краски в гробницах фараонов пятитысячелетней давности выглядели так, словно их нанесли совсем недавно. Необыкновенно красив и Нил в своём среднем течении.

Я оказался совершенно не подготовленным к восприятию египетских древностей. Прочитать ничего не успел, и никто в посольстве не просветил меня на этот счёт. Да никто из посольства здесь тогда и не бывал: жили скудно, денег на командировки по стране не было. Всё увиденное быстро перепуталось в моей памяти, и по возвращении в Каир я не оставлял надежды на новое путешествие в эти места. Надежда сбылась лишь во время второй командировки в Египет, в начале 70-х годов. Уже лучше разбираясь в древнеегипетской истории, несколько раз я посетил и Асуан, и Луксор, и Долину царей. Адская жара, неутолимая жажда, пыль и песок на зубах не омрачали этих встреч с удивительным прошлым Древнего Египта.

Советская колония в Каире в первые два года нашего пребывания была маленькой, но на редкость дружной. Немногочисленные представители разведки хорошо вписались в коллектив посольства, ничем не выделялись - все жили одними интересами, да и по возрасту были близки. Многие дипломаты прошли через армию и фронт. Свободные часы мы проводили в спортивном клубе «Гезира», на волейбольной площадке, в экскурсиях по городу, на сцене клуба, участвуя в самодеятельности (вариации на темы Райкина, что-то из классики и, конечно, хоровое пение). Летом изредка выезжали на Средиземное или Красное море.

Каирские друзья и коллеги - Соболевы, Верещагины, Трохины, Петровские, Оганьянцы, Егоровы, Гнедых, Синельниковы, Разговоровы, Колесниковы, Барковские и другие - прочно вошли в нашу жизнь. Годы молодости, проведённые в тесном повседневном общении, не изглаживаются из памяти. Думаю, что каирский период имел особое значение для всех - он стал хорошей стартовой площадкой, вывел на большую дорогу жизни.

Объединяли коллектив посольства - не только по должности, но и по духу своему - супруги Киселёвы, Вера Федоровна и Евгений Дмитриевич - посол, блестящий дипломат, живой, обаятельный, отзывчивый на дружбу человек, большой знаток поэзии. Это был опытный и целеустремлённый посол. До Египта, ещё в довоенные годы, он работал в Германии, затем был генеральным консулом в Нью-Йорке и послом в Венгрии. Не будучи ближневосточником, Евгений Дмитриевич, опираясь на свой разносторонний опыт, быстро освоился с проблемами арабского мира. Находясь на посту посла СССР в Египте, он, конечно, делал всё возможное для улучшения советско-египетских отношений, но при этом не приукрашивал египетскую действительность и не идеализировал египетского руководителя Насера. Киселёв никогда не впадал в панику, быстро находил оптимальные решения самых сложных вопросов. Мне не

приходилось видеть его растерянным, не знающим, какой очередной шаг следует сделать в сложных советско-арабских делах. У него было чему поучиться, и по части дипломатической науки я больше всего обязан именно ему. Евгений Дмитриевич умер всего 54 лет от роду, когда был в Нью-Йорке, в должности заместителя Генерального секретаря ООН У Тана.

Чем занималась в этот период разведка? Возможно, ничего героического в её деятельности не было, но был каждодневный упорный труд, постоянный тщательный анализ событий, происходивших в самом Египте и вокруг него. Теперь можно сказать, что в египетских делах мы сумели тогда разобраться неплохо. Информация о внутренней и внешней политике Египта шла в Москву широким потоком. И если мы забирались с чёрного хода на кухню, где делалась политика, то не с целью причинить ущерб и плюнуть в котёл, а лишь для того, чтобы знать, что нас ожидает, и вовремя найти решение сложных проблем, постоянно возникавших в процессе развития советско-египетских отношений.

Мы никогда не ставили своей целью ориентировать Египет исключительно на дружбу с Советским Союзом, хорошо понимая связанность Египта с арабским миром, с Африкой, с западными странами. Этот реалистический подход дал свои результаты. Несмотря на перепады в отношениях, тесное партнёрство между СССР и Египтом получило прочную основу на долгие годы, и взаимные симпатии наших народов по мере узнавания друг друга укреплялись. Есть все основания утверждать, что в создание таких важнейших для египетской экономики объектов, как Асуанская плотина и металлургический комбинат в Хелуане, внесла свой вклад и разведка.

У истоков взаимного доверия

Прибыл я в Египет с большим желанием разобраться, что собой представляет новый режим Гамаля Абдель Насера. Тут имело место полное совпадение служебных и личных интересов. Центр ставил перед резидентурой задачу освещать также политику США, Англии и Франции по отношению к Египту. С каирской вышки надлежало давать информацию об обстановке в арабском мире и в Африке.

Принимая во внимание мой возраст, некоторый жизненный опыт и энергичную работу в Центре, начальство рискнуло направить меня в Каир сразу заместителем резидента. Случай редкий, даже по тем временам. Я более чем ясно понимал, что мне необходимо, выражаясь казённым языком, оправдывать оказанное доверие. Поэтому нетерпеливо «бил копытами и рвался в бой». Мои настроения совпали с планами резидента - моего учителя Викентия Павловича Соболева, который сразу же бросил меня на серьёзные дела. К работе с переданной мне на связь агентурой я старался относиться самым добросовестным образом, но мне хотелось и своих приобретений и не просто лишь бы «поставить палочки», то есть официально оформить приобретённые источники информации, а

проникнуть в окружение Насера. Для этого надо было вертеться, искать предлоги для посещения правительственных учреждений, бывать на дипломатических приёмах, на различного рода культурных мероприятиях, выставках, лекциях, собраниях писателей, журналистов, артистов... Искать, искать, всюду искать нужных людей. На одном из приёмов в нашем посольстве я познакомился с тремя молодыми египетскими офицерами. Они явились в штатской одежде, чтобы понаблюдать, что такое советское посольство изнутри, и посмотреть, какие люди там собираются. Знакомство это удалось продолжить и закрепить, а затем и разобраться по своим каналам, что собой представляют эти люди. Выяснилось, что все они близки к Насеру и в недавнем прошлом - активные участники организации «Свободные офицеры», подготовившей и совершившей революцию 23 июня 1952 года.

Получив такие данные, я стал целенаправленно развивать отношения с одним из этой троицы, не прерывая контактов с двумя остальными. Основой для сближения был взаимный интерес египтянина к СССР и мой к Египту, а также разочарование моего нового знакомого отношением США и Англии к режиму Насера.

Короче говоря, этот человек довольно быстро стал другом нашей семьи и достаточно откровенно делился интересной информацией. Она была ценна тем, что в тот период ни МИД, ни разведка, ни военные коллеги ещё не разобрались, куда Насер намерен вести свою страну. Более того, советский посол Даниил Семёнович Солод, предшественник Киселёва, настороженно относился к новому режиму и склонен был считать Насера и его команду националистами реакционного толка. Очевидно, сказывалось то обстоятельство, что сотрудники посольства имели контакты в основном со своими коллегами по дипкорпусу, где в то время преобладало негативное отношение к новому режиму.

Чтобы разобраться в египетской действительности и установить непосредственный контакт с Насером, в мае 1956 года в Каир прибыл бывший тогда секретарём ЦК КПСС и главным редактором газеты «Правда» Д.Т.Шепилов, о котором позднее в шутку говорили как о человеке с самой длинной в СССР фамилией - «и примкнувший к ним Шепилов» (речь шла о так называемой фракционной группировке в партии, противостоящей Н.С.Хрущёву).

В Москву из разных стран доходили сведения о том, что у Насера не складываются отношения с США и Англией, и при нашем тогдашнем противоборстве с этими странами в условиях «холодной войны» был большой соблазн сблизиться с Египтом и сделать ход конём в тылы НАТО и Багдадского пакта.

Шепилов в категорической форме поставил перед Солодом задачу срочно организовать ему встречу с Насером. Посол ответил, что египтяне вряд ли дадут согласие на эту встречу, но что он, конечно, попытается сделать всё возможное через МИД Египта.

Прошло два или три дня, но ответа из МИД не поступало. Тогда

Шепилов собрал дипломатов и в пух и прах раскритиковал работу посольства за то, что оно не имеет необходимых контактов с египетскими властями. Больше всего шишек досталось, конечно, послу. В заключение своего монолога Шепилов поставил неожиданный вопрос: кто из дипломатов может способствовать его встрече с Насером, так как у него остаётся лишь два дня пребывания в Египте?

В это время, по стечению обстоятельств, в Каире в командировке оказался заместитель начальника разведки Ф.К.Мортин. Он знакомился с этим районом и после пребывания в ряде арабских стран приехал в Египет. Мортин собрал сотрудников резидентуры и поставил задачу - сделать всё возможное и невозможное, чтобы помочь Шепилову в осуществлении его миссии. Договорились, что попытаюсь это сделать я.

Домашнего телефона и адреса своего вышеупомянутого друга я не знал (он мне не давал их сознательно, из соображений предосторожности), а его рабочие телефоны не отвечали. Я кинулся к каирским телефонным справочникам, чтобы попытаться найти там нужные сведения, но тщетно. Наконец мне пришла в голову мысль поискать его адрес и телефон в старых, дореволюционных справочниках, благо они сохранились в нашей канцелярии. И вот наконец удача... Нужный адрес нашёлся.

С моим другом Сергеем Сармановым мы помчались в отдалённый район Каира и в первом часу ночи нашли нужный нам дом. Однако самого хозяина не было дома: то ли он работал, то ли развлекался где-нибудь... Мы попросили бав-ваба (привратника) сообщить о нашем визите по срочному делу и сказали, что через некоторое время приедем снова. Так мы и ездили в этот дом целую ночь и застали моего друга лишь под утро, часов в шесть или семь. Я рассказал ему, расписывая, как только было возможно, насколько важна встреча Шепилова с Насером для будущих отношений между нашими государствами, и убеждал его оказать решительное содействие в этом деле. Выслушав мою взволнованную речь, собеседник в конце концов понял серьёзность моего обращения и обещал дать ответ по телефону в начале десятого утра. Так и случилось. В 9.30 я получил положительный ответ и побежал в кабинет посла.

Там все уже собрались и атмосфера была накалённой. Шепилов, крупный мужчина, зло ходил по кабинету и хлестал посла жёсткими и обидными словами. Посол оправдывался, как мог, и объяснял всё недоброжелательностью к нам египетского руководства.

- Дмитрий Трофимович, - сказал я, - в десять ноль-ноль за вами прибудет президентский кортеж для сопровождения к Насеру.

Последовала немая сцена, а затем общий вздох облегчения. Вот таким образом удалось организовать первую встречу Насера с доверенным представителем Н.С.Хрущёва, положившую начало нашим тесным отношениям с Египтом. Конечно, это сближение на каком-то этапе всё равно бы произошло, но тогда, оказавшись в самом центре событий, я воспринимал всё по-другому и испытывал большое удовлетворение от

нашей работы.

Вскоре после возвращения из Египта Шепилов стал министром иностранных дел СССР (июнь 1956 г. - май 1957 г.) и на своей первой встрече с активом МИД рассказал, какие бывают странные послы, не имеющие контактов с руководителями страны, и какие бывают проворные атташе, роющие ходы в нужных направлениях. На некоторое время я стал популярным человеком в коридорах Министерства иностранных дел и Первого главного управления. В дальнейшем, пока не приехал новый посол Евгений Дмитриевич Киселев, через нашего египетского друга и доброжелателя в течение нескольких месяцев поддерживались наиболее важные контакты с Насером, особенно по вопросам военного сотрудничества.

После прибытия в Египет Е.Д.Киселева тесные отношения с Египтом приобрели открытый характер, разносторонние связи с Египтом стали быстро набирать силу. Помимо посольства и торгпредства в Каире открылись, консульства в Александрии и Порт-Саиде. Преодолевая многочисленные трудности, удалось создать и небольшой культурный центр посольства в одном из торговых районов столицы. Первым его директором был энтузиаст арабистики, впоследствии доктор филологии Павел Георгиевич Булгаков. Начал функционировать представитель Государственного комитета по внешнеэкономическим связям. Сотрудники посольства занялись поисками участка для строительства нового здания советского посольства. В Каир ринулись советские корреспонденты, и два года спустя после визита Шепилова у нас уже были корпункты чуть ли не всех центральных газет. Как шутили сами журналисты, «в Каире сейчас представлена вся советская пресса, кроме „Пионерской правды» и „Мурзилки»«.

В начале 50-х годов египетская общественность ещё очень мало знала о Советском Союзе. Информация о нашем государстве поступала в Египет лишь из западных источников. Первую в Египте книгу под названием «Месяц в России» написал о Советском Союзе Ахмед Баха ад-Дин, который с группой журналистов провёл в нашей стране около месяца. Побывав в республиках и областях, он честно описал всё виденное и слышанное. Египтяне были поражены тёплым приёмом и добрым отношением к ним со стороны простых граждан и официальных властей.

Дотошные журналисты старались проникнуть всюду и побеседовать с возможно большим числом советских людей. В каждом городе ходили они и по магазинам, и по базарам.

Вместе с Баха ад-Дином в составе группы была известная журналистка Инжи Рушди. На базарах сердобольные , торговки маслом, молоком и сметаной, принимая элегантную худощавость египтянки за крайнюю степень дистрофии, несколько раз пытались угощать её сметаной.

Широкое распространение в Египте книги «Месяц в России» в

середине 50-х годов свидетельствовало о возросшем интересе египтян к Советскому Союзу.

Между тем более чем скромное здание советского посольства в Замалеке буквально было переполнено людьми, а новые сотрудники всё прибывали и прибывали. К знакомым и общепринятым дипломатическим должностям прибавлялись какие-то совсем необычные: советник по сельскому хозяйству, советник по атомной энергетике. Работа, впрочем, находилась всем. Советское посольство стало местом паломничества египтян. Официально пропагандируемая советско-египетская дружба как бы сняла все запреты на посещение иностранного посольства, и мы целый день принимали посетителей, разбирали письма, поступавшие к нам во всё увеличивавшихся количествах, работали с многочисленными советскими делегациями.

Бурное развитие отношений носило, надо сказать, довольно неорганизованный характер. Трудно было в этом хаосе выделить действительно важные и полезные для государства дела. Но, так или иначе, посетителей всё равно нужно было принимать, нужно было и читать письма, среди которых было много невразумительных и просто малограмотных. Значительная доля посещений и письменных обращений была связана с мольбами о помощи и просьбами о лечении в Советском Союзе. Самыми распространёнными болезнями в Египте тогда были глазные. Даже в местных изречениях и пословицах эта печальная сторона египетской жизни нашла своё устойчивое отражение: «Кривой среди слепых - султан», «На двух египтян приходятся три глаза»... В маленькую приёмную посольства приходили слепые, хромые и убогие и показывали свои болячки. Один посетитель порядочно перепугал меня, неожиданно показав то, что надлежало показывать венерологу.

Конечно, помочь всем страждущим посольство не могло, хотя очень незначительную часть из этой армии обездоленных с течением времени удавалось всё же направить на лечение в Советский Союз. В корреспонденции в основном также содержались просьбы о помощи. Отвечать на эти письма, разумеется, не было никакой возможности, но прочитать их всё равно было необходимо, а разбирать эти каракули приходилось с большими усилиями, до боли в глазах.

Попадались среди писем и удивительные просьбы и предложения... Одно письмо, написанное чётким и красивым почерком, повествовало о проблеме производства тарбушей (высоких малиновых фесок с чёрной кисточкой) в Египте, которое, по словам автора, грозило совсем зачахнуть. Письмо явно было написано профессиональным писцом. В ту пору они во множестве сидели со своими ящиками вокруг различных государственных учреждений и составляли письма и прошения для неграмотных египтян, которых было в стране большинство. Чаще всего писцы гнездились у стен судов и почтамтов.

А проблема тарбушей (они были унаследованы от времён османского господства) состояла в том, что раньше их носило почти всё мужское население Египта, в том числе военнослужащие и чиновники. После же

революции 1952 года тарбуши как атрибут военной формы были отменены и вообще мода на них резко пошла на убыль. И вот автор письма - хозяин мастерской по пошиву тарбушей - доказывал необходимость сохранить своё производство и просил советское правительство о срочной финансовой помощи, чтобы не дать погибнуть этому важному для Египта ремеслу.

Запомнилось и другое удивительное письмо. Его автор сердечно благодарил советское правительство за решительный вклад в прекращение «тройственной агрессии» против Египта, воздавал должное мужеству и благородству советских людей и сообщал, что у него родился мальчик, одиннадцатый ребёнок в семье. В честь советского премьера он назвал мальчика Булганин. А поскольку содержать свою семью он не может по причине крайней бедности, он дарит своего ребёнка правительству Советского Союза. В конце письма указывался адрес, по которому посольство могло получить мальчика в любое удобное для него время.

Много было страданий, нищеты и убожества в прежнем Египте!

Однако самыми поразительными во всей этой египетской действительности были, конечно, удивительная жизнестойкость египтян, их любовь к шутке, тяга к острому слову, какой-то непостижимый наивный оптимизм. Мне кажется, что эта национальная черта египтян вообще не поддаётся разгадке.

Шагнувшие с портретов

Человек из провинции, солдат, а затем студент, я никогда не имел контактов с людьми известными и ничего не знал о высших эшелонах власти. Члены Политбюро ЦК ВКП(б) представлялись мне людьми неземными, корифеями, вождями, полубогами и, естественно, живыми соратниками Ленина.

И вот совсем неожиданно я увидел их почти всех вблизи. Вся когорта в полном составе, за исключением Сталина и Берии, предстала передо мной на приёме в Кремле по случаю пребывания в Союзе наследного принца Йеменского Мутаваккилийского Королевства эмира Сейф аль-Ислама Мухаммеда аль-Бадра в июне 1956 года.

Принц, облачённый в красивое национальное одеяние, затравленно смотрел своими выпученными глазами на кремлёвское великолепие, на сотни людей, его окружавших. И действительно, было от чего прийти в замешательство, учитывая, что это был первый визит аль-Бадра за пределы арабского мира. Да и образование у него в полном смысле было церковноприходское: он окончил существовавшую в Йемене четырёхлетнюю школу - кажется, «Ахмадию», - где сыновья состоятельных людей изучали Коран, арабский язык и арифметику. Учебных заведений более высокого уровня тогда в стране не было. Для принца наш мир казался, конечно, далёким и малопонятным.

Я сопровождал аль-Бадра, водил его от одного деятеля к другому и переводил беседы, большей частью самого банального содержания. Вожди спрашивали: «Как доехали?», «Как ваше самочувствие?», «Как поживает Его Величество господин король?», «Как вам наша погода?», «Нравится ли вам русская кухня?», «Куда ещё вас повезут?» и так далее. «Как доехали?» На этот вопрос сразу и не ответишь. Был долгий путь от тогдашней столицы Йемена Таиза до Каира со многими остановками, а в Каире йеменцев посадили на наш «Ил-14» и в полубессознательном состоянии из-за тряски и качки доставили в Симферополь. Пока йеменцы приходили в себя после изнурительного перелёта, я высунулся из самолёта и попал под град вопросов со стороны встречавшего йеменцев Сидора Артемьевича Ковпака, легендарного партизанского командира, дважды Героя Советского Союза и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Украины.

- Товарищ сопровождающий, - обратился он ко мне, - мы никогда не принимали таких диковинных гостей. Как с ними обходиться? Что с ними делать? Мы вот обед для них приготовили.

- Они прежде всего мусульмане и строго выполняют свои религиозные предписания. Поэтому не надо предлагать им спиртные напитки и свинину.

- Да. По этому вопросу, - вздохнув, сказал Ковпак, - мы уже получили указание из Москвы. А самим-то нам можно выпить?

- Самим - можно, - разрешил я, очевидно, превысив свои полномочия.

Обсудили ещё какие-то детали, пока йеменцы не пришли окончательно в себя от перелёта и не стали медленно выбираться из самолёта. Воздухоплавателями они оказались никудышными и из-за непривычки к полётам, и из-за слабого физического развития.

Наконец я собрал всех вместе, познакомил с Ковпаком, и мы отправились в какой-то зал обедать. Здесь и произошёл весьма крупный конфуз... Всего инструкции из Москвы предусмотреть не могли.

У банкетного зала нас ожидали дородные женщины - члены ЦК компартии Украины, депутаты Верховного Совета УССР, знатные доярки, знатные учительницы, знаменитые учёные. Все они были одеты в яркие праздничные платья, а на их могучих грудях сверкали золотом и серебром Звёзды Героев, ордена, медали и депутатские значки. Самые красивые девушки вручали хлеб-соль и звенели монистами. Местный протокол уже побеспокоился о том, чтобы справа и слева от каждого малорослого йеменца сидели знатные женщины Украины.

Я же сидел весь красный и потный, сгорая от стыда и проклиная всё на свете, ибо более дикой ситуации невозможно было себе и представить. Как известно, в Йемене женщины с открытым лицом на людях вообще не появляются. Сидеть с женщинами за одним столом - дело невозможное, непристойное и противоестественное в Йемене до сих пор.

Находясь в счастливом неведении относительно этих порядков,

знатные женщины Украины, выпив по чарке и разобравшись с моей помощью, что половина свиты аль-Бадра - полковники и подполковники, стали приставать к ним, несмотря на полученные инструкции, с предложениями выпить чего-нибудь, используя примерно такие аргументы: «Раз ты подполковник, то не имеешь права отказываться от горилки, когда тебе предлагает женщина». Да они, может, и выпили бы, бедные, но не на глазах же всего общества!

Кстати говоря, накладок, проколов и разного рода казусов с йеменской делегацией было много, всех не перечислишь. На второй день после прибытия делегации в Советский Союз все газеты опубликовали состав сопровождавших аль-Бадра лиц, где были основательно перепутаны и должности, и имена. Путаница могла произойти из-за ошибок технического порядка, из-за трудностей в написании арабских имён, а также из-за не очень чёткого толкования самими йеменцами должностей, которые они занимали в своём королевстве.

Мои попытки восстановить точное написание имён и должностей вызвали у протокола МИД СССР глухое непонимание, а ответ на мои предложения я получил очень чёткий: «Раз „Правда» так написала - значит, так и будет впредь». И действительно, все газеты Советского Союза повторяли изо дня в день напечатанный в «Правде» вариант. Ущерба, однако, это никому не нанесло: йеменцы совершенно не интересовались, что и как о них пишут и пишут ли вообще. В других случаях бывало хуже. Вспомним, что новатор в угольной промышленности Никита Изотов, получивший всесоюзную известность в 1932 году, был, как выяснилось впоследствии, вовсе не Никита, а Никифор, но раз «Правда» напечатала... Так он и скончался «нереабилитированным», а тут какие-то йеменцы...

На торжественном приёме в Кремле йеменцы чувствовали себя много лучше, поскольку там были одни мужчины. Я ходил с аль-Бадром и знакомил его с ожившими вдруг портретами. Только оригиналы оказались и постарше, и как-то пожелтей и поодутловатее. Большинство из них, надо полагать, уже предчувствовало свой близкий уход с политической сцены.

Молотов, Каганович, Маленков выглядели невесёлыми, были неразговорчивы, не проявляли особого интереса к заморским гостям и обращались к ним с самыми банальными фразами. Никакой гениальности от оживших портретов не исходило, и я как-то вдруг понял, что они - обыкновенные люди и, скорее всего, не самые счастливые на этой земле.

В отличие от большинства лиц в этой портретной галерее, пожалуй, только Хрущёв и Булганин производили впечатление подвижных и энергичных. И на приёме, и на переговорах Булганин очень ловко вёл беседы, уходил от просьб о помощи, причём делал это так умело, что собеседники оставались довольны. И Хрущёв, и Булганин со вкусом беседовали с иностранными гостями и как бы ощущали перед собой большую жизненную перспективу. Ворошилов тоже проявлял активность и старался держаться на переднем плане.

На этом приёме у меня произошли мелкий инцидент с Молотовым и недоразумение с Хрущёвым.

Молотов был задумчив и неразговорчив, выглядел неважно: лицо жёлтое, и на лбу какая-то шишка.

Нарядный принц аль-Бадр не вызвал у него никаких эмоций, даже элементарного любопытства. После двух-трёх фраз наступила пауза. Аль-Бадр, надо сказать, сам вообще не проявлял никакой активности в разговорах - он просто не знал, о чём можно говорить, а Молотов глухо молчал. Тогда, чтобы как-то исправить положение, я спросил:

- Вячеслав Михайлович, может быть, предложить Его Высочеству соку? Недобро блеснув стёклами пенсне, Молотов раздражённо бросил:

- А вы что, сами не знаете, что делать? Первый раз, что ли?

А я действительно впервые присутствовал на приёме в Кремле, но глава советской дипломатии не мог, видимо, предположить, что к нему допустят какого-то новичка.

Н.С.Хрущёв уделил принцу аль-Бадру значительно больше внимания, чем остальные, и здесь я приобрёл первый боевой опыт по части переводов ему на встречах с арабами. Второй опыт, более продолжительный и серьёзный, был в 1958 году во время первого визита Гамаля Абдель Насера в СССР.

Н.С. Хрущёв, всем улыбаясь и со всеми раскланиваясь, расспрашивал аль-Бадра о его отце - имаме Ахмаде, о Йемене, о йеменско-египетских отношениях, высказывался о будущем советско-йеменском сотрудничестве и, в частности, заявлял о желательности скорейшего обмена дипломатическими представителями. Об этом шла беседа и во время официальных переговоров. Была достигнута договорённость об учреждении посольств в Таизе и Москве в течение 1958 года. Собственно, в достижении этой договорённости и был главный смысл визита аль-Бадра в Советский Союз.

Хрущёв внимательно следил за реакцией аль-Бадра при ответах на заданные ему вопросы, изучал своего собеседника, пытался понять, что он за человек.

Во время беседы к нам подошёл разбитной господин высокого роста и начал на ломаном русском языке рассказывать Хрущёву о своей поездке в Грузию. Он практически оттеснил аль-Бадра, который отошёл к своей делегации, и полностью завладел Хрущёвым. Последний обратился ко мне:

- А с этим вы сможете переводить?

Я ответил, что если господин владеет французским, то смогу. Выяснилось, что собеседник говорит по-французски. Он сообщил, что только что вернулся из Грузии и хотел бы поделиться впечатлениями. Хрущёв проявил заинтересованность, и его собеседник с большим ехидством начал рассказывать о том, что Грузия весьма странная

республика. На полях трудятся только женщины, а мужчины в это время отдыхают, ведут неторопливые беседы или в крайнем случае заняты торговлей на базаре. В Грузии свои особенные порядки, свои традиции, а главное - он-де не заметил там никаких признаков социализма ни в общественном сознании, ни в практических делах граждан республики.

«Ну, - подумал я про себя, - сейчас Хрущёв врежет ему за клевету на Грузию». А Никита Сергеевич, выслушав всё это, добродушно засмеялся и сказал:

- Не знаю, не знаю... Я ведь, знаете, никогда не бывал в Грузии.

Беседа продолжалась ещё несколько минут на другие темы. По её окончании я спросил Хрущёва, кто был наш собеседник. Он ответил, что это временный поверенный в делах США, и назвал его фамилию. Я задал вопрос:

- Никита Сергеевич, мне следует записать вашу беседу?

- Я тебе Запишу, вот ещё нашёлся писатель! - последовал ответ.

Так, получив две оплеухи от высших руководителей страны, я одновременно приобрёл богатый опыт дипломатического протокола на приёмах государственного уровня. Пребывание на Олимпе имело неожиданный результат: я как-то сразу излечился от болезни преклонения перед высшими авторитетами, убедившись на личном опыте, что это обычные люди, жизнь которых сложилась, однако, в силу обстоятельств особым образом. Они стали пленниками своего положения, рабами собственной власти, но при этом не стали ни культурнее, ни образованнее, ни, уж конечно, деликатнее. Уважение к ним всё же осталось, хотя трепет и восторги улетучились.

Потом я всю жизнь искал интересных и знающих людей, живых в общении, таких, кому хотелось бы подражать, изучать их, чтобы самому обогатиться. И, слава Богу, такие люди встречались на моём пути.

Тройственная агрессия

Мне часто приходилось отвечать на вопрос, знала ли советская разведка о том, что Англия, Франция и Израиль готовят войну против Египта в качестве возмездия за национализацию Суэцкого канала.

Ответ был таков: знала. Сведения о приготовлениях к войне в этих странах поступали регулярно. Можно было давать им разную оценку: точные, достоверные, вероятные или сомнительные, - но суть в данном случае была в другом. Имела место полная убеждённость руководства разведки и нашей каирской резидентуры, что война будет неминуемо, ибо Запад рассматривал национализацию Суэцкого канала как вопиющее нарушение всех международных правил, порядков и договорённостей.

Таким образом, для руководства СССР тройственная агрессия не была неожиданностью, и оно имело возможность просчитать все варианты развития событий и подготовиться к необходимым демаршам.

В этот период резидентом внешней разведки в Каире был Викентий Павлович Соболев, и он неоднократно направлял в Москву солидную информацию в подтверждение сразу сделанного вывода о том, что войны избежать не удастся.

Но сначала о самом Суэцком канале. Общеизвестна фраза отца истории Геродота: «Египет - дар Нила». Да, Нил даёт Египту жизнь. Не было бы Нила - не было бы и Египта. К этому ёмкому определению мне всегда хотелось добавить, что в современных условиях Египет - это дар Нила и творение рук человеческих - Суэцкий канал. Суэцкий канал для Египта - источник больших валютных поступлений в государственную казну. Накануне тройственной агрессии сумма доходов от канала в иностранной валюте примерно равнялась сумме, выручаемой Египтом от продажи за границу знаменитого длинноволокнистого хлопка, или сумме доходов от иностранного туризма.

Приносить прибыль Суэцкий канал стал, конечно, не сразу. Вначале, во время его строительства, он забирал жизни египетских феллахов, а затем, в период борьбы Англии и Франции за влияние в Египте, началось и ограбление египетского государства. В соперничестве двух держав немаловажное значение имело то, в чьих руках находились акции Компании Суэцкого канала.

Сооружение канала, освоение приканальной зоны открыли Египет для внешнего мира, стратегическое и экономическое значение страны возросло, и это усилило борьбу между Англией и Францией за установление своего господства над ней. Преуспевала, однако, в этом деле больше Англия, которая в 1882 году осуществила полную военную оккупацию Египта.

Накануне национализации Суэцкий канал представлял собой государство в государстве, будучи по существу иностранной собственностью на территории Египта. После национализации канала Англия и Франция с их тогдашней имперской психологией решили проучить Египет, отвоевать канал, а Израиль стал их естественным союзником, ибо его руководители видели в лице Насера главную угрозу своей безопасности.

Интересна история Суэцкого канала сама по себе. Канал уже был однажды прорыт - во времена фараонов. Конечно, это не был канал в его современном виде. Это была скорее примитивная система, позволявшая по озёрам и соединявшим их протокам проходить из Средиземного в Красное море мелким судам с небольшой осадкой. Во время последующих вторжений в Египет различных завоевателей он пришёл в упадок и окончательно был разрушен по приказу халифа аль-Мансура в 767 году.

Идея прорытия канала заново возникала, конечно, во все времена. Но наиболее активно она стала будоражить умы в начале XIX века. Существует правдоподобная легенда о том, как французский инженер-предприниматель Фердинанд Лессепс пришёл к решению о строительстве канала. В 1832 году он был назначен на должность вице-консула Франции

в Александрии. Его прибытие к месту работы совпало с эпидемией холеры в Египте, и он не мог сойти с корабля из-за объявленного карантина. Отсиживаясь на борту, Лессепс стал читать все имевшиеся в его распоряжении книги. Здесь он случайно и наткнулся на книгу математика Лепера с расчётами строительства канала через Суэцкий перешеек. После знакомства с этой книгой сооружение канала стало главной целью жизни Лессепса.

О Суэцком канале, его роли и значении в жизни Египта и других стран написано много серьёзных исследований. Англичане даже свою колониальную политику измеряли по Суэцу - «политика к востоку от Суэца», например.

Обстановка в Египте перед национализацией канала была тревожной. Внешняя и внутренняя политика Насера вызывала большую насторожённость на Западе. США, Англию, Францию и Израиль крайне беспокоили новые связи Египта с Советским Союзом по военной линии. СССР собирался начать поставки оружия, в страну стали прибывать первые военные специалисты. Соблюдая осторожность (конечно, это было шило в мешке), первые наши военные ехали в Каир с чехословацкими паспортами. Как раз мне пришлось наведываться в чехословацкое торгпредство и организовывать контакты прибывших с египтянами. Такая практика носила кратковременный характер ввиду её полной бессмысленности.

США, Англия и, естественно, Международный банк реконструкции и развития отреагировали на начало военного сотрудничества между СССР и Египтом привычным способом. 19 июля 1956 года госсекретарь США Дж.Ф.Даллес заявил египетскому послу в Вашингтоне, что США отказываются от ранее данного обещания предоставить кредиты и оказать содействие в строительстве Асуанской плотины. Вслед за этим последовали аналогичные отказы со стороны правительства Англии и Международного банка реконструкции и развития.

Следующий ход был за Насером. Он начал срочную подготовку к национализации Суэцкого канала. Подготовка эта, надо отдать должное египтянам, осуществлялась в глубокой тайне и весьма квалифицированно. Идея национализации зрела у Насера уже давно, и он позаботился о том, чтобы в зону канала на работу во Всеобщую морскую компанию Суэцкого канала было направлено как можно больше египтян с хорошим образованием. Возглавлял операцию грамотный и энергичный офицер Махмуд Юнис. Интересная деталь: Махмуд Юнис настолько тщательно разработал операцию по взятию канала под свой контроль, что на каждого иностранца - служащего компании был заранее подготовлен египтянин соответствующей квалификации. Не хватало, правда, своих лоцманов. На замену лоцманов компании в дальнейшем прибыли специалисты из дружественных Египту стран, в том числе из Советского Союза. Не обошлось и без спектакля: 26 июля 1956 года Насер произносит патриотическую речь в Александрии, убедительно обосновывает принадлежность канала Египту, упоминает в качестве пароля имя

Лессепса, а в этот самый момент Махмуд Юнис начинает операцию. Впоследствии Юнис стал первым директором национальной Компании Суэцкого канала, а в 1966 году был назначен заместителем премьер-министра Объединённой Арабской Республики: Англия, Франция и Израиль стали готовиться к войне против Египта, а наша резидентура - давать интенсивную информацию по всем проблемам, связанным с неминуемой войной.

Тройственная агрессия началась 29 октября 1956 года с выступления Израиля, и хотя она и для нас, и для египтян не была неожиданной, столь жестоких бомбардировок англичанами Каира и Александрии никто не ожидал. Эти бомбардировки длились пять дней, начиная с 31 октября. А затем английские и французские войска захватили зону Суэцкого канала.

Армия и народ встали на защиту Египта, а героическую оборону Порт-Саида египетские политики, историки и журналисты в дальнейшем стали сравнивать с обороной Сталинграда.

Посольство СССР в Каире, военные коллеги и резидентура внешней разведки заработали в военном режиме. От нас требовалась постоянная информация о развитии событий. Радисты и шифровальщики (тогда было ручное шифрование) выбивались из сил, работая в тесных душных каморках, а оперативные работники продолжали бесконечные выезды в город, в том числе и в район аэродрома, для сбора информации.

Фары посольских автомашин были закрашены в синий цвет, а на переднее и заднее стёкла по указанию египетской администрации наклеивалось изображение советского государственного флага. Эта рекомендация была далеко не лишней, так как разъярённые толпы египтян вылавливали в городе европейцев, устанавливали их национальную принадлежность и, случалось, избивали англичан, французов и евреев. Первые дни и нам приходилось туго. Экспансивные египтяне, размахивая кулаками, гневно кричали: «Русские, где ваши самолёты?», «Где ваше оружие?», «Где ваши солдаты?», «Почему Россия не спасает Египет?» В тот период подобные претензии мне были непонятны, но в дальнейшем, пережив ещё две войны в Египте, я уже не удивлялся подобным возгласам.

Сколько будет длиться война, никто, естественно, не знал, и встал вопрос об эвакуации жён и детей сотрудников советских учреждений в Египте. Все были заняты войной, и договориться об эвакуации было трудно.

С большими усилиями через свои связи в Министерстве внутренних дел Египта мне удалось получить один вагон для членов наших семей. Для моей семьи эта эвакуация была как острый нож в сердце. На руках у жены были пятилетний сын и годовалые дочери-близнецы.

От Каира до Асуана наши семьи ехали поездом, постоянно опасаясь бомбёжек. От Асуана до Вади-Хальфа (граница с Суданом) - на допотопном пароходике с прицепленной к нему баржей, а затем до Хартума - самолётами. Из Хартума жён и детей стали направлять

различными рейсами в Европу, и около десяти дней мы вообще не имели о них никаких известий. Но в конце концов всё обошлось благополучно, только старая няня в Москве, увидев наших детей после этого путешествия, воскликнула с сожалением: «Ой, какие худые, ну прямо колхозные курчата!»

Когда выезжать в город было категорически запрещено египетскими властями, мы вылезали на крышу посольства и пытались установить, где бомбят, что бомбят и какова сила бомбовых ударов.

Когда же прозвучал выдержанный в жёстких и решительных тонах так называемый «ультиматум Булганина» и агрессоры решили отступить, ситуация для нас изменилась коренным образом. Н.А.Булганин в то время был Председателем Совета Министров СССР. 5 ноября 1956 года возглавляемое им правительство направило правительствам Великобритании, Франции и Израиля резкое послание с требованием прекратить вооружённую агрессию против Египта. Советское предупреждение подействовало. Вывод войск Великобритании и Франции закончился 22 декабря 1956 года, а Израиля - 7 марта 1957 года.

Мы сразу обрели статус спасителей Египта и его лучших друзей. Однажды мой небольшой «остин» с изображением двух флагов СССР на стёклах толпа приподняла и несколько метров пронесла вместе со мной. Горячую восторженность египтян испытали на себе даже русские эмигранты, покинувшие родину после Октябрьской - революции. Нина Александровна Бруксер, случайно оказавшаяся в эмиграции и посещавшая все культурные мероприятия в посольстве, рассказывала, что толпа египтян долго несла её на руках, узнав, что она русская.

А ещё один русский по фамилии Дмуховский, штабс-капитан белой армии, сразу после тройственной агрессии исчез из Египта. Это был непримиримый враг советской власти, злобу свою не скрывал и занимался тем, что выискивал в городе советских граждан («Я вас сразу узнаю, - хвастался он, - по широким штанам и по длинным шнуркам, свисающим с ботинок») и начинал сладострастно рассказывать с мельчайшими подробностями, как он пытал, а потом вешал большевистских комиссаров.

Так я ещё раз после Великой Отечественной встретился с войной. Не та, конечно, война, но всё равно война, и на ней тоже нужно было сохранять и самообладание, и расторопность и работать круглые сутки. Тогда мы не знали, что впоследствии наше участие в этих делах получит название «выполнение интернационального долга» и что государство нас за это как-то отблагодарит. В дальнейшем в моей жизни будут ещё две войны в Египте и тяжёлая афганская эпопея.

В условиях кризиса одни люди сразу находят себе полезное дело, а другие, не зная, чем заняться, собираются в кучки, курят и ждут распоряжений от начальства.

Сотрудники советской разведки, пройдя через многие кризисы и войны, научились работать в экстремальных ситуациях чётко, слаженно и бесперебойно. Для этого потребовалось, конечно, время, нужно было

критически осмыслить прошлый опыт - и сейчас у нас есть и методика, и планы действий на случай возникновения кризисных ситуаций. Хотелось бы, однако, чтобы их было всё же поменьше.

Суэцкий канал живёт, модернизируется, расширяется и углубляется. Если подъехать к каналу, когда по нему проходит караван кораблей, и остановиться на некотором удалении, то открывается удивительное зрелище. Самого канала ещё не видно, а корабли, словно поставленные на колёса, медленно движутся среди песков на фоне Синайской пустыни. Красиво и загадочно!

Йеменское средневековье

В практике дипломатической да и разведывательной работы у каждого, я уверен, создаются необычные ситуации, в том числе и комического свойства. У меня, пожалуй, больше всего их связано с Йеменом, а точнее, со старым Йеменом, когда он назывался Йеменским Мутаваккилийским Королевством.

Дело в том, что по приезде в Каир при распределении служебных обязанностей «по крыше» (так несколько вульгарно в разведке называется учреждение прикрытия) мне предложили, в числе других вопросов, заниматься советско-йеменскими связями с ближайшей целью добиться полного восстановления дипломатических отношений и обменяться посольствами. Отношения эти нарушились во время больших репрессий 30-х годов, когда наши послы отзывались и, как правило, объявлялись агентами тех стран, в которых они работали.

Дела у меня пошли довольно быстро. Хорошим стимулом был интерес к этому живому делу, к арабскому языку, к загадочной, малоизвестной стране. Не меньшее значение имело и желание сделать что-то полезное и конкретное, а на этом участке как раз были реальные предпосылки для успешного завершения дела. Йеменская королевская семья - и сам имам Ахмед, и наследник престола эмир Сейф аль-Ислам Мохаммед аль-Бадр - понимали, что надо выходить из средневековой изоляции, но надо и постараться избежать односторонней связанности с Западом, как это случилось с большинством арабских государств на первом этапе после получения ими независимости. Таким образом, интерес СССР и Йемена к установлению тесных связей был обоюдным, и мне было легко работать на этой ниве.

Начал я с установления хороших личных отношений с Ахмедом аш-Шами, временным поверенным в делах Йемена в Египте, а затем перешёл к налаживанию контактов с видными йеменскими деятелями, часто посещавшими Каир. Об одном из них, впоследствии известном йеменском государственном деятеле, - Салехе Мохсине у меня сохранились особенно тёплые воспоминания. Это был очень открытый, доброжелательный человек, без каких бы то ни было проявлений хитрости и расчёта. Нередко наведывался в Египет и сам наследный принц аль-Бадр, с которым меня; связывали довольно тесные и даже, можно сказать, дружеские

отношения. Все перечисленные деятели понимали необходимость восстановления дипломатических связей по полной форме, и мы обменивались мыслями о том, как убедить в этом имама и рассеять недоверие противников советско-йеменского сближения из его окружения.

Наконец все договорённости были достигнуты, и в январе 1958 года делегация во главе с послом Киселёвым отправилась на самолёте «Ил-14» из Каира в Таиз, тогдашнюю столицу Йемена и резиденцию имама Ахмеда.

Объединение Египта и Сирии в единое государство и вхождение Йемена в федерацию с Объединённой Арабской Республикой заставило посла СССР в Каире активно заниматься проблемами всех арабских государств. В Йемен Киселев ехал уже полностью подготовленным по всему кругу вопросов сложных межарабских отношений. Посол должен был вручить свои верительные грамоты имаму Ахмеду и договориться, уже в деталях, об учреждении нашего посольства в Йемене.

Путь до Таиза был долог, с несколькими остановками и ночёвками из-за скромных возможностей «Ил-14». Таким образом на нашем маршруте мы познакомились с Джиддой, Хартумом, Асмарой и наконец прибыли в Ходейду, где уже находилось несколько наших специалистов по реконструкции порта, которые за неимением другого жилья были размещены на верхнем этаже провинциальной тюрьмы. Вообще-то говоря, жильё было неплохое - здание прочное, крыша над головой, но на первом этаже иногда по ночам пытали преступников, и спать советским специалистам было невозможно. Потом, правда, дело «поправили»: преступников увели в горы и отрубили им головы.

Даже в январе в Ходейде было душно и жарко, а летом, как нас уверяли, здесь можно было печь яйца в раскалённом песке. Встречали нас торжественно. Вышел на аэродром сам губернатор Яхья Абд аль-Кадер. На более чем примитивном аэродроме был выстроен босоногий почётный караул с винтовками времён первой мировой войны. Начальник почётного караула, офицер, был, правда, в ботинках. Рядом с караулом размещался и оркестр, тоже сплошь босой. Оркестр исполнил трудноузнаваемый Гимн Советского Союза. Но всё равно было приятно.

На торжественном обеде, который дал губернатор, уже царил сухой закон. Помнится, что после утомительного перелёта хотелось выпить холодного виски с содовой, чтобы немного расслабиться и продезинфицироваться, но увы…

В Таизе начались другие чудеса: здесь окончательно выяснилось, что мы совершили фантастический перелёт назад, в глубины истории, и попали в настоящее средневековье.

В стране не было своей печати, радио, элементарных дорог, банков. Категорически были запрещены такие учреждения, как кино и театр. Женщины на улицах города появлялись крайне редко, закутанные с ног до головы в чёрные одежды. Бумажных денег тоже не было. В качестве главной валюты ходил талер времён австрийской императрицы Марии-

Терезии - большая серебряная монета, которую для Йемена чеканили в Италии и других европейских странах старыми штампами, и на каждой из них значился год выпуска- 1780-й.

В дальнейшем первые советские специалисты дали этой монете название «дунька», что, по их мнению, более всего подходило к пышнотелой Марии-Терезии. Впрочем, эта «дунька» как главный, полновесный серебряный денежный эталон продолжительное время имела хождение во многих странах Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки.

По пятницам на центральной площади Таиза время от времени рубили головы приговорённым к казни преступникам. Вершилось гласное правосудие. Присутствовал при этом и имам Ахмед. Других массовых зрелищ, даже спортивных, не было.

Весьма оригинальным был порядок въезда в страну и выезда из неё. Разрешения на въезд и выезд иностранцам давал лично имам. И самой пикантной в этой практике была «забывчивость» имама, когда дело касалось разрешений на выезд из страны. В таком щекотливом положении оказался живший вместе с нами в гостевом доме имама саудовский государственный министр. Он прибыл в Йемен для переговоров по вопросу саудовско-йеменских отношений, всегда весьма напряжённых, а пока он ждал приёма у имама, отношения эти ещё более осложнились. Имам и аудиенции не давал, и из страны не выпускал. На просьбы саудовца о выезде королевские чиновники неизменно отвечали, что имам в данный момент очень занят или что он вообще уехал куда-то в горы лечить ноги в целебных источниках. Короче, мы приехали, вручили грамоты и уехали, а бедный саудовский министр, весьма импозантный, с холёной белой бородой, остался ждать решения своей судьбы в гостевом доме с бесплатным питанием и антисанитарными условиями.

В ожидании приёма у имама мы ездили по стране на мощных «лендроверах». Дорог в Йемене тогда вообще не существовало, и наши машины двигались по вади - руслам высохших рек, - проезжая за час не более 15-20 километров. Приходилось всё время делать привалы и пить чай из термосов. После шестичасового путешествия на теле не оставалось живого места.

Живя в Таизе, мы совершали ежедневную прогулку из гостевого дома на базар, где собирались горожане, чтобы обменяться новостями и купить необходимое. Где бы мы ни появлялись, тотчас, как из-под земли, вырастал перед нами принявший ислам американец в йеменской национальной одежде. Звали его Бержес Ла Брюсс. Перемещался он по городу на маленьком ослике и являл собой более чем странную картину. Иногда он доверительно сообщал своим йеменским собеседникам, что является майором американской разведки - эти его рассказы были известны всему городу. У меня сохранилось несколько фотографий Бержеса. Йеменцы считали его чудаком и относились к нему иронически-снисходительно. Государственные чиновники рассказывали нам, что он очень хочет быть американским Лоуренсом, но у него это плохо

получается. Худо-бедно, но американец прилично говорил на местном диалекте и знал все столичные новости». Где-то он всё-таки попался на шпионских делах и был выдворен имамом из Йемена, но каково же было моё удивление, когда я прочитал в какой-то газете после антимонархической революции в Йемене, что Бержес является главнокомандующим «армией» бывшего наследника престола, а ныне свергнутого имама аль-Бадра, моего многолетнего друга. «Армия» эта базировалась на саудовской территории близ йеменских границ. Просуществовала она совсем недолго и рассеялась как дым. Но для Бержеса всё-таки наступил его звёздный час, и он почти сравнялся с Лоуренсом. Посмеиваясь над ним, мы в то же время и отдавали ему должное: жить одному в средневековом Йемене несколько лет подряд - это что-то сродни подвигу. Не у всякого на такое хватит выдержки и самообладания.

Поскольку мы провели в Йемене около двух недель, нам пришлось менять американские доллары на талеры Марии-Терезии. Банков, как уже было упомянуто, не существовало, и мы ходили по таизскому базару и приценивались, где больше дают за доллар. Выбрали лавку с наилучшим курсом обмена. Талеры во всех лавках хранились в больших кованых сундуках с ключами устрашающих размеров. За несколько зелёненьких бумажек мы получили целый мешок денег, и я понёс его на спине. Так и сфотографировался с ним на выходе с базара. Через двести метров пришлось передать мешок спутнику, одному из членов нашей группы: поклажа оказалась довольно тяжёлой.

А у нас в валютно-финансовом управлении Министерства иностранных дел вышел скандал.

- Почему деньги менялись у купца на базаре?

- Потому что в стране нет банков, - отвечал я.

- Этого не может быть! Раз есть государство - значит, есть банки! - был ответ.

- А в этой стране нет банков, - упорствовал я. Положение спас посол, подтвердивший своей подписью законность нашей финансовой операции.

О вручении верительных грамот следует рассказать особо. Передвигались мы по Таизу, так же как и по стране, на «лендроверах», объезжая громадные валуны и ямы. За сто метров до дворца сопровождавшая нас йеменская стража согнала прикладами ружей с проезжей части дороги местного жителя, присевшего справить нужду. Нам объяснили, что жители города стремятся использовать для этих целей именно центральную часть дороги, опасаясь змей, гнездящихся в кустах на её обочинах.

Сам дворец представлял собой неказистое сооружение из камней, со множеством каких-то пристроек. Внутри дворца стены были неровные, небрежно помазанные извёсткой.

В приёмной мы расписались в книге для почётных гостей, и

наступило томительное ожидание. Наконец представитель протокольной службы объявил, что можно входить в тронный зал, предварительно сняв обувь. Свита посла (нас было трое сопровождающих) быстро рассталась со своей обувью, а Евгений Дмитриевич Киселев заявил, что ботинки снимать ни в коем случае не будет, так как он при парадном мундире.

На нём действительно были мундир, форменная фуражка, на груди - ордена и медали, ботинки начищены до блеска. Наступила заминка. Пришлось долго согласовывать этот вопрос. Протокольщики, дипломаты, министры ушли на совещание. Время от времени они появлялись, и я, представлявший с нашей стороны и протокол, и переводчика, вёл изнурительные переговоры, разъясняя, что, сняв ботинки, посол нарушит установленную его правительством форму и проявит тем самым неуважение к имаму. Противоположная сторона, ссылаясь на свои порядки и традиции, доказывала, что вход в тронный зал возможен только без обуви. А посол при этом всё больше свирепел, всем своим видом демонстрировал непреклонность и злобно глядел на меня.

Мероприятие явно срывалось, дело зашло в тупик, а мне почему-то захотелось разбежаться и проломить головой стену приёмной дворца.

Наконец йеменская сторона стала проявлять обеспокоенность и некоторые колебания. Какой-то протокольный чин подошёл ко мне и заговорщическим шёпотом спросил, равняется ли ранг посла генеральскому званию. Почувствовав брешь в йеменской обороне, я радостно воскликнул: «Что вы, что вы! Он выше генерала, он - маршал!» (В то время звание «маршал» - аль-мушир - уже появилось в арабском лексиконе.)

- Тогда можно в ботинках, но одному лишь послу!

Потные, злые и обессилевшие, мы ввалились в так называемый тронный зал, и мучения наши возобновились, но уже в связи с другим инцидентом. Я перевёл (заранее подготовившись) речь посла по случаю вручения им верительных грамот, а когда имам Ахмед открыл рот для ответного слова, то послышались странные звуки, не напоминавшие мне ничего знакомого...

Но сначала о самом имаме. Он сидел на высоком позолоченном троне. Вместо короны на голове возвышалась феска - тарбуш, - тоже позолоченная. Одет имам был в белый бурнус, с традиционным кинжалом - джамбией - на широком позолоченном поясе. Скорее всего, и украшения на поясе, и ножны кинжала были из чистого золота... Все эти атрибуты царского величия были йеменского происхождения, и лишь тапочки без задников, надетые на босые ноги имама, были произведены фирмой «Батя», и именно они напоминали о том, что где-то далеко-далеко существует другой, цивилизованный мир. Глаза имама были сильно навыкате (базедова болезнь), челюсть отвисла (что-то нервное), и понять его речь было просто невозможно.

Небольшое отступление. В дальнейшем имама консультировали и лечили многочисленные светила советской медицины. Имам очень не

любил глотать резиновую кишку и подвергать себя другим унизительным процедурам, тем более что они не приносили ему немедленного исцеления от многочисленных недугов. Верил он только профессору Шмидту, директору Института неврологии Академии медицинских наук СССР. Лечение Шмидта состояло в том, что он легко и нежно ощупывал тело имама Ахмеда и деликатно постукивал маленьким молоточком по царственным коленкам. Эта последняя процедура имаму особенно нравилась. Про Шмидта он говорил с восхищением: «Этот очень хорошо лечит» и подарил ему арабского скакуна. Не помню уж, чем окончилась история с этим подарком...

Среди нас был мой преподаватель арабского языка в Институте востоковедения и старший товарищ Абдарахман Фасляхович Султанов, удачно прикомандированный к делегации как знаток языка, арабских стран и к тому же работавший в Йемене в далёкие предвоенные годы.

- Переводите, Андрей Фёдорович (так мы называли преподавателя в переводе на русский). Я совершенно не понимаю имама!

- Думаешь, я его понимаю? - послышалось в ответ. - Переводи сам - ты же был отличником, - ехидно добавил Султанов.

Как выяснилось впоследствии, имам говорил на каком-то своём диалекте и к тому же имел многочисленные дефекты речи. Из этой ситуации мы вышли таким образом: один из йеменских чиновников переводил нечленораздельные звуки имама на понятный арабский язык, а мы уже вдвоём успешно справлялись с переводом. Среди серьёзных вещей, сказанных имамом, были пожелания, чтобы Советский Союз помог Йемену в поисках на его территории нефти с последующей её добычей на выгодных для нас условиях. Примерно два десятилетия прошло, прежде чем нашли в Йемене нефть, и нашли её, к сожалению, не мы.

Вконец обессиленные, вернулись мы в гостевой дом, а наградой нам были полстакана водки и закуска, извлечённая из консервной банки, - что-то вроде севрюги в томатном соусе. Так мы решали вопросы питания и столь необходимой в этих условиях дезинфекции.

17 января 1958 года «Правда» откликнулась на вручение верительных грамот сообщением, в котором, естественно, всё выглядело строго и благопристойно и не содержалось никаких намёков на йеменскую экзотику: «Вручение посланником Советского Союза верительных грамот королю Йемена Каир, 16 января (ТАСС). 14 января в Таизе посланник СССР в Йемене Е.Д.Киселев, который также является послом Советского Союза в Египте, вручил свои верительные грамоты королю Йемена имаму Ахмеду.

При вручении грамот с йеменской стороны присутствовали государственный министр Мохаммед эль-Шами, директор экономического отдела МИД Салех Мохсин Шараф эд-Дин и временный поверенный в делах Йемена в Египте Ахмед Мохаммед эль-Шами. Е.Д.Киселева сопровождали советник С.А.Немчинов и второй секретарь В.А.Кирпиченко, которые были представлены имаму Ахмеду.

После вручения верительных грамот посланник СССР Е.Д.Киселев и король Йемена имам Ахмед обменялись речами».

Кстати сказать, примерно такие же трудности протокольного порядка, с которыми столкнулся советский посол в Йемене, годом раньше испытал и наследный принц аль-Бадр в Лондоне. Визит в Лондон по приглашению королевы Елизаветы был для принца новым тяжёлым испытанием после визита в Москву. Он ехал в Лондон с большими колебаниями и дал окончательное согласие, лишь заручившись обещанием Е.Д.Киселева отпустить с ним меня в качестве советника, так как боялся, что королевские министры его обманут, а на сотрудников йеменского посольства в Лондоне не надеялся, будучи уверен, что все они давно служат англичанам.

В программе визита было посещение английского парламента. Но у входа принца задержали, поскольку протокол запрещает входить в здание парламента людям, имеющим при себе оружие. За поясом же аль-Бадра красовался огромный йеменский кривой кинжал, составляющий неотъемлемую часть традиционной мужской национальной одежды. За давностью лет уже не помню, кому тогда пришлось капитулировать - страже или наследному принцу.

Прошло целых тридцать три года, пока я вновь побывал в Йемене, на этот раз во главе делегации нашего ведомства. Узнать там ничего нельзя. Город Таиз разросся и залез на самую вершину горы Сабр, возвышающейся над старым Таизом. Раньше в крепости на склоне горы содержались старшие сыновья вождей йеменских племён в качестве заложников имама. Таким простым способом обеспечивались порядок и спокойствие на всей территории королевства.

Неказистый дворец имама Ахмеда застроен со всех сторон новыми зданиями, а в самом дворце разместился исторический музей, повествующий о жизни и быте йеменских королей. И смотритель музея, и сопровождавшие нас йеменцы с удивлением слушали мои рассказы о том, что было здесь много лет назад. Жизнь так стремительно ушла вперёд, что, похоже, уже не осталось в живых свидетелей этого прошлого. Когда-то молодой и красивый, очень высокий для йеменца наследный принц аль-Бадр (в Сане я видел его фотографию) стал как две капли воды похож на старого имама Ахмеда. Показали мне и несколько больших томов в красных кожаных переплётах, заключающих записи почётных гостей дворца. Где-то там есть и моя запись - письменное свидетельство прикосновения к йеменской истории.

Состоялась встреча и со старым другом Салехом Мохсином. Его разыскали супруги Поповы. Жена нашего посла в Сане Марина Васильевна Попова, сев за руль посольской машины, повезла меня по тесным улочкам Саны в дом Салеха. У ворот дома нас ожидал старичок в очках. «Наверное, Салех выслал навстречу своего родственника», - подумал я. Но встречавший раскрыл мне объятия. С трудом я узнал в этой йеменце своего друга... Мало что осталось от стройного молодого человека в национальной одежде с мужественным и красивым лицом. Это был уже

совсем другой человек, заметно сгорбившийся и почему-то в очках и европейском костюме. Невольно закрадывалась страшная мысль: «Может быть, и я сам такой же старый гриб?» Два часа пролетели как один миг. Мы рассматривали привезённые мной фотографии тридцатитрехлетней давности и радостно тыкали в них пальцами: «А вот ты, а вот я, а вот тот-то, и все уже не похожие на себя...»

Салех Мохсин рассказал, что в разные периоды он дважды был министром, а теперь вот не у дел, на пенсии.

- Сколько же тебе лет? - спросил я.

- А кто его знает! Никакой регистрации тогда не было. Если судить по рассказам матери и сопоставлять её рассказы с событиями в стране, то выходит, что я родился где-то в 1925 году.

Мы выпили кофе, обменялись скромными сувенирами и расстались, увы, уже навсегда. Вот такая была грустная и приятная встреча. А сколько подобных встреч не состоялось! Получается так, что вся наша жизнь - это бесконечные встречи и расставания, нередко навсегда. Но какую-то частицу самого себя мы всё-таки дарим друг другу.

Главный визит

Передо мной книга с хрупкими пожелтевшими страницами. Выпущена она сорок лет назад издательством «Возрождение» на английском языке. Название книги - «Президент Насер в Советском Союзе».

Содержание её и особенно фотографии живо воскрешают в памяти этот знаменательный визит Насера в нашу страну.

Долго не решался ехать к нам Насер, хотя в наших отношениях уже была пройдена большая дистанция: мы оказали решительную поддержку Египту в его противостоянии тройственной агрессии в 1956 году, начали поставки оружия, прибыли советские военные специалисты, достигнута принципиальная договорённость о строительстве с нашей помощью Асуанской плотины (соглашение о первой очереди её строительства было подписано в декабре 1958 г.). И всё же Насер колебался, ехать ли ему в Советский Союз, так как опасался, что этот визит будет истолкован мировым общественным мнением как решительный отход Египта от Запада и как демонстрация начала союзнических отношений с СССР. Но и отказаться от визита он уже не мог.

Накануне поездки Насер провёл бессонную ночь в совещаниях по поводу предстоящих советско-египетских переговоров. Ещё одну он не сомкнул глаз в полёте, так что по прибытии в Москву выглядел страшно утомлённым и первые два дня, можно сказать, засыпал на ходу, а его всё возили, водили, показывали достопримечательности Москвы. Наши попытки (тех, кто был рядом с ним и видел его состояние) ослабить узы гостеприимства протокольщики воспринимали как проявление дикого невежества: как же можно вносить изменения в программу, если её одобрили «лично» Хрущёв и Ворошилов?

Приём Насеру был оказан великолепный. Тут и власти постарались, да и жители Москвы проявили неподдельный интерес к визиту. Но началось всё, естественно, с прибытия Насера во Внуково-2.

Мне поручили перевод приветственных речей. Речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилова я сам предварительно перевёл на арабский язык и довольно бодро её зачитал. Насер обычно говорил очень просто, без изысков, с повторами сказанного, и я не особенно беспокоился за перевод, но как раз здесь, как оказалось, была заложена мина большой мощности. Насер начал читать какой-то сложный казуистический текст, подготовленный МИД Египта так, чтобы речь не выглядела ни просоветской, ни антизападной, и некоторых фраз я просто не понимал. Перевод получился, мягко говоря, не очень точный. В нём больше всего было восклицаний за здравие. Кстати сказать, в упомянутой книге эта речь Насера подверглась заметному редактированию. Она сильно сокращена и упрощена, но в ней, как это и было на самом деле, не упоминаются ни друзья Египта, ни его противники.

В начале книги есть несколько фотографий, на которых изображены Насер, Хрущёв, Ворошилов и я. В тот самый момент, когда я рассматривал эти фотографии в своём кабинете, вошла девушка-стенографистка и заинтересовалась книгой с пожелтевшими страницами. Я спросил её, знает ли она, кто изображён на этих фотографиях. Внимательно посмотрев на снимки, она сказала: «Этих четырёх деятелей я не знаю. Это, наверное, было очень давно!» Да... действительно, «это было недавно, это было давно».

Суета встречи, толпы людей, представление министров- всё это несколько отвлекло меня от конфуза с переводом, и мы двинулись в открытой машине по только что отстроенному Ленинскому проспекту. Слева стоял Ворошилов и приветствовал поднятой рукой москвичей, справа в такой же позе Хрущёв, посредине монументальный Насер, чуть ли не на целую голову выше наших вождей, а сзади стоял я, чувствуя себя крайне неловко потому, что мне не за что было держаться. В конце концов я вцепился в Насера, делая вид, будто сам его поддерживаю. Хрущёв и Ворошилов по очереди рассказывали Насеру в одних и тех же выражениях о новом Ленинском проспекте, а масса вышедших приветствовать Насера людей напирала со всех сторон, и мотоциклистам торжественного кортежа, двигавшимся впереди главной машины, приходилось очень туго. Так триумфально мы въехали в ворота Кремля. Было это 29 апреля 1958 года.

Первый тяжёлый день пребывания делегации Насера закончился ужином, который давал Ворошилов. На следующий день - переговоры делегаций и обед, который был дан от имени Хрущёва. Обед этот запомнился неестественно длинной застольной речью Хрущёва (даже в сильно сокращённом виде она в упомянутой книге заняла более девяти страниц). В это речи было всё: и борьба за мир, и Бандунгская конференция, и борьба против испытаний атомного оружия, и новая

западная водородная бомба, и тройственная агрессия, и кристально чистая внешняя политика СССР, и мирное сосуществование, и советско-арабские дружественные отношения, и помощь слаборазвитым странам, и многое другое... В конце концов и сам Никита Сергеевич понял, что хватил лишку, а может быть, и есть уже захотел, но, так или иначе, он сказал: «Моя речь, кажется, была несколько длинноватой, но я стремился кое-что объяснить для . лучшего взаимопонимания».

Во время этой речи произошёл небольшой казус: сидевший слева от Насера Ворошилов наклонился ко мне и спросил:

- Никита читает по бумажке или у него экспромт? Отвечаю:

- Он сначала читал, а теперь уже говорит без бумажки.

Тут нужно сделать пояснение. Когда Хрущёв говорил о политике США, он обязательно выходил на тему о коварстве госсекретаря Джона Фостера Даллеса, которого он считал виновником всех бед на свете, и начинал метать в него ядовитые стрелы. Когда Ворошилов услышал, что Хрущёв говорит без бумажки и уже дошёл до Даллеса, он сказал озабоченно:

- Это плохо... Когда я начну засыпать, ты толкай меня, не давай заснуть. Вот такое поручение дал мне любимый герой моего детства и ранней юности - боевой нарком и красный маршал Ворошилов, а сам сразу же заснул. Я спросил у представителя охраны, стоявшего неподалёку: «Что же делать?», и тот с видимым беспокойством ответил: «Скорее толкай его, пока он не захрапел!»

Были и другие моменты, в том числе связанные с употреблением спиртных напитков. Тот же Ворошилов, пробудясь от короткого сна, начал активно предлагать тосты, пытался чокаться с членами делегации, арабы же сидели как в воду опущенные и искоса поглядывали на Насера, не зная, как реагировать. Дело кончилось тем, что Хрущёв после нескольких безуспешных попыток призвать Ворошилова к спокойствию выхватил рюмку с водкой из его руки и выпил её сам за здоровье дорогих гостей. Ворошилов обиженно заворчал в ответ. В результате этих застолий мои представления о порядках в кремлёвских хоромах значительно расширились.

В дальнейшем тема Даллеса возникла ещё раз. В тот же вечер, 30 апреля, Насер в сопровождении Хрущёва и Ворошилова смотрел в Большом театре «Лебединое озеро». Это был первый балет в жизни Насера и большинства его спутников. По ходу действия Никита Сергеевич давал свою политическую трактовку происходящим на сцене событиям. Когда на сцене появился злой гений Ротбард в чёрном костюме с перьями, Хрущёв оживился и сказал Насеру:

- Это - Даллес! Ну ничего, товарищ Насер, ничего! В конце действия мы таки обломаем ему крылья!

1 мая гости присутствовали на параде и демонстрации, а 2 мая я отключился от работы с делегацией, так как утром этого дня состоялась

встреча председателя КГБ И.А.Серова с директором Службы общей разведки ОАР Салахом Мухаммедом Насром, во время которой я был представлен в качестве офицера связи для поддержания в Каире контакта между спецслужбами СССР и Объединённой Арабской Республики. Салах Наср быстро набрал в Египте большую силу и влияние и даже, продолжая руководить службой, был назначен вице-президентом О АР. Однако вскоре после войны 1967 года с Израилем он разошёлся во взглядах с Насером и был арестован. При Садате Наср был освобождён из заключения и занялся изданием своих мемуаров. Слово «мухабарат» - так по-арабски именуются спецслужбы - производит на арабов ошеломляющее действие. У «мухабарат» свои собственные законы, и если человек попал туда - это большая беда: во времена Насера порядки были жестокие. При Салахе Насре, человеке властном, резком, решительном, Служба общей разведки стала очень влиятельным учреждением. Для неё было выстроено большое здание на окраине Гелиополиса, недалеко от главного дворца республики Аль-Кубба. Это здание отличалось от подобных ему в других странах разве тем, что в обоих концах каждого коридора находились особые комнаты, где специальные люди с утра до ночи готовили чиновникам кофе и чай. Запах кофе в коридорах «мухабарат» перебивал все другие запахи.

Директор Службы общей разведки очень гордился своей ролью в революции 1952 года, так как именно он, Салах Наср, приведя батальон, которым командовал, к королевскому дворцу, вынудил короля Фарука отречься от престола. Это давало ему моральное право высказываться о своих недругах, «примазавшихся к революции», с заметным пренебрежением: «Я не знаю, что он делал во время революции!»

Я поддерживал взаимополезный контакт с Салахом Насром около десяти лет, и работая в Каире, и приезжая туда в командировки из Москвы. У нас установились хорошие личные отношения. Ко мне Салах Наср был внимателен и всячески старался показать, что придаёт важное значение нашему контакту. Хотя, надо сказать, случались и периоды напряжённости, но они возникали не сами по себе, а были прямым отражением тех сложностей, которыми изобиловали советско-египетские отношения.

Но вернёмся к визиту Насера. В Москве высокому гостю успели, кажется, показать всё, что только было можно: мавзолей (тогда в нём по соседству с Лениным лежал ещё и Сталин), университет, стадион в Лужниках, мечеть, метро, Кремль, кремлёвские музеи, квартиру Ленина, автозавод, Садовое кольцо, Ленинские горы, кинотеатр «Мир», ядерный центр в Дубне, Таманскую дивизию, базу ВВС. Наконец утром 3 мая на двух самолётах «Ту-104» мы отправились в поездку по Советскому Союзу. Началось это длинное путешествие с Ташкента, потом были Баку, Сухуми, Сочи, Запорожье, Киев, Ленинград и Сталинград. Что же осталось у меня в памяти от этой поездки, которая состоялась почти сорок назад? Наверно, прежде всего то, к чему лично был причастен, что поразило, взволновало, привлекло особое внимание... Поразил, разумеется, приём, оказанный делегации в Узбекистане. Тут было море ликования. Ведь приехал не

только Насер, но и сам Н.А.Мухитдинов, бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана, ставший членом высшего партийного руководства СССР. Запомнился обед в колхозе «Кзыл Узбекистан». Гости и руководство республики сидели на возвышении, на специально сооружённом помосте, а кругом на коврах и циновках размещались приглашённые, и казалось, эти ковры и циновки простирались до самого горизонта. Число участников этого обеда исчислялось не сотнями, а тысячами. Ш.Р.Рашидов, воздав должное Насеру, перешёл к излиянию своих чувств по случаю приезда Мухитдинова. Он сказал просто и скромно:

- Сегодня солнце второй раз взошло над Узбекистаном - к нам приехал наш дорогой и любимый Нуретдин Акрамович Мухитдинов!

И далее в том же духе.

При посещении ташкентского текстильного комбината члены делегации ОАР сморщились: стоял неимоверный шум от грохота станков (создавалось впечатление, что несколько танковых бригад пошли на прорыв), по цехам летали клочья хлопка. Ничего нельзя было увидеть и расслышать. Один из членов делегации спросил у меня:

- Ты был на текстильном комбинате в Аль-Махалла-аль-Кубре?

Я ответил утвердительно.

- Зачем же нам показывать это старьё? Действительно, на названном египетском текстильном

комбинате, оборудованном новейшими американскими, английскими и французскими станками, не было ни такого адского шума, ни хлопковых облаков, и с вентиляцией дело обстояло намного лучше. Вообще состояние нашей технической оснащённости несказанно удивило египтян, а ещё больше поразило их количество женщин, занятых на тяжёлых дорожных работах. Так что с собой на родину делегация увезла смешанные чувства и впечатления. Запомнилась и реакция Насера на показ ему документального фильма о Сталинградской битве. Он попросту заплакал, когда увидел руины Сталинграда, слёзы долго текли по его щекам. В этот день он даже расслабился необычным для него способом - выпил несколько стопок водки. А по прибытии в Сталинград в произнесённой там речи отдал должное этому героическому городу.

Все переводы во время визита обеспечивала группа из пяти человек: четырёх арабистов и одного специалиста по английскому языку. Викентий Павлович Соболев, занимавший тогда должность советника посольства в ОАР, был как бы старшим в нашей переводческой группе, куда входили СА.Кузьмин, Г.Ш.Шарбатов и я. Когда же дело доходило до науки и техники, то подключался широко известный по части английского перевода В.М.Суходрев (в арабском языке ощущался ещё дефицит технических терминов).

В марте 1992 года кафедра ближневосточных языков Московского государственного института международных отношений провела торжественное заседание, посвящённое 100-летию со дня рождения двух

наших преподавателей арабского языка - Клавдии Викторовны Оде-Васильевой и Харлампия Карповича Баранова, имена которых чтимы многими поколениями арабистов. Именно они привили нам любовь к арабскому языку, возбудили интерес к арабским странам. К.В.Оде-Васильева, палестинка христианского вероисповедания, - человек-легенда. Выучив русский язык в Палестине и выйдя замуж за русского врача, она накануне первой мировой войны оказалась в России и осталась здесь навсегда. На этом заседании встретились заведующий кафедрой ближневосточных языков Серёжа Кузьмин, сотрудник Института востоковедения Академии наук, доктор филологии Гриша Шарбатов и я, ныне руководитель группы консультантов Службы внешней разведки России. Среди множества приятных воспоминаний была и наша совместная переводческая работа во время первого визита Насера в Советский Союз.

В своё время среди людей, имевших отношение к переводам речей и докладов руководителей СССР, ходило много разговоров о трудностях, которые испытывали переводчики Хрущёва. Надо сказать, что он буквально истязал их своими прибаутками. Очевидно, просто не понимал или вообще никогда не задумывался над тем, что не все идиомы переводимы на иностранные языки. Помимо хорошо известного и не переводимого ни на какие языки любимого выражения Хрущёва «кузькина мать» мне приходилось переводить и такие его перлы, как «баба с возу - кобыле легче» и «со свиным рылом в калашный ряд». Понятно, что Насеру так и не посчастливилось оценить по достоинству сочность и аромат этих выражений и пришлось довольствоваться приблизительными эквивалентами, тем более что упоминание свиньи оскорбляет ухо правоверного мусульманина.

В заключение пребывания Гамаля Абдель Насера в Советском Союзе 15 мая 1958 года было подписано совместное коммюнике по результатам визита, в котором высказывались единые точки зрения по многим международным вопросам и по вопросам двусторонних отношений.

Два дня спустя после возвращения в Каир я поехал в спортивный клуб «Гезира» отдохнуть и заодно договориться по телефону о встрече с Салахом Насром. Телефоны-автоматы были расположены недалеко от конторки, где сидела администратор, дававшая различные справки посетителям клуба. Чтобы не привлекать внимания посторонних моей трудной фамилией, мы с Салахом Насром договорились, что я буду называться Жоржем и меня сразу соединят с ним. Дозвонившись до канцелярии Салаха Насра, я несколько раз был вынужден сказать, что звонит Жорж. Наконец нас соединили, и мы договорились о встрече. Женщина за конторкой очень внимательно смотрела на меня и прислушивалась к разговору. Когда я кончил говорить, египтянка радостно заулыбалась:

- Господин Жорж, а мы все вас знаем. Вы переводили нашему президенту. Вас показывали в кинохронике каждый день во всех кинотеатрах!

Вот тебе и Жорж! Вот тебе и конспирация! Прямо по анекдоту: «Славянский шкаф у нас не продаётся, а шпион живёт этажом выше».

За первым визитом Насера в Советский Союз последовали и другие, но такого энтузиазма ни у нас, ни в Египте уже не вызывали. Можно уверенно сказать, что этот первый визит так и остался самым главным визитом в советско-египетских отношениях.

На развалинах Карфагена

Я очень зауважал себя, когда стал обладателем настоящего смокинга. Именно с пошивки смокинга у портного Адама в центре столицы началась в феврале 1962 года моя деятельность в Тунисе. Раньше я думал, что смокинги, фраки и прочие рединготы отошли в прошлое и носят их ещё лишь при королевских дворах. В Каире, во всяком случае, дипкорпус обходился без смокингов. Оказалось, что в Тунисе на многие государственные церемонии, а также на некоторые дипломатические приёмы следует надевать зимой чёрный, а летом белый смокинг. На белый смокинг посольство разориться было не в силах, а на пошив чёрного выдало мне казённые деньги. Смокинг был очень хорош, но надеть его пришлось всего три-четыре раза - мода на них как-то быстро прошла, и протокол в Тунисе стал более демократичным.

В Тунисе я проработал с февраля 1962 года по август 1964 года. Попал туда не из-за самого Туниса, где задачи разведки были минимальными, а ради Алжира, с Временным правительством которого у советского руководства установились деловые отношения. ВПАР (Временное правительство Алжирской Республики) располагалось в Тунисе. На скромной маленькой вилле в пригороде жил тогдашний председатель ВПАР Юсеф Бен Хедда, по профессии фармацевт. Он и внешне больше походил на человека мирной профессии - учителя, врача или архивариуса, был крайне немногословен, сдержан и даже застенчив. Такой же неразговорчивой и скромной была его жена Салима, красивая, но несколько сумрачная женщина. За плечами обоих была продолжительная работа в подполье. В 1954 году Бен Хедда был арестован французскими властями, а выйдя из тюрьмы, снова принимал участие в партизанском движении в Кабилии.

По роду своей работы я был как бы прикомандирован к Абдельхамиду Буссуфу, министру коммуникаций и вооружений ВПАР. По существу, Буссуф руководил ведомством разведки и контрразведки, в функции которого входила также задача получения и доставки в Алжир вооружений. Мне надлежало наладить с Буссуфом обмен военно-политической информацией и оказывать алжирцам помощь средствами оперативной техники. Буссуф был человек динамичный, предприимчивый и пользовался у своих подчинённых непререкаемым авторитетом. Беседы с ним всегда представляли особый интерес, поскольку помимо чисто профессиональных тем разговор непременно выходил на темы исторические и культурные. От Буссуфа я узнал, в частности, о роли

ислама в национально-освободительной борьбе в Алжире, о сложных лингвистических проблемах в стране, об особенностях культурных связей Алжира с Францией, о франкоязычной литературе Алжира. Интересный это был человек.

Алжирская революция набирала силу, национально-освободительная война подходила к концу, и мы с Буссуфом уже строили планы продолжения сотрудничества на территории независимого Алжира. Однако в августе 1962 года в руководстве алжирской революции произошёл раскол, власть взяла группировка Бен Беллы, а Бен Хедда, Буссуф и другие министры ВПАР оказались в эмиграции, в основном в Марокко. Таким образом, наше сотрудничество на этом этапе закончилось.

Каких-либо больших задач в самом Тунисе разведка не решала, ограничиваясь наблюдением за развитием обстановки. Наибольшее наше внимание привлекала здесь проблема соперничества США и Франции за влияние в Северной Африке. США стремились тогда иметь свои военные базы на всём побережье, и в Тунисе большой интерес для них представлял район порта Бизерты.

После Каира жизнь в Тунисе показалась скучноватой, тем более что советско-тунисские отношения были весьма неразвиты. Зато условия для жизни здесь были более чем благоприятные. И климат хороший, и прекрасные пляжи, и живописные пригороды Туниса, гармонично вписавшиеся в цвета природы, - небольшие домики, выкрашенные в белый цвет, голубые ставни и голубые же, окованные железом двери. На окнах красивые замысловатые решётки чугунного литья. И всё это на фоне пышной зелёной растительности и голубого моря. Сравнительно небольшой по площади Тунис просто насыщен историческими памятниками всех эпох и цивилизаций. Его история - это история непрерывных завоеваний. Тунисом последовательно владели финикийцы, греки, римляне, вандалы, арабы, испанцы, турки и французы. Посольство регулярно организовывало экскурсии в интересные места страны, и думаю, что главные достопримечательности нам удалось увидеть. Упомяну только о самом впечатляющем и интересном.

Прежде всего о развалинах Карфагена. От некогда великого города осталось не очень многое, но представить себе величие древнего Карфагена всё же можно, если обладать воображением и кое-какими сведениями из книг по истории. Основала Карфаген в 825 году до н.э. таинственная финикийская принцесса Элисса. Богатая культура Карфагена - результат смешения финикийской, греческой и египетской культур.

Одержимый одной идеей, римский консул Марк Порций Катон Старший все свои выступления в сенате заканчивал фразой: «И всё же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен!» Слова эти привожу не в качестве назидания, а лишь как историческую справку о том, кому обязан Карфаген своим разрушением в 146 году до н.э., и потому, что я два с половиной года прожил в 12 км от его развалин.

Хорошо запомнился и город римского периода Дугга (110 км к юго-западу от столицы), отлично сохранившийся для своего возраста. Тут уже не требуется развитого пространственного и исторического воображения для воскрешения картин прошлого. Можно в натуре любоваться храмами, базарной площадью, баней, театром на 3500 мест, двухэтажными жилыми домами, полы в которых выложены мозаикой. На первом этаже, расположенном под землёй, горожане спасались от летней жары, на втором, надземном, жили зимой В Дугге, как и в некоторых других местах, где хорошо сохранились сооружения греко-римского периода, французские театральные труппы ежегодно проводили фестивали, на сцене каменного амфитеатра разыгрывались пьесы на античные темы. Из горного массива Загуан в Карфаген шёл акведук с чистейшей водой. Жизнь здесь была хорошо организована.

Ровно на середине пути между городами Сус и Сфакс, связанными прямой, как стрела, дорогой, в местечке Эль-Джем расположился величественный, хорошо сохранившийся Колизей, рядом с которым ютятся жалкие современные селения. Колизей ненамного меньше римского, но стоит одиноко, и любуются им лишь проезжающие по дороге туристы. А некогда, в III веке н. э., жизнь здесь била ключом. Вокруг Колизея располагался город Тисдрус, в котором жило не менее 30 тысяч человек. Дома римских арендаторов-колонов утопали в зелени. Они торговали оливковым маслом. (И сейчас во все стороны от Эль-Джема простираются необозримые плантации олив.) На главное зрелище - кровавые бои гладиаторов - собирались горожане и приезжали гости из окрестных посёлков.

В Кайруане, Сусе и Сфаксе возвышаются мощные городские стены, возведённые в эпоху арабского завоевания. Здесь много знаменитых мечетей, особенно в Кайруане, одном из центров мусульманского паломничества.

В отличие от Каира, дипломатический корпус в Тунисе был небольшой, но достаточно дружный. Как правило, на приёмы в различные посольства приглашался практически весь дипломатический состав. За первые три месяца жизни в Тунисе я перезнакомился почти со всеми представителями дипкорпуса и стал искать полезные для работы связи, и они, естественно, нашлись. Помогло мне в налаживании контактов и то обстоятельство, что после отъезда одного нашего посла до приезда другого я в течение нескольких месяцев оставался поверенным в делах. Чересчур активная жизнь дипкорпуса в Тунисе имела и свои теневые стороны: приёмы отнимали слишком много времени, и не всегда удавалось найти компетентного собеседника, особенно когда случалась нужда перепроверить какую-либо информацию. Среди дипломатов было немало людей, которые вообще никакой политикой не интересовались и попали на дипломатическую службу явно по протекции. Некоторые из такого рода дипломатов и особенно их жёны порядком надоедали глупыми вопросами типа: «Как это вы в России переносите холода?», «Из чего делается икра?», «Сколько градусов имеет водка?», «Что крепче - водка или виски?» и так далее. Приходилось проявлять терпение,

вежливо и достойно отвечать на эти и подобные им вопросы.

Поскольку до приезда в Тунис я занимался Африкой, то с интересом общался с дипломатами-африканцами. Эти контакты облегчались тем, что для каждого из них у меня всегда находились конкретные темы бесед, а они видели во мне понимающего их собеседника. Отношения были простые, непринуждённые, без дипломатических тонкостей. Были в Тунисе и друзья для души, для отдохновения, для разговора о культуре, быте, нравах, религиозных проблемах, проблемах арабского языка и литературы.

На протяжении всего пребывания в Тунисе мы тесно общались с семейством Хеди Тюрки, художника-абстракциониста - ревностного поклонника Кандинского, обаятельнейшего человека, жившего на скромную зарплату преподавателя рисования. Он имел семерых хорошеньких кудрявых детей в возрасте от полутора до тринадцати лет, и жена его, не разгибая спины, убирала дом, готовила пищу, раскладывала и собирала матрацы, на которых спали дети, стирала бельё, мыла и одевала детей. Это был какой-то бесконечный и бесперспективный процесс - колгота шла с самого раннего утра до позднего вечера, и когда одни дети были умыты, одеты и накормлены, другие уже успевали перемазаться, как чертенята, и проголодаться.

А Хеди Тюрки был далёк от всей этой суеты. Он всё время улыбался счастливой, детской, а иногда, казалось, какой-то блаженной улыбкой, пел бесконечные панегирики Кандинскому и создавал бесчисленные и приятные для глаза узоры, линии, точки и завиточки яркими красками на больших листах ватмана. Маленький, с копной вьющихся чёрных волос, какой-то беззащитный, он существовал в своём особом мире, далёком и от реализма в живописи, и от прозы жизни. По иронии судьбы, Хеди был старшим из трёх братьев Тюрки. Средний брат Зубейр, высокий, светловолосый и совсем не похожий на Хеди, выглядел много старше. Зубейр был графиком, и ему принадлежит вышедший в 1962 году альбом рисунков «Тунис в прошлом и настоящем». Зубейр Тюрки долго жил в Скандинавии и там по памяти начал рисовать сцены тунисской жизни, сопровождая рисунки короткими, полными тёплой иронии и любви комментариями. Так появились его сцены «Уроки на пианино» (раз в доме есть пианино - значит, невеста, которую учат играть на нём, принадлежит к состоятельной семье); «У брадобрея» (брадобрей - это всегда старый друг, у которого можно узнать свежие новости и отвести душу в разговоре); «Игра в шахматы»; «В бане» (правоверный тунисец любит чистоту и проводит в бане лучшие часы своей жизни); «В мастерской по производству фесок»; «Хеннана» (хеннана - женщина, которая окрашивает хной руки и ноги невесты перед свадьбой, а заодно рассказывает ей на ушко истории из области таинств брака и готовит таким образом невесту к супружеству).

Младший брат Брагим не пошёл в художники, а стал генеральным секретарём МИД Туниса. К сближению со мной он не стремился, чтобы не нарваться на неприятности. На этот счёт правящая в Тунисе партия

«Новый дестур» установила довольно строгие порядки, особенно по части общения государственных чиновников с иностранцами.

Хеди пришла в голову мысль написать портрет моей жены. Почему-то он решил, что она и есть типичная русская женщина, достойная его кисти. Мы дали на это согласие, полагая, что портрет будет знаменовать собой возвращение Хеди в лоно реализма. Весть о том, что Хеди перешёл на крупную портретную живопись, быстро разнеслась по городу, так как дом художника посещали многочисленные гости и друзья. Начались долгие сеансы, во время которых жена восседала на высоком деревянном кресле типа туземного трона. Когда портрет после многих переделок был, по мнению художника, закончен, мы убедились, что наивно ожидать от абстракциониста реалистического видения натуры. На вопрос Хеди, как мне нравится портрет, я только спросил:

- Почему у неё такое жёлтое лицо? - Это такая манера письма, античная, - пояснил художник.

Через двадцать с лишним лет после создания портрета я спросил старшего внука (ему было лет шесть):

- Серёжа, похожа здесь бабушка на себя?

-Да, - уверенно ответил внук, - особенно похожи часы на руке...

Но в одном нельзя ошибиться - портрет создан в Тунисе. На стене позади стула-трона изображено окно (которого в действительности не было), а в окне виднеется двуглавая гора Бу-Корнейн, возвышающаяся над городом Тунисом. На вопрос, почему он поместил на картине Бу-Корнейн, Хеди Тюрки объяснил, что так делают все тунисские художники: Бу-Корнейн является символом столицы, и изображение двуглавой горы как бы «удостоверяет» происхождение картины.

Ещё в Тунисе жила редкостная старушка - мадам Бюрне, наша соотечественница. После революции 1905 года в России, отсидев немного в Бутырках за принадлежность к партии эсеров и участие в демонстрациях, она молоденькой девушкой эмигрировала от греха подальше во Францию и там вышла замуж за ученика Пастера биолога Бюрне. Они с мужем общались с Мечниковым. Бюрне после стажировки у Пастера работал постоянно в Тунисе и пользовался там большим уважением. Даже улица, на которой стоит их дом, названа его именем. Бюрне давно умер, и мадам Бюрне жила одна в большом запущенном доме, где ещё сохранились остатки былой роскоши. Она получала от тунисского правительства пенсию за мужа.

К моменту нашего знакомства мадам Бюрне почти забыла русский язык. Понимать - понимала, но говорить уже не могла. В памяти её осталось несколько стихотворений, и иногда она неожиданно в наш разговор, который вёлся на французском языке, вставляла отдельные русские слова. К тому, что происходит на далёкой родине, она испытывала большой интерес и как бы открывала её через нас заново. Мы были первыми гражданами СССР, которые проявили к ней внимание и участие. Больше всего мадам Бюрне интересовалась полётом Гагарина и

другими полётами в космос. Эти события никак не укладывались в её понимание России. Слишком велика была дистанция между той Россией, которую она оставила в начале века, и Россией - покорительницей космоса.

После нескольких наших встреч мадам Бюрне неожиданно заговорила о возможности поездки в СССР вместе со своими тунисскими друзьями. Мы с женой всячески поддерживали эту идею. Однажды мадам Бюрне вдруг спросила:

- Правду говорят, что вы в центре Москвы поставили большой памятник этому... - тут она замешкалась, ища подходящее, по её мнению, русское слово, - шалопаю?

- О ком идёт речь? Какому шалопаю?

- Да этому же - Маяковскому... Я ведь с ним сидела вместе в Бутырках, в соседних камерах. - И она даже назвала номера камер.

«Вот те на, - подумал я. - Кому шалопай, а кому и «лучший и талантливейший поэт нашей советской эпохи». Завязался разговор о Маяковском. Пришлось доказывать, что это серьёзный и большой поэт.

Кстати говоря, однажды тема Маяковского возникла в совершенно другом варианте. Дружили мы в Тунисе с семьёй французского специалиста по вопросам образования, в прошлом участника движения Сопротивления и узника Бухенвальда. Однажды, будучи у него дома, я увидел на книжной полке собрание избранных сочинений Маяковского на французском языке. Наш друг знал и русскую, и советскую литературу и очень интересно рассказывал о восприятии Маяковского во Франции. Собрание сочинений было, кажется, в восьми томах. Составителем и переводчиком была Эльза Триоле. До встречи с моим французским другом я не представлял себе, что Маяковского вообще можно переводить на какие-либо иностранные языки. В одном из томов я нашёл «Стихи о советском паспорте» и поразился точности и выразительности перевода. Восторг мой был столь искренним и бурным, что француз тут же подарил мне этот томик.

На этот раз я вновь поразился тому, что человек готов подарить отдельный том из собрания сочинений и тем самым разрознить собрание. Думаю, что этот поступок удивил бы и других моих соотечественников - яростных собирателей полных собраний сочинений. Но так или иначе, томик этот оказался подарком на всю жизнь и стоит в моём книжном шкафу на почётном месте, всегда под рукой. Время от времени я подхожу к шкафу, беру эту книгу, открываю наугад страницу, наслаждаюсь прекрасными переводами и вспоминаю тунисских друзей.

Возвращаясь к мадам Бюрне, скажу, что года четыре спустя после нашего отъезда из Туниса совсем уже в преклонном возрасте Лидия Бюрне не только посетила свою родину, но и издала книгу с описанием этого путешествия. Книгу эту я не имел возможности прочитать, но во время одной из поездок в Африку наш общий тунисский знакомый подарил мне фотоклише нескольких страниц из неё, на которых

рассказывается история нашего знакомства. «Мой дом, - повествует автор, - находился в районе, где были расположены иностранные посольства, и из окон дома был виден красный флаг на крыше посольства СССР. Иногда я встречала в городе русских, слышала родную речь, но никогда не решалась вступить в разговор». Далее мадам Бюрне описывает встречу с нами в доме нашего общего знакомого, подробно перечисляет темы, вокруг которых вёлся разговор, и расточает несколько неумеренные комплименты в адрес нашей семьи. «Это была моя первая встреча с новой Россией и с великодушием людей, которые её представляют за границей», - заключает свой рассказ мадам Бюрне, сообщая, что именно это пробудило в ней желание вновь увидеть страну детства, «страну, которая всегда жила в моём сердце».

Все эти приятные люди: и Хеди Тюрки, и мадам Бюрне, и француз-участник движения Сопротивления, и некоторые другие - конечно, вызывали у меня и профессиональный интерес. Нормальный разведчик не может уже просто общаться с иностранцами и не думать о своей профессиональной принадлежности. В ходе любого общения он обязательно должен что-нибудь узнать полезное для своей работы. Тут и особенности быта и нравов населения, которые надо учитывать в повседневной деятельности, и элементы внутренней и внешней политики, и реакция населения на международные события и на решения собственного правительства.

В доме Хеди Тюрки, например, собирались интересные люди - члены дипкорпуса, солидные чиновники государственных учреждений. Здесь можно было и завести полезное знакомство, и даже развить его, а далее уже вести нормальную разведывательную работу.

У мадам Бюрне я попутно выяснял, все ли работы её покойного мужа по микробиологии были опубликованы, и если нет, то, может быть, их целесообразно изучить и, возможно, опубликовать в Советском Союзе. Как выяснилось в дальнейшем, этот мой интерес был вполне оправдан.

Друг-француз вообще обладал обширными связями в иностранной колонии Туниса и к тому же отрицательно относился к нарастающей активности американцев в этой стране. Понятно, что эти его настроения я учитывал и многое получил от этого человека в информационном плане.

Весь период нашего пребывания в Тунисе пришёлся на правление президента Бургибы, который сконцентрировал в своих руках всю власть и пользовался непререкаемым авторитетом. Хабиб Бургиба действительно был национальным героем, приведшим Тунис к независимости и создавшим государство с высоким уровнем образования. Он гибко маневрировал в отношениях с великими державами, стараясь от всех получить как можно больше выгод для Туниса. Однако к моменту моего знакомства со страной Бургиба уже начал дряхлеть, и у него довольно быстро прогрессировала мания величия. На его примере воочию можно было убедиться (а мы с этим неоднократно сталкивались и в собственной стране), что ничей авторитет не бывает вечным и для руководителя страны очень важно вовремя уйти со сцены, чтобы не стать

посмешищем.

Бургиба, например, в беседах с иностранными государственными деятелями совершенно серьёзно заявлял: «Посмотрите на карту Северной Африки. Это - целостный организм. Тунис - это, конечно, сердце организма, а Марокко и Алжир - его лёгкие».

Или ещё лучше: «Мир устроен несправедливо... Я здесь самый опытный государственный и политический деятель, а мне достался в управление не Алжир и даже не Марокко, а лишь маленький Тунис». Справедливости ради надо сказать, что созданная Бургибой партия «Новый дестур», которая эффективно боролась за независимость Туниса, была, пожалуй, самой сильной и наилучшим образом организованной партией во всей Африке. Весной 1962 года президент Бургиба вдруг решил принять дипломатический состав советского посольства, чтобы соблюсти, хотя бы внешне, какой-то баланс в общении с западными и советскими представителями. Посол Клыч Мамедович Кулиев, сын туркменского народа, представил сотрудников посольства, и Бургиба начал развивать свои мысли по поводу будущего советско-тунисских отношений:

- Сейчас у меня главная проблема - Алжир. Как только я решу алжирскую проблему, так сразу поеду в Советский Союз!

Улучив момент, посол наклонился ко мне и спросил с удивлением:

- Как же он поедет в Советский Союз, если его никто не приглашал?

Но в этом был весь Бургиба: «Я решу», «Я поеду!»... В средствах массовой информации Бургиба именовался не иначе как «аль-муджахид аль-акбар», что в переводе с арабского означает «великий борец».

С одной стороны, Бургиба был гибким политиком и трезвым прагматиком, особенно в том, что касалось развития экономики страны, а с другой - беспардонно насаждал культ личности, принимавший с течением времени всё более карикатурный характер. Но факт остаётся фактом: Бургиба - создатель современного Туниса и интереснейшая для изучения историками и политологами личность. Наша политическая литература, мне кажется, уделила ему недостаточно внимания.

Африка грёз и действительности

Так назвали чехословацкие путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд свой большой африканский дневник. Книга прекрасная, содержательная и подлинно гуманная. В ней много фотографий, сделанных самими авторами. У нас эта книга появилась в сокращённом переводе в 1958 году, а через несколько лет в связи со стремительным ростом интереса к Африке была издана полностью в трёх больших томах. Название книги как бы символизирует наше тогдашнее понимание и восприятие Африки. Африка грёз (она-де является резервом социалистической системы и скоро пойдёт по социалистическому пути) и действительности (пока это ещё нищета, неустроенность,

нестабильность).

Бурные события в Африке в конце 50-х - начале 60-х годов застали советские внешнеполитические учреждения врасплох. Литературы по Африке было чрезвычайно мало, а кадров африканистов и подавно не было. По-настоящему заниматься Африкой мы начали только с 1960 года, который как раз был провозглашён ООН Годом Африки. Колонизаторы отступали, а Советский Союз как бы под звуки фанфар и литавр входил в Африку со своими, как было объявлено, бескорыстными идеями и намерениями.

В августе 1960 года в разведке был создан африканский отдел. С миру по сосенке - уже целый лес. Наш «лес», правда, поначалу состоял из восьми строевых единиц, но потом стал потихоньку расти. Умных книг про Африку мы ещё не успели прочитать и поэтому часто цитировали Корнея Чуковского:

Маленькие дети!

Ни за что на свете

Не ходите в Африку,

В Африку гулять!..

Люди приходили в отдел с хорошим настроением. Дело казалось перспективным, обстановка для работы складывалась благоприятная. Задачи, поставленные перед разведкой, были ясные и благородные. Суммировать их можно следующим образом:

- способствовать нашей внешней политике в деле быстрейшей ликвидации остатков колониальной системы;
- помогать национально-освободительному движению в оставшихся колониях;
- следить за политикой бывших и теперешних колонизаторов: Англии, Франции, Бельгии и Португалии;
- разобраться в политике США по отношению к Африке;
- анализировать ситуацию в каждой африканской стране - останется ли она в орбите старой системы или пойдёт новым путём;
- приобретать среди африканцев друзей и союзников;
- решать вопросы безопасности советской колонии, наших посольств и других учреждений.

Трудности, с которыми встретились наши сотрудники в Африке, проявились сразу же: бытовая неустроенность, сложности в достижении взаимопонимания с африканцами (их необязательность, раздражительность, наивность, безосновательные надежды на нашу помощь). Короче, совсем другой менталитет и другие условия жизни. Но интерес к Африке не угасал, и большинство наших сотрудников с юмором и величайшим терпением преодолевали трудности, тем более что преодоление трудностей давно стало девизом нашей жизни: «И вся-то

наша жизнь есть борьба» - пелось когда-то в «Марше Будённого».

В качестве заместителя, а потом и начальника африканского отдела я регулярно выезжал в командировки в различные страны Африки. Изучал обстановку на месте. Встречался с африканскими деятелями. Помогал, чем мог, своим коллегам. Несколько больших путешествий совершил в составе различных делегаций. Старался каждый раз выкроить время на то, чтобы провести два-три дня вне столиц, забраться в африканскую глубинку и увидеть ещё не виданное, не описанное, удивительное. И это удавалось. Материалов в виде записных книжек набралось много, может быть, на несколько книг. Да ещё я неустанно щёлкал при этом двумя фотоаппаратами и жужжал кинокамерой. Жадность была необыкновенная - я стремился запечатлеть всё мало-мальски интересное и полезное. Я отчётливо осознавал неповторимость каждого мига, проведённого к югу от Сахары, и мне бесконечно дорого всё, что было запечатлено, записано и отложилось в памяти вне записей и плёнок.

Разрозненно и без соблюдения хронологии приведу несколько запомнившихся картин и ситуаций из африканских командировок.

Ноябрь 1961 года. Гвинея. Первый, но не последний приезд в эту страну. Груды нашей ржавой техники повсеместно, в основном грузовых автомобилей. Здесь, как выяснилось слишком поздно, нет людей, которые могут их обслуживать. Это нагромождение металла - достойный памятник нашей расточительности и бесхозяйственности. А грузовики всё гонят и гонят в Гвинею. Возвращаясь из Канкана в Конакри, снова видим колонну наших машин, идущих навстречу. Её сопровождают наши механики. Разговариваем. «Давно ли в пути?» - «Два дня». - «Так ведь от Конакри до этого места всего сто километров!» - «Выехали из Конакри рано утром в субботу, отъехали километров тридцать, остановились у одной деревни, откуда родом были несколько шофёров из нашей колонны, пришли их жёны, друзья, знакомые, включили транзисторы, начались танцы. Так и протанцевали всю субботу и воскресенье, а теперь вот, слава Богу, снова тронулись в путь!»

В гвинейской глубинке работает уже много наших специалистов. Большой отряд геологов. Они ищут нефть, золото, сырьё для цемента, бокситы. Наши инженеры проектируют строительство консервного завода, кожевенного комбината, крупной молочной фермы.

Анастас Иванович Микоян, подводя итоги пребывания делегации, страшно ругается: «Почему все эти предприятия хотят строить в разных районах? Дураку ясно, что всё это должно быть сосредоточено в одном месте! Есть у нас в стране хозяин или нет?» Понимать Микояна очень трудно: кончик носа у него почти соприкасается с нижней губой. Хорошо, что хоть не надо его переводить. Но о Микояне у меня приятные воспоминания. Однажды на каком-то обеде с Насером нас, переводчиков, не посадили за стол и унизили тем, что разместили позади обедающих. Микоян сочувствовал нам, возмущался и протягивал нам рюмки с коньяком, но закуски, правда, не давал...

Есть в гвинейских деревнях и наши учителя - это студентки третьих курсов педагогических институтов. Они преподают разные предметы гвинейским школьникам. Школы чаще всего представляют собой навесы на столбах от солнца и тропических ливней. Не хватает электричества и продуктов питания. Девицы побойчее находят себе друзей из числа немногочисленных европейцев, ливанцев, а также африканцев, а некоторые, ещё совсем мамины дочки, хранят верность своим друзьям, ох, в каком далёком Советском Союзе. Одна такая девчушка растрогала нас своим рассказом о том, как она «проходит» с гвинейскими школьниками тему «Русская зима по произведениям Чайковского». Так и стоит перед глазами эта сцена: загончик с навесом, примитивный проигрыватель с пластинками Чайковского и белокурая девочка, окружённая негритятами, рассказывает в страшной жаре при стопроцентной влажности о русской зиме.

Февраль 1968 года. Сенегал. Граница с Португальской Гвинеей. Посещаем лагерь и полевой госпиталь ПАИГК («Африканская партия независимости Гвинеи и Островов Зелёного Мыса»). Встречает и сопровождает нас командующий этой военной зоной Луис Кабраль, младший брат лидера партии Амилькара Кабраля. Вдруг слышим украинский говорок. Это приветствуют нас медсёстры госпиталя - гвинейки, окончившие медицинское училище в Киеве. Оказывается, можно услышать удивительную смесь русского и украинского языков и в африканских джунглях. В госпитале около 80 раненых. Главный врач - португалец, перешедший на сторону повстанцев (такие случаи иногда были). Среди раненых маленькое чёрное дитя шести месяцев от роду с простреленной ножкой. Мать его погибла при обстреле деревни, где была база ПАИГК. Теперь, как нам сказали, его будет воспитывать партия. Провинция Казаманс там же, в Сенегале. Тот же февраль 1968 года. У своей хижины сидит старичок - явление в Африке редкое. Здесь умирают рано. Пытаемся поговорить с ним при помощи мальчишек, которые посещают школу и, следовательно, знают французский язык, на котором ведётся преподавание. Мы ищем дорогу в населённый пункт, где живёт местная королева. Старик не знает. Далее выясняется, что он не знает также, кто такой президент Сенгор, не знает, в каком государстве живёт, и никогда не был в провинциальном центре, который находится всего в 35-40 км.

Королеву мы всё же нашли. У неё был настоящий соломенный дворец, королевский двор с дворней, подданные (в большинстве своём голые) и священное дерево с большим дуплом. Принимала она нас со своими двумя очень высокими дочерьми, стоявшими всё время, как стражи, слева и справа от матери. Королеве на вид было лет сорок пять, лицо умное и волевое. Величали её, действительно, королевой, но на самом деле она была колдунья и знахарка, лечившая жителей округи от всех болезней. Управляла она, как нам объяснили, и силами природы, вызывая в основном дождь, когда это было нужно для посевов, а также распределяла между жителями деревни пальмовое вино, изготовленное на общественных началах.

После беседы королева с видимым удовольствием приняла от нас в подарок бутылку водки (мы объяснили ей, что это такое), а голым детишкам из числа дворни раздали пачку сахара по одному-два кусочка каждому (чтобы всем хватило). В конце аудиенции мы поинтересовались: «Где же король?» Королева ответила: «Я его послала ловить рыбу». В дальнейшем выяснилась ничтожная роль короля при дворе. Собственно, он был не король, а лишь муж королевы. Было это в деревне Сигана в 30 км от города Зигиншор, а саму королеву звали Сибет.

Февраль 1967 года. Конго (Браззавиль). Смешанная делегация из представителей различных ведомств по вопросам национально-освободительного движения. Руководство правящей партии даёт нам обед на лоне природы, у живописного озерка, окружённого пышной растительностью и диковинными цветами. В меню курица по-африкански. Изрядно проголодавшись, впиваемся в курицу - и глаза лезут на лоб, обильно льются «скупые» мужские слёзы, горло горит от насквозь проперчённой курицы.

Руководители партии хохочут. Члены Политбюро искренне радуются и покровительственно говорят: «Вы, европейцы, этого выдержать не можете!» Кто-то хватается за воду, кто-то за пиво. Горло пылает ещё больше. Наконец нам дают полезный совет: «Пейте белое вино - и всё пройдёт!» Действительно, становится легче. Начинаем выяснять, как же готовится такой шедевр кулинарии. А просто: вынимают внутренности и вместо них закладывают перец, а потом курицу зажаривают со всех сторон наподобие шашлыка. Перец в большинстве африканских стран называется «пили-пили». По-арабски это «филь-филь». Явно одно и то же слово. Скорее всего, и перец, и его название завезли в Африку из Восточной Азии арабские купцы, и после этого «пили-пили» стал основным дезинфицирующим средством для всех африканских желудков, заменяя сотни различных медикаментов, употребляемых вне Африки.

И снова Гвинея, где население вне столицы Конакри ходит до пояса обнажённым. Куда-то едем по просёлочной дороге. Навстречу идёт красивая статная африканка с обнажённой великолепной грудью, сопровождаемая кучей маленьких ребятишек. На голове, как водится, несёт внушительную поклажу. Есть версия, что от постоянного ношения грузов на голове шея у африканок становится не короче, а, наоборот, вытягивается наподобие лебединой.

Мы вылезли из машины и начали разговор. Знания французского у африканки были близки к нулю. Но с нашим утверждением, что мадам очень красивая женщина и что у неё прелестные дети, она всё же согласилась, радостно закивав. Однако на предложение сфотографироваться красавица ответила отказом. Тогда пришлось прибегнуть к чисто колонизаторскому приёму: для детей нашлись шоколадные конфеты. Согласие на фотографирование было получено. Мадам сняла груз с головы, встала в позу и, перед тем как сфотографироваться, царственным жестом отряхнула дорожную пыль с грудей и расправила их для съёмки. Очевидно, она понимала, куда

главным образом будут нацелены фотоаппараты.

Увы, этой фотографии у меня нет. В Конакри удалось купить лишь залежалую плёнку производства ГДР, которая хранилась варварским способом и просто не проявилась. А может, и хорошо, что нет этой фотографии. Если бы она была, то, пожалуй, не сохранились бы такие приятные воспоминания. Возможно, неудачная материализация этой сцены ослабила бы впечатления от неё, а так, отдаляясь во времени, сценка из прошлого обрастает новыми подробностями и можно без конца додумывать недостающие детали. Куда шла красивая африканка с детьми по пустынной дороге среди бескрайней гвинейской саванны? Может быть, к родственникам в соседнюю деревню, а может быть, на воскресный базар? И сколько было детишек - четверо или пятеро? И куда мы ехали и зачем? Стойко сохранилось в памяти ощущение утомлённости и усталости от дороги, от избыточного щедрого африканского солнца и вот... эта встреча, которая нас оживила, пробудила наше любопытство, заставила позабыть об усталости. Хороший, однако, был сюжет для какого-нибудь наблюдательного живописца. Много таких мадонн бродит с детьми и тяжёлой поклажей на голове по африканским дорогам...

Перемещаясь по дорогам Африки, можно увидеть массу интересного и совершенно для нас необычного.

Вот маленькое селение из шести-семи круглых каз - лёгких строений из прутьев. Самая молодая жена их владельца, ещё совсем подросток, счастливо улыбаясь, нянчит своего первенца, а старая, уже нелюбимая жена толчёт в громадной деревянной ступе зерно, делает из него муку. Работу эту она выполняет машинально несколько часов подряд и без всякого выражения на лице.

Вот на обочине дороги стоят трое мальчишек лет десяти-двенадцати. Одеты в какие-то лохмотья, а лица выкрашены в разные, не очень яркие цвета - что-то сине-зелёно-фиолетовое. Останавливаемся, выясняем, в чём дело. Дети в школу не ходят, поэтому французский знают слабо, но всё же мы в конце концов разбираемся, что раскрашены мальчишки не ради озорства, а в сугубо практических целях. Оказывается, такая раскраска отгоняет злых духов.

А вот и горящая саванна. Споро горят сухие ветви кустарников, маленькие деревца, высокая высохшая трава. Приближаюсь с киноаппаратом. Навстречу летит пепел, и становится жарко. Пожар в саванне никого не беспокоит. После пожара земля покроется золой и пеплом, скоро наступит сезон ливней, и снова всё буйно начнёт расти и цвести. Здесь свои законы природы.

Такой представала африканская действительность перед нашими глазами. Когда же мы пытались осмыслить свою деятельность в Африке в идеологическом плане, то нередко оказывались в плену теоретических грёз.

На наших семинарах и научных конференциях шли острые дебаты. Возможна ли диктатура пролетариата в Африке? Возможен ли переход к

социализму без развитого рабочего класса? Может ли его отсутствие заменить диктатура трудового крестьянства? Целесообразно ли развивать тяжёлую промышленность в малых африканских странах? Что такое некапиталистический путь развития в Африке? Что такое государство национальной демократии? Есть ли на самом деле страны социалистической ориентации? И что это за таинственная ориентация - она то явится, то растворится без следа? Уж очень кратковременной получается социалистическая ориентация. Вопросов возникало много. И очень мало было ответов.

Сейчас эти проблемы вообще кажутся наивными и даже надуманными. Но тогда мы их серьёзно обсуждали и искали истину.

А одна из истин заключалась, в частности, в том, что чем ближе соприкасался работник загранаппарата с местной действительностью, тем лучше понимал, насколько трудно она укладывается в рамки нашей концепции развития Африки. Люди же на Старой площади исходили в первую очередь из незыблемости теории, утверждавшей неизбежность перехода всех стран к социализму. Они общались с руководителями африканских государств, которые охотно соглашались со взглядами советских руководителей, лишь бы получить любую экономическую и военную помощь. Да и информация, поступавшая в Москву с мест, по мере продвижения наверх приобретала всё более обобщённый характер, что затрудняло понимание истинного положения вещей.

Компетентные люди рассказывали, что Н.С. Хрущёв, провожая Н.М.Пегова послом в Алжир, строго наказывал: «Ваша задача - сделать всё, чтобы Алжир стал социалистическим, а мы здесь постараемся облегчить вашу задачу». И облегчили - дали ни за что ни про что Звезду Героя Советского Союза ныне здравствующему Бен Бёлле.

Аппаратами посольства и научными учреждениями были исписаны сотни тысяч страниц на тему о некапиталистическом пути развития и о социалистической ориентации. Что же, всё это антинаучный хлам? Я так не думаю. В этих книгах и статьях есть интересные факты, наблюдения, мысли, которые подтверждают, что экономическая и культурная отсталость африканских стран, задачи укрепления государственности, а также господствовавшее в условиях общинного существования коллективистское сознание требовали активного государственного вмешательства во все сферы жизни и централизованного планирования развития хозяйства и культуры. В одном я, пожалуй, никогда не заблуждался: не верил в возможность скоротечных преобразований в Африке и всегда утверждал, что эти процессы займут долгие десятки, а может быть, даже и сотни лет.

Было бы неверным представлять Хрущёва совершенно наивным в этом вопросе. После наших первых опытов в Африке он, встречаясь с африканскими деятелями, уже говорил им: «Не рвите экономические связи с метрополиями, старайтесь извлекать для себя пользу из реально существующих отношений». Отрезвление, хотя и не очень быстрое, наступало. Практики всё более решительно критиковали теоретиков в

высоких инстанциях. Бурные дебаты постоянно шли и в МИД СССР, и в международном отделе ЦК КПСС.

Вообще же разговоры о нашем активном вмешательстве во внутренние дела африканских стран мне кажутся несостоятельными. Помогать - помогали, советы по поводу плановой экономики давали, оружие поставляли, но только по официальным просьбам правительств. Сотрудничали и со спецслужбами африканских государств, но инициатива всегда исходила от самих африканцев.

Пожалуй, единственным примером нашего вмешательства во внутренний африканский конфликт является Бельгийское Конго (Заир). Там во время гражданской войны 1960-1962 годов наши симпатии, естественно, были на стороне Патриса Лумумбы и его последователей, которым мы оказывали помощь и поддержку. Там и наши товарищи хорошо потрудились. С опасностью для жизни в охваченном пожаром войны Конго наши разведчики Леонид Гаврилович Подгорнов, Георгий Арсеньевич Федяшин, Олег Иванович Нажёсткин собирали информацию, устанавливали нужные контакты. А наш резидент в Леопольдвиле (Киншаса) Борис Сергеевич Воронин однажды во время встречи со своим африканским знакомым был арестован, заключён в темницу, но, поскольку имел дипломатический паспорт, через некоторое время был депортирован из страны через Брюссель. Однако перед депортацией президент Заира Мобуту доставил себе удовольствие и немного «потешился». Он лично сопроводил Воронина и его спутника на место «расстрела» и даже ставил их к стенке.

Контакты КГБ с органами безопасности африканских стран возникали и угасали, но существовали всегда. Сводились эти отношения в основном к обмену информацией, представлявшей взаимный интерес, к краткосрочной подготовке кадров в Москве и на местах, к помощи оперативной техникой. Обучение кадров было свободно от преподавания политических дисциплин, за исключением редких случаев, когда поступали специальные просьбы на этот счёт.

Со многими руководителями спецслужб я встречался, и многие оставили по себе хорошую память и своей компетентностью, и своей любознательностью, и преданностью своему государству. Называть всех персонально было бы неразумно, так как люди эти в большинстве своём продолжают жить и трудиться и неизвестно, как они отнесутся к упоминанию их имён.

Не указывая имени, расскажу об анекдотическом случае. Однажды молодой руководитель органов безопасности, с которым я до того неоднократно встречался, вдруг задал мне неожиданный вопрос: «Можно, я буду называть вас папой?» Такого в моей практике ещё не было. Я даже несколько оторопел. Придя в себя, с серьёзным видом ответил: «Мне очень лестно такое предложение, и я вполне согласен быть папой». Реакция была такая: «Теперь я могу наконец доложить моему президенту, что у меня есть папа в Москве!» История эта, однако, закончилась печально. Молодой, симпатичный и жизнерадостный руководитель

спецслужбы попал в число участников заговора против своего президента и ныне пребывает в заключении.

Наши «африканцы» первого поколения разбрелись по всему свету. Многие позднее были направлены на работу в страны Европы и Западного полушария, но остаются верными региону ветераны Африки.

В 1961 году после окончания МГУ и непродолжительной работы в Институте востоковедения АН СССР пришёл в африканский отдел Владимир Николаевич Иванов и долго числился самым молодым сотрудником. Но время в разведке идёт очень быстро, и сейчас генерал-майор Иванов, ни разу не изменивший Африке, проработавший во многих её странах и давно ставший ветераном, является начальником африканского отдела Службы внешней разведки.

А первым начальником отдела был Аркадий Иванович Куликов, человек справедливый, не терпевший всякого рода интриг, сплетен и тому подобного. Он много сделал для становления отдела. По складу характера Аркадий Иванович был прирождённый воспитатель.

Из ветеранов отдела упомяну ещё Андрея Николаевича Зеленина, который на редкость лёгок на подъём и динамичен в работе, благодаря чему быстро выдвинулся в руководители и успел продуктивно поработать на севере Африки - в Тунисе, Алжире, Марокко и Египте.

Хочу закончить эту главу, с благодарностью вспомнив коллег и друзей из МИД СССР, возглавлявших в тот период африканские отделы и работавших послами в африканских странах, - это Алексей Алексеевич Шведов, Борис Иванович Караваев, Геннадий Иванович Фомин, Алексей Дмитриевич Щиборин, Владимир Васильевич Гнедых.

Ещё одна арабо-израильская война

В июне 1967 года разразилась третья по счёту арабо-израильская война, и Израиль нанёс арабским странам очередное жестокое поражение.

Вначале имели место пограничные столкновения между Сирией и Израилем, затем египтяне начали блокаду израильского порта Эйлат в Акабском заливе. Последнее обстоятельство Израиль использовал как предлог для начала войны и в течение 5-10 июня 1967 года захватил сектор Газа, Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты.

В Египте это поражение вызвало волну возмущения против руководства страны и особенно против командования армии. 9 июня Насер заявил о своей отставке с поста президента, но египтяне вышли на улицы Каира и высказали свою решительную поддержку Насеру. В жертву были принесены маршал Абд аль-Хаким Амер и другие крупные военачальники. Они были отстранены от занимаемых должностей и арестованы как главные виновники поражения Египта в войне.

Да, власть, политика, государственные интересы не способствуют сохранению дружбы. Казалось, не было людей более близких, чем Герои Советского Союза Насер и Амер. В молодости они к тому же поклялись друг другу в вечной дружбе, и их братские отношения рассматривались в Египте как пример человеческой верности. Но... Насера народ поддержал, и Амер свергнут.

Наряду с недовольством собственным военным командованием в народе и особенно в армии получили распространение обычные в таких случаях обвинения и в адрес Советского Союза, который-де поставляет устаревшую технику и посылает в Египет некомпетентных военных советников, не знающих, что такое современная война. Сами военные советники и специалисты отмечали ухудшение отношения к ним со стороны местного населения. Один из них жаловался: «Плохо стали с нами обращаться. Раньше были такие вежливые... Называли нас „мистер Ваня», „мадам Таня», а теперь стали грубо обращаться: „Эй, Иван!»«

В советско-египетских отношениях наступил очередной этап напряжённости. Советское руководство приняло решение срочно направить в Египет авторитетную делегацию, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, наметить планы на будущее, а главное - поддержать Насера конкретной помощью в этот очень трудный для него период.

20 июня 1967 года я, как обычно, пришёл на работу и начал заниматься своими служебными делами, но вдруг последовала команда сегодня же вылететь в Египет вместе с делегацией Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного. На аэродроме Внуково-2 Ю.В. Андропов представил меня Подгорному как специалиста по Египту и как человека, который будет докладывать ему информацию разведки. В составе делегации были хорошо знакомые мне заместитель министра иностранных дел Яков Александрович Малик и заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД Алексей Дмитриевич Щиборин.

К вечеру того же дня мы оказались на острове Большой Бриони, одном из двенадцати островов архипелага Бриони. Сюда мы были доставлены с аэродрома города Пула на яхте со странным названием «Подгорка». Мне не удалось выяснить, то ли эта яхта и раньше так называлась, то ли её специально переименовали в честь советского гостя.

Встречал нас Иосип Броз Тито, и сам за рулём, посадив рядом с собой Подгорного, повёз его в открытой машине в главную резиденцию Большого Бриони. Семидесятипятилетний маршал («Живио маршал Сталин, живио маршал Тито» - был такой лозунг) выглядел весьма бодро, манеры у него были свободные, раскованные, светские. По-русски говорил бегло, но с заметным акцентом. Одет был нарядно и являл собой крайнюю степень достоинства, самоуверенности и всевластия. Сопровождающие лица смотрели ему в рот и старались предугадать его желания. Знакомая нам, однако, картина.

Всё, что касалось Египта, чрезвычайно интересовало Тито - ведь он вместе с Насером и Неру был лидером и создателем Движения неприсоединения. И именно здесь, на Большом Бриони, в июле 1956 года была подписана Брионская декларация, провозгласившая принципы этого движения. Поэтому Тито не только в деталях расспрашивал обо всём Подгорного, но и заручился его согласием на обратном пути из Каира в Москву снова сделать остановку в Бриони, с тем чтобы узнать о результатах советско-египетских договорённостей.

Есть на свете удивительные по красоте места, словно специально созданные для безмятежного отдыха и наслаждения природой, - с тёплым морем, чистым воздухом и богатой растительностью. Один из таких райских уголков - остров Большой Бриони. Здесь находилось тогда несколько зданий, составлявших комплекс для приёма гостей Тито, а рядом, на острове Ванга, располагалась его летняя резиденция. Население Большого Бриони составляли лишь служащие, обеспечивавшие уход за зданиями, охрану и поддержание порядка на острове, следившие за его флорой и фауной. Сюда завезли многочисленных животных, которые бегали на воле, никого не опасаясь. Многие из них вообще стали ручными. На глаза попадались косули, лани, олени, зайцы, белки, фазаны. Весь остров напоминал большой зоопарк. Хищники содержались в клетках. Маршал Тито очень любил принимать в качестве подарков редких животных.

Пока Подгорный беседовал с Тито, сопровождавшие делегацию лица осматривали остров. Тем же занимались и утром на следующий день. На живописной поляне греются на солнце три зайца. Впечатление такое, что они ведут между собой неторопливый разговор. Чуть подальше ещё несколько заячьих групп. И эти зайцы, и другие животные, и сам пейзаж живо напоминают Страну Чудес, в которую попала во сне девочка Алиса. По возвращении на остров на обратном пути это впечатление только усилилось.

Хорошо было отдыхать на субтропическом Бриони, но надо двигаться к цели, брать курс на Египет. Снова яхта «Подгорка» и аэродром в Пуле. У самолёта стоит Тито, на этот раз в белом костюме (костюмы он менял постоянно) и соломенной шляпе, лихо сдвинутой влево, на мизинце левой руки - большой перстень со сверкающим бриллиантом. Самолёт очень долго не двигается, а Тито всё стоит, переминаясь с ноги на ногу, и улыбается, и эта долгая-долгая улыбка уже теряет свою естественность. Наконец самолёт тронулся, набрал скорость и взлетел, Тито скрылся, а его улыбка как бы осталась висеть в воздухе.

При подлёте к египетским границам нас встретили истребители сопровождения, и под их охраной самолёт приземлился в Каире. На аэродроме делегацию приветствовал сам Насер со своими ближайшими соратниками, растерянный и даже как бы несколько отрешённый. На пути к дворцу Кубба десятки тысяч египтян скандируют: «Насер - Подгорни! Насер - Подгорни!», но чаще слышится: «Насер - Горни! Насер - Горни!» - так легче кричать.

Началась работа. Н.В.Подгорный то ли в силу новой для него темы советско-египетских отношений, то ли из-за сорокаградусной жары информацию воспринимал тяжело. При чтении бумаг устало шевелил губами, раздражался и отвлекался на поиски других очков, сигарет или спичек, то требовал, чтобы охранник принёс ему воды и сам никуда не отлучался, был бы у него под рукой. В общем, ему всё время или что-нибудь мешало, или чего-то не хватало. Никаких вопросов Подгорный обычно не задавал и ни к чему любопытства не проявлял.

Каир жил своей обычной шумной, многолюдной и пыльной жизнью. Баввабы (привратники) пили дешёвый кофе на улице у подъездов, в кафе раздавался стук нард. О войне, которая закончилась десять дней назад, напоминали только мешки с песком у входа в некоторые здания и хвастливые плакаты на арабском языке в рифму: «Абдель Насер я хабиб букра ныдхуль Тель-Абиб!», что по-русски звучит так: «Абдель Насер, наш любимый, завтра будем в Тель-Авиве!»

В Каире соединились арабисты, прибывшие с Подгорным и работавшие на месте, и в оживлённой беседе пролетело несколько часов за обсуждением текущих дел и перспектив развития событий. Все давно знали друг друга. Было что вспомнить и об институтских годах, и о каирской жизни более раннего периода. В этих беседах участвовали наряду с другими Евгений Примаков - собственный корреспондент «Правды» в Египте, Вадим Синельников - советник посольства по партийным связям и Игорь Беляев, работавший тогда в «Правде».

Встретился я и с начальником Службы общей разведки Салахом Насром для обмена мнениями об обстановке и о проблемах развития нашего сотрудничества. Он держался любезно, как никогда приветливо и с готовностью принимал (по крайней мере на словах) все наши предложения. Но мне показалось, что он чувствует себя неуверенно и чем-то встревожен. Эти наблюдения и ощущения оказались правильными. Прошло ещё немного времени, и Салах Наср пошёл под арест как участник «заговора Амера».

Переговоры с Насером продолжались два дня и закончились успешно. Насер высказался за урегулирование конфликта мирным путём при нашей активной политической поддержке, если, конечно, будут выполнены резолюции ООН и Израиль в течение шести месяцев освободит оккупированные территории. Мы обещали Насеру оказать более действенную помощь в организации ПВО Египта, обновить коллектив военных советников и усилить наше присутствие в Средиземном море. В ходе переговоров Подгорный предостерёг Насера от разного рода военных авантюр на Ближнем Востоке.

Здесь уместно со всей ответственностью и категоричностью сказать, что никогда советское руководство не подстрекало и не подталкивало египетских лидеров, как и лидеров других арабских стран, к войне с Израилем. Как очевидец и участник событий, считаю необходимым об этом заявить, поскольку на этот счёт распространяется много небылиц и в зарубежной печати, и в нашей собственной. Не исключаю, что отдельные

советские военные советники в арабских странах, исполненные профессиональной гордости за проделанную работу, могли допустить неосторожные высказывания, например, о том, что, мол, египетская или сирийская армия уже не та, что прежде, и вполне готова нанести сокрушительный удар по Израилю. Что же касается советского руководства, то оно не только не занималось подстрекательской деятельностью и не только предостерегало арабов от неверных шагов, но и просто опасалось развязывания разного рода конфликтов, которые каждый раз оборачивались против интересов внешней политики СССР;

Показательна в этом отношении и описываемая командировка в Египет. Мне, в частности, поручалось собрать информацию о действительных военно-политических планах Египта и главным образом о том, не собирается ли Насер в ближайшее время возобновить военные действия. По всему выходило, что пока не собирается. На эту же тему я беседовал и с нашим послом в Каире Дмитрием Петровичем Пожидаевым, сопровождавшим любой серьёзный разговор шутками и прибаутками. Посол утверждал, что по крайней мере в течение ближайших шести месяцев Насер войну не начнёт. «Я в этом убеждён, - говорил посол.-Если окажусь не прав, то назовите мне номер трамвая, под колёса которого я должен положить свою голову». Действительно, голову на рельсы под московский трамвай Дмитрию Петровичу класть не пришлось. Египетскому руководству для начала новой войны потребовалось не шесть месяцев, а шесть лет. На этот раз война могла быть если не победоносной, то, во всяком случае, успешной. И в этой войне арабские армии привели к поражению не генералы, а лично Садат.

Командировка в Египет подошла к концу, мы снова взяли курс на город Пула, и всё опять повторилось: Тито, яхта «Подгорка», Большой Бриони. Тито, конечно, выжал максимум информации из Подгорного и пригласил его на отдых в Югославию. Всех нас порадовала не запланированная ранее ночёвка на Бриони, и очень уж хотелось отмыться в водах Адриатики от каирской пыли и копоти и отдохнуть от суеты и нервотрёпки.

Гамаль Абдель Насер

О Насере написано много, и многое ещё предстоит написать. Как революционер и политический деятель он появился тогда, когда Египту, арабскому миру и Африке как раз был необходим человек, способный возглавить борьбу против прогнивших монархий, феодальных порядков и колониализма.

Насер был нужный человек в нужное время.

Именно благодаря деятельности Насера возникли и умножились сначала египетско-советские деловые и дружественные связи, а потом и связи СССР со всем арабским миром. И надо сказать, что советско-арабские отношения на долгие годы стали важным фактором всей мировой политики.

Личность Насера вызывала у меня огромный интерес: я постоянно старался узнать о нём как можно больше. Может быть, Насер был даже одним из последних романтиков в политике: он уважал достойного собеседника, держал своё слово, верил в счастливое будущее своего народа.

В течение долгих лет работы в Египте в двух командировках (около 10 лет) я написал много служебных телеграмм и почтовых корреспонденции, где главным действующим лицом был Гамаль Абдель Насер. Даже когда он ушёл из жизни и президентом Египта стал Садат, всё равно, анализируя деятельность последнего, я неизбежно возвращался к Насеру, постоянно сравнивая одного с другим.

Не место здесь, в личных воспоминаниях, далее углубляться в вопросы политической значимости Насера, тем более что каких-либо сенсаций на этот счёт мной не припасено. Я просто хочу посвятить несколько страниц своим наблюдениям, тому, что отложилось в памяти, чтобы читатель мог лучше представить себе Насера не только как руководителя страны и политика, но прежде всего как реального человека.

В наших партийных и служебных характеристиках, если нужно было подчеркнуть общественную значимость человека, долгие годы писалось: «Общественные интересы ставит выше личных». Вот это наше бюрократическое клише наилучшим образом по своей сути подходит к Насеру. Он рано осознал свою значимость как политического деятеля и подчинил всего себя служению Египту и национально-освободительному движению. Мало сказать, что Насер пользовался высоким авторитетом во всём арабском мире. Арабы по-настоящему любили его и гордились им. Он олицетворял для них надежду на лучшее будущее. Во всех арабских странах на стенах частных домов, лавок, кафе можно было увидеть портреты Насера, за исключением, естественно, тех ситуаций, когда это грозило прямыми репрессиями. Меня лично поразило обилие портретов Насера и проявление к нему чувств необычайного уважения и признательности в королевской Ливии. Я провёл там несколько дней в ноябре 1963 года и обнаружил, что буквально в каждой лавке на базаре в Триполи висит большой цветной портрет Насера, а рядом - маленький чёрно-белый портрет Идриса, о чём, конечно, не мог не знать и сам король.

К вещам, личному благополучию и тем более к каким-либо видам накопительства Насер был совершенно равнодушен и жил лишь интересами идейно-политическими. Эти качества Насера хорошо иллюстрирует его собственное жилище. Он прожил всю жизнь в том самом доме на территории военного городка в районе Аббасийя, который занимал, будучи бекбаши - подполковником египетской армии. Позднее дом был лишь несколько модернизирован.

Насер устоял от соблазна повысить себя в воинском звании, что сделали почти все правители из военных. Взять хотя бы того же Садата - он изобретал для себя знаки отличия, придумал себе форму Верховного

Главнокомандующего (он выдумал себе ещё и титул «верховного военного правителя»). Садат столько накрутил себе золотых разводов на фуражку, на погоны, на петлицы, на ленту через плечо, что в глазах у смотрящего появлялись рябь и мерцание от избытка этих украшений. Кстати говоря, мундир Садата стал прекрасной мишенью 6 октября 1981 года во время парада по случаю 8-й годовщины «дня Победы», когда Садат и был убит.

В западной прессе распространялось много небылиц о личной жизни Насера и, в частности, систематически появлялись публикации о переводе им своих личных (понятно, что незаконных) капиталов в швейцарские банки. Но действительность и прежде всего скромный образ жизни Насера находились в таком вопиющем противоречии с этими утверждениями, что подобные «сенсации» лопались одна за другой и в конечном счёте от них ничего не осталось. После смерти Насера на его личном счету оказалось всего 600 египетских фунтов!

Во время первого визита Насера в Советский Союз (апрель-май 1958 года) Н.С.Хрущёв как-то спросил его, чем он занимается в свободное время. Насер ответил, что в редкие свободные часы увлекается любительской киносъёмкой. Вокруг этой темы завязался разговор, в ходе которого Хрущёв сказал, что цветная киноплёнка смотрится куда лучше, чем чёрно-белая. На это Насер ответил, что цветная киноплёнка ему не по карману. Причём сказано это было безо всякой рисовки, просто как констатация житейского порядка.

Говоря о скромности Насера, уместно упомянуть и о его отношении к своей личной безопасности. Когда он ездил на автомашине по Каиру, его всегда окружало довольно плотное кольцо охранников. Но этим, по существу, дело и ограничивалось. Никаких других мер безопасности не принималось, и сам Насер не отличался какой-либо повышенной подозрительностью. Об этом я сужу на основании фактов.

Дело в том, что через моего друга из окружения Насера в 1956 году поступила просьба о присылке в Каир специалистов для консультаций по вопросам организации более надёжной охраны главы государства. Мы эту просьбу поддержали, и вскоре в Каир прилетели два руководителя 9-го управления КГБ. Насер пригласил нас к себе на обед и в очень тёплой домашней обстановке высказал несколько пожеланий, как соответствующие египетские службы должны были бы воспользоваться нашим опытом для организации охраны высшего египетского руководства. Просьба о приезде наших специалистов была вызвана тем, что египетская разведка и контрразведка стали с некоторых пор (а дело было как раз накануне тройственной агрессии) получать информацию о зарубежных и внутренних планах физического устранения Насера.

В ходе нескольких бесед с лицами, которые обеспечивали охрану Насера в пути, в местах собраний и манифестаций, на службе, во время поездок за границу и дома, мы убедились, что никакой охраны, кроме группы телохранителей, вообще не существует. Хлеб, как выяснилось, повар Насера покупал в лавке напротив дома президента, а мясо и овощи

- на ближайшем базаре. Никакого медицинского контроля за продуктами питания не было, и никто на этот счёт не проявлял беспокойства. Не было в ту пору и никакой надёжной сигнализации в системе охраны помещений, где жил и работал Насер. Обсуждали мы и проблему возможного заноса в служебные помещения и залы заседаний радиоактивных и отравляющих веществ.

Египтяне хотели получить от нас специальную аппаратуру для обнаружения таких веществ и были шокированы, когда наши генерал и полковник порекомендовали проверять помещения при помощи птички в клетке. Если птичка погибнет - значит, и человеку находиться в этом помещении опасно. Египтяне никак не могли поверить в эффективность этого способа и всё время спрашивали, нет ли более современной технологии. Наши авторитетные специалисты отвечали, что кое-какие работы в этом направлении ведутся, но «птичка всё равно лучше». Потом эта «птичка» долго упоминалась в наших разговорах с египетскими коллегами: «И то хорошо, и то прекрасно, но птичка всё-таки лучше».

Насер был прекрасным оратором. Он часто выступал перед массовой аудиторией, и его всегда слушали с большим вниманием, как заворожённые. Надо иметь в виду, что Насер обращался одновременно и к грамотному, и к совершенно неграмотному населению и последнее обстоятельство всегда принимал в расчёт. Он по нескольку раз повторял одну и ту же мысль или даже одну и ту же фразу с небольшими вариациями. Таким способом он добивался, чтобы мысль пробила дорогу в сознание слушателя и прочно усвоилась.

Одевался Насер просто, не любил разных украшений вроде запонок, заколок для галстука, но костюм на его представительной фигуре сидел всегда отлично. Стригся он коротко, и всё в нём выдавало человека военного, навсегда усвоившего армейскую привычку к строгости в одежде и к подтянутости во внешнем виде.

Он и сам определял по внешнему виду человека, служил тот в армии или нет. Для него это было важно. Во время первого визита Насера в Москву мы с Викентием Павловичем Соболёвым подошли к нему для согласования каких-то вопросов, а он нам вместо приветствия бросил: «Ребята, что-то у вас выправка и шаг чисто военные!» Насер, конечно, пошутил: ему хорошо была известна наша ведомственная принадлежность.

Насер никогда и никому не подражал, для него в этом и не было необходимости - он сам был цельной натурой, достойной подражания. И здесь вновь напрашивается сравнение с Садатом, который всё время играл какую-нибудь роль, жил постоянно «в образе»: изображал из себя то философа, то отца нации, то хитроумного политика, то военного стратега. Многим в Египте известно, что в молодости образцом для подражания ему служил Гитлер. Это объясняется и политическими обстоятельствами: немцы в годы второй мировой войны одно время одерживали победы над англичанами в Африке, и некоторые египетские политические деятели и армейские офицеры ждали прихода в Каир

Роммеля как избавителя от английской оккупации. На долгие годы внимание Садата привлекли такие фигуры, как Черчилль и Сталин. Им он тоже стремился подражать, изучал их биографии и особенно манеру их поведения. Садата преследовало желание произнести перед народом непременно историческую речь, которая бы навсегда запомнилась нации и имела решающее значение в политической жизни страны. В связи с этим он испытывал повышенный интерес к известному обращению Сталина к народу 3 июля 1941 года. По мнению ряда историков, эта речь сыграла большую роль в мобилизации советского народа на борьбу с немецкими оккупантами. Именно такую речь и хотелось произнести Садату, в чём он признался нашему послу В.М.Виноградову. Но вернёмся к Насеру.

Несмотря на импозантность всего облика Насера и исходившие от его фигуры силу и уверенность, при более длительном общении с ним можно было заметить и его нервное состояние и хроническое переутомление, связанные с постоянным недосыпанием и с работой на износ. Руки у него, когда он вёл сложные переговоры, нервно подрагивали, а ногти всегда были обкусаны до живого мяса.

Когда мне приходилось видеть Насера после длительного перерыва, то сразу бросалось в глаза, как быстро он стареет. Заметно прибавлялось седины, и, главное, менялось выражение глаз. Они становились всё более печальными, а в последние годы его жизни - и просто тоскливыми. Разочаровывали неудачи, отход некогда близких друзей, пагубно сказалось и поражение Египта в войне с Израилем в 1967 году.

Во второй командировке в Египет, куда я прибыл 8 сентября 1970 года, мне уже не удалось увидеть Насера живым. 28 сентября он скончался, а 1 октября состоялись его похороны, на которые собрался чуть ли не весь Египет. Тут уместно вспомнить и похороны Садата, за гробом которого в окружении многочисленных солдат и полицейских шло лишь немногим более 500 человек. Даже падкие на зрелища каирцы не пошли за гробом Садата.

Когда похоронный кортеж с телом Насера направлялся из центра Каира в сторону Гелиополиса, египтяне, вышедшие проводить Насера в последний путь, не только заполнили все улицы, крыши и балконы домов, но сидели также на электрических столбах, а несколько человек, как это ни удивительно, разместились прямо на проводах. Количество задавленных и растоптанных людей во время похорон Насера неизвестно, но их было очень много. Давка была и в том месте, где собрались высшие должностные лица Египта и иностранные делегации, прибывшие на похороны.

Закрытый гроб с телом Насера установили в одном из помещений бывшего Высшего совета революционного командования. Было жарко, душно, тревожно. Масса народа толкалась в помещении и вокруг него. Время от времени кому-то становилось плохо. Сначала рухнул ближайший соратник Насера Али Сабри, а потом и Анвар Садат решил упасть в обморок, чтобы никто не смог упрекнуть его в чёрствости и бездушии.

Каирская знать, дипкорпус, иностранные делегации напирали друг на друга, а когда катафалк с гробом, запряжённый шестёркой лошадей, сдвинулся с места, все кинулись к нему и началось столпотворение. Часть охраны прибывшего на похороны А.Н.Косыгина была заблокирована в городе, и мы (несколько наших и местных охранников и сотрудников посольства) образовали живое кольцо вокруг Косыгина и подставили под удары свои спины и ноги. Потом, видя, что опасности быть задавленной подвергается премьер-министр Цейлона Сиримаво Бандаранаике, мы впустили её в свой круг, а потом как бы по воздуху туда влетел и последний император Эфиопии - маленький и тщедушный Хайле Селассие. До того как началась эта давка, мы успели подойти к гробу и попрощаться с Насером, навеки закрывшим свои усталые и печальные глаза.

Из многочисленных высказываний по поводу кончины Насера приведу лишь одно, запомнившееся мне из-за его точности и ясности. В беседе с нашим послом, примерно через месяц после смерти Насера, вице-президент Египта Али Сабри сказал: «Насер в силу своего абсолютного авторитета мог объединить людей с самыми различными взглядами и заставить их работать вместе, двигаться в одном направлении. Умер Насер - и всё распалось».

Исторически значимая и самобытная личность Насера, его деятельность по преобразованию Египта в современное государство, его роль в Движении неприсоединения, в котором он встал в один ряд с Джавахарлалом Неру и Иосипом Броз Тито, по-прежнему вызывают интерес к нему со стороны историков, политиков, журналистов. Думаю, со временем найдётся и арабский писатель, который воссоздаст его образ в литературном произведении.

Самолётом - на заседание Политбюро

После смерти Насера новый президент Египта Садат, как известно, взял курс на скрытый до поры до времени отход от Советского Союза и на решительное сближение с Соединёнными Штатами. Вообще-то говоря, добросовестный анализ внутренней и внешней политики Садата, знание его прошлых идеологических воззрений позволяли сделать правильный вывод уже на начальном этапе его деятельности на посту президента.

Анализ не занял бы много времени и не потребовал бы особых умственных усилий. Но одни считали, что наши политические, военные и экономические вклады в Египет делают невозможным в обозримом будущем отход Садата от СССР; другие полагали, что Садат, побалансировав немного между СССР и США и получив от тех и других определённые льготы, снова вернётся к прежнему, насеровскому, курсу; третьи, в силу соображений карьерного порядка, не хотели пугать советское руководство начавшимся отходом Египта от СССР, авось обойдётся.

Но ручейки тревожной информации доходили всё же до Политбюро. В

первую очередь такая информация поступала из резидентур КГБ и Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии. Разведка есть разведка, и даже в условиях того времени она в подаче своих материалов, в отличие от других ведомств, была более беспристрастной и объективной. К тому же мы располагали достоверными сведениями об истинном характере отношений Садата с президентом США Никсоном. Справедливости ради надо сказать, что в большинстве случаев наши оценки ситуации в Египте совпадали с мнением заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Михаила Дмитриевича Сытенко и его заместителя Евгения Дмитриевича Пырлина.

И вот... совершенно неожиданно, без какой-либо предварительной переписки, в Каир прибыл самолёт, который должен был доставить в Москву на заседание Политбюро посла Владимира Михайловича Виноградова, старшего военного советника генерал-полковника Василия Васильевича Окунева и меня, представителя КГБ.

Всё произошло как в кино. 28 апреля 1971 года во второй половине дня после работы я спокойно поехал в город, в школу Берлица к преподавателю и другу Сократу Енглезосу, который по каким-то причинам взял себе имя Мишель. Он одинаково свободно владел арабским, французским, английским и греческим языками (отец его был грек, а мать наполовину арабка, наполовину гречанка). Раз в неделю я позволял себе удовольствие пойти в школу Берлица, куда более регулярно ходил пятнадцать лет назад поупражняться в арабском, французском и английском языках, попить с Мишелем сладкого, ароматного кофе («суккар зияда») и отдохнуть таким образом от нескончаемых дел.

Мишель пил кофе с таким наслаждением, что создавалось впечатление, будто большей радости у него в жизни нет. Он отпивал кофе маленькими глотками, шумно выдыхал воздух, закрывал глаза, откидывал голову назад и всем своим видом показывал, какое неземное блаженство испытывает в данный момент. Такой манифестацией сопровождался каждый глоток. Подобная сцена повторялась в течение десяти лет, и когда я теперь пью кофе в одиночку, Мишель как бы присутствует при этом, и я уже ловлю себя на том, что и сам часто повторяю его жесты и мимику.

И вот во время такого безмятежного кофепития прибегает кто-то из посольства (дежурный по посольству, естественно, знал, где я нахожусь, - таковы разумные законы заграничной жизни) и объявляет, что мне надо срочно лететь в Москву. Сборы, понятно, были недолги. Чтобы успеть к заседанию Политбюро на следующий день, мы вылетели из Каира ночью 29 апреля 1971 года, а рано утром пересели в Будапеште на более быстроходный самолёт. Во Внуково-2 уже ждали машины, которые и развезли прибывших по начальству: посла - к А.А.Громыко, военного советника - к А.А.Гречко, а меня - к Ю.В.Андропову.

Ю.В. (как мы его называли для краткости, и это звучало более многозначительно, чем просто Юрий Владимирович) сказал, что наша

информация о положении в Египте представляется ему правильной, но докладывать обстановку на заседании Политбюро надо более доказательно, приводить убедительные факты и... соблюдать осторожность... (Ох уж эта осторожность! Как она много значит в нашей жизни! Где её пределы и осязаемые границы?) А потом мы очень долго сидели в приёмной зала, где проходило заседание Политбюро, так как вопрос о положении в Египте ввиду его сложности поставили в самый конец повестки дня.

Все очень волновались, и я мысленно переделывал своё выступление несколько раз. Друг с другом мы свои выступления не согласовывали. Каждый понимал, что от того, как он выступит, во многом будет зависеть и то, как сложится в дальнейшем его служебное положение. Ожидание было тягостным, томительным и бесконечным. На этот вопрос повестки дня было приглашено много знакомых и незнакомых мне людей. Дела в Египте интересовали различные ведомства. Мы переговаривались между собой, а иногда нас подкармливали бутербродами, сушками, кофе и чаем.

Поздно вечером подошло наше время. За большим столом в центре зала заседаний сидели члены Политбюро, кандидаты, секретари ЦК, а приглашённые расположились на стульях вдоль стен. Я сразу обратил внимание на то, что единственным человеком без галстука в этой компании был Л.И.Брежнев. Очевидно, он мог позволить себе эту вольность и надеть тёмно-синюю шерстяную рубашку под цвет костюма. Вёл он заседание спокойно, как мне показалось, без всякого интереса, скорее как бы по необходимости.

Послу СССР В.М. Виноградову для сообщения было определено 20 минут, старшему военному советнику В.В.Окуневу - 15, а мне - 10. Всё по рангам, всё по ранжирам, всё согласно установленным нормам. Посол и военный советник выдержали свои выступления в достаточно оптимистическом духе (мы-де навеки связаны с Египтом в деловом отношении), хотя некоторые опасные тенденций ими, естественно, отмечались. Моё выступление звучало скорее за упокой: в нём утверждалось, что Садат ведёт линию на разрыв с нами и обманывает нас. При этом была дана нелестная характеристика самому Садату как личности. Кроме того, я сообщил о нестабильности в руководстве Египта и возможном расколе в правящей верхушке в ближайшее время. За выступлением последовала оживлённая и даже бурная дискуссия. Большую обеспокоенность судьбой наших отношений с Египтом проявили А.А.Громыко и А.А.Гречко. Маршал Гречко говорил, например, что наша военная помощь Египту вызывает массу проблем, всё время осложняет советско-египетские отношения, и ему порой бывает весьма затруднительно дать ответ, следует ли продолжать наращивать нашу помощь Египту новейшими вооружениями и увеличивать там наш военный персонал.

М.А.Суслов задавал острые вопросы В.М.Виноградову и пытался выявить противоречия между последними телеграммами посла из Каира и его выступлением на данном заседании Политбюро. Посол утверждал, что

никаких противоречий нет, а Суслов настаивал на том, что в телеграммах акценты совсем не те, что в сегодняшнем выступлении. Перепалка длилась довольно долго.

Пикантная подробность, которая меня и развеселила, и разозлила одновременно: на центральный стол подавали бутерброды с благородной рыбкой, с красной и чёрной икрой, а всех нас, подпиравших стены зала заседаний, обносили только бутербродами с колбасой и сыром. Таким образом, каждый ещё раз мог осознать своё место и назначение в этом мире.

После обсуждения нашего вопроса никаких конкретных решений не было принято. Давались лишь весьма общие рекомендации: внимательно следить за развитием обстановки, докладывать предложения, не бросаться в крайности при анализе обстановки и тому подобное.

Когда приглашённых отпустили, центральный стол ещё подводил итоги, и председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорный, как мне позже рассказали, заявил, ссылаясь на моё выступление: «В таких выражениях у нас вообще не принято говорить о президентах!» А на следующий день перед нашим возвращением в Каир Ю.В. сказал: «Вроде бы ты всё правильно говорил, но резковато. Учти на будущее!» Но мне не удалось воспользоваться этим советом, так как больше на заседаниях Политбюро я не бывал. Поэтому единственный случай запомнился во всех красках и деталях.

Поздно вечером 30 апреля мы уже были в Каире и снова погрузились в многочисленные египетские проблемы.

В ожидании новой войны

Все внешнеполитические ведомства СССР и во времена Насера, и после его смерти активно занимались Египтом. Наша вовлеченность в египетские дела носила глубокий и многосторонний характер. Особую остроту отношениям добавляло присутствие в Египте трёх наших бригад ПВО, защищавших небо Каира, Александрии и Асуана.

С приходом к власти Садата доверительность в советско-египетских отношениях быстро пошла на убыль, а забот и беспокойства заметно прибавилось. Во внешней политике Египта главным для нас стал вопрос о планах Садата в отношении СССР и США, во внутренней - судьба преобразований, начатых Насером, в военной области - проблема возобновления войны с Израилем. Если деятельность Садата на международной арене и его внутренняя политика поддавались прогнозированию, то вопрос о том, начнёт ли Садат войну с Израилем, а если начнёт, то когда это произойдёт, был очень сложным, и точного ответа на него долгое время не было. Последнее обстоятельство и делало нашу работу в период с конца 1970-го по октябрь 1973 года тяжёлой и даже изнурительной. А руководство КГБ всё время требовало точной информации.

Посол СССР в Египте В.М.Виноградов назвал этот период в своих записках (журнал «Знамя», 1988, № 12) «смутная пора». Действительно, пора была куда как смутная, а главное, что от нас требовалось в это время, - разгадать истинные планы Египта в отношении войны с Израилем. При этом со всей остротой вставал вопрос, как нам избежать втягивания СССР в войну. Ведь в Египте был наш военный персонал - сотни военных советников и специалистов, постоянно шли поставки советского вооружения.

Во всех беседах с ответственными советскими представителями египетские руководители говорили о неизбежности войны, требовали от нас новых партий оружия, давали свои разъяснения по поводу сложившейся ситуации. Ход рассуждений был следующим: добровольно Израиль не отдаст оккупированные им в 1967 году территории, значит, единственная возможность вернуть их - прибегнуть к силе; Египет и другие арабские страны уже привыкли к людским и материальным потерям и научились их переносить, Израиль же в случае войны аналогичных потерь не вынесет - в этом залог будущей победы арабов; Израиль щедро снабжается Соединёнными Штатами новейшими вооружениями, долг Советского Союза-организовать такие же поставки оружия арабам.

Разговоры о поставках современного вооружения велись постоянно, вряд ли хоть одна беседа нашего посла с президентом обходилась без обсуждения вопроса о новейшем оружии. Очень часто посол в ответ на своё: «Добрый день, товарищ президент!» слышал: «Где оружие, посол?»

Аналогичный обмен приветствиями был в ходу и на других уровнях у военных коллег, а также у меня. Я поддерживал в ту пору контакт с Ахмедом Исмаилом Али, который возглавлял службу общей разведки, а позднее, за год до начала октябрьской войны, был назначен военным министром. В ответ на моё приветствие: «Доброе утро, господин генерал!» слышалось: «Фейн силях я Вадим?» - «Где оружие, Вадим?» Понятно, что режиссёром этих мизансцен был сам Садат.

Сейчас, после того как были опубликованы многочисленные книги об октябрьской войне 1973 года, в частности мемуары самого Садата, бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, столпа египетской журналистики Мухаммеда Хасанейна Хейкала, конечно, легче давать оценки деятельности Садата. Но и тогда, в пору неоднозначных оценок личности египетского лидера, в Комитете госбезопасности сформировалось достаточно чёткое представление о внутренней и внешней политике Садата. Во внутренней политике он делает ставку на планомерный отход от «социалистических экспериментов» Насера, опираясь на крупную египетскую буржуазию, во внешней политике - на постепенное свёртывание отношений с СССР и переориентацию всех связей Египта на Запад, в первую очередь на США. Но сделать это Садату, оказывается, совсем не просто: в Египте ощутимо советское военное присутствие, армия вооружается Советским Союзом, военные советники СССР находятся во всех эшелонах египетской армии; в народе прочно

проросли семена египетско-советской дружбы; Египет связан многочисленными договорённостями с арабскими странами по части единой стратегии в решении ближневосточных проблем. Значит, делает вывод Садат, надо договариваться с США и решать не ближневосточные дела в целом, а чисто египетские вопросы.

Из всего комплекса ближневосточных проблем для Израиля самым простым было бы вернуть Египту Синай в обмен на капитуляцию Египта в вопросах ближневосточной политики и полное признание Египтом Израиля.

Садат с первых дней своего президентства стал подавать дружеские сигналы американцам. Смысл этих сигналов коротко можно сформулировать так: «Я понимаю, что ключ решения ближневосточных проблем находится в ваших руках. Помогите мне решить чисто египетские проблемы, и я покончу с советским присутствием в Египте». Американцы с большой готовностью и заинтересованностью начали диалог с Садатом. Наладилась секретная переписка Садата с президентом Никсоном. Но двух договаривающихся сторон было мало. Был ещё несговорчивый Израиль, и Садат понял, что без бряцания оружием дело вряд ли подвинется вперёд. Началась подготовка к войне. Каждый новый год провозглашался Садатом «решающим» в противоборстве с Израилем. «Решающим» был 1971 год, потом 1972-й, а затем и 1973-й.

Направление мыслей Садата, его планы и практические действия сразу же насторожили последователей Насера, его «верных учеников», как они сами себя называли. В первую очередь к ним относились вице-президент ОАР Али Сабри, секретарь Арабского социалистического союза, министр внутренних дел Шаарави Гомаа, военный министр Мухаммед Фавзи и министр по делам президентства Сами Шараф. Эта группа сторонников Насера и «ревнителей» египетско-советской дружбы довольно часто встречалась с советским послом Виноградовым и делилась с ним своими опасениями по поводу линии Садата. Их высказывания смущали посла, чем он откровенно делился со старшими сотрудниками посольства. Я прямо говорил послу, что наши друзья-насеристы превращаются в оппозиционную Садату группу и их разговоры Садат наверняка подслушивает. Виноградов с этим соглашался, сам постоянно исходил из таких предположений и соблюдал в разговорах повышенную осторожность. Но, так или иначе, создалась весьма щекотливая ситуация: с одной стороны, сам Садат рекомендовал послу поддерживать контакт с друзьями СССР, а с другой - эти деятели всё в более нелицеприятных выражениях в присутствии посла критиковали Садата. А коварный Садат ждал, не расскажет ли ему посол чего-нибудь о высказываниях «учеников Насера» в его адрес.

В общем, Владимир Михайлович, как говорится, попал «под колпак» Садата. Дружеские и доверительные разговоры с Садатом были вообще невозможны. Он, будучи по натуре интриганом, вёл встречи в провокационном ключе, а тут ещё такая сложная ситуация. Понятно, что

наш посол находился в двойственном положении, и мы все ему сочувствовали.

Иногда Садат в разговорах с Виноградовым позволял себе расслабиться и поразвлечься примитивной шуткой. Президент, как выяснилось, оказался большим любителем русской водки и крабов, а также боржоми и предлагал послу проложить из посольства в свою резиденцию в Гизе (это практически в пределах одного квартала) «водкопровод» и «боржомипровод», а крабов доставлять ему машиной. Посол очень живо рассказывал о сценах поглощения наших отечественных продуктов Садатом, когда тот, накурившись гашиша, запивал его водкой, заедал водку крабами, а крабов запивал боржоми. Поскольку процесс этот шёл очень быстро, крабы застревали в садатовских усах.

Трудно было вести дела со своими партнёрами и главному военному советнику генерал-полковнику Василию Васильевичу Окуневу, и военному атташе посольства контрадмиралу Николаю Васильевичу Ивлиеву. Мне было, пожалуй, полегче: начальник Службы общей разведки генерал-лейтенант Ахмед Исмаил Али и его заместитель генерал-майор Мухаммед Рифаат Хасанейн не являлись ни прожжёнными политиканами, ни тем более интриганами в отличие от своего хозяина. Беседы с ними хотя и не удовлетворяли меня полностью в плане информационной отдачи, всё же проходили в спокойном и даже дружеском тоне. С Мухаммедом Рифаатом Хасанейном у меня вообще сложились ровные, устойчивые и дружеские отношения. Мы регулярно общались семьями и совершили вместе несколько ознакомительных поездок по Египту. Он был добросовестный служака, в генералы был произведён ещё в армии, а профессиональным разведчиком, на мой взгляд, так и не успел стать. Когда наши разговоры принимали трудный оборот и Рифаат не знал, что ответить на поставленные вопросы, он предпочитал иногда откровенно солгать, нежели сложно выкручиваться. И хотя мы с Рифаатом не стали, что называется, закадычными друзьями, но отношения наши были самыми добрыми и воспоминания от встреч с ним и с его женой Фавзией остались хорошими.

Две недели спустя после обсуждения на заседании Политбюро ЦК КПСС вопроса о положении в советско-египетских отношениях в египетском руководстве наступила развязка. Садат решил расправиться с «заговорщиками», которых в его ближайшем окружении окрестили «крокодилами». Чтобы не перечислять фамилии всех участников группы Али Сабри - Шаарави Гомаа, в посольстве для удобства и конспирации стали называть их так же. Каждому из «крокодилов» Садат заранее подготовил замену и, опираясь на президентскую гвардию и своё ближайшее окружение, 13 мая 1971 года произвёл аресты всех членов группы.

Мы же в этот час веселились в посольстве ГДР, где немецкие коллеги устроили вечер дружбы. Была очень приятная, непринуждённая обстановка. Сад посольства был искусно иллюминирован, играла музыка.

Хозяева приёма подготовили нам хорошую самодеятельность и не менее хорошее угощение. Больше всего запомнились несъеденные молочные поросята, которых предполагалось подать к концу вечера в качестве кулинарного сюрприза для гостей. Как раз когда дело дошло до поросят, было получено известие об аресте «крокодилов», и все старшие советские дипломаты выехали в посольство разбираться с ситуацией. Для меня лично это была в каком-то смысле Пиррова победа: наши прогнозы подтвердились, обстановка для нас ухудшилась. Предлог для ареста был выбран смехотворный. Рассказывая о «заговорщиках» по местному телевидению, Садат упоминал о каком-то патриотически настроенном молодом человеке, принёсшем ему (неожиданно для Садата, конечно!) плёнку с записями бесед «заговорщиков». Для него, Садата, это была «ужасная новость»: «лучшие его друзья, люди, которым он верил как себе», оказались заговорщиками - в этом месте он начинал плакать, и его слёзы (вот уж поистине крокодиловы) были хорошо видны телезрителям, и все понимали, как потрясён президент, как ему больно, какое разочарование, какой позор!

Все речи Садата по телевизору я слушал самым внимательным образом, запершись в кабинете, чтобы не отвлекаться и не пропустить ни одного слова или интонации. Эти речи давали богатый материал для понимания психологии самого президента, а также для серьёзных политических оценок, которые вытекали из содержания и тона выступлений. Скрупулёзный анализ речей президента и других руководителей Египта давал хороший дополнительный материал к имеющейся информации. Изучая Садата с 1955 года и слушая его выступления с 1970-го, наблюдая за его жестами и мимикой, я уже безошибочно знал: вот сейчас он начнёт врать! Так было и во время его рассказа о том, как пришёл парень и принёс ему плёнки, свидетельствующие о заговорщической деятельности «крокодилов».

К аресту группы насеристов Садат готовился заранее. Важным шагом, который сработал на повышение авторитета Садата, стало освобождение в конце апреля 1971 года группы известных в Египте деятелей, арестованных Насером как виновников поражения 1967 года. Были выпущены из тюрем бывший министр военной промышленности Шамс Бадран, заместитель министра внутренних дел Аббас Ридван и мой давний знакомый - бывший начальник Службы общей разведки Салах Наср. Избавившись от главных насеристов и обеспечив себе диктаторскую власть, Садат перешёл к выполнению следующих пунктов своей программы. В секретной переписке с президентом США Никсоном Садат, как уже упоминалось, в обмен на содействие США в урегулировании проблем Египта в ближневосточном конфликте обещал покончить с советским военным присутствием в стране. Пришёл срок платы по выданным векселям. Условия Вашингтона были жёсткие: сначала вывод советских военных, а потом урегулирование. Как начать? Начал Садат, естественно, с провокаций (в его понимании это, очевидно, называлось тонкой политикой). По стране стали распускать слухи, будто советские военные советники и специалисты грабят страну. На них-де тратятся

большие валютные средства (очередная выдумка), они-де некомпетентны в военных вопросах, от них идёт утечка информации в Израиль, и, наконец, они скупают египетское золото и увозят в Россию.

Слухи - слухами, но нужны и факты.

В августе 1971 года трое советских военных были задержаны и высланы из страны за связь с американским шпионом Рандопуло, египетским гражданином, греком по национальности. Грек был подрядчиком на строительстве оборонных объектов и имел деловые выходы на советских военнослужащих. Задержанные советские граждане были обвинены в потере бдительности (?) при общении с американским шпионом, через которого египетские военные секреты утекали к американцам, а от них - в Израиль. Дело было шито белыми нитками, и обвинение само по себе нелепо. Египтяне, и в частности руководство Службы общей разведки, давали весьма путаные и невразумительные объяснения по поводу выдворения советских граждан, ссылаясь то на некомпетентность исполнителей, то на невозможность вовремя связаться с послом и со мной, чтобы посоветоваться, и тому подобное. Но колёса уже завертелись в нужном направлении: на основании этого факта распускались слухи, что советские военные специалисты шпионят в пользу Израиля.

8 мая 1972 года был организован грубый и демонстративный (в расчёте на огласку) обыск в каирском аэропорту группы советских специалистов и их жён (всего 71 человек), закончивших свою работу в Египте и вылетавших на родину, в поиске, как им было заявлено, незаконно вывозимого из страны золота. Было найдено и золото: обручальные кольца по числу отъезжающих, несколько перстней и цепочек, серьги (в ушах, разумеется), а также семь браслетов и три брошки. Маловато, конечно, для массового вывоза, но тень брошена.

С нашей стороны последовали заявления, представления, возмущения, но дело, как говорится, было сделано, и компрометация советских военнослужащих продолжала набирать темп. Собрав всю информацию о положении вокруг советских военных советников и специалистов, я направил в Центр 29 июня 1972 года подробную телеграмму о том, что в ближайшее время следует ожидать серьёзных демаршей Садата против нашего военного присутствия в Египте.

8 июля 1972 года Садат вызвал к себе посла СССР и заявил, что им принято решение об окончании миссии советского военного персонала в Египте и о его высылке в ближайшие дни. Никаких мотивированных объяснений Садат при этом не давал. Правда, откомандирование наших военных из Египта проходило уже по иной схеме. Вместо провокаций и улюлюканья их награждали египетскими орденами за образцовое выполнение воинского долга по оказанию помощи Египту, а Министерство обороны СССР, также решив подсластить пилюлю, с согласия высших инстанций, в свою очередь, наградило изгнанных орденами и медалями СССР. Ожидала их и ещё одна - незапланированная - награда: многие египетские офицеры и солдаты искренне плакали, прощаясь со своими

советскими друзьями, и, наверное, эти слёзы были дороже полученных орденов и медалей. Но это, конечно, кому как...

О прекращении деятельности советского военного персонала в Египте международная пресса писала тогда много. Запад приветствовал конец советского военного присутствия в Египте. А каково было наше отношение к этому событию? Конечно, это был недружественный и даже вероломный шаг со стороны Садата. Обидно было и за саму форму объявления о выводе наших войск (более 10 тысяч человек). А по существу? По моему глубокому убеждению, уход нашего военного контингента из Египта гарантировал нас от возможной военной конфронтации с Западом, избавлял от неминуемых человеческих жертв и полностью снимал с нас ответственность за возможные авантюры Садата. Изгоняя советских военнослужащих, Садат давал понять США и Израилю, что он прошёл свою дистанцию на пути к миру. Каких-либо ответных позитивных шагов со стороны Израиля не последовало, и Садат решился на открытие военных действий. Как они велись и чем закончились, многократно описано, хотя я не сказал бы, что все точки здесь уже расставлены по своим местам. Но факт остаётся фактом: Садат продемонстрировал свою решимость воевать, добился в первой фазе войны успеха, создал таким образом условия для проведения переговоров об освобождении оккупированного Израилем Синайского полуострова и проложил путь к заключению сепаратного мира.

Знала ли разведка о предстоящей войне, подготовка к которой одновременно велась как в Египте, так и в Сирии? Да, знала. Подготовку к войне вообще скрыть трудно. Помимо сведений секретного порядка многое дают и визуальное наблюдение, и средства радиоперехвата. Всегда можно установить, как проходила подготовка к военным действиям, как война началась и как велась, но никогда нельзя предугадать, каким образом будут развиваться военные действия и чем они закончатся.

После того как мы убедились, что в ближайшие дни начнутся военные действия, главной заботой советских учреждений в Египте стала срочная эвакуация женщин, детей и части специалистов. Всю запланированную работу удалось завершить в срок. Около 3 тысяч человек было отправлено на родину. Это была тяжёлая, в основном ночная работа. Заняты в ней были значительная часть персонала посольства и весь состав консульства.

В.М.Виноградов в своих записках называл некоторых отличившихся товарищей. Этот список, конечно, может быть существенно дополнен. Я же хочу помянуть добрым словом уже ушедшего из жизни вице-консула Анатолия Леонтьевича Денисенко, на которого пала основная доля забот об эвакуации советских граждан из Египта. Надо сказать, что и в своей следующей командировке, в Бейруте, во время многолетней ливанской войны он вёл сложную и самоотверженную работу по обеспечению безопасности советских граждан и учреждений и был за это награждён орденом Красного Знамени.

Военные действия на египетском фронте не привели на этот раз к бомбёжкам Каира, но мы с женой очень тревожились за сына, который после окончания института сразу был направлен на работу в Дамаск в качестве стажёра посольства. Там обстановка была значительно тяжелее, и Дамаск подвергался жестоким бомбардировкам израильской авиации. В пятилетнем возрасте сына пришлось эвакуировать из Каира, когда город бомбили во время тройственной агрессии, и в самом начале своей самостоятельной работы он снова оказался в сложной ситуации. К счастью, всё обошлось благополучно.

Война закончилась. Наступил новый период в наших отношениях с Египтом. Садат, уже не маскируясь, взял открытый курс на ухудшение отношений с Советским Союзом: выдворил нашего посла, разорвал договор о дружбе и сотрудничестве, закрыл ряд советских учреждений в Египте и даже отобрал жилой дом, строившийся для сотрудников посольства.

Прогнозы и информация разведки нашли практическое подтверждение, но никакой радости от этого не было.

Встречи с А.Н.Косыгиным

В период с 1955 по 1973 год мне приходилось время от времени встречаться с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Помимо разных заседаний, совещаний и приёмов трижды я имел возможность по несколько дней подряд общаться с ним, докладывать ему разведывательную информацию, рассказывать об обстановке в арабском мире, переводить его беседы, сопровождать в поездках, принимать участие в его охране и просто беседовать с ним. Большинство этих встреч связано с Египтом.

Никто другой из советских руководителей не производил на меня такого сильного и глубокого впечатления, как Алексей Николаевич. Прежде всего, он не старался напустить вокруг себя византийского тумана, держался естественно и просто, не подчёркивал ни своей значимости, ни своей осведомлённости, ни своей причастности к высшему руководству. Казалось, что громадные знания и опыт начисто избавляли его от необходимости думать о том, как преподнести себя внешнему миру. А.Н.Косыгина отличали компетентность в делах государства и в вопросах экономики, твёрдость характера, строгость мышления, конкретность во всём.

Несомненно, А.Н.Косыгин по своим деловым, а также моральным качествам стоял выше большинства своих коллег по Политбюро ЦК КПСС и правительству СССР, не говоря уж о Брежневе. Об организаторских способностях Косыгина говорит, в частности, его быстрое продвижение в высшие эшелоны руководителей советской экономики. Конечно, в 1937-м и последующих годах выдвижение на руководящие посты происходило по особой модели: одних сажали, а других выдвигали, - но служебный рост Алексея Николаевича показателен по-иному. В тридцать три года он -

директор прядильно-ткацкой фабрики в Ленинграде, в тридцать четыре - председатель Ленинградского горисполкома, в тридцать пять - нарком текстильной промышленности СССР, в тридцать шесть - заместитель Председателя Совнаркома.

Улыбался Алексей Николаевич крайне редко, и весь облик его был не слишком жизнерадостным, рискну даже сказать, несколько угрюмым. Ему, очевидно, было что переживать, и груз, лежавший на его плечах, давил тяжело.

Во время первого визита Гамаля Абдель Насера в Советский Союз А.Н.Косыгин был в числе сопровождавших президента лиц. Во время поездок Насера по Союзу в одной машине с ним находился Н.А.Мухитдинов, а в машине со вторым лицом в делегации-вице-президентом Объединённой Арабской Республики сирийцем Акрамом аль-Хаурани - Косыгин, я же был с ним постоянно в качестве переводчика.

Много разговоров на самые разнообразные темы велось и с аль-Хаурани, и с представителями местных властей. Запомнились мне лишь наиболее острые ситуации, в которых проявились ясность и конкретность мыслей и суждений Косыгина. На Кавказе, в районах Сухуми и Сочи, мы много ездили по окрестностям, и Косыгин живо интересовался у местных деятелей - грузин и абхазцев - состоянием экономики, новостройками, благоустройством городов и сёл. Однажды, заметив чахлые деревца по обе стороны дороги, Косыгин спросил у представителя местной власти:

- Что это за деревья?

- Не знаю, Алексей Николаевич.

- А что вы вообще сажаете вдоль дороги и какую цель при этом преследуете?

Тот же ответ. Рассердившись, Косыгин дал точную рекомендацию, какие деревья следует сажать в этом районе, для чего и почему.

- Будет сделано! - последовал ответ.

В другой раз Косыгин, увидев водохранилище, начал спрашивать, сколько в нём воды и как она расходуется. Последовали сбивчивые и неуверенные ответы. Тогда Алексей Николаевич стал на глаз прикидывать площадь водной поверхности, множить полученную цифру на среднюю глубину подобных хранилищ и выдавал цифры, факты и рекомендации. . - Будет исполнено! - следовали заверения.

Третий случай из этой же серии. Желая как-то сгладить положение после неудачных ответов, Председатель Верховного Совета автономной республики выдал положительную информацию:

- Алексей Николаевич, мы недавно закончили в республике строительство большого завода (последовало его название), очень вас ждали на открытие, приглашение специально послали!

- Ну и зря ждали, - отрезал Косыгин, - и приглашать меня было вовсе ни к чему, раз вы задержали строительство на целый год!

Вот такие случались весёлые разговорчики. В Ленинграде Алексей Николаевич заметно оживился и повеселел. Здесь он уже выступал в качестве главного гида. Много и увлечённо рассказывал Насеру о Ленинграде, показывал ему здания, где он жил и работал. Не преминул вспомнить и свою жену Клавдию Андреевну. Рассказал Насеру, что она была в своё время специалистом по аккумуляторам для подводных лодок, и с гордостью упомянул, что одной из первых женщин, совершивших плавание на подводной лодке (с целью испытания своей продукции), была именно она. На Насера, как потом мы выяснили, Алексей Николаевич произвёл очень хорошее впечатление, и в дальнейшем он всегда стремился к общению с ним.

Следующая продолжительная встреча с А.Н.Косыгиным состоялась уже при драматических обстоятельствах.

В качестве главы советской делегации он приехал для участия в похоронах Г.А.Насера в конце сентября 1970 года. Помимо дел, связанных с траурными церемониями, выражением соболезнования семье Насера и руководителям Египта, Косыгина очень интересовали складывавшаяся в стране ситуация, перспективы отношений Египта с СССР, а также личность Садата, который, являясь вице-президентом, уверенно выдвинул себя в качестве единственного преемника Насера. Наряду с обычными докладами Косыгину текущей информации у меня состоялся с ним в присутствии некоторых наших коллег подробный разговор о личности Садата. Ещё в прошлую командировку на основании различной информации и собственных наблюдений у меня сложилось о нём крайне отрицательное мнение как о человеке и государственном деятеле. Фанфаронство, позёрство, отсутствие конкретного опыта в каких-либо жизненно важных для государства сферах, желание хитрить всюду, где только можно, эгоизм, открытое стремление к личному обогащению, лицемерие, отсутствие устойчивых политических принципов. Всё это я выложил А.Н.Косыгину, который даже как-то опешил от этой пулемётной очереди.

- Вы уж слишком набросились на него... да не так уж, наверное, всё мрачно...

- Нет, - настаивал я, - мало того, он ещё и человек ярко выраженной западной ориентации и будет вести курс на свёртывание отношений с СССР.

Это был тот случай, когда я с полной уверенностью в правоте излагал своё мнение, не очень думая о подыскивании более сдержанных формулировок. Косыгин с обеспокоенностью воспринял эту информацию и пытался аккуратно проверить её через египетских деятелей. Я не помню, при каких обстоятельствах состоялся его разговор с видным политическим деятелем Египта Али Сабри, но смысл высказываний последнего сводился к следующему:

- Мы, верные ученики Насера и его убеждённые последователи, полностью владеем ситуацией в стране. Управлять будем мы, а Садат

будет скорее представительствовать. У нас в руках всё: и армия, и партия, и органы безопасности...

Однако коварство Садата сторонники Насера явно недооценили. 13 мая 1971 года он без единого выстрела, без всякого кровопролития переловил их поодиночке, посадил за решётку и объявил заговорщиками и врагами нации. Продержал их Садат в местах заключения ровно столько, сколько было нужно, чтобы они стали для него полностью безопасны ввиду изменения строя и прихода новых лиц в армию, органы госбезопасности и ключевые министерства. По иронии судьбы, как писала какая-то каирская газета, Шаарави Гомаа был водворён в тюрьму, на дверях которой красовалась мемориальная доска с надписью, что тюрьма открыта в присутствии и с участием министра внутренних дел Шаарави Гомаа...

Обстановка в Каире накануне и в день похорон Насера была взрывоопасная. Сотни тысяч людей хлынули из провинций в столицу. Были прорваны кордоны армии и полиции. Ожидались массовые беспорядки. Сложилась опасная ситуация. В центре Каира Нил разделяется на два рукава, образуя два больших острова - Гезира и Рода. Чтобы уменьшить столпотворение и давку, мосты, соединяющие различные части Каира с этими островами, были разведены. Встал вопрос, как нам добраться к месту прощания с Насером и как определить своё участие в траурной процессии. В посольстве царили суета и неразбериха. А Косыгин оставался неизменно спокойным и терпеливым и лишь требовал от нас реальной оценки обстановки и предложений о дальнейших действиях. Я всё время звонил в МВД и Службу общей разведки и пытался прояснить ситуацию. Среди получаемых ответов был и такой: «Обстановкой не владеем!» Обсуждали вариант использования советского вертолёта, но египтяне нашли лучший вариант - добраться до расположения бывшего Высшего совета революционного командования на катере по Нилу, благо резиденция нашего посла, в которой размещался Косыгин, находилась прямо на набережной. На катере за нами прибыл ведущий египетский журналист, многолетний советник Насера Мухаммед Хасанейн Хейкал, как всегда деятельный, собранный и уверенный в себе. А дальше мы уже без приключений добрались до места назначения.

Третий и последний раз продолжительное общение с А.Н.Косыгиным имело место также в условиях кризисной ситуации, во время октябрьской войны. Советский премьер прибыл в Каир 16 октября 1973 года, чтобы разобраться в обстановке и доложить руководству СССР о наших дальнейших шагах. Это был уже другой человек. За три года он очень изменился. Сдал. Постарел. Стал плохо слышать. Его доклады Брежневу по несовершенному секретному телефону было мучительно наблюдать. Из-за плохой слышимости, технических неполадок разговор напоминал диалог глухонемых. Поэтому основная информация о переговорах с Садатом шла, конечно, шифротелеграммами. События октябрьской войны многократно описаны, и нет смысла возвращаться к этой теме. Первоначальный успех Египта из-за нежелания Садата продолжать войну и протянуть руку помощи Сирии сначала привёл к топтанию египетской

армии на месте, а затем закончился поражением, которое было названо победой.

А.Н.Косыгин ежедневно встречался с египетским руководством во дворце Кубба, где он жил, а потом ехал в посольство докладывать в Москву о результатах переговоров и о развитии событий. Откровенных бесед с Садатом не получалось, и после действительно тёплых отношений с Насером Алексей Николаевич никак не мог привыкнуть к насквозь фальшивому Садату, чего и не скрывал в разговорах с сотрудниками посольства. Иногда он выезжал из Куббы в посольство по два раза в день. В городе автомобильные пробки, из-за затемнения машины двигались медленно. Поездки эти для Косыгина были утомительными. Во всех перемещениях по городу сопровождал Косыгина я. Несмотря на усталость от переговоров, Алексей Николаевич постоянно расспрашивал меня о египетской действительности - не только о политике, но и о быте, нравах, религии, языке и тому подобное.

По возвращении во дворец уже поздно вечером Косыгин имел обыкновение минут двадцать гулять по дворцовому парку, и во время этих прогулок беседа продолжалась. Здесь он уже отвлекался от политики, от арабского мира и переключался на более интимные темы. Говорил он и о своём возрасте, о состоянии здоровья, о необходимости не поддаваться наступающим недугам и немощам. При этом он распрямлял плечи, словно показывая, как надо это делать. На второй этаж дворца он тоже пытался быстрой, молодцеватой походкой подниматься по лестнице, минуя лифт.

- В следующем году мне будет семьдесят лет - это уже много.

Я, естественно, говорил какие-то ободряющие слова. Несколько раз он рассказывал, как И.В.Сталин поручил лично ему сопровождать де Голля, когда тот впервые приехал в Советский Союз. И то, что речь шла о де Голле, и то, что это было личное поручение Сталина, Косыгину, по-видимому, было приятно вспоминать. Однажды, уже совсем неожиданно, Алексей Николаевич заговорил о том, что несколько лет назад потерял жену, что она была очень образованной и доброй женщиной, настоящим другом. И от этих откровений, сделанных, по существу, незнакомому человеку, мне стало как-то тоскливо. Я вдруг почувствовал, что он очень одинок, что ему надо выговориться, что невмоготу хранить в себе свои тяжёлые мысли. Очевидно, предположение о его моральном одиночестве было верным: к тому времени прошло уже семь лет после смерти жены, а говорил он об этом так, будто эта невосполнимая утрата была совсем недавно, чуть ли не на днях. Жизнь всё больше пригибала его, он чувствовал наступление дряхлости, да и отношения с Брежневым были крайне напряжёнными, если не сказать враждебными. От моих встреч с Алексеем Николаевичем остались у меня ощущения безысходной грусти и тёплое чувство к большому человеку.

Был ещё в самом конце пребывания Косыгина в Каире один эпизод, который характеризовал Алексея Николаевича как скромнейшего (не в пример некоторым другим визитёрам) человека. Поздно вечером накануне

отъезда он вдруг спохватился: «Надо ведь что-нибудь привезти в подарок домой!» Все магазины давно уже были закрыты, и я вспомнил о египетской парфюмерии, которую можно было приобрести в ночных аптеках. Косыгин с этой идеей согласился, и были куплены скромные дары на сумму не более 20 египетских фунтов. Алексей Николаевич долго пытался заставить меня взять солидную пачку банкнот, уверяя, что они ему совершенно не нужны, а я его убеждал, что не могу взять у него никаких денег, кроме потраченной суммы.

Во время этого пребывания Косыгина в Египте достичь какого-либо взаимопонимания с Садатом не удалось, перспектива наших отношений с Египтом представлялась весьма неопределённой. Но нашей работой Алексей Николаевич остался доволен, и вскоре до Каира дошли положительные отклики на этот счёт.

Крутой поворот

В марте 1974 года меня вызвали в Москву из Каира для доклада. Ю.В.Андропов с пристрастием выспрашивал, что происходит в Египте и как будут складываться советско-египетские отношения, проявляя самый живой интерес ко всем подробностям. Доклад проходил в Кунцевской больнице, в том самом отсеке, где Юрий Владимирович провёл немалую часть своей жизни и куда впоследствии мне не раз приходилось ездить для решения текущих служебных вопросов.

Два дня спустя Андропов неожиданно вызвал меня уже в свой кабинет на Лубянке и объявил, что имеет намерение назначить меня заместителем начальника разведки - начальником Управления «С» - нелегальной разведки. Это прозвучало для меня как гром среди ясного неба. Предложение, как мне казалось, никакой логикой не было связано с моей предыдущей работой, поскольку сформировался я как специалист по арабским странам и Африке. Я вежливо, но довольно решительно начал отказываться, особенно настаивая на том, что нелегальную разведку представляю себе слабо и что я специалист совсем в другой области. Андропов заявил, что это предложение я должен рассматривать как приказ, а что касается моей пригодности, то он-де давно присматривается ко мне и считает, что моя прежняя работа в кризисных условиях позволяет доверить мне этот непростой департамент. В дальнейшем я не раз пытался разобраться в причинах крутого поворота в моей разведывательной биографии. Вышел на несколько версий и столкнулся даже с некоторыми легендами на этот счёт, но всё было не очень достоверно, а главное, уже неактуально.

После разговора с Андроповым я поехал в Каир сдавать дела, прощаться с друзьями, а по возвращении в Москву долго ждал приёма у Брежнева. Почему Андропов повёл меня к нему - не совсем понятно, тем более что протоколом такая процедура не предусматривалась. Очевидно, этим жестом Юрий Владимирович хотел приободрить сотрудников нелегальной разведки, дать понять, что «наверху» придают большое

значение этой службе.

Визит к Брежневу состоялся 25 апреля 1974 года. Генсек был ласковый, томный, неторопливый, незамысловато шутил. Говорил он - явно с подсказки Андропова и его же словами - о том, что работа в нелегальной разведке штучная, что туда должны идти самые стойкие, смелые, сильные, без всяких слабостей и изъянов люди. Партия ценит этот коллектив, и мне-де оказано большое доверие. Помня строгий наказ, данный Андроповым по дороге к Брежневу: «Не подумай отказываться от предложенной работы во время приёма у Генерального секретаря», - я поблагодарил за советы и за назначение, а сам с огромным беспокойством думал о том, чем мне предстояло заниматься, с чего начать, справлюсь ли и за что мне выпала такая участь.

В таких смятенных чувствах я и приступил к работе в новой должности, в которой проработал пять с небольшим лет, пролетевших, как мне сейчас представляется, мгновенно. Это были годы дальнейшего приближения нелегальной разведки к насущным задачам советской внешней разведки в целом, годы упорных поисков новых форм и методов работы, омоложения коллектива, настоящего творчества, скромных побед, а также огорчений и разочарований, без которых никакая разведка не обходится. Но судьба в те годы была к нам благосклонна. За период моей службы в нелегальной разведке не было ни измен, ни крупных провалов. Но здесь уже, как говорят, кому как повезёт.

За нашей деятельностью пристально следил Андропов. По своему положению председателя комитета он вроде бы и не должен был интересоваться мелочами нашей жизни, но он, как ни один другой председатель, ухитрялся вникать в мельчайшие детали специфической работы нелегальной разведки. Очевидно, оттого, что он состоял на учёте в парторганизации Управления «С», он уделял этому коллективу повышенное внимание. Авторитет Андропова в Управлении «С» стоял высоко, тем более что он находил время встречаться со многими нелегалами, часто сам вручал им государственные награды, помогал решать сложные житейские проблемы.

Говорить о конкретных делах нелегальной разведки, в том числе и в прошедшем времени, крайне затруднительно. Это особо охраняемая тема. Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надёжными документами и вывезти за рубеж для практической работы - дело чрезвычайно трудное и требующее неимоверных усилий со стороны специалистов разного профиля. И хотя иностранным спецслужбам уже многое известно об этой деятельности, я все же не рискну упоминать здесь конкретные фамилии и факты и давать им свои оценки. Одно дело - информация, которая ушла от нас различными каналами на Запад и на Восток, другое дело - высказывания бывшего начальника нелегальной службы.

Ко мне не раз обращались и корреспонденты, и наши работники с предложениями рассказать что-нибудь интересное из жизни и работы нелегалов или подсказать тему для публикаций, но я всегда отвечал

отказом, полагая, что нелегальная разведка - это святая святых всей разведывательной деятельности. Не желая тем не менее обойти молчанием этот важный период моей работы в разведке и этот удивительный коллектив, я всё-таки коснусь немногого, избегая конкретики.

Что же это за люди - нелегалы - и откуда они берутся? Кандидатов мы ищем и находим сами, перебирая сотни и сотни людей. Работа действительно штучная. Чтобы стать нелегалом, человек должен обладать многими качествами: смелостью, целеустремлённостью, сильной волей, способностью быстро прогнозировать различные ситуации, устойчивостью к стрессам, отличными способностями к овладению иностранными языками, хорошей адаптацией к совершенно новым условиям жизни, знанием одной или нескольких профессий, дающих возможность зарабатывать на жизнь. Перечисление свойств характера, необходимых для разведчика-нелегала, можно было бы продолжить, удлиняя список до бесконечности. Однако и сказанного вполне достаточно, чтобы иметь представление и о сложности этой работы, и о требованиях, предъявляемых к нелегалам.

Если наконец найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере есть, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы ещё какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, лёгкость перевоплощения и даже некоторая, хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то разумный авантюризм. Часто сравнивают перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актёра. Но одно дело - перевоплощаться на вечер или на театральный сезон и совсем другое - превращаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении. Поэтому у нас часто шутят, что нелегалу, вышедшему на оперативный простор, уже можно смело давать звание народного артиста.

За время подготовки и практической работы в разведке нелегал приобретает многое: обширные знания, в частности в политических и экономических вопросах, несколько профессий, иностранные языки, - но и жертвует многим. Трудно в этих условиях устроить семейные дела: жена, дети, родители - тут вереница бесконечных сложностей, и редко удаётся все решить более или менее удовлетворительно.

Нелегальная разведка существенно отличается от других звеньев внешней разведки своей спецификой и налагаемой ею особой ответственностью. Во всяком случае, для меня годы работы в Управлении «С» - это время наивысшего морально-психологического напряжения, когда нервная система, казалось, была на грани возможного. Ни до того, ни после я не испытывал подобных нервных перегрузок.

Труд разведчика-нелегала попросту несравним с работой разведчика обычной резидентуры. Каким бы напряжённым ни был день сотрудника разведки, работающего, скажем, «под крышей» посольства, вечером он

всё-таки возвращается в свою семью и забывает тревоги дня, наступает расслабление. У нелегала нет родной «крыши», нет места, где можно расслабиться и забыться, и часто нет рядом семьи. Он, как теперь стало модно выражаться, социально не защищён, да и вообще не защищён. Все его спасение - в его собственной голове и в чёткой работе Центра.

За время руководства Управлением «С» мне нередко приходилось провожать молодые супружеские пары на нелегальную работу, регулярно встречаться со зрелыми разведчиками и с ветеранами, ставшими воспитателями молодёжи. Больше всего было забот с новичками. Проблемы их подготовки, их семейные дела, их документация под иностранцев, трудоустройство за границей. И при этом ни одного лёгкого вопроса. Иногда приходилось выступать даже в необычной роли то ли священника, то ли заведующего отделением загса - давать санкции на заключение брака. И такое случалось.

Нелегал готовится для работы келейно, узким кругом преподавателей-тренеров. Эта ограниченность общения является отрицательным моментом. Отрыв молодых нелегалов от остальных сотрудников управления мы всегда старались восполнить созданием дружного микроколлектива, где люди были бы психологически совместимы, как в космическом экипаже при продолжительном полёте. И нам удавалось создавать вокруг нелегалов дружескую, семейную атмосферу.

Молодые нелегалы, отправлявшиеся на боевую работу, всегда напоминали мне людей, которых, едва они научились плавать, сразу пускают в дальний заплыв. И доподлинно никогда не известно, хватит ли у них сил одолеть длинную дистанцию. И всех тех, кто работал с молодым нелегалом или молодой парой в Центре, не покидает беспокойство, не отпускает тревога, пока нелегалы не подадут весточку, что добрались до места назначения и все у них в порядке. Эту высокую меру ответственности, постоянное нервное ожидание во время передвижения нелегалов к месту назначения и все последующие волнения за их работу и судьбу выдерживали не все: бывали случаи, когда сотрудники нелегального управления просили перевести их на более спокойный участок. И каким же счастьем было увидеть молодую пару через два-три года, когда они приезжали в отпуск, став уже настоящими профессионалами, обретя уверенность в своих силах, свободу, раскованность!

Встречаясь с опытными нелегалами, учишься у них сам. У каждого свой неповторимый опыт приживаемости за границей. Руководители нелегальной разведки должны почувствовать все нюансы жизни нелегала, увидеть что-то новое в его личном опыте, распространить этот опыт на другие ситуации, но в видоизменённом, конечно, варианте. При постановке задания нелегалу необходимо точно определить, по силам ли ему эта работа, располагает ли он реальными или потенциальными возможностями. Для этого работнику Центра нужны и большой личный опыт, и оперативная интуиция, и знание конкретной обстановки.

С большим уважением в Управлении «С» относятся к нелегалам-ветеранам, закончившим боевую работу за границей и приступившим к работе в Центре в качестве воспитателей молодёжи. У каждого позади яркая, необычная жизнь, которая и в эпоху гласности известна лишь немногим.

Я упомяну здесь только о Марии Павловне и о Крогерах, с которыми мне самому приходилось работать и о которых уже неоднократно появлялись публикации в нашей прессе, а о Крогерах даже был снят неплохой фильм.

Мария де Лас Эрас Африка, или, как мы её называли, Мария Павловна - испанка. В молодости она была красивой миниатюрной женщиной, темпераментной и решительной. Свою судьбу с советской разведкой она связала ещё в 1937 году. Во время Великой Отечественной войны была радисткой в знаменитом партизанском отряде Героя Советского Союза Д.Н.Медведева, в котором сражался и Николай Кузнецов, использовавший в свой работе методы нелегальной разведки.

После войны, с 1945 по 1967 год, Мария Павловна находилась на нелегальной работе в странах Латинской Америки. Она умела делать все: работала с агентурой, сама добывала документы, нужные для нелегальной разведки, прикрывала деятельность других нелегалов, работала на рации. По натуре своей Мария Павловна была правдоискательницей. Всякие неполадки, проявления неорганизованности возмущали её до глубины души, и если эти недостатки и упущения не устранялись, она была вне себя от ярости. Отойдя от разведывательной работы, Мария Павловна занималась подготовкой молодых нелегалов. Полковник Африка скончалась в 1988 году.

Герои Российской Федерации Хелен и Питер Крогеры (Леонтина и Моррис Коэны) давно получили всемирную известность как советские разведчики высокого класса. Питер связал свою судьбу с нами ещё во время гражданской войны в Испании, где сражался на стороне республиканцев. Хелен тоже была сотрудницей советской разведки.

Крогеры работали и с Рудольфом Абелем (Вильямом Фишером) в США, и с Гордоном Лонсдейлом (Кононом Молодым) в Англии. Сидели в тюрьме, были вызволены оттуда и поселились в центре Москвы. В их гостеприимном доме часто бывали коллеги и друзья. К сожалению, бурная и полная опасностей жизнь в разведке не позволила им обзавестись детьми. Более непохожих по характеру людей трудно себе представить: темпераментная, задиристая, неугомонная Хелен - и спокойный Питер. Этот крепкий и сентиментальный союз, несомненно, был основан на законе притяжения противоположностей.

24 декабря 1992 года на 80-м году жизни Хелен скончалась. Она знала, что скоро умрёт. Говорила об этом спокойно и своё мужество и силу характера показала даже в последние дни жизни.

Питер не надолго пережил боевую подругу. Мы похоронили его 23

июня 1995 года.

Почему нужны нелегалы в разведке? По многим причинам. Прежде всего потому, что за официальными российскими представителями всегда может следовать «хвост», видимый или совершенно невидимый (с учётом развития технических средств), а за нелегалом, если он сам не совершил какой-либо ошибки, не ведётся наблюдение. Географическое пространство для граждан России за рубежом ограничено всевозможными зонами, а разведчик-нелегал может передвигаться свободно. С рядом государств наша страна не имеет дипломатических отношений, а по делам разведки там иногда необходимо бывать.

Не так уж долго мне пришлось трудиться в Управлении «С», но у меня на всю жизнь осталось большое удовлетворение от работы в нелегальной разведке, громадное уважение ко всем товарищам и соратникам по этому тяжёлому цеху и особенно, конечно, к нелегальному аппарату - золотому фонду разведки.

Юрий Владимирович Андропов

Писать об Андропове сложно и ответственно. Сложно потому, что сам он был человек непростой и вряд ли с кем-нибудь до конца откровенный. Ответственно потому, что он стоял у руля нашего государства, а это само по себе требует серьёзного отношения пишущего к оценке таких лидеров. Поэтому мои страницы об Андропове - это лишь наброски, попытка воссоздать некоторые черты его характера, вспомнить обстоятельства встреч и бесед с ним.

Начну с того, что Комитет госбезопасности явно нуждался в приходе человека такого масштаба, как Андропов. С одной стороны, нужен был опытный государственный деятель, а с другой - человек, которому эта служба была бы интересна и который был бы способен в своей работе дойти до низов, до понимания проблем рядовых исполнителей. Андропов, на мой взгляд, в наибольшей степени обладал такими качествами. Где он находил время для всестороннего охвата деятельности КГБ, остаётся загадкой. Здесь, конечно, проявились и особый дар, и настрой на такую работу. Но при этом каждый человек сам по себе был ему интересен, он постоянно вёл поиск деятельных и содержательных людей, чтобы использовать их наиболее эффективным образом.

Каждый из предшественников Ю.В.Андропова проработал на посту председателя КГБ всего по нескольку лет, и лишь он поставил абсолютный рекорд - возглавлял службу безопасности государства в течение почти пятнадцати лет. Этот период целиком приходится на так называемые застойные годы, но для сотрудников Комитета госбезопасности это были годы известной стабильности, организованности и порядка.

Первый председатель КГБ И.А.Серов не был свободен от груза прошлых преступлений, тяготевших над органами государственной безопасности, и плохо вписывался в изменения в стране, происходившие в

50-е годы.

А.Н.Шелепин, по общему впечатлению сотрудников, чувствовал себя на посту председателя человеком временным и не пустил глубоких корней в комитете, а его преемник В.Е.Семичастный ещё далеко не сформировался как государственный деятель, в нём было больше комсомольского задора, чем политической мудрости.

Что касается Ю.В.Андропова, то к моменту его назначения в КГБ в мае 1967 года за плечами у него был уже солидный послужной список: руководящая партийная работа в Карелии, посты посла СССР в Венгрии, заведующего отделом и секретаря ЦК КПСС. И он, как это почувствовалось довольно быстро, пришёл в КГБ всерьёз и надолго.

Получив известие о назначении Андропова председателем, мы, естественно, попытались выяснить у знакомых в аппарате ЦК КПСС, что он собой представляет. Ответы были обнадёживающими, однозначными и весьма лаконичными: «Ребята, вам повезло».

Однако для самого Юрия Владимировича приход в КГБ не был простым. Он серьёзно беспокоился, как его здесь воспримут, очевидно, ещё не сознавая в полной мере, какие изменения произошли в госбезопасности к 1967 году, когда в системе практически уже не осталось людей, начинавших работу в органах в предвоенные годы.

В комитете Ю.В.Андропова встретили с надеждой на то, что при нём будет больше порядка, организованности, определённости и меньше сумасбродства, злоупотреблений и нарушений законности. Андропов привёл с собой из аппарата ЦК КПСС небольшую команду, не более десяти человек. Держались они на первых порах тесной стайкой и все старались выяснить, нет ли вокруг Юрия Владимировича недоброжелательности или, не дай Бог, не зреет ли какая крамола. Эта группа была предана ему лично и стремилась всеми доступными средствами работать на повышение его авторитета, что порой выглядело даже смешным и наивным из-за прямолинейности в восхвалении достоинств нового председателя, в чём вообще не было никакой нужды. Надо сказать, что и Андропов заботился о своей команде. Из неё выпали, может быть, один-два человека, а остальные стали генералами и заняли ключевые посты в системе госбезопасности.

Пока команда врастала в жизнь КГБ, Андропов сам вёл постоянный поиск новых людей для выдвижения на ответственные посты. Был он на первых порах склонен к быстрым очарованиям и разочарованиям. Смелый в суждениях, эрудированный человек сразу привлекал внимание Андропова, он его быстро двигал вверх, а потом, случалось, проявлялись организаторские изъяны и ещё какие-нибудь негативные качества выдвиженца. Такого работника он быстро смещал с ключевой должности, переводя на менее ответственную. При этом Юрий Владимирович не таил зла, неприязни и сохранял благожелательность по отношению к тем, кого он двигал сначала вверх, а потом вниз. Порой он сетовал на то, что человек бывает труднопредсказуем. На своей должности вроде бы хорош,

а передвинь его на одну ступеньку повыше, он уже растерялся и запаниковал или - ещё хуже - неожиданно превратился в грубияна и диктатора.

О том, что Андропов не был злопамятен и не стремился сводить личные счёты с людьми, причинившими ему когда-то неприятности, говорит такой факт. Однажды в разговоре со мной он поинтересовался, как чувствует себя и как работает один наш сотрудник старшего поколения, и рассказал с грустной усмешкой, что этот человек в момент, когда было сфабриковано так называемое ленинградское дело, выделил его, Андропова, вопрос в отдельное дело, что означало на практике неминуемый арест. Юрий Владимирович не только не пытался как-то наказать этого человека, но даже не увольнял его на пенсию, поскольку понимал, что не конкретный человек был повинен в подобных делах, а время тогда было жестокое.

Иногда Андропов, правда, заводил разговоры несколько двусмысленного свойства, проверяя, как люди относятся к тому или иному руководителю. Он вдруг начинал слегка поругивать какого-нибудь начальника, втягивая в обсуждение своего собеседника. Я сам не раз подвергался подобным испытаниям, когда Юрий Владимирович позволял себе нелестные высказывания в адрес человека, к которому, как я доподлинно знал, он относился с большим доверием. Подобный метод, возможно, оправдан, если председатель КГБ нуждается в дополнительной информации об отношении к тем людям, которые стоят вокруг него, но мне лично такие игры не очень нравились.

Беседовать с Андроповым было совсем непросто. Он совершенно не терпел нудных докладов, построенных по стандартной схеме. Раздражался, перебивал докладчика, задавал множество неожиданных вопросов, и обычно такой неудачный доклад кончался вежливой выволочкой и занимал минимум времени. И наоборот, если докладчик попадался содержательный и рассказывал интересные вещи, сопровождая их оригинальными выводами и предложениями, беседа затягивалась и по увлекательности своей становилась сродни, выражаясь языком литературных критиков, интеллектуальному пиршеству.

Участвуя в переговорах Андропова с иностранными делегациями, присутствуя при докладах резидентов разведки, обсуждая бесконечные проблемы вроде афганской, я нередко покидал кабинет председателя с чувством неудовлетворённости самим собой, так как его уровень мышления, знания, умение нестандартно и увлекательно вести беседу заставляли осознавать, и иногда довольно остро, собственную некомпетентность в ряде вопросов, неспособность так же досконально разобраться в существе каких-то проблем. Иначе говоря, Андропов подавлял собеседника не своим положением, ибо держался просто и большей частью приветливо, а своей эрудированностью, знаниями и оригинальным видением вещей и событий.

Если, принимая в своём кабинете иностранные делегации, советских представителей, сотрудников КГБ, Андропов вёл беседы свободно, не

сковывая их рамками строго заданной программы, то в подготовке своих публичных докладов и выступлений отличался особой тщательностью и пунктуальностью. Получив от помощников составленный по его тезисам материал, он на два-три дня отключался от текущих дел и со всей скрупулёзностью работал над текстом, тщательно выверяя все его положения.

Зная динамичную и даже резкую манеру бесед Андропова, я предупреждал резидентов, что к докладам и отчётам надо готовиться очень основательно, что необходимо знать все детали обсуждаемых вопросов и ориентироваться на ведение диалога, а не на спокойное повествование. «Учти, он не даст тебе спокойно говорить больше пяти минут, а будет задавать самые неожиданные вопросы», - примерно такую я давал «вводную» идущему «на ковёр» к председателю.

Андропов был человеком скромным, но твёрдым. Он поставил себя так, что люди, как правило, не решались делать ему комплименты, пытавшийся нарушить это табу получал резкий отпор и мог потерять его расположение. Для человека такого уровня неприятие лести - несомненно, редкое качество, тем более что атмосфера вокруг Брежнева изобиловала обратными явлениями. С коррупцией и расточительством он боролся всегда, а одним из первых его актов после занятия поста генсека стало снятие с должности министра внутренних дел Щёлокова. Вручаемые ему подарки Андропов, насколько мне известно, сдавал в государственную казну и требовал того же от своих заместителей.

Умел он и считать государственные деньги, решительно отвергая различные дорогостоящие проекты в КГБ и требуя сокращения расходов даже на разумные и оправданные разведывательные мероприятия. По некоторым делам, требовавшим его председательского согласия, приходилось делать к нему по три захода, пока он не давал добро или окончательно не отказывал.

О своём положении в высшем эшелоне государства он никогда не говорил, не подчёркивал своей значимости и лишь иногда, рассказывая о какой-либо сложной тяжбе с кем-то из высоких должностных лиц, употреблял такую фразу: «Я ему в ответ и сказал: „Я ведь тоже не самый последний человек в государстве»«.

Юрий Владимирович, сколь ни банально звучит это утверждение, любил людей. Казалось бы, рвавшиеся в его служебный кабинет посетители и подчинённые должны были ему порядочно надоесть, и при его состоянии здоровья естественнее было бы ожидать стремления на время уединиться и передохнуть от бесконечных проблем и разговоров, а он тянулся к людям, постоянно испытывал желание расширить круг знакомств. Эту его общительность, умение слушать и рассказывать я хорошо почувствовал во время поездки 28-29 декабря 1981 года в Венгрию, куда он совершил свой последний официальный визит в качестве председателя КГБ. Там состоялись подписание очередных рабочих документов о сотрудничестве, вручение государственных наград СССР сотрудникам венгерского МВД, встреча уже больного Андропова с

одряхлевшим Кадаром.

Делегация ехала поездом в двух специальных вагонах. Ехали весело и дружно. Обедали и ужинали все вместе в вагоне Андропова. Разговоры велись на разные темы - от высокой политики до элементарных анекдотов, общение было неформальным, а путешествие - по-настоящему приятным, К сожалению, в весёлый и непринуждённый разговор всё время вторгалась тема о болезнях. Дело в том, что и в КГБ Юрий Владимирович пришёл уже больным человеком, и его быстрое угасание происходило на наших глазах. На приёмах по случаю пребывания различных делегаций он ничего крепкого не пил, а лишь пригубливал лёгкое вино. Соблюдал он и строгую диету. А когда-то у него был отменный аппетит, да и теперь иногда возникало большое желание съесть какой-нибудь настоящей мужской пищи.

Кто-то из близких к его дому людей рассказывал, как однажды Андропов твёрдо вознамерился поесть хорошего шашлыка и дал команду повару изготовить это блюдо по всей форме. Повар доложил о полученной команде врачу. Врач молча показал повару кулак. После этого повар с согласия врача изобразил из отварного мяса что-то по виду напоминающее шашлык - кусочки варёного мяса на шампурах с луком и помидорами. Юрий Владимирович обиделся и не стал есть это блюдо.

Диетой его мучили постоянно. Однажды при очередном докладе текущих дел в Кунцевской больнице он предложил мне: «Сначала давай попьём чайку». На столе в комнате, которая использовалась для приёма посетителей и одновременно как столовая, стояла тарелка с двумя воздушными и прозрачными крендельками. Юрий Владимирович злобно посмотрел на них и сказал нарочито ворчливым тоном: «Смотри не съешь оба кренделя, это нам дали на двоих!»

В Кунцеве доклад проходил обычно более спокойно. Не было частых телефонных звонков, и Андропову не нужно было переключаться на другие дела и экономить время. Здесь иногда возникал «разговор за жизнь», но все свои высказывания и оценки он, конечно, строго контролировал.

Общеизвестны суровая в последние годы критика в адрес бывшего КГБ, обвинения в беззакониях, творившихся органами госбезопасности, в пособничестве террористам. Здесь уместны несколько фраз об отношении Ю.В.Андропова к соблюдению законов. Законы и порядки, существовавшие тогда в нашем государстве, Андропов чтил и безукоризненно выполнял. Он жёстко требовал от сотрудников всех рангов абсолютного законопослушания. Поэтому критику в адрес бывшего КГБ, как мне кажется, не следует отрывать от критики законов и порядков всей существовавшей тогда системы. Так было бы правильнее.

Кстати сказать, Андропов был человеком очень осторожным и никогда не брал на себя лишнего, того, что могло быть истолковано как превышение полномочий. По всем мало-мальски серьёзным вопросам писались бумаги в ЦК КПСС или непосредственно Генеральному

секретарю для получения согласия на то или иное предложение.

Объективности ради надо сказать, что и либералом или пацифистом Андропов, конечно, не был. Он требовал, чтобы в подразделениях КГБ царил боевой дух, чтобы личный состав был готов к действию в экстремальных и кризисных ситуациях, умел владеть средствами оперативной техники и оружием.

За время пребывания Андропова на посту председателя КГБ значительно вырос уровень профессиональной подготовки разведчиков и контрразведчиков. В рядах сотрудников КГБ не было коррупции, крупных злоупотреблений материально-финансового порядка. Особенно ценно то, что именно так об этом публично высказался и академик А.Д.Сахаров, в нелицеприятности мнения которого о КГБ никто, кажется, не сомневался.

Вернёмся, однако, к самому Андропову... Я уже упомянул, что немалую часть времени в последние годы своей жизни Юрий Владимирович находился в Кунцевской больнице, где проводились многочисленные обследования и процедуры по поводу хронической почечной недостаточности, а также нефрита, гипертонии, сахарного диабета и других недугов. По существу, у него была там как бы вторая квартира. Последние два десятилетия он совершенно не занимался спортом и был чужд какой-либо физической активности - даже гулять не любил, превратился в кабинетного затворника и, как говорится, не нюхал свежего воздуха.

Однажды Юрий Владимирович назначил приём для доклада в Кунцеве в 12 часов дня, в воскресенье, в разгар зимы. Прежде чем ехать к председателю, я хорошо покопался в снегу - расчистил дорожку от дачи к сараю. Ярко светило солнце, и чуть-чуть вьюжило. Небольшой мороз, солнце и приятный свежий ветерок. Бодрый, разогревшийся от работы на солнце и с хорошим настроением я прибыл в Кунцево, поздоровался и начал с погоды:

- Юрий Владимирович, сегодня погода замечательная!

- Вы уже гуляли?

- Какое там гулянье! Нос высунуть нельзя, ветер с ног валит!

Что было первопричиной и что следствием, судить не берусь: то ли болезнь отлучила Андропова от общения с природой, то ли, наоборот, пренебрежение к прогулкам и спорту привело к многочисленным болезням. Но не только набор всевозможных болезней осложнял деятельность Андропова на посту председателя КГБ, были ещё и особые обстоятельства, мешавшие сосредоточиться на деле.

Известно - и об этом уже писали, что Брежнев приставил к Андропову на должности вторых лиц в Комитете госбезопасности своих близких друзей - С.К.Цвигуна и Г.К.Цинёва, из-за чего ситуация в комитете сложилась непростая: Юрий Владимирович должен был постоянно оглядываться на этих заместителей, искать к ним особые подходы и заниматься дипломатией вместо того, чтобы уверенно требовать от них

рабочей отдачи как от своих главных помощников. Оба они всё время что-то докладывали лично Брежневу, и это ставило Андропова в неудобное и щекотливое положение. О непростой ситуации в верхах были осведомлены все более или менее ответственные работники комитета и сочувствовали Андропову.

По этому поводу в Москве даже ходил анекдот - не то чтобы очень смешной, но точно отражавший реальную ситуацию. За час до наступления Нового года Брежневу звонит Цвигун и докладывает: «Леонид Ильич, в стране все тихо, происшествий нет, граница на замке, можете спокойно встречать Новый год! Поздравляю вас!» За полчаса до Нового года звонит Цинёв и говорит: «Леонид Ильич! В стране полный порядок, никаких ЧП нет, в армии тоже порядок, можете спокойно встречать Новый год. С праздником!» За четверть часа до Нового года звонит Андропов, чтобы доложить обстановку, а Брежнев говорит ему: «Юрий Владимирович, в стране все спокойно, в армии полный порядок, граница на замке, можете спокойно встречать Новый год!»

В общем, отношения с ближайшими помощниками были весьма непростыми, и при всей своей сдержанности Андропов иногда жаловался своим близким и даже относительно близким собеседникам на условия, в которых ему приходилось работать.

Я встречался с Юрием Владимировичем довольно часто, и работая в Каире, и в бытность свою начальником нелегальной разведки, и тем более с 1979 года в качестве первого заместителя начальника ПГУ, когда мне приходилось систематически исполнять обязанности начальника разведки. Запомнился мне последний доклад Юрию Владимировичу. Это было 25 января 1982 года, незадолго до его ухода из КГБ.

Уже тяжело и неизлечимо больной, Андропов рассматривал дела без прежней живости. Ему было трудно читать. Просмотрев несколько документов, он попросил меня зачитывать ему короткие бумаги, а содержание длинных - просто излагать. Иногда он отвлекался на телефонные звонки, а время от времени заводил беседы на темы, не связанные с докладом: ему просто нужен был отдых и переключение внимания. Вдруг раздался один телефонный звонок, а потом одновременно зазвонило несколько телефонов. Андропову докладывали из разных мест, что умер М.А.Суслов. Я попросил разрешения прервать доклад, чтобы не мешать Андропову обсуждать создавшуюся ситуацию, и он отпустил меня на десять минут. Я вышел в кабинет напротив, к начальнику секретариата, сообщил ему новость, и он, не моргнув глазом, сказал: «Все... Юрий Владимирович уходит от нас в Политбюро!» Как я понял, это было давно решённым делом: Андропов садится в кресло Суслова. Затем доклад продолжился. Юрий Владимирович совсем как-то расслабился и сказал: - Ох и надоели мне все эти бумажки, живого голоса за ними не слышишь. Давай лучше поговорим на другую тему. Вот, например, пытаюсь я читать перевод Корана и ни черта не понимаю, что там написано. Или я совсем уж поглупел?

Я рассказал Андропову, что и мусульмане, даже образованные,

далеко не все понимают Коран и что разобраться в нём можно, лишь специально изучая этот предмет. Затем речь шла о пророке Магомете, его жизни и окружении, о различных направлениях в исламе, о роли ислама в политике и жизни арабского общества. Юрий Владимирович неожиданно оживился и задавал, как в былые времена, очень много вопросов. Беседа на эту тему заняла более часа. В заключение он сказал:

- Спасибо тебе огромное за интересную беседу. Теперь это случается всё реже и реже!

Так закончилась наша последняя встреча. Потом был ещё прощальный телефонный звонок. Я позвонил Юрию Владимировичу, поблагодарил за всё, что он сделал доброго для коллектива разведки, сказал, что все мы искренне сожалеем о его уходе от нас. По его ответу чувствовалось, что ему тоже тяжело отрываться от коллектива и переключаться на новую работу. А в самом конце разговора он неожиданно посоветовал: «А ты всё-таки будь более осторожен!»

Этим загадочным пожеланием и завершилось наше многолетнее общение. В чём же следовало быть более осторожным? Скорее всего, в острых ситуациях, когда приходилось давать резкие оценки кое-кому из сотрудников, имевших родственные связи в окружении Брежнева. Наверное, именно это имелось в виду.

Эпоха Андропова в Комитете государственной безопасности закончилась, но сам он остался в памяти сотрудников живым человеком и великим работником. Но наше время быстро заметает следы прошлого. Сейчас уже и Андропова мало кто вспоминает. Увы, нам почему-то все хочется забыть - и как можно скорее. Мы постепенно превращаемся в людей без традиций и без истории. Нам уже никого и ничего не жаль. Впечатление такое, что остаётся только каяться, или предавать все анафеме, или делать то и другое одновременно...

Председатели КГБ: взгляд в прошлое

После ликвидации Комитета государственной безопасности я не раз мысленно возвращался к теме его создания в 1954 году и его расчленения в 1991 году на отдельные службы и, естественно, думал о тех людях, которые в разное время возглавляли КГБ.

Какими должны быть органы государственной безопасности в России, к данной теме не относится, - это вопрос особый, сложный и дискуссионный, а вот личности бывших председателей КГБ - это уже совершенно конкретная материя.

Однажды я поймал себя на мысли, что был лично знаком со всеми без исключения председателями, общался с ними по конкретным делам и о каждом из них имел своё собственное представление. Складывалось оно и в результате непосредственного служебного взаимодействия, из выступлений председателей на служебных совещаниях, партактивах, коллегиях КГБ, а также под воздействием бесед с коллегами по работе, в

ходе которых очень часто возникал обмен мнениями по поводу личных и деловых качеств того или иного председателя. Это последнее обстоятельство нуждается в некотором пояснении. Среди оперативного состава КГБ практически не существовало полярных мнений о личности председателя. По прошествии нескольких месяцев после назначения нового руководителя органов госбезопасности сотрудники КГБ давали ему точную оценку, которая в дальнейшем уже не менялась.

Многообразие функций КГБ, сложная и особо деликатная роль этого ведомства в государстве предполагали, что председатель КГБ должен обладать всеми мыслимыми достоинствами при отсутствии недостатков и пороков.

Личная ответственность за безопасность государства, за судьбы отдельных людей, за положение страны в международном сообществе, за соблюдение законности и порядка - все это просто обязывало каждого председателя КГБ быть особо одарённой личностью. Он должен был знать внутренние политические и экономические проблемы, международную обстановку, быть эрудитом и интеллектуалом, обладать сильной волей, организаторскими способностями и, естественно, знать контрразведывательное и разведывательное дело. Ну и, конечно, он должен был обладать бесконечным терпением и безупречным чувством справедливости.

И теперь, когда перед моим мысленным взором предстают поочерёдно председатели КГБ, я вижу, как далеки от идеала председателя конкретные лица, занимавшие эту должность. И дело не в том, что каждый раз происходили ошибки в выборе личности, а в том, что людей, даже приближающихся к идеалу, просто не существовало и не существует в нашей российской действительности.

Да что там говорить о председателях, если система отбора была такова, что и на посты генеральных секретарей ЦК КПСС не находилось по-настоящему достойных кандидатов. Многие из них были вообще карикатурны, давали многочисленные поводы для насмешек и пищу для нескончаемых анекдотов... Выдающимся председателем, пожалуй, был лишь один Юрий Владимирович Андропов, равно как и выдающимся премьер-министром был только Алексей Николаевич Косыгин. Недаром многие мемуаристы наших дней (я не имею в виду оголтелых ниспровергателей всего и вся) выделяют именно Андропова и Косыгина как деятелей, которые по. своим личным и деловым качествам превосходили остальных членов Политбюро ЦК КПСС. К сожалению, наличие кланов и раскладка сил в высших сферах нашего государства развели этих двух деятелей в разные стороны. Зная о недоброжелательном отношении Брежнева к Косыгину, Андропов, чтобы не обидеть генсека, держался подальше от Алексея Николаевича.

Все остальные председатели КГБ, несомненно обладая большой силой воли и будучи неплохими организаторами, в то же время не были ни эрудитами, ни интеллектуалами, и даже не знали в достаточной степени всех линий работы в КГБ.

Итак, моя служба в разведке проходила при следующих председателях КГБ: Серове, Шелепине, Семичастном, Андропове, Федорчуке, Чебрикове, Крючкове и Бакатине. При первых трёх я занимал должности от оперуполномоченного до начальника африканского отдела Первого главного управления и имел с ними непродолжительные контакты по отдельным вопросам, возникавшим время от времени на моём участке работы. С Андроповым, Чебриковым и Крючковым я уже общался повседневно и могу судить о них не со стороны, а по личному общению и по конкретным делам. Федорчук оказался фигурой эпизодической, а Бакатин, несмотря на кратковременность своего пребывания на посту председателя КГБ, вошёл в историю отечественных органов безопасности как их главный и бездумный могильщик. Все его семеро предшественников пытались укреплять систему государственной безопасности, а он один, опираясь лишь на горстку приспешников, разрушил всё, что было создано за 37 лет существования КГБ. Результаты этого безумия государство ощущает и по сей день.

Но начнём по порядку...

Иван Александрович Серов (март 1954 - декабрь 1958)

Военный, затем контрразведчик, долгое время работавший вместе с Берией, но не из его близкого окружения. Он вовремя понял опасность нахождения с Берией в одной лодке и успел дистанцироваться от него, что в какой-то мере и предопределило назначение Серова председателем КГБ после ареста Берии и реформирования Министерства внутренних дел СССР. Однако главной причиной этого назначения была близость Серова к Хрущёву. Когда в довоенные годы Хрущёв был Первым секретарём ЦК Компартии Украины, он выдвинул Серова на должность наркома внутренних дел республики, и они вместе вершили здесь «праведный суд».

Небольшого роста, быстрый в движениях, Серов не мог подолгу сидеть на одном месте и доставлял много хлопот охране, так как любил передвигаться по Москве, лично находясь за рулём автомобиля обязательно иностранной марки. От него исходили флюиды нервозности и непостоянства. Иногда оперработники с оттенком иронии говорили, что он и внешне, и по характеру похож на генералиссимуса Суворова, что, конечно, доходило до ушей Серова и, надо полагать, доставляло ему большую радость.

С назначением Серова на должность председателя КГБ у оперативного состава стал исчезать страх за свою личную безопасность. При Берии судьба каждого сотрудника была непредсказуемой. Любой из них мог исчезнуть, мог быть выброшен на улицу, получить клеймо вероотступника. Суд и расправа были короткими.

Одно из основных обвинений, предъявленных Берии, состояло в том, что он хотел вывести органы госбезопасности из-под контроля партии и

даже поставить их «над партией». Обвинение справедливое: все мы и тогда ясно осознавали, что контроль партийных органов, а точнее - руководства ЦК ВКП(б) над госбезопасностью - намного предпочтительнее, чем бесконтрольное господство Берии и его ближайшего окружения. Во времена Берии аресты, допросы, увольнения следовали один за другим, процветала атмосфера подозрительности, доносительства, сведения счетов, отсутствовала уверенность в завтрашнем дне. Всем уже давно хотелось элементарного порядка, стабильности и хотя бы мало-мальски нормального рабочего дня. Ночные бдения измотали людей: почти десять лет прошло после окончания войны, а режим работы в органах оставался прежним.

У нас, молодых выпускников 101-й разведшколы, помнится, настроение было хорошим от сознания того, что мы переступили порог Лубянки уже после ареста Берии, а, следовательно, полностью непричастны к тому, что творилось в органах безопасности в прежние времена.

Во время многочисленных совещаний, заседаний и собраний актива Серов громил и разоблачал Берию и его окружение, то есть занимался привычным ему делом - всё время надо было кого-то разоблачать, клеймить позором «врагов народа» и призывать к повышению классовой, революционной и чекистской бдительности. Одновременно выдвигались требования соблюдать законность и партийные нормы в работе. Когда кампания по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников несколько утихла, Серов начал заниматься и делами разведки, которые находились в запущенном состоянии вследствие волюнтаристских действий Берии.

Руководители отделов разведки стали получать какие-то осмысленные указания по работе, началось заново формирование резидентур, поиски сотрудников на роль резидентов. В нашем восточном отделе Первого главного управления, сфера деятельности которого простиралась на всю Азию и Африку, было необходимо подобрать кандидатов на должности резидентов практически во все резидентуры, а также укомплектовать их оперативным составом.

Египетское направление, где я начал свою работу в 1953 году, являло собой типичную для всей разведки картину: в Каире остался только один оперативный сотрудник, недавно туда направленный и не имевший никаких полномочий. Весь состав резидентуры надо было срочно подбирать, в том числе и резидента. К этому времени в ПГУ пришли выпускники разведшколы, Военно-дипломатической академии и различных гражданских вузов. После интенсивных поисков резидентура для Каира была сформирована из шести человек, один из которых уже находился в стране, и однажды мы впятером во главе с резидентом В.П.Соболёвым предстали перед Серовым. Таких встреч у Серова было немало, и в условиях продолжающейся неразберихи он, по всей вероятности, не имел возможности серьёзно готовиться к каждой из них.

Разговор носил формальный характер. Серов высказал ряд общих,

уже набивших оскомину рекомендаций, вроде того, что нужно много работать, проявлять инициативу, вербовать агентуру, направлять информацию и так далее. Единственным отступлением от унылого стандарта была выраженная Серовым озабоченность по поводу того, что нам будет трудно встречаться с агентурой из числа египтян ввиду чёрного цвета их кожи. Обмениваясь после встречи мнениями о председателе КГБ, мы дружно отметили его неосведомлённость в вопросах внешней политики, небогатый словарный запас, а то, что он представлял себе египтян чернокожими африканцами, нас просто шокировало. В начале этой главы я уже упоминал о том, что знания всех председателей КГБ далеко не соответствовали тем требованиям, которые предполагались для их высоких должностей. Впервые я увидел это на примере Серова. Правда, что-то такое о его высокой образованности писал в своих мемуарах Серго Берия, который в свойственной ему манере все выдумывать приписал Серову и знание японского языка. Почему японского, а не, скажем, более распространённого у нас тогда немецкого? Дело, однако, в том, что никаких иностранных языков Серов, конечно, не знал, как не знали их и все другие председатели, за исключением Крючкова, и более того, не испытывали никакого дискомфорта от этого незнания. Один только Андропов переживал из-за своей некомпетентности и время от времени обзаводился учебными пособиями по английскому языку, но нечеловеческая загруженность разнообразными делами не позволяла ему серьёзно заняться изучением иностранного языка, да и состояние здоровья серьёзно ограничивало его возможности.

Вспоминая разгром разведки в 1937 и 1938 годах, волюнтаризм и профессиональную неподготовленность Берии, я всё время задаю себе один и тот же вопрос: как в этих ужасных условиях могла уцелеть наша ценнейшая агентура в Англии, Франции и некоторых других странах? Ответ напрашивается один: отнюдь не благодаря заботам высшего руководства органов государственной безопасности, занятого интригами и кровавыми разборками, а исключительно благодаря самоотверженной работе, высокому профессионализму и верности долгу рядовых, немногочисленных к тому же разведчиков, трудившихся в те годы как «в поле», так и в Центре.

Ценная агентура и во времена Серова обеспечивала руководство СССР самой достоверной информацией о военных приготовлениях США и других западных стран, направленных против Советского Союза. По мере стабилизации положения в разведке и в других подразделениях КГБ тематика и география получаемой информации всё время расширялись. Такое состояние дел позволило Серову даже пошутить на одном из партийных активов КГБ в середине шестидесятых годов: - Никита Сергеевич постоянно жалуется мне, что он начисто лишён возможности изучать марксистскую литературу, так как все его время уходит на чтение разведывательной информации за подписью Серова!

Быстрое сближение СССР с Египтом во времена Насера и активная работа резидентуры на гребне подъёма наших межгосударственных отношений вызвали одобрение со стороны Серова и повысили его

внимание к каирским делам. Пик этого внимания пришёлся на 1958 год, а именно на конец апреля этого года, когда состоялся визит Насера в СССР.

В этот период Серов уже более реально представлял себе, что такое Египет и кто такие египтяне. Во время пребывания делегации Насера в Москве Серов лично встретился с руководителем египетских спецслужб. Насер сам проявил инициативу и попросил Хрущёва во время первой же встречи с ним, чтобы Серов принял начальника Службы общей разведки Египта Салаха Насра и установил с ним постоянный деловой контакт. Дело развивалось следующим образом.

1 мая 1958 года Гамаль Абдель Насер вместе с Н.С.Хрущёвым и другими руководителями СССР находился на трибуне мавзолея, а внизу, на Красной площади, ликовали колонны демонстрантов, выкрикивая лозунги и приветствия по адресу советских лидеров и в честь их большого друга - Насера. Между Хрущёвым и Насером неотлучно находился в качестве переводчика мой начальник и друг, резидент КГБ в Каире Викентий Павлович Соболев. Правда, когда мы открыли на следующее утро центральные газеты и посмотрели на многочисленные фотографии, то никаких признаков присутствия Викентия Павловича на трибуне обнаружено не было. Был человек - и нет его!

Впечатление такое, что наша история сама очищает себя от «ненужных» людей. Только одних убирает с фотографии сразу, а других позже. Сколько мы уже видели таких групповых снимков, с которых постепенно куда-то исчезали изображённые на них люди...

Во время демонстрации я стоял рядом с мавзолеем среди членов египетской делегации, и вдруг, совершенно неожиданно для меня, появился юркий и решительный Серов и приказал мне организовать завтра же в его служебном кабинете на Лубянке встречу с Салахом Насром. В беседе с ним мой верховный шеф сказал, что поручает мне быть офицером связи между КГБ и спецслужбами Египта.

После беседы с Салахом Насром Серов пригласил меня на инструктаж. Он выразил своё удовлетворение тем, что я уже установил доверительные отношения с руководящими деятелями египетских спецслужб и близкими к Насеру людьми, подчеркнул, что этим контактам Хрущёв придаёт особое значение и закончил свою речь следующими словами:

- Значит, так... Я договорился с ним, что мой псевдоним будет «Старик», а он потом сам себе выберет имя, которым будет подписываться. Всю информацию для «Старика» направляй прямо мне, а мы уж тут сами разберёмся, что с ней делать...

Разговор был в мае, а уже в декабре 1958 года Серова переместили на должность начальника Главного разведывательного управления Генштаба Советской Армии и замечательный псевдоним «Старик» оказался невостребованным.

В связи с уходом Серова с поста председателя никто в КГБ особых сожалений не высказывал, а начальник разведки А.М.Сахаровский даже

вздохнул облегчённо, выразив надежду, что с новым руководителем легче будет договариваться по всему кругу вопросов деятельности разведки.

В конце 50-х годов в эпоху разоблачения культа личности Сталина держать Серова во главе органов госбезопасности было уже просто неприлично. Конечно, при устранении Берии Серов был полностью заодно с Хрущёвым, и неизвестно ещё, какой оборот приняли бы события без помощи «Старика». Но время шло, и люди, одинаково виноватые в организации массовых репрессий, разделились на две неравные категории. Те, кто оказались на вершине власти, расправились с теми, кто был в их подчинении, свалив на них всю ответственность за беззакония и репрессии. А Серов к тому же был известен в стране как главный исполнитель приказов о депортации народов, получивший фактически за это звание Героя Советского Союза.

Дальше всё пошло по известной схеме: начал падать - будешь падать до самого конца, и тебя будут всё время раздевать, снимут звёзды, лампасы, вышлют из Москвы, исключат из энциклопедических словарей твоё имя и похоронят голеньким... Трагедия Серова вызывает жалость и чувство протеста. Свой позор и падение ему пришлось пережить при жизни. В основном же у нас всё-таки разоблачают людей уже после их смерти, впрочем, равно как и реабилитируют тоже после...

На смену Серову пришёл уже не чекист, а человек иной формации...

Александр Николаевич Шелепин (декабрь 1959 - ноябрь 1961)

С падением Серова ушла в прошлое и целая эпоха, когда на пост главного руководителя органов безопасности выдвигались профессионалы - выходцы из самих органов. Теперь на должность председателя КГБ стали назначаться люди из партийной номенклатуры с более широким, как предполагалось, политическим мышлением и не связанные в прошлом с «карающим мечом диктатуры пролетариата».

Если Серов был до мозга костей человеком военным, а затем чекистом и постепенно поднимался по служебной лестнице вплоть до её верхней ступени, то Шелепин оказался на ней неожиданно, спустившись из заоблачных партийных сфер. До премудростей чекистской профессии он так и не снизошёл. Посидел на этой ступеньке два года и упорхнул дальше. В КГБ он появился сорокалетним, после работы в ЦК ВЛКСМ, и никоим образом не был связан со сталинской гвардией руководителей.

Назначение Шелепина в КГБ объяснили, как водится, необходимостью укрепления связи чекистского коллектива с партийными органами и дальнейшего повышения роли партийных организаций в жизни Комитета госбезопасности.

Взаимной любви между Шелепиным и сотрудниками КГБ не получилось.

Новый председатель привёл с собой в КГБ большой отряд

руководящих комсомольских работников, назначил их на ответственные посты в контрразведывательные подразделения, где должны были сидеть опытные профессионалы. Вместе с людьми, выработавшими свой ресурс или скомпрометировавшими себя участием в необоснованных репрессиях, из органов были уволены и хорошие специалисты. Шелепин таким образом продемонстрировал недоверие и неуважение к коллективу, которым он должен был руководить. Большинство людей, которых Шелепин привёл с собой, тяготились работой в КГБ, профессию новую не полюбили и постепенно покинули ведомство безопасности.

Среди сотрудников КГБ преобладало мнение, что Шелепин на посту председателя человек временный и что после перетряски руководящих кадров и проведения серии реорганизаций он уйдёт из КГБ.

Безразличное отношение к Шелепину сменилось на неприязненное, когда он начал передавать другим организациям служебные помещения КГБ, а также санатории и дома отдыха. Дело в том, что служебных помещений в КГБ и так остро не хватало, а рядовые сотрудники могли только мечтать провести свой отпуск в хорошем санатории на юге.

К чему привела такая щедрость, знает каждый ветеран органов госбезопасности. В бытность мою начальником нелегальной разведки в середине 70-х годов я получил однажды служебный рапорт от молодого сотрудника грустно-анекдотического содержания. Он звучал примерно так: «Докладываю, что во вверенном Вам управлении я работаю уже полтора года, и в комнате, к которой я приписан, у меня до сих пор нет не только сейфа и стола, но даже и стула. Каждый день, приходя на работу, я мучительно ищу место, где бы я мог примоститься. Прошу Вас принять необходимые меры, чтобы...»

Положение действительно было отчаянным, и ни о какой необходимой секретности и конспирации в работе в данных условиях не могло быть и речи. Однако столь земные материи были очень далеки от Шелепина, и чекисты ощущали это повседневно.

Моё общение с Шелепиным и с другими тогдашними руководителями КГБ связано с 1960 годом - годом Африки. До этого периода отношение к африканским проблемам в органах госбезопасности было довольно спокойным, так как наши разведывательные и контрразведывательные интересы сосредоточивались на США, Европе и Китае. С Африкой мы явно запаздывали. В МИД СССР действовали уже два африканских отдела, а в Министерстве внешней торговли даже три, а в КГБ - только маленькое направление из пяти человек, начальником которого я был назначен сразу после возвращения

из Каира весной 1960 года. При этом надо заметить, что именно с позиций каирской резидентуры мы поддерживали деловые контакты почти со всеми представителями африканских национально-освободительных движений, которые нашли гостеприимный приют на египетской земле.

Однажды, в августе 1960 года, Шелепин поставил перед

руководством разведки ряд задач по Африке, поинтересовался, как организована разведывательная работа на Чёрном континенте, и с изумлением узнал, что в ПГУ нет самостоятельного отдела, ориентированного на африканскую проблематику. Он счёл такое состояние дел проявлением политического недомыслия и дал команду немедленно создать полноценный африканский отдел в разведке и впредь активно заниматься африканскими проблемами. Меня тут же вызвали из отпуска, добавили в мою группу несколько человек и назначили исполняющим обязанности начальника нового отдела.

Трудностей на пути создания полноценного отдела было множество, и в первую очередь потому, что в стране никто не готовил специалистов по Африке, в том числе и со знанием африканских языков. Именно в этот период кто-то из новых сотрудников отдела рассказал мне историю о том, что в 1941 году после победы под Москвой абиссинский негус прислал Сталину поздравление на амхарском языке. Сталин, естественно, потребовал перевод, и после тщетных попыток найти переводчика Молотов доложил ему, что единственный в Москве знаток амхарского языка несколько дней тому назад погиб в рядах ополчения при защите Москвы. Не знаю, правда это или анекдот, но эта история верно отражала состояние африканистики в государстве.

Начали мы изучать политическую обстановку в Африке и, как у нас принято (здесь мы всегда были впереди планеты всей), составлять многочисленные оперативные планы, увы, не обеспеченные реальными и конкретными исполнителями. Людей не было, и никто не хотел их нам давать. В конце концов я вместе с несколькими товарищами получил полномочия отобрать в Министерстве иностранных дел, Министерстве внешней торговли, в академических институтах и других учреждениях два с лишним десятка человек для работы на африканском направлении. Сейчас приятно сознавать, что многие первые наши африканисты, которых я пригласил в отдел ещё молодыми людьми, стали замечательными разведчиками, в дальнейшем (после Африки) работали во всех частях земного шара и даже существенно пополнили генеральскую прослойку в разведке.

Но это всё было потом, а в начале пути кадров для посылки за рубеж катастрофически не хватало, и начальник разведки несколько раз вынужден был обращаться за помощью к Шелепину, который продолжал настойчиво интересоваться африканскими делами. Конечно, его занимала не сама разведывательная работа, а её конечный продукт - информация о развитии политических процессов в Африке и, главное, о состоянии национально-освободительного движения и столкновении интересов империалистических держав на континенте. В ответ на очередную жалобу по поводу кадрового голода Шелепин вспылил, сказав, что мы плохо ищем, и пообещал сам заняться данной проблемой: «Я вам докажу, что кадры африканистов в стране есть!»

И... доказал. Через несколько дней по указанию Шелепина в отдел прибыл новый сотрудник - кандидат наук, на вид сугубо штатский человек

с растерянным взглядом за толстыми стёклами очков, журналист-международник уже с готовым журналистским прикрытием.

Неофит знал Африку лучше всех нас вместе взятых, был увлечён идеей написать докторскую диссертацию на африканскую тему, и ему были органически чужды наши порядки, военная дисциплина, соблюдение субординации, не говоря уже о таких деликатных вещах, как подбор тайников, проверка агентуры и изучаемых лиц, а также способы отрыва от наружного наблюдения. Но так или иначе - это был личный посланник Шелепина, к нему надо было относиться бережно и немедленно выпустить на оперативный простор в Африку.

Прошло несколько месяцев, и из важной для нас в политическом и оперативном отношении страны стали приходить тревожные телеграммы о том, что новоиспечённый разведчик ничего не делает в области разведки и полностью игнорирует указания резидента. Учёного африканиста вызвали в командировку в Москву для прояснения ситуации и проведения воспитательной работы. В ответ на мои обычные в таких случаях вопросы я получал нестандартные ответы: «Я не намерен выполнять распоряжения, которые мне даются тоном военной команды... Я не хочу, чтобы мне постоянно напоминали, что я старший лейтенант... Мне это неприятно... А главное (тут собеседник перешёл как бы на доверительный тон), я не могу выполнять приказания человека, который стоит значительно ниже меня по уровню интеллектуального развития!..»

Да, было от чего почесать затылок.

Я попробовал вразумить воспитуемого, разъясняя принципы взаимоотношений в военной организации, посоветовал ему умерить личные амбиции, объяснял, что его резидент - деликатный и вежливый человек, фронтовик, действительно строгий, но справедливый начальник, обладающий к тому же необходимым оперативным опытом и знаниями.

Разговор не получался, и тогда я прибег к последнему аргументу по части служебной и воинской дисциплины:

- Ну хорошо, - спросил я, - а если вдруг возникнет кризисная ситуация и вам как военнослужащему прикажут взять оружие и использовать его по назначению?

Это предположение вообще возмутило моего собеседника, и он, не размышляя, отрезал:

- Оружия я никогда, ни при каких обстоятельствах в руки не возьму! Вы меня не за того принимаете!

Короче говоря, этот диалог глухонемых позволил мне с полного одобрения самого возмутителя спокойствия поставить вопрос об освобождении его от непосильных тягот разведывательной службы.

Разведка, таким образом, избавилась от человека, который попал к нам явно не по своей воле, а наше творческое общество обрело способного журналиста, ставшего через несколько лет руководителем одного, некогда популярного журнала. Но и сам несостоявшийся

разведчик теперь может сказать:

- А ведь и я когда-то был Штирлицем!

Иногда Шелепин демонстрировал интерес к мнению рядовых сотрудников. Именно демонстрировал, а не действительно интересовался. Это был как бы стереотип поведения, элемент показной демократии. Так, однажды, когда после обсуждения у председателя КГБ очередного вопроса по Африке я попросил разрешения покинуть его кабинет и, получив таковое, уже направился к двери, как вдруг Шелепин остановил меня словами:

- Извините, товарищ Кирпиченко, я забыл спросить ваше личное мнение по данной проблеме!

Помню, мне было очень приятно, что моим мнением поинтересовался «лично» председатель КГБ.

Второй известный мне случай, когда Шелепин поинтересовался личным мнением оперативного сотрудника, носил вообще сенсационный характер.

Во время доклада одного из руководителей разведки председателю последний вдруг совершенно неожиданно задал ему вопрос, что он думает о развитии обстановки в Сомали. Докладчик не смог ответить и попросил некоторое время на изучение вопроса, но Шелепин проявил нетерпение и заявил, что ему надо знать мнение разведки немедленно. И тут же велел своему помощнику разыскать номер телефона разведчика, который непосредственно занимается этим государством.

Манера вести разговор напористо, бескомпромиссно и резко вообще была свойственна Шелепину. Да и черты лица у него были заострёнными и колючими. Руководитель, скажем так, авторитарного типа.

Через несколько минут помощник доложил, что Сомали в ПГУ занимается Виталий Иванович П., и назвал номер его телефона. И здесь Шелепин преподнёс руководству разведки ещё один урок своей демократичности в сочетании с оперативностью. Он самолично набрал нужный номер и представился сотруднику:

- Вас беспокоит председатель КГБ Шелепин. Не могли бы вы ответить на следующий вопрос?..

Весть об этом телефонном разговоре быстро разнеслась по коридорам разведки, и все не переставали удивляться новым демократическим порядкам. Я же по аналогии с этим событием вспомнил, как больной Лев Толстой неожиданно покинул Ясную Поляну, пошёл куда глаза глядят и забрёл в конце концов на железнодорожную станцию Астапово. Войдя в дом станционного смотрителя, он лёг на его кровать с тем, чтобы на ней и скончаться. Бедный станционный смотритель, как свидетельствуют очевидцы, до самой своей смерти не мог прийти в себя от этого потрясения. Примерно таким же шоком был для Виталия Ивановича неожиданный звонок председателя КГБ по вопросу о Сомали.

Свою работу в КГБ Шелепин рассматривал как трамплин для прыжка в верхние эшелоны партийно-государственного аппарата. Именно этим объясняется и его отказ от воинского звания. Как известно, он оказался единственным из председателей КГБ, не имевшим генеральских погон.

В 1961 году Шелепин был избран секретарём ЦК КПСС, затем назначен заместителем председателя Совета Министров СССР, а в дальнейшем вошёл в состав Политбюро ЦК КПСС. Довольно быстро он начал расставлять своих людей из числа бывших руководящих комсомольских работников на ответственные посты в государстве и создал себе таким образом солидную опору для дальнейшего движения вперёд. Надо сказать, что во многом выбор Шелепина был удачным. Выдвинутые им люди были энергичны, хорошо образованны и понимали необходимость глубоких реформ в государстве. Такая активность не могла не насторожить пришедшего на смену Хрущёву Брежнева, который воспринял Шелепина в качестве единственного и самого опасного конкурента. Шелепина и его команду стали постепенно, но целенаправленно отодвигать на второстепенные роли, пока не покончили с нашествием «комсомольцев».

С именем Шелепина связаны некоторые явления, о которых много говорилось в разное время в наших средствах массовой информации. Это сам неофициальный термин «комсомольцы», партийно-комсомольские наборы на службу в КГБ и прозвище «Железный Шурик». .

Термин «комсомольцы» родился в окружении Брежнева и применялся как раз к выдвиженцам Шелепина. Носил он . пренебрежительно-презрительный характер и аттестовал самих выдвиженцев как людей алчных, рвущихся бесцеремонно к власти, не имеющих заслуг перед государством и к тому же очень ещё молодых. Я сам был свидетелем того, как близкие к Брежневу люди произносили резко критические фразы, начинавшиеся словами: «Ох, уж эти комсомольцы...»

Шелепин был инициатором систематических партийно-комсомольских наборов в КГБ, в том числе и в разведку. Ежегодно в наши ряды вливались сравнительно молодые люди, успевшие проявить себя в качестве освобождённых партийных и комсомольских работников. Им, как правило, сразу присваивались воинские звания от старшего лейтенанта до майора, и назначались они на более высокие должности, чем простые новобранцы. Это, конечно, несколько задевало самолюбие большинства сотрудников, но через несколько лет служебное положение тех и других выравнивалось, и дальнейшее продвижение партийно-комсомольских работников уже полностью зависело от их успехов на разведывательном поприще.

К чему весь этот экскурс? А к тому, что за последние годы в средствах массовой информации много писалось о том, что партийно-комсомольская прослойка в КГБ постоянно пользовалась всевозможными привилегиями, что они не стали профессионалами и тянули дело назад, чуть ли не пустили под откос всю разведывательную и контрразведывательную работу в КГБ. Это не соответствует

действительности. Среди партийно-комсомольских пришельцев всегда были и сильные, и средние, и слабые работники. Были и люди, не захотевшие продолжать службу в КГБ и находившие аргументы, чтобы покинуть её. Если сравнить конечные результаты служебной деятельности тех, кто пришёл на Лубянку по партнабору, и принятых на работу в обычном порядке, то никакой разницы не обнаружишь.

И, наконец, о термине «Железный Шурик». Мне кажется, что это удачная шутка, но родилась она не в недрах Комитета госбезопасности, а в каких-то близких к Шелепину партийно-комсомольских кругах. В КГБ это прозвище вообще было неизвестно. Сотрудники КГБ могли по-разному относиться к своим председателям: уважать, не уважать, симпатизировать или недолюбливать, но прозвищ им никогда никто не давал - не та организация. Здесь существовали свои, никем не писанные законы морали, имело место уважение к старшему начальнику и подобных «Железному Шурику» словосочетаний в чекистском лексиконе не отмечалось.

С чьей-то лёгкой руки это выражение попало в современную прессу, всем понравилось и прочно поселилось на страницах мемуаристов наших дней. «Железный Шурик» в КГБ закончился, но он обеспечил здесь своё продолжение, приведя на пост председателя КГБ в ноябре 1961 года «комсомольца» Семичастного.

Владимир Ефимович Семичастный (ноябрь 1961 - май 1967)

Назначение Семичастного вызвало у руководящего состава КГБ недоумение. Ну, Берия, Серов, Шелепин - это понятно, а теперь, пожалуйте, какой-то Семичастный! К тому же он был просто неприлично молод - 37 лет. В таком возрасте в КГБ на руководящие посты люди не выдвигались, за исключением каких-то редких случаев. В разведке, например, все начальники отделов были старше Семичастного, и это объяснялось не чьей-то прихотью, а разумной и естественной кадровой политикой. Чтобы стать начальником отдела, потенциальный кандидат должен получить высшее образование, пройти разведывательную школу, получить достаточную практику работы в Центре, выехать в качестве оперативного сотрудника в резидентуру, провести там три-четыре года, снова потрудиться в Москве, выехать во вторую загранкомандировку, уже, скажем, на должность заместителя резидента, потом в третью в качестве резидента и лишь затем, если на всех этапах службы в разведке человек проявил себя только с положительной стороны, можно рассматривать его кандидатуру на должность начальника отдела. Вот и получается, что начальники подразделений разведки были в возрасте много старше 40 лет. Возникал законный вопрос, как новый председатель КГБ будет руководить разведкой. Все понимали, что руководить комсомолом ему уже поздно, а Комитетом госбезопасности - рано. Начальнику разведки Александру Михайловичу Сахаровскому в ту пору было уже 52 года. Яйца стали учить курицу премудростям жизни,

появились трудности.

Никто не воспринимал Семичастного в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина, и это на первых порах вызывало чувство неуверенности.

Но новоиспечённый шеф госбезопасности правильно оценил ситуацию вокруг себя и, в отличие от Шелепина, который не вникал в детали оперативной работы, с головой ушёл в дела и нужды коллективов КГБ. Особое внимание Семичастный уделял Девятому управлению - правительственной охране. «Девятка» - это всё: прямые выходы на членов Политбюро, на самого генерального, на членов его семьи, с этим управлением хотят дружить министры и послы, оно кормит, поит и размещает дорогих гостей в санаториях и в особняках на Воробьёвых горах. Поняв значение «Девятки», Семичастный решил заменить её руководство на интеллектуалов из разведки и подобрал на должность начальника управления, его заместителей и на другие ответственные должности сотрудников из ПГУ. Те с радостью приняли предложения занять генеральские должности. «Девятка» сразу поумнела и заговорила на иностранных языках.

Семичастный создал здесь свою верную команду. Теперь можно двигаться дальше. Дошла очередь и до ПГУ КГБ. Памятуя, что в первые годы советской власти разведка была многонациональной и что в руководстве органов госбезопасности было много выходцев с Кавказа и из Прибалтики, Семичастный решил поставить во главе разведки кого-либо из земляков Дзержинского, полагая, что данное назначение будет воспринято с энтузиазмом. Во исполнение этой идеи на должность первого заместителя начальника разведки был выписан из Литвы местный чекист генерал-майор Альфонсас Бернардович Рандакявичус. Это был вежливый, обстоятельный, внимательный к собеседнику и приятный во всех отношениях человек, с уважением к тому же относившийся к профессионалам разведки.

Однако дел разведки Рандакявичус не знал, внешней политикой никогда не занимался, иностранными языками не владел. Но эти обстоятельства Семичастного не смущали. Если сам он может руководить КГБ, не имея соответствующего профессионального опыта, то почему чекист Рандакявичус не может руководить разведкой? Второе оказалось более трудным. В разведке всегда ценились профессионалы своего цеха, и если начальник не может дать дельного совета подчинённому, помочь ему преодолеть трудности разведывательного дела, то, будь он трижды хорошим человеком, уважением и авторитетом в разведке он пользоваться никогда не будет. Такая участь постигла и кандидата на должность начальника разведки. Реально осознавая трудности своей новой службы, Рандакявичус томился и нервничал. Сказывались на его неуверенном состоянии и изъяны в русском языке. Боясь сделать какую-либо ошибку в оценке событий, он очень тщательно выбирал слова и обычно начинал свою речь с осторожного словосочетания «по-видимому».

Когда Семичастный понял, что из Рандакявичуса нового

Дзержинского не получится, он мысленно с ним распрощался и начал готовить новую команду руководства разведкой, но почему-то всё время происходила утечка информации, и новых кандидатов в руководители начинали заблаговременно поздравлять, что выводило из равновесия действующих начальников. Реформа ПГУ по замыслу Семичастного осталась неосуществлённой. Кто-то наверху этому противился, и нам было известно, почему: Брежнев и его окружение не хотели усиления связки Шелепин-Семичастный.

Но это было после... А в момент снятия Хрущёва Семичастный ещё чувствовал себя более чем уверенно, поскольку сам принимал деятельное участие в отстранении «нашего Никиты Сергеевича» от власти и содействовал приходу Брежнева на высший партийный пост. Сразу должен сказать, однако, что роль Семичастного в этом деле в некоторых исследованиях и так называемых «художественных» произведениях сильно преувеличена. Злым демоном, меняющим одного вождя на другого, он не был...

Ханжество и лицемерие нашей действительности тех дней проявилось, в частности, и в том, что одни и те же люди в одно и то же время готовили отстранение Хрущёва от власти и продолжали его возвеличивать. За несколько месяцев до снятия генсека в стране было пышно отпраздновано 70-летие Хрущёва: он был увешан очередными звёздами, со всех концов нашей бывшей необъятной родины и из всех стран мира шли в его адрес поздравительные телеграммы, и в рамках этих торжеств всей планете показывали исполненный душевной теплоты документальный фильм со скромным и выразительным названием «Наш дорогой Никита Сергеевич». Правда, отклики на него были разные. Сидевший рядом со мной на просмотре фильма в посольстве СССР в Тунисе третий секретарь польского посольства, глядя на кадры бескрайних целинных полей, сказал мне вкрадчивым голосом на хорошем русском языке, но с ядовитым акцентом: «У нас в Польше по этому поводу говорят так: посеяли на целине, а собрали в Канаде!»

И вот уже идёт очередной партийный актив КГБ в так хорошо знакомом зале клуба имени Дзержинского, и председатель КГБ со всей партийной принципиальностью обличает Хрущёва как волюнтариста, сумасброда, развалившего все и вся, никого не слушавшего, кроме ближайших родственников во главе с главным советчиком и тоже волюнтаристом Аджубеем...

Естественно, на предыдущих активах и торжественных заседаниях тот же Семичастный восхвалял Хрущёва как новатора, коммуниста ленинского типа, лучшего друга советских чекистов, который лично руководит органами безопасности и заботится о них и... пошло-поехало... Специально подготовленные активисты в конце речи выкрикивали с мест: «Да здравствует!..» и так далее.

Когда Семичастный провозгласил анафему Хрущёву, многие сидящие в зале подумали, что на этот раз мы решительно покончили со всеми культами личности и больше партия ошибаться не будет. И вдруг встаёт

солидный мужчина в расцвете сил и громогласно вопит на весь зал: «Да здравствует новый генеральный секретарь ЦК КПСС, верный ленинец, товарищ Леонид Ильич Брежнев!» Зал оцепенел, а потом все зашикали на восклицавшего и затопали ногами. Прошло два-три года, и все снова вернулось на «круги своя»: и возгласы, и умиление, и бурные, долго не смолкающие аплодисменты.

Я до сих пор помню того коллегу, который первым в нашем зале выразил свой восторг по поводу нового избранника. Интересно, помнит ли он этот исторический эпизод в своей жизни?

Настоящая интеллигенция в России появится только тогда, когда люди перестанут восхвалять по команде своих недостойных вождей и подхалимствовать перед ними, как не будут и поносить их, предавать анафеме и сбрасывать с пьедесталов после того, как вожди низложены или ушли в мир иной.

Наши же «интеллигенты» после дикой пляски на могильных плитах и израсходовав весь запас бранных слов, начинают, как куры в навозе, копаться в своих родословных, мучительно припоминая и выискивая обиды, понесённые от прежних властей с тем, чтобы получить хорошее кормление от новых.

Понятие «интеллигент» (в его чисто русском звучании и значении) меня давно привлекает и интригует. Мне кажется, что ни один человек не вправе называть сам себя интеллигентом. Это звание выше звания министра, генерала, профессора и даже академика, оно связано не с умением рассуждать об учёных предметах, а прежде всего с высокими моральными качествами. Нельзя сказать: я - интеллигент, но можно, хорошо все взвесив, подытожить: «Он - интеллигент».

В моём понимании, среди председателей КГБ интеллигентов, кроме Ю.В.Андропова, не было. Находясь на государственной службе, все постоянно были вынуждены говорить неправду, лицемерить и интриговать, называя это про себя или политической гибкостью, или дипломатией.

Когда Шелепин и его команда забрали слишком много власти и превратились в организованную силу, Брежнев со своими соратниками решили покончить с этой новой опасностью. Первым, конечно, должен был пасть самый сильный шелепинец - Семичастный. Некоторые исследователи припоминают, что его сняли с поста председателя КГБ, когда Шелепин находился в больнице и, следовательно, можно было обеспечить единогласное решение Политбюро ЦК КПСС по данному вопросу. Формальным предлогом было бегство Светланы Аллилуевой в США. Недосмотрел, дескать, Семичастный, не обеспечил. Скандал был, конечно, вселенский. Хулиганы и озорники стали распевать по этому поводу нецензурные частушки.

И поехали «комсомольцы» по зову партии со своих высоких постов на другие, менее значимые, и на периферию, и послами за границу, и надо сказать, среди них оказались и очень хорошие послы.

Мои немногочисленные личные контакты с Семичастным были связаны с африканскими делами, и особенно с Египтом. Моя первая командировка в Египет закончилась весной 1960 года не только по причине длительного там пребывания, но и потому, что наш контакт с египетскими спецслужбами снизился до нулевой отметки. Основу разногласий составляла репрессивная политика Насера по отношению к сирийским и египетским коммунистам.

К середине семидесятых годов сотрудничество и деловые связи между СССР и Египтом стали налаживаться, и египетская сторона выразила пожелание возобновить контакт между КГБ и Службой общей разведки. Эта миссия была поручена мне, и я стал бывать на приёмах по случаю приезда в СССР различных египетских делегаций, восстанавливать полезные связи и время от времени общаться с Семичастным.

Каких-то особых симпатий он у меня не вызывал. Держался он нарочито строго, был самолюбив и властолюбив. Государственного глубокомыслия от него не исходило. Чувствовалось, что ему нравится быть полновластным хозяином правительственных особняков на Воробьевых горах, где его все знали и относились к нему с восторженным подобострастием и даже любили его как хорошего и рачительного хозяина. Весь обслуживающий персонал, естественно, знал его гастрономические вкусы: какие рыбные блюда ему нравились, какие шашлыки и напитки. Знакомые мне люди из «Девятки» доверительно сообщили, что председатель предпочитает горилку с перцем, но не какую-нибудь, а из Киева, и поэтому она регулярно и в больших количествах поставляется в правительственные резиденции. «Они это очень уважают!» - пояснил чей-то восторженный голос.

Так или иначе, Семичастный поручил мне в середине 1966 года вылететь в Каир, восстановить отношения со всесильным тогда Салахом Насром - руководителем Службы общей разведки и парафировать с ним подготовленное нами соглашение о сотрудничестве.

В ту пору я тоже верил в силу бумаг, разного рода договоров и соглашений, и летел в Каир с огромной радостью и даже ликованием.

Во-первых, мне было приятно, что мой труд по установлению и развитию контактов со спецслужбами Египта не пропал даром и имеет интересное продолжение, а во-вторых, потому, что в этой стране я провёл по-настоящему счастливые пять лет. Здесь родились мои дочери-близнецы, здесь были приобретены друзья и среди египтян, и среди соотечественников, и здесь, наконец, я стал профессиональным разведчиком.

Что же касается любви к подписанию взаимообязывающих документов, то в нашем государстве она носила патологический характер. Каждое малое явление в межгосударственных отношениях мы стремились закрепить в договорах, соглашениях и протоколах. Существовал священный ритуал подписания бумаг: само подписание,

обмен красивыми папками с подписанными уже документами, обмен ручками, которыми были произведены подписи, речи, фотографирование, банкет... Мы заразили этим и другие страны: в одной из арабских стран мне дали для подписания протокола ручку с красными чернилами (цвет нашего флага), а арабский министр подписал документ зелёными чернилами (цвет знамени ислама). Большинство этих бумаг никогда не выполнялось, о них быстро все забывали и вспоминали лишь тогда, когда отношения осложнялись и надо было уязвить партнёра и уличить его в нарушении договорённостей.

. Многие наши партнёры по сотрудничеству из числа афро-азиатских государств стремились взаимодействовать и сотрудничать с нами, но как чёрт ладана боялись подписывать документы и торговались буквально из-за каждой строчки. Мне кажется, что сейчас у них вырабатывается более спокойное отношение к этой процедуре.

В общем, спасибо Семичастному за то, что он направил тогда меня в Египет!..

Юрий Владимирович Андропов (май 1967 - май 1982)

В предыдущей главе я подробно рассказал о Ю.В.Андропове. Здесь мне остаётся добавить всего несколько слов.

Назначение председателем КГБ Андропова было для чекистов неожиданным. В Комитете его практически никто не знал, и все принялись гадать, что бы это могло означать.

Официальные объяснения на этот счёт были спокойными и стандартными: ротация кадров, линия на дальнейшее приближение органов безопасности к ЦК КПСС и, опять же, необходимость поднятия на должную высоту роли партийных организаций в системе КГБ. Хочу подчеркнуть ещё раз: Юрий Владимирович был первым председателем КГБ, который с одинаковым интересом и рвением занимался и большой политикой, и оперативными делами разведки и контрразведки. В органах госбезопасности Андропов пользовался огромным авторитетом и любовью. Был он многолик: мог быть строгим и недосягаемым, мог быть близким и простым. Вручая нам с Яковом Прокофьевичем Медяником ордена Октябрьской Революции за Афганистан, выглядел утомлённым и расслабленным, сидел за столом в подтяжках, без пиджака и, не принимая торжественной позы, выдал нам коробочки с наградами и сказал:

- Надоели уже бесконечные торжественные речи, много вы их наслушались на своём веку... Спасибо вам, ребята, за хорошую работу... Лучше поговорим о делах...

И ещё одно. В наш бесцензурный век, когда в средствах массовой информации и в книжной продукции дозволены все виды глумления и цинизма, так и не появились публикации, выставляющие Андропова в

глупом виде по примеру прочих руководителей государства. Кто-то его не любил, кто-то, может быть, ненавидел, но все видели в нём умного человека, крупного государственного деятеля, сторонника осторожных реформ, которому, увы, не было отпущено времени на их осуществление.

Виталий Васильевич Федорчук (май-декабрь 1982)

Появление в кабинете председателя КГБ на семимесячный срок Федорчука было весьма неожиданным. Он отнюдь не являлся кандидатурой Андропова. Скорее наоборот, назначили его на эту должность не с подачи Юрия Владимировича, а по настоянию Г.К.Цинева, одного из первых заместителей председателя КГБ. Вконец одряхлевший Брежнев не смог даже произнести имени Федорчука при объявлении о назначении нового председателя. Ему была уготована миссия неуклонно проводить линию Брежнева по подсказкам Цинева, и не более того.

Виталий Васильевич, несомненно, человек честный, строгий и законопослушный, был движим самыми лучшими намерениями, но его представления о работе органов государственной безопасности сложились в далёкие предвоенные годы, главным образом, по линии военной контрразведки. До назначения на пост председателя КГБ Федорчук в течение 12 лет возглавлял КГБ Украины и все свои силы и знания обращал на борьбу с проявлениями украинского национализма. Разведки он вообще не знал и относился к ней довольно сдержанно, полагая, что главным в работе КГБ являются внутренние проблемы.

Насколько он был далёк от внешней политики и разведки, свидетельствуют следующие эпизоды.

Вызвав меня «на ковёр» для разбора случая с предательством одного сотрудника разведки, Федорчук в итоге обсуждения сделал совершенно ошеломляющий вывод: разведчику вовсе не обязательно знать иностранные языки, а на встречи с агентурой он может ходить с переводчиком.

- Так-то будет надёжнее, - поделился своим опытом мой начальник, - вдвоём они не убегут, так как будут контролировать друг друга. Работали же мы раньше с переводчиками, и всё было хорошо. Я сам, когда служил в Австрии, приглашал к себе агентов из числа австрийцев, и беседы проводил через переводчиков (?!)...

Другой эпизод также связан с этим случаем. Когда оперативный работник исчез и по всем признакам было ясно, что имеет место предательство, Центр и резидентура сосредоточили свои усилия на локализации неминуемого ущерба и выяснения всех обстоятельств, связанных с изменой.

Среди массы сообщений по этому поводу была и расшифрованная телеграмма одного из маленьких восточных государств. В ней высказывалось предположение, что советский перебежчик никуда из страны не выехал, а укрылся на одной из вилл, принадлежащих иностранному посольству.

Я доложил председателю, что данная информация не соответствует действительности, так как первое, что всегда делает предатель, это обеспечивает себе немедленный выезд из страны пребывания за океан, а не начинает бессмысленную игру в кошки-мышки.

- Как вы не понимаете, - возмутился Федорчук, - это же документ, расшифрованная телеграмма иностранного посольства, это же неоспоримый факт. Надо найти эту виллу и задержать предателя! - Любой документ, - отвечал я, - может содержать непроверенные сведения и даже дезинформацию, и данная телеграмма как раз и является этому подтверждением. Кроме того, посольство, которое направило в свой МИД эту телеграмму, не может располагать какой-либо точной информацией на этот счёт!

- Как вы не понимаете, - продолжал негодовать Федорчук, - это же подлинный документ, а я привык верить

документам!

Эта слепая вера в бумагу, бумажный фетишизм, желание все для перестраховки зафиксировать и запротоколировать навредили нам всем, лишали нас свободы и инициативы в переговорах.

От подобных оценок и высказываний нового председателя мы впадали в уныние и думали, что все это, конечно, долго продолжаться не может.

Так оно и случилось. Сразу после избрания Андропова Генеральным секретарём ЦК КПСС он переместил Федорчука на пост министра внутренних дел СССР, а на его место назначил Чебрикова.

Виктор Михайлович Чебриков (декабрь 1982 - октябрь 1988)

В КГБ Чебриков пришёл вслед за Андроповым вместе с группой партийных, военных и научных работников и начал свою службу с должности начальника Управления кадров. Затем, в течение долгих лет, уже в качестве заместителя председателя, Чебриков вёл в основном две линии - оперативную технику и борьбу с диссидентством. В первом направлении он преуспел. Благодаря его усилиям в КГБ был создан мощный оперативно-технический комплекс со своей производственной базой, а второе направление его деятельности привело скорее к обратному результату, так как и сам Горбачёв, и его главные архитекторы перестройки оказались в прежнем понимании Чебрикова самыми настоящими диссидентами.

До прихода в КГБ Чебриков находился на партийной работе в Днепропетровске, естественно, знал ближайших соратников Брежнева, и именно по этому признаку некоторые пишущие люди отнесли его к «брежневской днепропетровской мафии». Однако по своим политическим взглядам и образу жизни Чебриков был скорее ближе не к своим землякам, а к Юрию Владимировичу Андропову, который всецело

полагался на него в своей деятельности. Чебрикову претили дворцовые интриги, атмосфера угодничества и клановая солидарность воцарившихся в Кремле днепропетровцев.

О близости Чебрикова к Андропову красноречиво свидетельствует сам факт немедленного назначения его председателем КГБ после избрания Юрия Владимировича Генеральным секретарём ЦК КПСС. Так что в выдвижении Чебрикова на пост руководителя органов государственной безопасности ничего неожиданного для сотрудников КГБ не было. Связка Андропов-Чебриков была надёжной, понятной и предсказуемой, однако приход к власти Горбачёва и начавшиеся импровизации эпохи перестройки постепенно дезориентировали привычную работу КГБ и в первую очередь его председателя. В создавшихся условиях Чебриков потерял уверенность и из всегда спокойного и доброжелательного человека временами превращался во вспыльчивого и раздражительного.

Понятно, что в таких условиях Чебриков не мог предметно заниматься делами разведки и даже был не в состоянии переварить её информационные потоки. Поздно уже было ему и осваивать премудрости и тонкости международной обстановки.

Горбачёв считал Чебрикова консерватором и решил заменить его на третьем году перестройки более динамичным, работоспособным и к тому же разбирающимся в вопросах внешней политики Крючковым, которого, как я думаю, с самой лучшей стороны рекомендовал ему в своё время Андропов.

Владимир Александрович Крючков (октябрь 1988 - август 1991)

Трёхлетнее пребывание Крючкова на посту председателя КГБ пришлось на период ускоренного распада нашего государства. Бездарного Горбачёва начинали покидать главные архитекторы перестройки, просто архитекторы и даже прорабы. На глазах исчезало наше главное достояние - стабильность жизни и вера в завтрашний день.

Крючков почувствовал зыбкость своего существования и очень быстро прошёл дистанцию от привычки, упоминая имя Горбачёва, неизменно присовокуплять к нему почтительное «и лично Михаил Сергеевич», к участию в организации ГКЧП. Тревожные сигналы КГБ о положении в стране, естественно, доводились до сведения Горбачёва, однако никакого отклика на них не следовало, и постепенно руководство КГБ вынуждено было отказаться от сколько-нибудь активной реакции на происходящие события. Многочасовые заседания в Комитете заканчивались никому не нужными рекомендациями: направить запрос в республику, собрать дополнительные сведения, составить справку для доклада председателю, направить информацию в Политбюро. Служба действовала вхолостую, а речи на коллегиях КГБ становились всё длиннее и длиннее и вызывали лишь раздражение у присутствующих.

То, что происходило в эти дни в Комитете, других государственных учреждениях, в Кремле, ближайшем окружении Горбачёва, уже многократно описано в мемуарах высоких в прошлом должностных лиц. В большинстве этих мемуаров содержатся два главных вывода: первый - в развале государства автор совершенно не виноват, а виноваты другие, которые были наверху и где-то рядом. И второй - история обязательно поставит на свои места и вынесет свой суровый приговор виновникам развала страны и оправдательные приговоры авторам мемуаров. Хочу взять на себя смелость и заявить: история не будет выносить свои приговоры, история устала заниматься этой бесплодной работой, она не хочет больше слушать лжи, оправданий, обвинений, неопровержимых документов, она хочет отдохнуть до той поры, когда люди немного поумнеют и научатся прилично себя вести...

В условиях тотальной деградации нашей партийно-государственной системы Крючкову уже было некогда заниматься практическими делами разведки. Впрочем, в этом и не было большой необходимости: наши дела он хорошо знал и вполне достаточно было от него получать краткие указания и рекомендации.

Финал пребывания Крючкова на посту председателя КГБ общеизвестен: 19 августа 1991 года он объявил руководящему составу КГБ о том, что власть в стране берёт ГКЧП, и предложил всем участникам этого совещания активно заняться проблемами уборки урожая, создать для этого специальные сельскохозяйственные бригады из чекистов (?!). Далее Форос и арест... А затем и приход на Лубянку легковесного, как Хлестаков, и безумного, как Герострат, Бакатина (теперь его ещё называют и «терминатором КГБ»).

Вадим Викторович Бакатин (август 1991 - декабрь 1991)

Что мне можно сказать ещё о Бакатине? Вроде уже всё было сказано. О том, что он разогнал КГБ, писали многие, и я в том числе...

Писали и о том, как он выдал суперсекретные данные о системе подслушивания, установленной в новом здании посольства США. Хотелось бы дожить до суда над Бакатиным за это преступление, тем более что в стране, как нас уверяют, наводится конституционный порядок.

С Геростратом Бакатина тоже уже сравнивали. С тем самым, что сжёг храм Артемиды в Эфесе, чтобы получить бессмертную известность.

С Хлестаковым, правда, ещё не сравнивали. А сравнить стоит, ибо между двумя персонажами существует поразительное сходство.

Но начнём по порядку...

К моменту прихода Бакатина в КГБ не было ни сталинистов, ни брежневцев, ни гэкачепистов, ни ортодоксальных марксистов, ни православных демократов. Это был коллектив государственников, который в силу специфики своей работы понимал лучше других, что

государство, создававшееся на костях трудящихся, прошедшее через страшные войны, голодовки и концлагеря, державшееся на сильной центральной власти, нельзя в одночасье сделать демократическим, процветающим и свободным.

Но в Комитете была сосредоточена информация о коррупции в верхних эшелонах власти, о связях отдельных её представителей с иностранными разведками, о деятельности спецслужб различных стран на нашей территории и о многом другом, и поэтому ведомство госбезопасности надлежало уничтожить.

Что касается передачи американцам документов о системе подслушивания, то все попытки изобразить Бакатина этаким борцом с «аморальными» методами ведения работы вроде подслушивания иностранных посольств не выдерживают никакой критики. Все спецслужбы мира занимаются подслушиванием, и вопрос о том, хорошо это или плохо, давно уже не стоит. Даже члены НАТО подслушивают друг друга. Среди многочисленных свидетельств, подтверждающих данный факт, представляет большой интерес, в частности, книга бывшего заместителя начальника английской контрразведки МИ-5 по вопросам использования оперативной техники Питера Райта «Охотники за шпионами». И США, и Англия, и Франция, и Германия при каждом удобном случае внедряют в представительства своих партнёров аппаратуру прослушивания.

А наше, сравнительно новое посольство в Вашингтоне было всё, буквально вплоть до ванных комнат и туалетов, напичкано аппаратурой подслушивания. Извлечённую технику, спрятанную за мраморной облицовкой, кстати, в своё время советская сторона показала представителям общественности и журналистам США.

Так что в деле Бакатина все предельно ясно: воспользовавшись безвластием и смутным временем, он совершил предательство.

Первое появление Бакатина перед руководящим составом КГБ в августе 1991 года запомнилось в деталях. Для этой встречи он надел на себя маску философствующего интеллектуала. Томная поза, выразительные жесты рук и слова... слова... слова...

«В моём воспалённом мозгу перемешались все мысли... Я силюсь привести их в порядок...» Или ещё:

«У меня есть один недостаток - я излишне многословен и я, очевидно, буду вас перебивать...»

Другие начальники тоже имеют привычку перебивать подчинённых, когда им что-нибудь непонятно или когда они хотят что-то сказать по существу вопроса. Этот же просто говорил, не переставая, по поводу и без повода, и сам процесс говорения его возбуждал и вдохновлял. Слушать других ему было абсолютно не интересно.

Однажды Бакатин побывал и в Ясенево, навестил разведку. Заскочил туда, можно сказать, без предупреждения и сразу направился в дежурно-

справочную службу секретариата, где, не переводя дыхания, стал выражать своё возмущение и негодование её деятельностью! - Что вы тут все делаете? Почему не читаете телеграмм? Почему их не корректируете? Ваша информация скучна, она мне ничего не даёт, в ней все, как в газетах!

Поскольку начальник разведки задерживался где-то в городе, принимать Бакатина вначале пришлось мне. Едва сдерживая гнев, я пытался объяснить ему ситуацию:

- У нас в информационном управлении есть своя дежурная служба. Там дежурят информационные работники, они всю ночь читают телеграммы, правят их и готовят к рассылке по установленным адресам, а эта служба имеет совершенно другие функции: она обеспечивает порядок на наших объектах, их физическую и противопожарную защиту, отвечает на телефоны, вызывает нужных людей на работу и так далее.

- Неправильно все это! - перебил меня глава госбезопасности. - Они должны заниматься совершенно другими делами! Я не понимаю, зачем они вообще здесь сидят!

И далее в таком же духе.

Затем последовала встреча с руководящим составом разведки, во время которой Бакатин пришёл к единственно верному решению: всех этих людей надо немедленно разогнать. И разогнал бы, если бы не подоспел Примаков...

Вообще, Бакатин любил представать в облике грозного и решительного реформатора, призванного навести, наконец, надлежащий порядок.

Вот отрывок из его интервью, данного в должности председателя КГБ: «Я жёсткий человек. На самом деле... Я не обязательно должен спрашивать, кого и куда назначать... Я никогда не останавливался перед теми, кто устраивает демарши... Не можете - не работайте...» (Это о бывшем начальнике разведки Л.В.Шебаршине, который не захотел мириться с диктаторскими методами управления Бакатина и был уволен.)

Сравните с монологом Хлестакова: «О! Я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что, в самом деле? Я такой! Я не посмотрю ни на кого...»

Правда, похоже? С той лишь разницей, что Иван Александрович разглагольствовал после неумеренного употребления мадеры, а Вадим Викторович - в трезвом виде. Ну и, наконец, характеристика, данная Хлестакову самим Николаем Васильевичем Гоголем: «Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его обрывиста, и слова вылетают из уст совершенно неожиданно».

Воистину, нет повести печальнее на свете, чем повесть о бывших председателях Комитета государственной безопасности СССР! (К Ю.В.Андропову это, понятно, не относится.)

Благодатная Сирия

Сирию я открыл для себя поздно, хотя всегда интересовался этой страной, её историей, всем, что там происходит, и, естественно, стремился туда попасть. Формально, правда, я работал одно время в Объединённой Арабской Республике, куда входили и Египет, и Сирия, и даже имел возможность общаться с сирийскими деятелями - членами правительства ОАР. Но это, конечно, не заменяло реального знакомства со страной. В конце концов судьба оказалась великодушной, и за последние два десятка лет я четырежды побывал в Сирии.

Конечно, Сирия - это не Египет, в котором прошла значительная часть моей жизни. Есть в Египте какая-то неизъяснимая притягательность. Западают в душу шум и гомон Каира; непонятно на чём основанный, но неистребимый оптимизм простого каирца - «человека с улицы», как там выражаются; прилегающая к египетской столице пустыня, которая так успокаивает и где так легко дышится; бесподобная дельта Нила - самый густонаселённый район на нашей планете.

Египет занимает, конечно, большое место в моём сердце. Здесь подрастал мой сын, здесь родились дочери. А Сирия уютнее, чище, спокойнее, зажиточнее. Это благодатный край. В книгах о Сирии часто пишут о том, что все когда-либо приходившие завоеватели никогда не желали добровольно покинуть страну. В Сирии произрастает, кажется, все: пшеница, ячмень, кукуруза, оливковые деревья, бобовые культуры, сахарная свёкла, хлопок, а также великое разнообразие овощей и фруктов. Пятилетний сын моего хорошего дамасского знакомого, находясь вместе с отцом в пути из Халеба в Латакию через плодородную и живописную равнину, недалеко от селения Джиср-аш-Шухур, вдруг замер в восхищении и воскликнул: «Папа, кто нарисовал эту картину?!»

Я рад, что мне удалось поездить по Сирии, познакомиться с её главными городами, побывать на Евфратской плотине (тоже памятник советско-арабского сотрудничества) и в знаменитой Пальмире, которая поражает воображение и наводит на мысль, что цивилизация вечна и что прошлое её так же трудно постигнуть, как и её будущее.

Исторические и религиозные памятники Сирии разнообразны и удивительны. В городе Маалюля, в 50 километрах к северу от Дамаска, находится, например, первая в мире, по утверждению сирийцев, христианская церковь. В этой маленькой и уютной церкви, угощая нас сладким церковным вином собственного изготовления, священник рассказывал о заре христианства так, будто он сам жил в эту эпоху. Во времена, когда церковь строилась, люди в этих местах говорили на арамейском языке, на том самом, на котором проповедовал Иисус Христос. В Маалюле говорят на нём и до сих пор. Интересно и как-то спокойно было слушать рассказы священника, и хотелось ездить по дорогам Сирии, забыв на время, что твоя специальность разведчик, что тебе предстоят сложные переговоры, что в конце дороги тебя ожидают документы и телеграммы, которые обязательно надо прочитать и

осмыслить, и что, завершив поездку, ты снова войдёшь в режим, рассчитанный по минутам. Пусть же дольше тянутся сирийские дороги!

Постоянно ускоряющийся бег времени все же несколько замедлялся в разъездах по Сирии, и мне вспоминались слова популярного врача-психолога и писателя Владимира Леви о том, что нам уже пришла пора научиться не только ускоряться, но и замедляться. В Сирии же я почему-то чаще всего вспоминал и его совет: человеку для лучшего самопознания, для интеллектуальной забавы полезно иногда мысленно перевоплощаться в окружающие предметы, растения, птиц, животных и в других людей. Мне вдруг захотелось стать на время сирийским старичком. Однажды я как-то очень явственно почувствовал, как хорошо сидеть под вечер на улице Дамаска в тени большого дерева, читать газету, пить горячий и сладкий кофе, запивая его холодной водой на арабский манер, и неторопливо обмениваться почерпнутыми из газет новостями с другими сирийскими старичками...

В деловых беседах сирийские государственные деятели всегда подчёркивали, что Сирии выпала особая миссия на Ближнем Востоке, что она находится в исключительно тяжёлом положении и поэтому нуждается в решительной поддержке со стороны СССР. С этим трудно было не согласиться, но все упиралось в наши собственные возможности.

Во всяком случае, как бы в подтверждение сложности обстановки при перемещениях нашей делегации по Сирии осуществлялись иногда довольно непонятные манипуляции по части соблюдения мер безопасности и организации нашей охраны. Только сядем в самолёт - сразу объявляется воздушная тревога, и так по нескольку раз. Временами численность сопровождавшей нас охраны выходила за пределы разумного, причём у охранников было столько оружия, что им вряд ли можно было бы эффективно воспользоваться, и беспокоиться следовало скорее о том, чтобы не растерять многочисленные пистолеты, как попало заткнутые за пояса.

Однажды президент Сирии Хафез Асад пожелал принять меня, чтобы получить необходимые ему консультации по проблемам государственной безопасности. На двух встречах в беседах с ним мы проговорили около пяти часов. По просьбе Хафеза Асада я рассказал ему, что собой представляет КГБ, каковы его структура и функции, как он взаимодействует с армией, МВД и высшими государственными и партийными структурами. Интерес президента Сирии к этим вопросам был вполне оправданным, так как обстановка в стране всегда была чрезвычайно сложной, а временами и тревожной. Тут тебе и близость линии фронта, и Ливан, тут и «братья-мусульмане», которые в этот период особенно активизировались.

Эти беседы запомнились своей серьёзностью и содержательностью. Асад внимательно слушал моё достаточно длинное повествование и задавал вопросы, на которые часто было трудно дать ответы из-за несовпадения наших государственных структур и специфики местных проблем в области безопасности. От бесед с президентом Сирии осталось

хорошее впечатление. Против всякого ожидания, он предстал передо мной человеком доброжелательным, мягким, корректным и внимательным. Никакой нервозности, спешки, никакой позы. Видимо, пребывание на посту главы государства, войны, тяжёлые испытания, наконец, болезни - все это выработало у Асада простую, спокойную и доверительную манеру общения с собеседниками, научило его быть выдержанным, терпеливым и дисциплинированным в мыслях и беседах.

Чем дольше я общался с Асадом, тем больше он мне казался знакомым человеком - в нём проступало что-то давно мне знакомое. Это ощущение не давало покоя, пока я не понял, в чём дело: Асад всем своим обликом напоминал Ивана Ивановича Агаянца, заместителя начальника разведки, начинавшего работу в ней в далёкие довоенные годы. Ветераны-разведчики ещё помнят этого доброжелательного и мудрого человека, от которого буквально исходило обаяние. У него была феноменальная память, он всегда находил решение самых сложных разведывательных проблем. Его разведывательный опыт носил уникальный характер. Упомяну только, что в 1941-1945 годах он был главным резидентом в Тегеране. После окончания войны из Тегерана его направили во Францию, где он также возглавил резидентуру и добился таких впечатляющих успехов, что его вклад ощущался долгие годы. И вот президент Сирии вдруг оказался и манерой ведения разговора, и тембром голоса, и фигурой похож на Ивана Ивановича, что, конечно, усилило произведённое им на меня впечатление.

После того как деловая часть разговора была закончена, президент перешёл на вольные темы и поинтересовался моей биографией, возрастом, семьёй. Его удивило, что я на несколько лет старше его, а выгляжу значительно моложе. Объясняя причину, я ответил президенту по-арабски: «Дело обстоит просто - работа президента тяжелее, чем работа разведчика!» Этот ответ почему-то очень развеселил Асада.

После встречи с президентом состоялась очередная поездка по Сирии вместе с его помощником Сайдом Ахмедом, очень интересным собеседником, к тому же свободно владевшим русским языком. Правда, у нас с Сайдом Ахмедом обнаружилось непримиримое противоречие: он хотел говорить только по-русски, а я - только по-арабски. Таким способом мы и проговорили всю дорогу - каждый на языке собеседника. Выяснилось, что Сайд Ахмед окончил филологический факультет Ленинградского университета по специальности «русский язык и литература», и он действительно знал и то и другое на профессиональном уровне. О своём знании русского языка Сайд Ахмед остроумно заявил: «Я единственный араб в мире, который пишет по-русски с запятыми!» Дело в том, что в арабском языке запятые отсутствуют и арабы, знающие русский язык, практически игнорируют наши знаки препинания.

То, что президент Сирии выделил мне для знакомства со страной своего помощника, сразу решило все проблемы. Заботиться уже было не о чём. Оставалось только смотреть, слушать и наслаждаться жизнью, а когда приходило время принимать пищу, то мы следовали принципу

Сайда Ахмеда: «Есть надо то, что в этом месте водится». Таким образом, на побережье, по пути в Латакию, мы лакомились креветками и свежей жареной рыбой, а в Алеппо отдавали должное мясным блюдам.

Из Латакии надо было выехать рано утром, и Сайд Ахмед авторитетно заявил, что позавтракаем мы фруктами прямо в дороге: он-де знает одно такое местечко, а потом попьём кофе в придорожном ресторанчике. «Местечком» оказался участок дороги Латакия-Дамаск, проходящей в непосредственной близости от границы с Ливаном. Сирийские торговцы контрабандным товаром используют это удобство и тут же частично реализуют свою добычу.

Сайд Ахмед со знанием дела купил у торговца связку бананов, доставленных из Ливана в Сирию. Маленькая этикетка на каждом из бананов свидетельствовала, что банан этот прибыл в охваченный войной Ливан из далёкой Колумбии! Поистине неисповедимы пути твои, Господи! У торговца контрабандными бананами за поясом торчал пистолет. Я спросил своего спутника, на каком основании у торговца оружие. Подумав, Сайд Ахмед ответил, что скорее всего он вооружён потому, что он является партийным активистом. В этот момент показалась патрульная машина таможни, и контрабандист-партактивист быстро спасся бегством. Наш путь пролегал через Хомс. Сопровождавшие нас сирийские друзья пояснили, что Хомс - это особенный город: в нём особые достопримечательности и особый вид юмора. Мы поняли, что Хомс в Сирии - это что-то вроде нашей Одессы или болгарского Габрова. Во-первых, здесь протекает река Ааса (по-арабски «упрямая», «своенравная», «непокорная»). Все сирийские реки текут спокойно на юг, Ааса же бешено несётся в обратном направлении, на север, и впадает на территории Турции в Средиземное море. К тому же эта река изобилует водоворотами и не позволяет брать свою воду, спрятавшись от людей в глубокое ущелье. Во-вторых, хомсские шутки и анекдоты. Их здесь множество. В качестве иллюстрации приведу два объявления. Одно из них висит в магазине: «Здесь продаётся самый холодный в городе Хомсе лёд». Другое - в бане: «Турецкая баня для мужчин и женщин открыта только днём и ночью».

Обилие портретов и бюстов Хафеза Асада в государственных и общественных учреждениях Сирии нам живо напомнило наше недавнее прошлое, когда по производству памятников, бюстов и портретов вождей мы вышли на первое место в мире в пересчёте этой продукции на душу населения. Но Сирия, пожалуй, нас переплюнула. В служебном кабинете одного большого начальника в Хомсе я насчитал два бюста и четыре портрета президента, которые мирно сосуществовали с золотой лепниной кабинета, чучелами птиц, зеркалами, многочисленными изречениями из Корана и десятком букетов живых и искусственных цветов.

Примечательны и обычаи. Так, на приёме у отцов города гостей обносили кофе, который виртуозно наливался из большого медного кофейника в маленькие чашечки. У разносчика кофе имелось всего две чашечки, из которых по очереди пили все присутствующие. Блаженны те,

кому доставалось пить первым и вторым. Испытанием для членов нашей делегации было и долгое сидение по вечерам в местах увеселений: программы начинались очень поздно и длились очень долго... Каждый наш рабочий день заканчивался к трём часам ночи.

Несколько раз нас водили в офицерский клуб столицы. Примечательны здесь танцы. Танцуют только женщины под арабское пение и музыку. Мужчинам танцевать запрещено. Первыми выходят девочки лет шести-семи, а затем появляются девушки и даже женщины среднего возраста. Движения танцующих в этом сирийском варианте «танца живота» значительно более сдержанные, нежели у египтянок. Но достоинства танцующих - наряд, ловкость, гибкость, грациозность и темперамент - видны всем. Любуйтесь, пожалуйста! Танцуют лишь незамужние женщины, и танец этот - своего рода ярмарка невест.

Заканчивается очередная командировка в Сирию, и

опять мне не удалось полностью осмотреть Дамаск -

столько памятников накопилось в нём за его долгую историю! Ведь на возвышающейся над городом горе Касьюн находится пещера, в которой, по преданию, Каин убил Авеля. А фруктовые сады Гуты, о которых мы читали ещё в институте в арабской хрестоматии, составленной Клавдией Викторовной Оде-Васильевой, - это, возможно, и есть райские кущи.

Чёрные скалы Адена

Социалистический эксперимент в Южном Йемене - это ещё одна неудавшаяся и печальная попытка быстрого переустройства отсталого общества без учёта реальной обстановки.

Те, кто боролся за освобождение страны от английской колониальной зависимости - значительная часть интеллигенции и офицерства, - с готовностью восприняли социалистические идеи и искренне считали социалистический путь предпочтительным для осуществления прорыва из средневековья в цивилизованное общество.

Было на кого и опереться. Советский Союз помогал, как мог: посылал специалистов по всем отраслям хозяйства и на поиски нефти, оказывал Южному Йемену внешнеполитическую поддержку, вооружал армию, готовил кадры и даже построил в Адене высшую партийную школу. На устойчивой основе развивалось сотрудничество и между КГБ СССР и южно-йеменскими органами безопасности. Мы, в частности, помогли построить в Адене небольшой учебный центр, и я во главе делегации КГБ ездил в январе 1988 года на его открытие. Это была моя вторая поездка в Южный Йемен.

Южно-йеменские руководители верили, что строительство социализма в их стране даст в короткие исторические сроки нужный результат, но время шло, а положение не улучшалось. К тому же отношения с соседями становились то напряжёнными, а то и прямо

враждебными, да и в самом южно-йеменском руководстве постоянно возникали разногласия. Всё время шла клановая борьба. Кланы формировались и по территориальному признаку, и по политическим симпатиям, и каждая группировка хотела убедить советское руководство, что именно её члены и есть самые правоверные марксисты. Соперничество перерастало во вражду, и в 1986 году разразилась катастрофа. Сторонники генерального секретаря Йеменской социалистической партии Али Насера Мухаммеда устроили кровавую бойню - расстреляли в упор своих противников, заманив их 13 января на совещание в зал заседаний Политбюро. А потом многочисленные сторонники расстрелянных, одержав верх, добивали, где придётся, сторонников Али Насера Мухаммеда. Это смертоубийство окончательно подорвало доверие местного населения и международной общественности к южно-йеменским марксистам, и все облегчённо вздохнули, когда на смену враждебности между Северным и Южным Йеменом пришли разумные идеи объединения страны, которое и совершилось мирным путём, с обоюдного согласия, 22 мая 1990 года.

Что же нужно было Южному Йемену для спокойной жизни и продвижения вперёд? Наверное, то, в чём нуждаются все подобные страны: сильная центральная власть, соблюдение законов, смешанная экономика, социальная защищённость малообеспеченных слоёв населения и уж, во всяком случае, не советская модель построения социализма.

Меня пугали, когда я впервые собирался в Аден, дикой жарой и стопроцентной влажностью. «Это же Сандуновские бани Ближнего Востока!» - так аттестовал Аден один наш сотрудник. А какой-то англичанин в своих заметках о Южном Йемене назвал его последней ступенью на пути в ад. Мне повезло: я был в Южном Йемене в самые холодные месяцы в декабре и в январе. Но жара тем не менее стояла сильная. Я спросил нашего представителя, что же здесь делается в августе. Немного подумав, он ответил: «Соберёшься после работы зайти по пути из посольства в кооператив, купить чего-нибудь к обеду, пройдёшь двести метров под солнцем, а когда придёшь в магазин, уже не помнишь, что собирался купить!»

Главная достопримечательность Адена - чёрные скалы, лишённые всякой растительности, между которыми расположена столица. Густонаселённые районы города разделены скалами, пустырями и свалками. Одну свалку южно-йеменские остряки назвали «Голанские высоты» (поскольку мусор свален отдельными кучами), а другую-»Париж» (там под покровом ночи собираются влюблённые пары). Нашу делегацию оба раза размещали вдали от этих мест, на вершине горы Маашек, в наиболее чистом и благоустроенном районе. Здесь и воздух другой, и толчеи и шума нет, а внизу плещется тёплое море, на которое без конца хочется смотреть.

Море - единственное место в Адене, куда всё время тянет и где можно испытать минуты блаженства и отдохновения. Купались мы

ежедневно рано утром, до начала рабочего дня, на так называемом президентском пляже (иногда его называли ещё пляжем для членов Политбюро). Это просто маленький кусочек берега и моря, огороженный ржавой безобразной сеткой от акул, там можно бултыхаться в очень тёплой (+28°С) и солёной воде, не опасаясь быть съеденным хищниками Аденского залива.

Переговоры южно-йеменские чекисты (наши партнёры гордо именовали себя чекистами) вели зачастую напористо, особенно когда надо было выколачивать из нас разного рода материально-техническую помощь. «Раз мы в одной лодке (любимый аргумент союзников-арабов), то вы должны нам помогать». Давали мы, конечно, минимум, в основном оперативную технику, и учили йеменцев бесплатно на наших краткосрочных курсах. Каких-то крупных затрат не делали и старались ничего не обещать, так как, с одной стороны, понимали бессмысленность больших расходов, а с другой - у нас просто не было значительных средств на оказание помощи. А южно-йеменские партнёры иногда проявляли неумеренные аппетиты. В последние годы они настойчиво просили построить им здание Министерства госбезопасности в Адене, здания для службы безопасности во всех провинциальных центрах и даже... тюрьму. Кстати говоря, не одни они просили нас оказать помощь в строительстве тюрем. В подобных случаях приходилось язвительно замечать, что мы приехали совсем не с целью обсуждать вопросы тюремного строительства.

Однако такого напористого стиля придерживались далеко не все собеседники. Некоторые южно-йеменские руководители органов безопасности были опытными и трезво мыслящими политиками и свои вопросы ставили тактично, со знанием дела, в рамках, как теперь стало модным говорить, разумной достаточности.

Очень благоприятное впечатление на меня всегда производил председатель КГБ, а затем министр внутренних дел Салех Мунассер Сейили. Как и большинство южно-йеменских руководителей, был он выходцем из небогатой крестьянской семьи и, как и все остальные, не имел возможности получить даже среднего образования. Ум у него был природный, беседы он вёл очень тактично, задавал много вопросов по существу и с большим вниманием выслушивал ответы. Во время бесед и переговоров он часто ссылался на высказывания Андропова по различным поводам.

Много внимания работе с нашими делегациями на первом этапе сотрудничества уделял заместитель председателя КГБ и начальник разведки Фархан - один из ближайших соратников и друзей генерального секретаря ЦК Йеменской социалистической партии Али Насера Мухаммеда. Не раз мы с ним встречались и в Москве. Это был решительный и напористый человек, готовый на любые авантюры и постоянно вынашивавший множество различных проектов, по большей части неосуществимых. Любимой его поговоркой, им самим придуманной, была такая: «Мы умрём стоя и здоровыми». Шутка оказалась пророческой.

Фархан (его настоящее имя Омар Хуссейн Аляуи) принимал участие в организации уничтожения противников Али Насера Мухаммеда, а когда обстановка внезапно изменилась в пользу противников, не успел убежать вместе со своим хозяином. Его судили и расстреляли в 1987 году. Следствие длилось около года, и надо . сказать, что на суде и, в частности, в момент вынесения приговора Фархан держался внешне спокойно.

В первый мой приезд нашу делегацию принял южнойеменский лидер Али Насер Мухаммед. Это было 15 декабря 1982 года. Он собирался в ближайшие дни в некоторые арабские страны, поэтому беседа была довольно продолжительной и касалась положения во всём арабском мире. По всему было видно, что южные йеменцы уже начали уставать от постоянной конфронтации с соседями, и Али Насер Мухаммед нащупывал пути нормализации отношений с остальным арабским миром. На прощание были сделаны памятные фотографии. Таким образом был запечатлён этот эпизод из истории ныне не существующего государства.

Незадолго до того, в сентябре 1982 года, Али Насер Мухаммед нанёс визит в Советский Союз, где у него состоялись переговоры с Брежневым, Громыко, Черненко, Пономарёвым и другими деятелями.

Вспоминая визит Али Насера Мухаммеда, невольно задумываешься о необыкновенной скоротечности событий в наш век. Одни государства прекратили своё существование, другие появились на свет Божий, ушли навсегда в прошлое пышные церемонии приёма иностранных гостей в Москве, утратили силу многочисленные договоры о дружбе и сотрудничестве, исчезли из отечественного лексикона привычные штампы и клише, нет уже в живых когда-то прославлявшихся государственных деятелей, теперь их активно забывают. Но вот что привлекает внимание.

Во время переговоров с делегацией НДРЙ в речи Брежнева 15 сентября 1982 года были сформулированы шесть принципов достижения справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке:

- во-первых, арабам должны быть возвращены все оккупированные Израилем с 1967 года территории;
- во-вторых, арабский народ Палестины должен иметь право на самоопределение и создание собственного независимого государства;
- в-третьих, восточная часть Иерусалима должна быть возвращена арабам, и верующим во всём Иерусалиме должна быть обеспечена свобода доступа ко всем святыням трёх религий;
- в-четвёртых, все государства этого района должны иметь право на безопасное и независимое существование;
- в-пятых, должно быть прекращено состояние войны и должен быть установлен мир между Израилем и арабскими государствами;
- в-шестых, должны быть выработаны и приняты по линии ООН международные гарантии урегулирования.

Как ни удивительно, но эти предложенные СССР принципы ничуть не устарели и до сих пор являются насущными, актуальными и жизненно необходимыми. Этим и остался мне памятен визит Али Насера Мухаммеда в Москву. Бывая в Южном Йемене, я по завершении работы в Адене каждый раз имел возможность совершить поездку по стране, что всегда воспринималось как щедрое вознаграждение за работу в столице, за изнурительные переговоры, когда временами между сторонами возникала стена полного непонимания.

Из поездок по Южному Йемену больше всего запомнилась поездка в провинцию Хадрамаут, в которой нас сопровождал Фархан. Поездка в Хадрамаут - это путешествие вглубь веков, в арабское средневековье. Житница Южного Йемена, Хадрамаут представляет собой довольно длинную и узкую долину, посреди которой расположены города и посёлки. Три самых больших города - Сейун, Шибам и Тарим. Цивилизация мало коснулась этих мест. Так же, как и многие века назад, возделывают свою землю крестьяне, так же неспешно орудуют в своих мастерских ремесленники. По пустыне преисполненные чувства собственного достоинства бродят верблюды. Немногочисленные автомобили, электричество и телевизор ещё не успели нарушить покой этой земли, переменить нравы и обычаи. Здесь раздолье для этнографов и историков. Хотя подозреваю, что не последнюю трудность составляет для них найти людей, которые интересуются собственной историей.

Самое удивительное и даже поразительное зрелище являют собой дома в Шибаме, которые насчитывают восемь, десять, двенадцать, а иногда и семнадцать этажей. Если смотреть издали, кажется, что перед тобой центральная часть Нью-Йорка, вблизи же - это многоэтажные хижины с окнами без стекла, сделанные из прочной смеси местной глины с соломой. Эти города по решению ЮНЕСКО занесены в список выдающихся памятников архитектуры. Не будучи специалистом, трудно даже представить, как ухитрились люди построить такие небоскрёбы и что они вообще стоят уже несколько веков.

Глядя на эти творения рук человеческих, я всё время терзался мыслью о крайней мимолётности впечатлений от всего увиденного, хотелось остаться здесь подольше, вглядеться в это чудо, понять, как и чем живут люди, о чём думают, что знают о внешнем мире. Но сопровождавших нас местных коллег всё это совершенно не интересовало, и мы мчались всё дальше и дальше: ведь программы всех на свете визитов составлены так, что делегации всюду опаздывают и постоянно приходится догонять время.

И вот ещё одна неожиданность. На подъезде к Тариму перед нами вдруг выросла стройная белая мечеть в тринадцать этажей. От неё невозможно было оторвать глаз, казалось, она куда-то плывёт в ясном голубом небе. Если долго смотреть на эту плывущую башню, обязательно закружится голова. При прощании местные власти Хадрамаута преподнесли мне макет этой мечети в раме под стеклом - произведение местного умельца, и с тех пор эта рельефная картина украшает мой дом.

Все приходящие обязательно спрашивают, что это такое, и я с большим удовольствием рассказываю, где и как перед нашими глазами возник этот архитектурный шедевр. Мечеть называется аль-Мохдар.

Из многочисленных встреч на дорогах Южного Йемена, посещений достопримечательных мест в разных провинциях отложилось в памяти и пребывание на сельскохозяйственном предприятии в провинции Абьян, специализирующемся на выращивании бананов и различных овощей.

Директор этого государственного хозяйства имени 7-го Октября Адель Кадер Абдель Гани, молодой, красивый, высокий по местным масштабам йеменец, свободно говорит по-русски. Образование - сельскохозяйственный институт в Ташкенте, где он познакомился со своей будущей женой Наташей, также учившейся в Ташкенте в медицинском училище, но приехавшей туда из Якутии. У молодой пары сын Надир. Больше всего в этом браке меня поразила разница в градусах, при которых выросли муж и жена. «Если в Якутии сейчас градусов 60 мороза, - думал я, - а здесь около 40 выше нуля, то разница будет в сто градусов. Бывают же такие разноградусные браки!»

Дружеские встречи в разных местных клубах и домах для гостей часто заканчивались пением «Катюши» и «Подмосковных вечеров». Эти песни через йеменских студентов, учившихся у нас, дошли до южного побережья Аравийского полуострова. Хотелось бы, чтобы их там не забыли. Это всё-таки визитные карточки советского песенного творчества.

Наше декабрьское 1982 года пребывание в Адене закончилось большим приёмом в каком-то эстрадном театре под открытым небом. После посиделок состоялся концерт национальной фольклорной группы. Южно-йеменское руководство было представлено членом Политбюро Йеменской социалистической партии, министром обороны Салехом Муслихом Касемом и членом Политбюро, председателем комиссии партийного контроля Али Шайи Хади. С ними мы и сфотографировались в обнимку...

А на фотографиях Адена образца 1988 года видны развешанные повсюду портреты четырёх «великомучеников», погибших в 1986 году. Двое из них мои соседи по упомянутой фотографии, а двое других - Абдель Фаттах Исмаил, бывший генеральный секретарь ЙСП, и Али Ахмад Насер Антар, бывший министр обороны. Рядом с этими портретами - изображение часов, указывающих время, когда раздались выстрелы в зале заседаний Политбюро.

И теперь чёрные скалы Адена уже кажутся символом траура по погибшим людям, и разобраться в том, во имя чего они погибли, за какую идею, видимо, никому не дано. Во всяком случае, эта бойня ещё раз показала всему миру полную бессмысленность устранения политических противников силой оружия.

Наш старый друг - Эфиопия

Эфиопия - страна, казалось бы, давно нам знакомая и в то же время достаточно непонятная и даже таинственная. В нашем воображении она, конечно, связывается прежде всего с именем Пушкина... Где-то там, в Белой Арапии (а Белая Арапия-это север Африки и Эфиопия), находятся его корни.

Откуда в действительности родом арап Петра Великого, никому толком не известно. В наших энциклопедических словарях Ганнибал назван сыном эфиопского князя, а сам Пушкин называет его и негром, и сыном арапского султана. Но мысль, что прадед Пушкина происходит из Эфиопии, почему-то приятно волнует. Во всяком случае, сами эфиопы поддерживают версию об эфиопском происхождении Пушкина. Им это тоже приятно.

Эфиопия издавна представлялась нам страной исключительно героической и свободолюбивой. Эти представления усиливались многочисленными репортажами и фотографиями, публиковавшимися в советской прессе в 30-е годы, когда Эфиопия вела вооружённую борьбу с фашистской Италией. Действительно, Эфиопия - практически единственная страна в Африке, которая всегда оставалась независимой.

Эфиопия к тому же и христианская держава, находящаяся в мусульманском окружении, - на этой почве у России сложились с ней дружественные отношения. Вообще-то порядки в эфиопской христианской церкви странные и специфически эфиопские. В одном из главных храмов столицы, соборе Святой Троицы, построенном в ознаменование освобождения Эфиопии от итальянской оккупации (1936-1941 гг.), можно увидеть наряду с прекрасными витражами на библейские сюжеты картины из современной политической жизни. На одной из них император Хайле Селассие выступает в ООН, на другой он же поднимает флаг в честь победы над итальянцами. В соборе установлено мраморное надгробие, которое заблаговременно приготовил для себя Хайле Селассие, однако где в действительности захоронено его тело, никому не известно. Прежние власти скрывали это. Может быть, новый режим внесёт ясность в этот вопрос. Во всяком случае, совсем недавно в Эфиопии заговорили об обнаружении останков императора. В соборе Святой Троицы стоят скамьи для молящихся, как у католиков, а обувь при входе положено снимать, как у мусульман.

Наконец, Эфиопия - родина кофе, хотя это и пытаются оспаривать арабы. В Эфиопии родиной кофе считают эфиопскую провинцию Каффа. Арабы утверждают, что родиной кофе является Йемен, а именно район порта Мекка (отсюда сорт «мокко»). Так или иначе, сложный способ приготовления кофе из зелёных зёрен совершенно одинаков и в Эфиопии, и в арабских странах, и скорее всего открытие кофейных кустарников произошло примерно одновременно и в Эфиопии, и в Йемене.

Непосредственное знакомство с Эфиопией несколько разочаровывает - та же бедность и примитивность жизненного уклада, что и в

большинстве африканских стран. Но все равно Эфиопия манит и привлекает к себе.

Когда я стал заниматься Африкой и узнал, какие пышные, торжественные и уводящие в глубины истории эпитеты заложены в титуле эфиопского императора Хайле Селассие, то проникся ещё большим интересом к этой загадочной стране. Оказывается, Хайле Селассие - прямой потомок царя Соломона и царицы Савской и «Храбрый лев» племени Иуды. Бывшая императорская династия и эфиопские историки новейшего времени стойко держатся за эту версию и возводят родословную императорской семьи к библейским временам.

Понятно, что после заочного знакомства с Эфиопией мне очень хотелось туда попасть, но, пересекая Африку вдоль и поперёк (чаще вдоль, ибо авиалинии шли в сторону метрополий - в Лондон, Париж, Рим и Брюссель, а поперечных авиалиний практически не было), я долго не имел случая осуществить своё желание. Командировка в Эфиопию выпала мне лишь в октябре-ноябре 1990 года.

Аддис-Абеба («новый цветок» по-амхарски) необыкновенно красива с воздуха. В городе и его окрестностях много яркой зелени, которая хорошо обрамляет высокие белые здания лёгкой конструкции и скрывает ветхие и убогие строения. Цель поездки - переговоры с Министерством внутренних дел Эфиопии относительно сотрудничества по линии разведки. В стране кризисная ситуация. Отряды повстанцев уже продвигаются в сторону Аддис-Абебы. Надо разобраться и в ситуации, и в складывающихся между нами отношениях.

Переговоры прошли по-деловому. Эфиопы всегда с благодарностью принимали нашу скромную помощь, с вниманием относились к нашим советам, но при этом, что самой собой разумеется, сохраняли за собой полную самостоятельность и свободу действий. Наверное, никто не сможет нас упрекнуть и в том, что мы хоть когда-то подталкивали эфиопские службы безопасности к тем или иным действиям в ущерб их национальным интересам. Надо сказать, что одна из основных заповедей для наших советников по линии разведки - абсолютное невмешательство во внутренние дела дружественных государств, так как только такой подход может обеспечить ровные и устойчивые партнёрские отношения.

Все увиденное в Эфиопии, как и состоявшиеся беседы, в той или иной степени указывало на близость краха режима Менгисту Хайле Мариама. Подтверждали это и унылые, растерянные лица наших собеседников, начиная с министра внутренних дел Тесфайе Вольде-Селассие, его заместителя Мерши Кетселы, начальников департаментов и кончая сопровождавшими нас рядовыми сотрудниками МВД. Многое из того, что нам показали, тоже носило на себе унылую печать увядания и исчезновения.

На большой и живописной территории, на окраине Аддис-Абебы, расположен учебный центр МВД Эфиопии, имевший громкое и претенциозное название «Центр стратегических исследований». На

территории стоят коробки нескольких недостроенных зданий, сооружавшихся с помощью Германской Демократической Республики. С исчезновением ГДР строительство прекратилось и никаких реальных планов по достраиванию этих зданий, естественно, уже не было. Руководители центра, рассказывая нам о своей работе, читали по бумажке. Это производило гнетущее впечатление и выглядело совершенно противоестественно: земля, можно сказать, горит под ногами, а они все что-то ещё читают по бумажке.

Грустное впечатление оставило и посещение служебного музея при отделе международных связей МВД. В этом скромном учреждении помимо стендов с материалами о враждебных режиму организациях имелись и стенды, посвящённые партнёрам МВД Эфиопии, с которыми поддерживались дружественные и деловые связи. С недоумением мы взирали на стенды, посвящённые СССР, Кубе, Чехословакии, Болгарии, ГДР и Народной Демократической Республике Йемен. Одних государств уже не было, другие прекратили свои связи с МВД Эфиопии, а стенды остались. Надолго ли?

Приятным отвлечением от тревожной эфиопской действительности была поездка в курортное место Содэре, знаменитое своими радоновыми источниками. Провели мы здесь всего одну ночь, а запомнилась эта поездка на всю жизнь. Был ужин рядом с отелем, на свежем воздухе, у костра. Один большой костёр горел сам по себе, а на другом жарился козлёнок. Пронзительно кричали неведомые нам эфиопские птицы, ярко светила большая луна, пахло разными цветами и травами, но самым сильным и стойким был запах мяты. Все устали после долгой дороги и наслаждались покоем и вечерней прохладой. Заместитель министра Мерша Кетсела рассказывал о быте и нравах эфиопов, а его маленькая и кругленькая жена с неожиданно русскими - рязанскими - чертами лица, но с очень смуглой эфиопской кожей строго контролировала своего мужа по части употребления спиртного.

Но главным событием в Содэре было, конечно, купание вечером и утром в радоновом бассейне с тёплой, почти горячей водой. Густая и тяжёлая голубая вода не позволяла быстро плавать. От воды шёл густой пар, и вылезать из бассейна никак не хотелось: у всех членов нашей делегации возникло ощущение, будто вода настолько целебна, что, посидев подольше в бассейне, не только излечишься от радикулита и прочих болезней, но и укрепишь расшатавшиеся нервы.

Запомнился также завтрак в кафе, рядом с бассейном. Всё, что нам подавали, пытались отнять обезьяны - серые макаки. Они, сгруппировавшись по три-четыре особи, слаженным броском кидались к столикам и хватали всё, что мы не успевали спрятать. Но это, скорее, всё же была игра, а не серьёзные нападения. Один эфиоп, правда, ходил с рогаткой и лениво постреливал в обезьян, чтобы они не действовали слишком нагло и активно. Одна обезьяна, насытившись отнятым у нас хлебом, спокойно запила свой завтрак радоновой водичкой из бассейна, тем самым как бы подтвердив её целебные свойства.

По возвращении из Содэра мы неожиданно узнали, что главу делегации намерен принять президент Менгисту Хайле Мариам. Теперь я, кажется, уже могу претендовать на то, что был последним советским официальным представителем, которого принял бывший президент Эфиопии. Менгисту Хайле Мариам назначил аудиенцию в своём новом роскошном дворце, где размещался Государственный совет. Смысл этой встречи, судя по характеру состоявшейся беседы, заключался в том, что президент хотел более точно уяснить, насколько Советский Союз отошёл от Эфиопии и на что он, Менгисту, может ещё рассчитывать. На встречу Менгисту допустил лишь министра внутренних дел Тесфайе Вольде-Селассие, свою переводчицу и стенографистку. С нашей стороны он никого не пожелал приглашать.

Вопросы президент ставил прямо: «Что происходит в СССР? Есть ли будущее у советско-эфиопских отношений? На вашу экономическую помощь мы уже не рассчитываем, но просим сохранить хотя бы военную. Без вашей военной помощи мы не сможем успешно вести переговорный процесс с вооружённой оппозицией и наше положение в ближайшие месяцы станет катастрофическим». В конце беседы президент бросил упрёк: «Вы сами ориентировали нас на социалистический путь развития, и вы же сами от нас сейчас отворачиваетесь!» Чувствовал себя Менгисту неуютно на своём диване: всё время двигался, менял позы и водил во все стороны чёрными беспокойными глазами. Эта его излишняя подвижность мешала сосредоточенно вести беседу. Впечатление было такое, что Менгисту старался подавлять свойственные ему, особенно в тот период, раздражительность и вспыльчивость и с трудом удерживал беседу в мирном русле.

Встреча с Менгисту состоялась 1 ноября 1990 года, а 21 мая 1991 года он объявил о своей отставке и вылетел из Эфиопии в Зимбабве, где поселился в тридцати километрах от столицы Хараре, на заблаговременно приобретённой ферме. Сразу же после бегства Менгисту началась массовая эвакуация из Эфиопии советских граждан (сколько их уже было, подобных массовых эвакуации!). Ровно через неделю, 28 мая, в столицу вошли первые отряды вооружённой оппозиции.

Бурно живёт Эфиопия в завершающие XX век десятилетия. 12 сентября 1974 года последний император «соломоновой» династии Хайле Селассие был смещён, арестован, вывезен в «специально отведённое место» и исчез навсегда после сорокачетырехлетнего пребывания у власти.

21 мая 1991 года, как уже упоминалось, первый президент Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, учитывая печальный конец императора и желая все же остаться в живых, заблаговременно покинул Аддис-Абебу. Таким образом закончился период «социалистических преобразований» в Эфиопии. Что будет дальше? Поживём - увидим.

Танцы в Анголе

Ангола долгое время оставалась для нас закрытой страной. О её богатствах (нефть, золото, алмазы, кофе) ходили легенды, а столица Луанда на почтовых открытках выглядела красивой жемчужиной у моря.

Прежде чем советские представители смогли попасть в Анголу, пришлось много походить вокруг да около.

С позиций пограничных с Анголой стран - Конго (Браззавиль), Заира, Замбии, а также Танзании мы старались понять, что происходит в Анголе, насколько в стране сильны позиции партии Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА в португальской аббревиатуре), лидером которой был Агостиньо Нето. Нужно было также уяснить себе положение других партий и движений. Представлялось разумным поддержать партию Нето, известную нам с 1956 года, но прежде необходимо было узнать, в чём она нуждалась, какие объёмы помощи наиболее целесообразны.

В январе-феврале 1967 года межведомственная группа, состоявшая из сотрудников Международного отдела ЦК КПСС, МИД и КГБ, выехала в командировку по странам Африки, чтобы разобраться с проблемами национально-освободительного движения в Мозамбике, Португальской Гвинее и Анголе. В состав группы входили четыре специалиста-африканиста: заведующий африканским сектором Международного отдела ЦК КПСС Пётр Иванович Манчха, весёлый и жизнелюбивый человек, большой патриот Африканского континента, который в промежутках между делами успел за время нашего путешествия рассказать свыше ста относительно свежих анекдотов, имеющих хождение в основном в мужском обществе; заведующий одним из африканских отделов МИД СССР Геннадий Иванович Фомин, лёгкий на подъём и с большим запасом юмора человек, опытный дипломат; сотрудник сектора П.И.Манчхи Пётр Никитович Евсюков, специалист по африканским колониям Португалии, в дальнейшем наш первый посол в Мозамбике, отличный знаток и автор популярного в своё время учебника португальского языка; и я, в то время начальник одного из африканских отделов внешней разведки.

Из всех стоящих перед нами проблем ангольская вызывала особое внимание. В Дар-эс-Саламе мы встречались с представителем МПЛА Шипендой, в Лусаке - с Аннибалом де Мело. И тот и другой просили оружия и медикаментов, говорили о трудностях транспортировки военных грузов в Анголу, о тяжёлых боях, которые ведут отряды МПЛА, привычно и ловко чертили схемы расположения фронтов и военных зон, но никаких реальных свидетельств о боевых действиях и освобождённых районах у нас по-прежнему не было. Мы упорно искали людей, побывавших недавно в Анголе, но не находили.

Больше всего в смысле получения конкретной информации нам повезло в Браззавиле. Там в ту пору находилась штаб-квартира Нето, присутствовали компетентные собеседники из ангольцев, да и

браззавильские государственные и политические деятели интересовались положением в Анголе более серьёзно, так как Конго граничит с богатой нефтью провинцией Анголы Кабиндой. Поговаривали браззавильцы и о том, что Кабинда, мол, вообще экономически и этнически ближе к Конго, нежели к Анголе, высказывали и сомнения в боеспособности военных формирований МПЛА, которая построена, как они утверждали, главным образом по племенному признаку.

В Браззавиле мы обнаружили советского врача, работавшего в военном госпитале МПЛА в городе Долизи близ анголо-конголезской границы. Врач рассказал, что раненые в госпиталь поступают достаточно регулярно, следовательно, имеют место какие-то военные действия. По его сведениям, в отрядах хорошо работают командиры и комиссары и неплохо обстоит дело с воинской дисциплиной. Наконец добрались мы и до самого Нето. На вид и на самом деле он был человеком самой мирной профессии: по образованию-врач, по призванию-поэт (на русском языке вышли его сборники «Стихи» и «С сухими глазами»). Волею обстоятельств он стал лидером партии, которая сыграла важную роль в деле достижения Анголой независимости. Лицо у Нето было круглое, приятное, доброе. Широкая и какая-то располагающая улыбка обнажала два передних, сильно выдающихся вперёд зуба с широкой щелью между ними. На всём его облике лежал налёт печали и усталости. Из-за слабого зрения он постоянно носил очки. Ни воинственности, ни решительности в Нето не чувствовалось, по чисто внешним признакам трудно было угадать в нём лидера и организатора партии.

В действительности же Нето был человек и мужественный, и решительный. С двадцати лет он включился в активную борьбу с колониализмом. Трижды арестовывала его португальская охранка. В перерывах между пребыванием в заключении учился, стал уважаемым в Анголе врачом, писал стихи.

Звон кандалов на дорогах...

Толпы народа,

Изгнанного отовсюду...

Ритмы в шагах окровавленных ног,

Ритмы в крови,

Текущей из-под ногтей, -

И все это ритмы...

Ритмы...

О, голоса истерзанной Африки!

Это стихотворение было широко известно в Анголе.

И первая, и последующие беседы с Нето полностью нас не удовлетворили. Разговоры о внутреннем положении в Анголе, о позициях различных партий и перспективах их объединения в единое движение, о

конкретных военных действиях МПЛА Нето всё время переводил на внешние аспекты ангольской проблемы, которые нам были и без того известны. В то же время Нето не пытался преувеличивать заслуги своей партии и в отношении ожидаемой от нас помощи высказывался достаточно умеренно. Впечатление от встреч с ним осталось приятное, и если бы не цвет кожи, то Нето скорее можно было принять за несколько флегматичного европейца, нежели за темпераментного африканца.

После антифашистской «революции гвоздик» 1974 года в Португалии Ангола получила наконец независимость, и Агостиньо Нето стал в 1975 году её первым президентом. Но недолго ему пришлось жить в свободной Анголе - в 1979 году он скончался, а на пост президента был избран Жозе Эдуарду душ Сантуш, кстати, выпускник Бакинского нефтехимического института. С ним мне тоже приходилось встречаться в 1981 году.

Делегация КГБ прибыла тогда в Луанду для переговоров с Министерством госбезопасности по вопросам дальнейшего развития сотрудничества. Первым делом нас повели к гробу Нето, набальзамированное тело которого должно в будущем покоиться в грандиозном мавзолее - он до сих пор строится в столице. Задумка новых лидеров Анголы сводилась к тому, чтобы увековечить память Нето сооружением величественного монумента, которому не было бы равных в Африке. Однако после начала строительства усилилась критика этого слишком дорогого и обременительного для разорённой Анголы проекта, и дело надолго затянулось.

В 1981 году Ангола была уже разорённой страной. Купить что-либо из одежды или продуктов питания было невозможно, да и сами магазины, как ненужная структура, практически исчезли. Советская колония питалась тем, что привозилось из Советского Союза, покупалось или выменивалось за городом у португальских фермеров. Кое-что приобреталось по выписке за твёрдую валюту. Выезды за пределы Луанды были небезопасны, в стране шла борьба враждующих группировок. В тот период Жозе Эдуарду душ Сантуш и его единомышленники ещё не пришли к пониманию необходимости сесть за общий стол переговоров со своими противниками.

Переговоры в этот приезд мы вели с министром госбезопасности Анголы Кунди Пайамой, вызывавшим у нашей делегации чувство симпатии. Он был вежлив, корректен, планы его были достаточно реалистическими, об ангольских трудностях и проблемах рассказывал вполне откровенно, и контакт у нас с ним установился хороший. Я и до приезда в Анголу уже несколько раз встречался с ним в Москве. В момент встречи со мной в Луанде министр очень обрадовался: «Я думал, - сказал он, - что к нам едет другой первый заместитель, такой очень-очень большой и очень-очень строгий, а приехал совсем другой... приехал большой друг Анголы!» Выяснилось следующее: наши имена и фамилии ангольцы усваивали очень плохо да и в должностях разбирались слабо, и когда Кунди Пайаме сказали, что делегацию КГБ возглавит первый заместитель начальника разведки, он решил, что едет Семён Кузьмич

Цвигун, первый заместитель председателя КГБ.

Порядки в МГБ Анголы были примитивные, бедность и скудость чувствовались во всём, даже во внешнем виде старших начальников. Да и уровень образования руководителей был тогда весьма невысок. Когда министр знакомил членов делегации с руководящим составом министерства, мы увидели на начальнике какого-то департамента пиджак, один рукав которого был сантиметров на десять длиннее другого. Мы так и не поняли, почему он не укоротил длинный рукав - особых усилий это бы не потребовало: С удивлением мы обнаружили среди руководящего состава министерства трёх местных португальцев. После церемонии знакомства я по просьбе министра начал излагать некоторые наши оценки актуальных проблем международной обстановки. Не успел я сказать и двух слов, как руководящий состав министерства стал погружаться в сладкий сон. Очевидно, это была естественная и уже устоявшаяся защитная реакция на любые выступления и лекции, так как засыпание началось мгновенно и, думаю, никак не могло быть связано с качеством моего выступления.

Разместили нашу делегацию в правительственном особняке, и мы сразу почувствовали на себе все тяготы разлаженной экономики, перебои с электричеством и водой, но переносили лишения стойко, так как на другие варианты и не рассчитывали.

В качестве охраны к нам приставили двух женщин-старшего лейтенанта Мингу и младшего лейтенанта мулатку Розу. К порученному им заданию эти две симпатичные и жизнерадостные сотрудницы Министерства госбезопасности Анголы, прошедшие суровую школу партизанской борьбы, относились с большим рвением. Они не только охраняли делегацию, но и готовили нам еду, и сами же выступали в роли официанток. А на заключительном банкете ещё оказались и нашими главными партнёршами по танцам. Несмотря на разруху, посиделки с танцами были в большой моде. На банкете Кунди Пайама обратился ко мне со словами: «По нашим обычаям танцы должны открывать вожди племени. Прошу вас начать танцы!» И подвёл ко мне вышеупомянутую Розу. Получив лестное звание вождя племени, я был лишён возможности отступления. Пришлось танцевать.

Что же касается порядков в государственных учреждениях, то о них можно судить по следующему факту. По случаю приезда делегации в советском посольстве был устроен приём, на который прибыло несколько членов Политбюро МП Л А - Партии труда (возникла в 1977 г. на основе преобразования Народного движения за освобождение Анголы) и министров, но долго, около часа, не было самого Кунди Пайамы. Наконец он прибыл на каком-то ржавом джипе, сам за рулём, и стал объяснять причину своего опоздания. «У меня два шофёра, - сказал он, - один сидит в тюрьме за то, что задавил человека, а другой два дня назад куда-то исчез, и его никак не могут найти».

Надо сказать, что к 1990 году положение изменилось. Государственные учреждения стали работать более организованно, а в

Министерстве госбезопасности стало больше порядка и дисциплины. Наше тесное сотрудничество с министерством стало наконец приносить плоды. Мы заметили, как повысился профессиональный и культурный уровень сотрудников, да и переговоры носили теперь более серьёзный характер. Ангольское руководство уже осознало необходимость начать переговоры и со своим основным противником - организацией УНИТА, и с другими враждебными МПЛА политическими группировками. Министр Кунди Пайама и его заместитель Нандо подробно рассказали нам о стратегии и тактике переговоров с лидером УНИТА Савимби, и мы чётко усвоили, что в Анголе начался процесс национального примирения и что, несмотря на многочисленные трудности, процесс этот уже необратим.

Экономическая разруха, более чем скромный быт, не очень ясные и понятные перспективы будущего государственного и политического устройства не истребили у ангольцев любви к праздникам, карнавалам, танцам, массовым зрелищам. На одном таком празднике мы присутствовали в главном городе провинции Уила - Лубанго.

Лубанго - красивый и чистый город, дома окрашены в разные радующие глаз цвета, масса зелени. Люди здесь выглядят как-то спокойнее и наряднее, чем в столице. Как нам объяснили, Уила - это в основном мирная провинция. Противники режима не имеют поблизости своих баз. Именно поэтому здесь было решено провести праздник по случаю 15-й годовщины создания органов госбезопасности. Для участия в празднике приехали гости из столицы, а также ответственные лица из различных районов самой провинции, в том числе и вожди племён. Внешне вожди выглядели неказистыми и замшелыми старичками. Одеты они были в одинаковую поношенную форму полувоенного покроя с погонами, на которые были нашиты блестящие пуговицы. Я даже усомнился, настоящие ли это вожди. Оказалось, что да, настоящие, и свою власть они унаследовали от отцов, а форму для повышения авторитета вождей ввела португальская колониальная администрация ещё в прошлом веке.

Помимо вождей в провинции, как выяснилось, большим влиянием пользуются колдуны-целители. Делятся они на четыре категории. Колдун первой категории - по существу, младший лекарь, ещё новичок в своём деле. Ему по должности положено пить кровь собаки. Колдун второй категории - уже опытный лекарь, который самостоятельно лечит и изгоняет болезни. Он пьёт кровь козла. Колдун третьей категории рассматривается как главный лекарь. К нему идут люди со сложными болезнями. Он пьёт кровь курицы. Колдун четвёртой категории - своего рода администратор лекарского цеха, работодатель, арбитр, старший над другими лекарями. Он пьёт кровь быка. Как нам рассказывали местные авторитеты, лекари являются, по существу, организованным сословием представителей народной медицины, действительно многое умеют, а употребление крови определённых животных наделяет их в глазах населения волшебной силой и, естественно, повышает их личный авторитет.

В день праздника на центральной площади Лубанго собрались жители города - все в ярких, праздничных одеждах. Почётные гости, в том числе и наша делегация, разместились на большом балконе здания провинциального комитета МПЛА - Партии труда. С балкона площадь казалась громадной клумбой, на которой высажены все известные флоре цветы, - зрелище было красивое. Торжественная часть свелась к нескольким коротким выступлениям от различных местных организаций. Выступал с приветствием и я. После чего передал министру наш подарок - картину с изображением Красной площади. Картина жителям Лубанго понравилась. Сам министр Кунди Пайама говорил очень долго, около двух часов. Он яростно и едко высмеивал противников режима, переходя с португальского на различные местные языки и диалекты, и хотя мы ничего не понимали, но по реакции толпы видели, что его слова попадают в цель.

С утра было пасмурно, потом тучи растаяли, и засияло жаркое африканское солнце. Министр говорил и говорил, а члены нашей делегации медленно, но верно обгорали. Каждый из нас думал примерно об одном и том же: как хорошо, если бы голову прикрывала панама с широкими полями, а рядом стояла кружка холодного пива. Но ничего этого не было, и все остальные дни пребывания в Анголе мы ходили с обожжёнными носами и лбами.

После торжественной части началось карнавальное шествие. Шли колонны различных районов провинции и различных племён. Племена почему-то были представлены исключительно прекрасной половиной человечества. Часть демонстранток была облачена в свои местные одежды, многие обнажены до пояса, но со множеством ярких бус и браслетов. На площади перед балконом исполнялись национальные танцы. Прекрасно была исполнена танцевальная композиция на тему «Как варят пиво». В заключение состоялся и небольшой военный парад. Продефилировали несколько рот регулярных войск, а также взвод юных милиционеров, взвод юных пожарников в медных касках и взвод юных друзей органов госбезопасности. Прохождение последнего взвода дало нам повод для шуток. На вопросы ангольцев, как нам понравились карнавал и парад, мы отвечали: «Все прекрасно, но нельзя всё-таки тайных агентов органов госбезопасности строить в колонну и выводить на парад!» На этом праздник не закончился. Он продолжался очень долго. Был торжественный обед в казино города Лубанго, расположенном на окраине города, в живописной местности. В этом красивом и ухоженном уголке было много воды. Она текла по открытым желобам откуда-то с гор и орошала многочисленные газоны с розами разных цветов и оттенков.

Но венцом торжества был вечерний банкет в здании муниципального клуба, где сияли огни и гремела музыка.

Зал в клубе был поделён на секции, в каждой находились те приглашённые, которым там положено было быть. Напротив нашего большого стола сидели уже знакомые нам вожди племён, которых кормили отдельно и значительно хуже тех, кто попал за стол президиума.

В некоторых секциях угощение приобреталось за наличный расчёт.

Когда со скромной трапезой было покончено, наступил момент, ради которого и собрались здесь люди. Этот момент у ангольцев имеет название «открытие салона». Первая дама, получив соответствующую команду, приглашает главное лицо, в данном случае Кунди Пайаму, и он, таким образом, «открывает салон», к всеобщей радости присутствующих.

Первой дамой на этот раз была гибкая, стройная, высокая и длинноногая, с огромными чёрными глазами Лина (как нам было сказано, «надёжный товарищ»), выполнявшая до этого роль стюардессы правительственного самолёта, на котором мы прибыли в Лубанго. Сам Кунди Пайама тоже был на высоте, под стать своей даме. Мало того, что он обладал грацией пантеры и врождённым чувством ритма, на нём ещё были из змеиной кожи специальные туфли для танцев, на высоких каблуках. Да, здесь к танцам готовятся серьёзно! А если говорить по правде, то первая пара действительно была великолепна.

По ходу праздника выяснилось, что его организаторы позаботились о дамах для всех членов делегации. Их специально, в числе других гостей, доставили на самолёте. Причём это были весьма достойные женщины - члены парламента, активисты партии и женского движения. Пришлось выйти на круг.

Когда стрелки часов стали показывать третий час ночи, я потихоньку ретировался в бывший губернаторский дворец, где мы разместились, и предпринял безуспешную попытку уснуть. Очень хотелось принять горячий душ, но воды не было. Перед глазами плыли карнавал, разноцветная толпа на площади, взвод юных пожарных в горящих на солнце касках, танцующие пары... Болело сожжённое лицо, а мысли были далеко отсюда, в холодной Москве...

Ворочаясь с боку на бок, я думал: «Вот, черти, как самозабвенно танцуют! Всю ночь напролёт будут топать ногами и радоваться жизни! А у нас одни разговоры, выступления, словопрения, все говорят, все обвиняют друг друга, и никто уже никому не верит. Лучше, наверное, танцевать, как это умеют делать здесь». С этими мыслями и уснул под утро.

Советы ливийского лидера Каддафи

Желание руководства СССР как-то, хотя бы временно, улучшить в стране положение с продовольствием вылилось в 1990-1991 годах в серию командировок руководящих деятелей и всевозможных представителей-толкачей в состоятельные государства с просьбами о срочной финансовой помощи.

Попал и я в число «представителей Президента СССР». Досталась мне Ливия, где предстояло встретиться с «лидером» (практически официальный титул) Каддафи. Задачу передо мной поставил начальник ПГУ Л.В.Шебаршин со ссылкой на поручение руководства КГБ и Президента СССР. Смысл нашего обращения к Каддафи сводился к

получению в ближайшее время солидной суммы денег, тем более что ливийцы были нашими должниками. В связи с этим мне было поручено обсудить и некоторые вопросы, связанные с возможностью предстоящего визита Каддафи в Москву. Никакой веры в успех этой миссии я не питал, так как негативная позиция ливийцев в отношении событий в СССР была общеизвестна. Тем не менее 10 апреля 1991 года я отправился в Триполи.

В Ливии я бывал и раньше. Впервые попал в эту страну в ноябре 1963 года, взявшись доставить из Туниса в Триполи на своём заслуженном «фиате» заведующего 1-м Африканским отделом МИД СССР Д.П.Пожидаева. Вызвался потому, что хотелось познакомиться с Ливией, о которой мы тогда очень мало знали. Отношения с этим государством во время правления короля Идриса носили скорее формальный характер, и советских граждан в Ливию вообще старались не впускать. А если и впускали, то наблюдали за ними весьма строго. Сотрудники посольства рассказали, что наружное наблюдение за ними велось постоянно и, главным образом, на велосипедах. Устойчивость же трона короля Идриса обеспечивалась присутствием английских войск и наличием американской военной базы в Уилдс-Филде.

Это первое путешествие в Ливию было весьма приятным. Ехали мы с Дмитрием Петровичем, словоохотливым собеседником, большим эрудитом и лёгким в общении человеком, весело. Я сосредоточил своё внимание на дороге, а он не давал мне скучать интересными рассказами на всевозможные темы.

Весь путь по тунисской территории проходил по живописной местности, глазам открывались то море, то фруктовые сады, то бело-голубые посёлки, то раскинувшиеся по обе стороны дороги оливковые рощи. После тунисской границы проехали ничейную зону, а на ливийской границе нас уже встретили сотрудники советского посольства, среди которых были и арабисты, знакомые мне ещё по Институту востоковедения. Без такой поддержки нас могли и не пустить в королевство.

Дорога по территории Ливии уже не так живописна. Слева от дороги - море, а справа - большей частью пустыня. Изредка встречались стоянки бедуинов-кочевников, копошившихся в своих громадных чёрных шатрах.

Столица неожиданно порадовала уютом и чистотой. В Триполи тогда ещё жило много итальянцев, в маленьких магазинах торговали европейцы и выходцы из Индии и Пакистана. Живописен был и как бы перенесённый из восточной средневековой сказки лёгкий и нарядный дворец короля Идриса, окружённый небольшим парком. В центре города шумел настоящий восточный базар с криком, звоном и гомоном, с ватагой зазывал.

По своему обыкновению я стал выискивать достойные сюжеты и попеременно то кинокамерой, то фотоаппаратом снимал различные сцены. Вдруг передо мной появилась лохматая девочка лет десяти и бойке заявила: «Саввирни, я ромий!» - «Что-что?» - спросил я. «Саввирни,

я ромий!» - повторила она, и тут я наконец понял её фразу: «Сфотографируй меня, иностранец!» Я сообразил, что здесь имеет место обычное переосмысление понятия отдельной национальности в понятие «иностранец». Когда-то в России немцами называли всех иностранцев, в некоторых арабских странах иностранцев европейского вида называли франками, а здесь их именуют ромами (т. е. греками или византийцами).

Когда впоследствии я приезжал в Ливию уже во времена Каддафи, в моей памяти неизменно возникали первые впечатления от маленького и чистого Триполи. Уж слишком был очевиден контраст! Триполи разросся и увеличился по площади во много раз, появились современные многоэтажные строения, но сделался он неуютным и неухоженным. На стенах домов, с наружной стороны, свисают бесконечные электрические и телефонные провода, совершенно обезлюдел базар, опустели центральные площади. Арабская и вообще восточная столица с вымершим базаром - это что-то совершенно непонятное и не укладывающееся в сознании.

Я задавал себе вопрос: может быть, дело в особенностях восприятия? Первые впечатления обычно глубоко западают в душу, а последующие уже не воспринимаются так ярко, и поэтому происходит идеализация картин прошлого. Но, к сожалению, так оно и есть. Повсеместно исчезает уют старых городов, современная цивилизация сглаживает своим железным утюгом все частности, особенности и прелести патриархального быта и стандартизирует нашу жизнь. В Триполи это особенно чувствовалось.

Если отвлечься от ностальгических настроений и взглянуть объективно на современное ливийское общество, то надо признать, что во время правления Каддафи и благодаря в первую очередь его личной деятельности, как бы противоречива и спорна она ни была, ливийцы впервые осознали себя нацией, а Ливия превратилась из уютной колонии в самостоятельное, довольно быстро развивающееся государство. Появилась своя интеллигенция, своя собственная внешняя и внутренняя политика, своё, незамысловатое пока, современное искусство. Народ обрёл и самосознание и уверенно заявляет: «Мы - ливийцы!», «Мы - нация!» Показательным для мусульманской страны является и положение женщины. Здесь тоже за время лидерства Каддафи имел место существенный прогресс. Женщины ходят с открытыми лицами, участвуют в политической жизни, в различных манифестациях, работают в государственных учреждениях. Обратил я внимание на то, что много девочек-школьниц носит военную форму с погонами. При этом почти на всех погонах имеются знаки различия наподобие наших сержантских нашивок. Совсем нет рядовых! Сведущие люди объяснили, что сержантские нашивки способствуют престижности военного воспитания. А сама военная форма школьниц означает, что они проходят в данное время элементарную военную подготовку и подкрепляют этим самым популярный в Ливии лозунг: «У нас весь народ - армия, и армия - весь наш народ!»

Обветшалые дома, мусор на улицах, неупорядоченность во всём, отсутствие уюта в какой-то мере компенсируются по-прежнему красивой многокилометровой набережной Триполи. Но подлинными сокровищами Ливии являются, конечно, древние финикийские, а впоследствии римские и византийские города Сабрата и Лептис-Магна. Был ещё и третий город - Эа, на месте которого расположился современный Триполи. Но в ливийской столице от древнего города сохранились лишь отдельные сооружения, в частности триумфальная арка Марка Аврелия. Эти три города и составляли в древности собственно Триполитанию (три полиса).

При посещении Лептис-Магны возникает каверзный вопрос: как же, собственно, идёт развитие цивилизации - от них к нам или от нас к ним? Лептис-Магна поражает и своими размерами, и продуманностью планировки, и высоким уровнем городского хозяйства, и местами для отдыха и занятий спортом. Город вымощен каменными плитами. Арки, памятники, колонны - из благородного мрамора. А вот и банно-плавательный комплекс. Парилки. У входа - мозаичное изображение современных пляжных «лягушек», что означает: босиком входить нельзя - горячо. Бассейны для холодной и горячей воды (разогревается большой камень, опускается в воду - и вода становится горячей). Рядом с банями и бассейнами - стадион. Образцовый (пользуясь нашей терминологией) базар: мраморные громадные прилавки с рельефным изображением товара, которым здесь надлежит торговать. Рассматриваем изображения рыб. Видно, что здесь торговали довольно крупной рыбой. Дома обогревались горячей водой, полы мозаичные. Сцена театра украшена мраморными рельефами, повествующими о подвигах Геракла. Недалеко от города расположился порт, к которому вела дорога с колоннами. Порт оборудован двумя маяками. Большой цирк, амфитеатр и ипподром находятся за чертой города. Всюду образцы высокой культуры и искусства. Всё продумано до мельчайших деталей.

Но возвратимся в апрель 1991 года. Разместили меня на набережной Триполи в новёхонькой гостинице «Аль-Махари». Гостиница названа по имени одного из арабских племён, которое славилось самыми выносливыми и быстроходными верблюдами. На проспектах гостиницы и изображён этот махарийский верблюд. Гостиница строилась и отделывалась швейцарскими, марокканскими и ливийскими компаниями. В отделке преобладает марокканский стиль. Поселили меня как «представителя Президента СССР» в лучшем номере, который специально готовился к визиту короля Марокко Хасана II.

Честолюбие моё было полностью удовлетворено. Раньше меня здесь на базаре называли византийцем, а теперь я живу в номере, первым постояльцем которого был король. Такого рода мысли и воспоминания сумбурно проносились в моей голове, в то время как я старался сосредоточиться на предстоящей очень сложной встрече с Каддафи. Основной вопрос: как следует вести разговор с ним, чтобы получить деньги? И сколько придётся ждать этой встречи, хотя она предварительно была обещана, - день, два, три, неделю?

Ранее с Муамаром Каддафи встречаться мне не приходилось, но у меня были хорошие знакомые из ближайшего окружения ливийского лидера. Да и среди советских сотрудников были люди, которые при всей трудности контактов с ливийцами умели наладить с ними тёплые и дружеские отношения. Одним из таких сотрудников был мой давний знакомый, арабист, терпеливый и целеустремлённый человек, взявший на вооружение известное изречение бойца Сухова из фильма «Белое солнце пустыни»: «Восток - дело тонкое». Восток не любит нервной суеты и каких-то срывов в человеческих отношениях. Дружеское участие, благожелательность, интерес к жизни народа и общества, неназойливая шутка - и все это многократно помноженное на терпение - дают положительный результат в дипломатической работе и в работе разведчика.

Едва я успел составить себе примерную схему предстоящей беседы и принять душ после дороги, как раздался звонок в дверь моего королевского номера и появился известный мне по прошлым командировкам ливиец -близкий к Каддафи человек. Мы поздоровались, и он тут же скомандовал: «Поехали!» - «Куда поехали? К лидеру?» - «Поехали, поехали!» Всё ясно: раз пояснения не требуются, значит, поехали к лидеру. Преодолев многочисленные посты охраны, въехали на усеянную обломками после ракетных налётов американской авиации территорию резиденции Каддафи и расположились неподалёку от громадного шатра в ожидании самого лидера.

Несмотря на то, что после разрушения резиденции прошло уже несколько лет, восстановительные работы здесь и не начинались - было решено сохранить все так, как есть, для демонстрации «западного варварства». Ранее сюда водили многочисленные экскурсии молодёжи с целью патриотического воспитания и возбуждения воинственного духа. В установленном посреди развалин шатре Каддафи принимает различных посетителей. Смысл этой церемонии заключается в том, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть простоту своих бедуинских нравов, верность традициям, а с другой - лишний раз напомнить посетителям о жестоких бомбардировках Триполи.

Наконец нас пригласили в шатёр, где уже находился ливийский лидер. Вид его был живописен: белый костюм без галстука, чёрная шёлковая накидка с золотым кантом, элегантные чёрные туфли без задников. По всему было видно, что за своим внешним видом Каддафи тщательно следит. Чтобы настроить разговор на нужную волну, я поговорил с лидером несколько минут по-арабски, а затем перешёл на разговор через переводчика (кстати сказать, не все арабисты рискуют выступать в этом качестве на встречах с Каддафи: он сердится, когда его не понимают, а переводить его непросто). Здесь я должен сделать небольшое отступление. В своих записках я не раз возвращаюсь к теме перевода с арабского и на арабский. Мне самому множество раз приходилось выступать в роли переводчика. Знаю, как трудна эта работа. Как хорошо надо знать язык, какую иметь организованную память, как быстро находить подходящие эквиваленты выражений, которые на

первый взгляд кажутся непереводимыми. И как много значит понимание сложности этой работы теми, кому ты переводишь. А.Н.Косыгин, Ю.В.Андропов, А.А.Громыко, Гамаль Абдель Насер, например, понимали это, а у Н.С.Хрущёва такое понимание начисто отсутствовало. Когда мне самому приходилось работать с хорошим, умным переводчиком и когда беседа сама по себе была интересной, я получал двойное удовольствие - и от беседы, и от перевода. И наоборот, от примитивного, невыразительного перевода беседа, случалось, сильно проигрывала.

Чаще всего в арабских странах мне приходилось работать с бывшим заведующим кафедрой восточных языков Краснознамённого института имени Ю.В.Андропова Виктором Даниловичем Ушаковым, моим товарищем по Институту востоковедения. Энтузиаст арабского языка, Ушаков не только с величайшей пунктуальностью и точностью делал перевод, но по ходу ещё успевал объяснять, почему он в данном случае перевёл именно так, хотя возможны были и другие варианты. Будучи специалистом по лексике Корана (тема его докторской диссертации), Виктор Данилович в свободное от переводов время за общей беседой начинал обстреливать собеседников цитатами из Корана, древними пословицами и изречениями, смысл которых большей частью не доходил до офицеров спецслужб арабских стран. Слишком далеки были их интересы от сокровищ арабского культурного наследия.

Беседу с Каддафи переводил другой, но тоже отличный переводчик.

Сперва Каддафи пожаловался, что последние дни поста переносятся особенно тяжело, и действительно выглядел он исхудавшим, утомлённым, медлительным и даже несколько отрешённым от мирской суеты. Перед началом деловой части беседы состоялась церемония фотографирования. Теперь это для меня тоже исторический снимок. Сославшись на высокое поручение, я обосновал существо нашей просьбы и в связи с этим высказался по поводу перспектив дальнейшего развития советско-ливийских отношений. Каддафи не сразу дал ответ. Несколько минут он молча размышлял, а я оглядывал в это время громадный шатёр лидера. В нём практически не было мебели, кроме небольшого столика, нескольких кресел, полупустых книжных полок и электрического камина. Изнутри шатёр был обит разноцветной тканью: бело-синие полосы с красно-жёлто-зелёными узорами. В шатре энергично гулял ветер, и его шум всё время сопровождал нашу беседу.

Наконец последовал ответ Каддафи, лаконичный и прямолинейный:

- Я бы дал деньги, да неизвестно, к кому они попадут. Я не знаю, кому принадлежит власть в вашей стране.

И ещё несколько фраз на эту же тему, в том же духе. Дождавшись паузы, я снова начал излагать наши тезисы, чтобы получить по возможности конкретное обещание. Вместо него последовало следующее обобщение.

- Все ваши беды, - сказал Каддафи, - происходят от двух вещей. Во-первых, вы стали во всём слушаться американских империалистов, а это

до добра не доведёт, это вас погубит. Вы забыли, что все народы мира ненавидят американский империализм, и это непреложная истина. Во-вторых, вы не читаете мою «Зелёную книгу», а там есть объяснение всему. И Горбачёв не читает «Зелёную книгу», и ты сам её не читаешь. Сейчас для вас особенно важна вторая часть, где говорится о народовластии.

Об отношении Горбачёва к «Зелёной книге» я ничего не имел сказать, а о себе упомянул, что книгу эту я прочёл с большим интересом уже давно. Итак, вывод ясен: не надо слушаться американцев, а надо читать «Зелёную книгу». Беседа закончилась тем, что мне был преподнесён экземпляр книги на русском языке с дарственной надписью. Чувствовалось, что книгу заготовили впрок на многие годы и на многих языках. На главный вопрос мне с трудом, но всё же удалось получить ответ: решение Каддафи о деньгах будет сообщено нам месяца через два. Понятно, что это решение затерялось где-то в песках ливийской пустыни.

На всём протяжении беседы, которая длилась немногим более часа, Каддафи не вышел из состояния погруженности в себя, а идеи свои излагал тихим голосом, но чётко, с большой внутренней убеждённостью. Улыбка на его усталом лице мелькнула лишь несколько раз.

После беседы с Каддафи у меня оставалось несколько дней до очередного рейса в Москву, и удалось снова побывать в древних финикийских городах - полисах Триполитании, освежить прежние впечатления. На этот раз поразило отсутствие на дорогах указателей с названиями городов и селений. В целях безопасности и в ожидании возможного военного вторжения все географические названия, которые в соответствии с международными стандартами были написаны белой краской на голубом фоне дорожных указателей, были закрашены белой же краской. Высадится, например, с моря противник и сразу растеряется: надписей нет, неизвестно куда двигаться дальше...

Зато в изобилии на дорогах имелись лозунги и плакаты самого разнообразного содержания. Успел записать следующие: «Мир - путь человечества», «Цель социалистического общества - счастье человека», «Народные комитеты - повсеместно», «Образование - право каждого», «Революция - всегда». По-арабски эти призывы звучат более выразительно, иногда они и рифмуются.

Дай, Аллах, и этой стране счастья, разума и благополучия!

Мой могильщик Форсайт

Однажды (дело было в 1984 году) ко мне в кабинет зашёл ныне покойный Анатолий Тихонович Киреев, начальник Управления «К» (внешняя контрразведка), старый мой товарищ, и, раскрыв передо мной книгу, взволнованным голосом сказал:

- Вот, почитай-ка, пожалуйста!

Это был роман английского автора, мастера шпионских боевиков

Фредерика Форсайта «Четвёртый протокол». На 231-й странице романа описывались обстоятельства моей смерти в автомобильной катастрофе в следующем году с точным указанием места этого радостного для автора события: Садово-Спасская улица, ранняя весна 1985-го. Через неделю меня, как указывается далее, тихо и скромно похоронили на Новодевичьем кладбище.

Анатолий Тихонович начал ругать и автора, и его книгу. Он, мой старый друг, вообще очень эмоционально реагировал на любую отрицательную информацию. Я же сообщение о собственной смерти воспринял спокойно и вспомнил при этом известное высказывание Марка Твена по аналогичному поводу. Книгу, естественно, без промедления начал читать. Она была достаточно толстая, в хорошем переплёте и напечатана на хорошей бумаге, рекламировалась как английский бестселлер на тему о кознях советской разведки.

Сюжет был дикий. Президент СССР Андропов якобы даёт указание завезти в Англию силами нелегальной разведки части небольшой атомной бомбы, собрать её там и взорвать близ базы ВВС США, свалив вину за взрыв на американцев, и показать таким образом англичанам опасность размещения американских баз на территории Англии и ненадёжность американцев как союзников. Дестабилизировав таким способом внутриполитическую обстановку в Англии накануне парламентских выборов, советское руководство обеспечивает приход к власти в Англии премьер-министра из числа марксистов-ленинцев. В дальнейшем этот марксист-ленинец будет действовать по указке советского руководства и первым делом изгонит из Англии войска США. Вот такая любопытная коллизия... План этот назван красивым именем «Аврора», а разрабатывали его якобы по указанию Андропова крупнейшие учёные в содружестве с Кимом Филби (специальный комитет со столь же красивым и звучным названием «Альбион»).

Роль моя в этой книге чисто эпизодическая, но точно названы моя должность, этаж, где я работал, фамилия, имя, и лишь отчество было почему-то изменено на Васильевич. Я сразу почувствовал, что консультировал автора человек, который лично со мной не был знаком, но который явно ходил по нашим коридорам. Не прошло мимо моего внимания (да и другие это заметили), что в книге действовал агент английских спецслужб Андреев, сотрудник по линии нелегальной разведки в лондонской резидентуре КГБ. Возникал вопрос: зачем выведен этот персонаж? Не затем ли, чтобы показать, что на самом деле предателя на этом участке нет?

В дальнейшем, когда раскрылось предательство Гордиевского, стало ясно как Божий день, что консультировал Ф.Форсайта он. В книге Гордиевского «КГБ. Взгляд изнутри», написанной в соавторстве с английским историком и публицистом Кристофором Эндрю, обо мне говорилось уже как о живом человеке, но авторы снова называли меня Васильевичем.

По прочтении книги Форсайта я стал размышлять на тему, можно ли в

литературном произведении убивать и хоронить живого человека, насколько это гуманно и позволительно ли вообще с точки зрения норм христианской морали.

Кто-то подсказал мне - то ли в шутку, то ли всерьёз, - что надо бы подать на этого, выражаясь языком прошлых десятилетий, «продажного буржуазного писаку и хищную акулу империализма» иск в Международный суд в Гааге. Но связываться с этим делом, сводить счёты с Форсайтом мне не хотелось, ведь у авторов детективных романов богатое воображение, они и не такое пишут.

Среди зарубежных детективов на тему о советской разведке чрезвычайно мало стоящих и действительно интересных книг, а что касается так называемых серьёзных исследований, то это в большинстве своём вообще ни в какие ворота не лезет. Очевидно, какое-то, даже отдалённое, подобие объективного исследования никогда и не. входило в планы организаторов этих публикаций.

Расчёт при этом прост и безошибочен. Чем решительнее утверждается ложь, чем фантастичнее разведывательный сюжет, тем большее впечатление это произведёт на читающую публику, а советская разведка все равно оправдываться не станет, но если вдруг и попытается, то сработает формула «оправдание хуже вины». Так оно и было в эпоху всеобщей секретности, а потом вообще круг замкнулся, и к хору западных «аналитиков» присоединились свои, доморощенные, столь же своекорыстные и беспринципные, как их зарубежные собратья по перу.

Уже много десятилетий делаются попытки скомпрометировать советскую внешнюю разведку: она обвиняется то в бандитских действиях, то в коррупции, то в протекционизме, то в финансовых злоупотреблениях и так далее.

После августовских событий 1991 года работу разведки проверяло несколько комиссий извне, знакомились с состоянием финансов, с оперативной деятельностью, беседовали с сотрудниками разных уровней. Никаких правонарушений обнаружено не было! Дело не в том, хорошо или плохо искали, а в том, что нет самой почвы для злоупотреблений. Кандидаты для работы в разведке всегда отбирались самым тщательным образом. Рискну сказать, что подобной тщательной системы подбора в бывшем Советском Союзе вообще больше нигде не существовало. И главным критерием считались моральные качества кандидата.

Конечно, о какой-то идиллической картине говорить не приходится. Были и предатели, в том числе и в последнее время, были и хапуги, и пьяницы, и лентяи, были и люди, попавшие в разведку по блату. Наверное, не застрахованы мы от подобного и впредь. Все эти отрицательные персонажи рано или, к сожалению, иногда поздно выявляются и изгоняются. Но брак и издержки в работе никогда не влияли определяющим образом на общую, в целом здоровую атмосферу. И руководители разведки, и её сотрудники хорошо понимают, что сила, эффективность и жизнеспособность разведки состоят в её постоянном

самоочищении и бескорыстном служении интересам нашей страны.

Понятно, конечно, желание отдельных журналистов открыть нечто сенсационное в делах разведки, сказать своё «новое слово» в наш бурный век разоблачения всего и вся. Иногда к журналисту приходит сам обиженный разведчик или пенсионер от разведки и начинает, представившись правдоискателем, сводить счёты со своим бывшим или действующим начальником, сообщая сведения, в которые добавлена изрядная толика дезинформации.

Я убеждён, что журналист, захотевший добиться популярности или сделать карьеру на разоблачении «махинаций» российской разведки, обречён на неудачу. После двух-трёх попыток он неизбежно выдохнется из-за отсутствия материала и вынужден будет спешно переквалифицироваться. Не говорю уж о неблагородстве и антипатриотичности подобного способа самореализации.

Иноземную клевету на разведку мы уже привыкли воспринимать довольно спокойно, но аналогичные писания доморощенных клеветников для меня лично глубоко оскорбительны, ибо они незаслуженно чернят не только отдельных представителей разведки, но и целый коллектив. От истерических подчас «разоблачений» разведки в нашей собственной прессе исходит тот же аромат, что и от книги Форсайта.

В «Четвёртом протоколе» много всяких страстей. Человеческая жизнь, как представляет дело автор, в советской разведке не стоит ни гроша. Преследуемый английской полицией советский разведчик кончает жизнь самоубийством. Если на пути разведки стоят мешающие ей люди, их хладнокровно убирают. Пули у разведчиков, естественно, отравленные. Ну и, конечно, автор не мог обойти стороной известное утверждение о причастности КГБ к организации покушения на папу римского. Форсайт выступает скорее не как литератор, а как идейный борец с нашей внешней разведкой. Тут уже образовался довольно тесный творческий клубок. Предатель Гордиевский консультирует Форсайта и сам присутствует и действует в «Четвёртом протоколе» под фамилией Андреев, а затем Форсайт консультирует другого предателя, Кузичкина, и пишет восторженное введение к его книге «В стенах КГБ». Книга, по его мнению, «восхитительная», а сам предатель «верх обаяния» и, как всегда бывает в подобных случаях, занимал, конечно, «ключевую должность» в «самом сердце» разведки.

Действующих лиц в книге Форсайта довольно много. Здесь и английская аристократия, и умудрённые жизненным опытом руководители английских спецслужб, и английские разведчики и контрразведчики (естественно, большие патриоты и умницы), и английский вор, сочетающий в себе две ходовые профессии - домушника и медвежатника, но тоже большой патриот, когда дело доходит до шпионажа. Есть и руководители советской разведки, нелегалы, агентура. Упомянутый ранее перевербованный англичанами советский разведчик Андреев был «взят» на основе компрометирующих его материалов (фотодокументов о его интимной связи с японкой). Западные критики

нашей разведки и контрразведки метод вербовки агентуры на основе компрометирующих материалов считают антигуманным и даже варварским, а использование ими самими этого же метода считается делом законным и даже богоугодным.

В книге также выведены «хищный и злобный» глава нашего государства Андропов, «опустошённый, спившийся и запуганный» Ким Филби, упомянуты Джордж Блейк и некоторые другие люди, с которыми мне приходилось регулярно общаться по роду своей службы. Что из себя представлял Ю.В.Андропов, я уже написал. Понятно, что ничего общего с одиозной фигурой, вышедшей из-под пера Форсайта, настоящий Андропов не имел.

Джордж Блейк в книге только упомянут, но, естественно, в негативном контексте. О Блейке уже многое сказано и написано и у нас, и за пределами нашего государства, и сам он недавно написал интересную автобиографическую книгу «Иного выбора нет». В ней даны ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у самого взыскательного читателя, интересующегося удивительной жизнью этого человека.

Для меня Джордж Блейк - не только борец с фашизмом, человек, неустанно искавший на своём жизненном пути идеалы добра и справедливости, но и интересный собеседник, товарищ и коллега по работе.

В одной из бесед с ним мы неожиданно обнаружили в наших биографиях общую страницу: и в его, и в моей жизни многое было связано с Египтом. В юности Блейк жил и воспитывался в доме своих родственников в Каире, а самым близким ему человеком в идейном отношении был его двоюродный брат Анри Кюриэль, такой же правдоискатель, как сам Джордж Блейк. Поиски правды привели Анри Кюриэля к изучению коммунистических идей, и он стал, по существу, первым египетским коммунистом и создателем первой египетской коммунистической организации. Анри Кюриэль считал, что выход Египта из состояния рабства, бедности, невежества и мрака только в построении социалистического общества. И дело здесь не в том, насколько Кюриэль был реалистичен в своих взглядах, а в его стремлении бескорыстно служить трудящимся Египта, искать пути обновления страны. Среди моих каирских знакомых первого периода были люди, лично знавшие Анри Кюриэля, жавшие ему руку и получившие от него знания о социализме.

Кажется, Блейк очень удивился, когда в разговоре на ближневосточные темы я упомянул о его брате. В своё время имя Анри Кюриэля было известно в Египте, и я, готовясь в первую командировку туда и изучая историю общественно-политических течений, всё время наталкивался на упоминания о нём.

Регулярно мне приходилось встречаться с Кимом Филби - человеком из знаменитой «пятёрки», входившей в алмазный фонд советской внешней разведки. Филби тоже успел выпустить в 1968 году книгу «Моя тайная война», и мне нет необходимости подробно рассказывать о нём. До

конца своих дней Филби увлечённо работал, давал ценные консультации советским разведчикам. Когда он появлялся в президиуме какого-либо собрания, присутствующие в зале вставали и долго ему аплодировали. На мою долю выпала печальная миссия стать 13 мая 1988 года председателем комиссии по организации похорон Кима Филби. Проводить Кима Филби в последний путь пришли разведчики разных поколений, приехали из Англии его дети, собрались иностранные корреспонденты. Выступавшие на траурной церемонии рассказывали о жизненном пути знаменитого разведчика, о его неоценимых заслугах перед нашим государством, а я в последний раз всматривался в лицо Кима Филби. На нём уже не было привычной нам застенчивой улыбки. Но всё равно это было лицо благородного, интеллигентного и мудрого человека, обладавшего всеми теми качествами, которыми не наделены иные сочинители шпионских романов и их консультанты из числа перебежчиков.

Разведка: мифы, легенды и просто выдумки

Легенд, измышлений и просто чепухи о советской и российской разведке уже поведано миру немало. Борманы, Мюллеры, Оппенгеймеры, Гопкинсы, Радзивиллы, Ольги Чеховы и другие известные лица в качестве наших суперагентов. Агентура НКВД из числа руководителей фашистской Германии. Советский разведчик в чине капитана на должности адъютанта Гитлера, сидевший с ним долгие годы в одном бункере, получивший звание Героя Советского Союза и погибший в застенках Лубянки после войны. Борман, захороненный без почётного караула на одном из московских кладбищ!.. Дальше - больше! Патологическая жажда сенсаций водружает на рабочий стол председателей КГБ череп Гитлера, а в кабинет Ленина в Кремле (строго по описи) - заспиртованную голову Николая П. Страшно, аж жуть!

Но одно дело зарабатывающие себе на жизнь сенсациями журналисты, а другое - Серго Берия, который выступает сам как бы в роли первоисточника: уж он-то знает все доподлинно - ему сам папа - всесильный и все знающий Лаврентий Берия - рассказал. Папа, однако, не имел права и не должен был ничего автору рассказывать. Таким всегда был жёсткий и строгий регламент поведения чекиста в этом вопросе. Ни дети, ни другие родственники ничего не знают о конкретной деятельности своих отцов, не говоря уже о святая святых - агентуре. А тут получается совсем иная картина: расслабившийся и потерявший всякую бдительность Берия-старший якобы открывает в 1938 году своему 14-летнему сыну все государственные тайны. Впрочем, я не собираюсь последовательно, шаг за шагом опровергать небылицы, которые содержатся буквально на каждой странице книги Серго Берия «Мой отец -. Лаврентий Берия». Это бессмысленный и никому не нужный труд. Помимо ссылок на рассказы отца, автор ссылается также на свои разговоры с ныне покойными людьми, на сомнительной достоверности мемуары, на сообщения прессы. То есть спорить не с кем и опровергать

некого.

Своей задачей я ставлю лишь прокомментировать то, что автор пишет о советской разведслужбе и, в частности, о якобы существовавшей «советской стратегической разведке» , «бессменным и непревзойдённым руководителем» которой был, по утверждению сына, сам Лаврентий Берия.

Парадоксальность этой задачи заключается в том, что если раньше мне приходилось писать о клевете на отечественную разведку со стороны иностранных авторов, доморощенных злопыхателей, а также расплодившихся, как клопы в старой перине, лиц с двойным гражданством, то теперь приходится опровергать утверждения, написанные, казалось бы, во славу советской разведслужбы.

По началу придётся сделать несколько отступлений от этой главной темы.

Прежде всего надо ответить на вопрос, зачем Серго Берия упоминает фактически на каждой странице своей книги советскую разведку? Книга, это очевидно, написана с единственной целью: всеми мыслимыми и немыслимыми средствами обелить Лаврентия Берию, а разведка приплетена сюда для того, чтобы показать читателю, что он занимался не только массовыми расстрелами, депортациями целых народов, испытанием ядов на живых людях, интригами и борьбой за власть, сколько благородным делом - руководством разведкой и особенно его тайным детищем- всемогущей, всепроникающей, знавшей все тайны мира, срывающей все коварные замыслы противников советской стратегической разведкой. Причём генеральный комиссар государственной безопасности, а затем маршал Советского Союза Берия, по утверждению автора, не только лично руководил этой разведкой, не только с её помощью поддерживал тайные контакты со многими государственными деятелями иностранных держав, но и сам, лично вербовал в свою сеть агентов, в частности Кима Филби. (Вот бы удивился покойный Филби, узнав, наконец, кто сидел с ним на скамейке лондонского парка во время вербовочной беседы.)

Во всей книге «Мой отец -Лаврентий Берия» есть, по существу, один реальный факт, который нельзя опровергнуть. Это то, что Серго Берия, сын Лаврентия Берии, сохранил добрые сыновние чувства к родителю. Всё остальное - от лукавого.

Автор тщится доказать, что в советском руководстве единственным порядочным, культурным, разносторонне развитым и к тому же гуманным человеком был Лаврентий Берия, а все остальные - интриганы, карьеристы, склочники и палачи. Из этого мрачного списка автор исключает только рано ушедших из жизни Кирова и Орджоникидзе, родственников которых тоже впоследствии уничтожили. Кто бы это мог сделать, спрашивается?..

В пылу полемики автор называет и главных палачей, и главных развратников. Оказывается, главным советским палачом был не Берия, а

Жданов, а главным сексуальным бандитом - опять же не Берия, а сам вождь, товарищ Сталин. А Лаврентий Павлович, совсем наоборот, был прекрасный семьянин, любящий муж и отец, и у него была лишь одна связь с невинной девушкой, от которой он имел ребёнка...

А как же десятки жертв, затащенных бериевскими холуями в его постель, о которых поимённо говорилось в судебных материалах по делу Берии? А куда же девался личный адъютант Берии полковник Саркисов, рыскавший по всей Москве в поисках живого товара для Берии? Куда всё это исчезло, спрашивается? А сама технология этого дела? Ведь в нём-то и проявился настоящий разведывательно-оперативный талант наркома. Мужа намеченной жертвы ссылали и уничтожали как «врага народа», ненужного родственника, который путался под ногами, отправляли в дальнюю командировку, а потом лично сводник в полковничьих погонах затаскивал жертву в машину и отвозил в известный особняк на углу Малой Никитской и Садовой-Кудринской.

Иногда, если «предмет» любви вела себя прилично, она награждалась драгоценностями, роялем и даже квартирой, ранее принадлежавшей «врагу народа». Много уже на эту тему было написано, а в последнее время стали появляться и мемуары любовниц Берии, где вся эта технология описывается во всех подробностях, что сводит на нет все потуги Серго Берии представить своего отца беспорочным ангелом. Кстати, книга Нины Алексеевой «Лаврентий Берия в моей жизни» по странной случайности появилась в 1996 году в том же издательстве «Современник», что и басни Берии-младшего.

Конечно, далеко не все любовные похождения самого сексуального из наркомов обнародованы. Когда началась война, на замену разведчикам, ушедшим на фронт, в аппарат разведки пришло немало молодых женщин, и кое-кто из них также приглянулся Лаврентию Павловичу. Конкретное руководство предполагает хорошее знание кадров!

После этих отступлений и эмоциональных всплесков перейдём к главной теме данного повествования - Берия и разведка, о чём пространно говорится в 4-й главе «В лабиринтах разведки».

Основная мысль упомянутой главы такова: Берия лично денно и нощно, из года в год пестовал своё детище - особо охраняемую «советскую стратегическую разведку», лично и через особо доверенных людей руководил всей её агентурой. Среди сотрудников этой сверхсекретной организации названы многие известные кадровые разведчики из разведывательного управления Генштаба Красной Армии и внешней разведки НКВД. В группу «особо ценных агентов» Берия-младший включает и немало людей, вообще никогда не имевших отношения к советской разведслужбе.

Мне представляется, что начать, очевидно, надо вот с чего: в действительности Лаврентий Берия делами разведки специально не занимался, её проблем, принципов работы не знал и в целом имел

искажённое представление о её возможностях и практической деятельности. Более того, он считал, что советские разведывательные структуры засорены предателями, иностранными шпионами и им просто опасно доверять. Попутно отметим, что и все другие руководители органов госбезопасности повседневно и глубоко делами разведки не занимались. У них не было на это времени. Все их усилия уходили на дела внутренние, на борьбу с оппозицией, с инакомыслящими, с диссидентами. Все главные интересы наркомов, министров и председателей госбезопасности были сосредоточены в высших государственных сферах и касались в основном интриг и подковерной борьбы в коридорах власти.

Исключение нужно сделать лишь для Юрия Владимировича Андропова, который постоянно интересовался делами в разведке, регулярно встречался с начальниками её подразделений, резидентами, нелегалами.

В бериевские времена разведка не имела даже статуса самостоятельного управления, она не могла докладывать свою информацию непосредственным руководителям государства и, наконец, была крайне малочисленна.

Когда разведслужба стала управлением в системе НКВД, её центральный аппарат насчитывал всего 248 человек (август 1941 года). В ноябре 1941-го штат 1-го Управления НКВД был сокращён до 145 человек, в ноябре 1942-го - до 135 человек. В мае 1943 года центральный аппарат разведки увеличился до 197 единиц... Знал ли эти цифры Берия? Возможно, даже и не знал.

Таким было реальное положение разведки в системе нашего государства. И в то же время десятки тысяч сотрудников НКВД выполняли функции по охране членов Политбюро ЦК ВКП(б), наркомов, руководителей областного, республиканского и общесоюзного масштаба. На эти структуры Берия денег не жалел. Если подсчитать, сколько человек находилось в личном услужении у чекиста № 1, то их, конечно, окажется значительно больше, чем в центральном аппарате разведки: помощники, адъютанты, личные охранники при сопровождении, в особняках, на дачах, повара, официанты, медперсонал, шофёра и, наконец, упомянутый уже полковник Саркисов, выискивавший на улицах и в учреждениях Москвы новых наложниц. Не один он занимался этой работой, у него была целая банда помощников, и работа велась посменно. Так что разведка по численности никак не могла тягаться с этим контингентом!

Кадровая политика Берии хорошо видна на примере тогдашней главной резидентуры в Берлине. Все пять разведчиков, которые в предвоенные годы поддерживали контакты с разведгруппой «Красная капелла»[1], были репрессированы. Резидентом же в Берлин был направлен Амаяк Кобулов, брат заместителя Берий Богдана Кобулова. Новый резидент никакого отношения к разведке не имел, внешней политикой никогда не занимался и имел образование в объёме 6 классов. На замечания Центра он реагировал нервно и раздражительно и требовал от

начальника разведки избавить его от нравоучений из Москвы. Назначение Берией Амаяка Кобулова резидентом в Берлин было ценным подарком для Гитлера. Немецкие спецслужбы при личном руководстве со стороны фюрера подвели к резиденту своего агента («Лицеиста»), которому резидент верил безоглядно, и, таким образом, за несколько месяцев до нападения Германии на СССР немцами был создан надёжный, безотказно действующий канал, по которому дезинформация через Берию поступала к Сталину.

Не доверяя кадровым сотрудникам разведки, Берия проводил служебные разговоры с лучшими её представителями в провокационном тоне, грубо и оскорбительно, ничем не отличаясь в лучшую сторону от своих предшественников Ягоды и Ежова.

В памяти ныне здравствующего ветерана разведки остались на всю жизнь впечатления от разговора Берии со знаменитыми нелегалами В.М.Зарубиным и И.А.Ахмеровым. В присутствии упомянутого, молодого тогда, ветерана Берия задавал нелегалам одни и те же вопросы: «Сознавайся, где и когда тебя завербовали иностранные разведки!», «Говори правду, мы все о тебе знаем!» - и тому подобное.

Серго Берия вводит в заблуждение своих читателей и в вопросе о том, как его отец руководил разведкой, нацеливая её на добычу секретов атомного оружия, создаваемого на Западе. Дело как раз обстояло совсем наоборот: разведка начала работу по атомному проекту не по указанию Берии, а вопреки его команде не заниматься пустяками. На

[1] Под таким названием вошла в историю разведывательная сеть, созданная в предвоенные годы разведуправлением Красной Армии и внешней разведкой НКВД на территории гитлеровской Германии и оккупированных ею европейских государств. На жаргоне немецких контрразведчиков радист - «музыкант». После начала войны против СССР начали работать более 10 раций - целый «оркестр» или «капелла». А поскольку они были направлены на Москву, «капеллу» стали именовать «красной». первые донесения разведки о том, что на Западе началась работа по созданию атомного оружия, Берия отреагировал заявлением, что это дезинформация, которая имеет целью отвлечь наших учёных, работающих в области оборонной промышленности, от действительно важных дел. Об этом не раз рассказывали и писали ветераны разведки Герои Российской Федерации, непосредственно добывавшие секреты американской атомной бомбы, Л.Р.Квасников, А.А.Яцков, В.Б.Барковский и А.С.Феклисов.

Лишь когда информация о реальной возможности создания атомного оружия, полученная из разных источников - от разведки, от немецких военнопленных и от советских учёных, - взаимно подтвердилась, тогда, с большим опозданием, Сталин дал команду Берии заняться этой проблемой. Тут уж, надо сказать правду, Берия начал действовать энергично и навёрстывать упущенное.

Автор книги о своём печально знаменитом отце относит к его

заслугам и то, что советская разведка была оснащена прекрасной, не имеющей аналогов на Западе, радиоаппаратурой для связи со своими многочисленными агентами. Истина же состоит в том, что даже для связи с «Красной капеллой» мы не могли в 1940-1941 годах, несмотря на настойчивые просьбы резидентуры, получить средства радиосвязи. Когда же буквально за несколько дней до начала войны была наконец прислана одна примитивная радиостанция, то её мощности хватило лишь до Бреста, который в самом начале военных действий захватили немцы.

За последние годы уже многое было рассказано о героических делах советской внешней разведки накануне и во время второй мировой войны. Но российская общественность также узнала очень многое о слабостях, недостатках и ошибках нашей разведки, и конечно, Серго Берия, готовясь написать книгу, не мог не читать всего этого. Тогда перед ним, вероятно, и встал вопрос, о чём же писать? Где взять неопровержимые доказательства мощи советской разведки и крайне необходимые ему материалы о решающей роли Берии в создании и руководстве нашей разведкой?

Тут-то автору и приходит на ум спасительная мысль: надо создать миф о тайной, глубоко законспирированной «советской стратегической разведке». Перечитав все публикации в западной и нашей прессе о якобы существовавших полчищах агентов советской внешней разведки, собрав в кучу все называвшиеся имена, автор скопом зачисляет их в агентуру «стратегической разведки». Здесь и артистка Ольга Чехова, дружившая с Евой Браун и, следовательно, вхожая к самому Гитлеру; здесь и знаменитая венгерская кинодива Марика Рёкк, которой сильно симпатизировал министр пропаганды Геббельс; здесь и польский граф Радзивилл, которого принимали видные государственные деятели европейских стран; здесь и усыновлённый Максимом Горьким брат Я.М.Свердлова, ставший полным генералом французской армии, - Зиновий Пешков; здесь и помощник президента США Гарри Гопкинс и многие другие...

Все упомянутые личности никакого отношения к советской разведке никогда не имели.

Тем не менее Берия-младший, не моргнув глазом, утверждает: его отец поддерживал связь с ними и с помощью этих доверенных лиц установил контакты с многими высокопоставленными деятелями капиталистических государств.

Элементарный арифметический подсчёт свидетельствует: в «стратегической разведке», о которой пишет Серго Берия, должно было быть по меньшей мере несколько тысяч человек. Это работники центрального аппарата, оперативные работники «в поле» - нелегалы и сотрудники официальных советских учреждений, курьеры, «техники», изготавливающие необходимые для легализации документы, содержатели прикрытий конспиративных квартир и «почтовых ящиков», радисты, шифровальщики, аналитики и сотрудники информационных структур, архивисты и лица других разведывательных профессий. Где все

они? Где их бумажная продукция в виде бесценных документов? Где воспоминания очевидцев? Куда все это успел спрятать Лаврентий Берия? Не осталось ни одной бумаги, ни одного человека, ничего... Но живёт зато на каждой странице книги Берии-младшего непревзойдённый, неустанный, героический, «державший в своих руках полтора десятилетия все нити советской разведки» создатель и вдохновитель стратегической разведслужбы СССР Лаврентий Берия.

Легковерный читатель может представить себе потрясающие картины, как Ольга Чехова и Марика Рёкк с мансард или из подвалов своих особняков передают по рациям все планы наступления гитлеровцев на советско-германском фронте в Москву, как Зиновий Пешков отрывается от немецкой и французской наружки и выходит на встречу с советским нелегалом в форме штандартенфюрера СС (вспомните легендарного Штирлица!); как Гарри Гопкинс, подло обманывая инвалида-президента, выдаёт его секреты секретной службе Кремля...

«Не буду скрывать, - заявляет автор, - что среди выдающихся советских разведчиков, кроме Кима Филби, было немало и других подданных её величества».

«Не буду скрывать»! Какая самонадеянность! Кто это говорит? Бывший начальник разведки или сам сталинский нарком?

И последнее, что успел сделать Лаврентий Берия в разведке (это уже было на моих глазах). Объединив после смерти Сталина в своих руках МВД и МГБ, Берия начал реорганизацию разведки. Прежде всего он отозвал из загранкомандировок почти всех резидентов и около половины оперработников и начал производить новые назначения. Массовый отзыв резидентов означал их расшифровку перед спецслужбами противника и полную дезорганизацию служебной деятельности резидентур. В разведке вновь наступила полоса неуверенности, нестабильности, подозрительности... Подавляющее большинство отозванных из командировок разведчиков так и не смогли возвратиться на прежнее место работы. Эта акция Берии в обвинительном заключении по его делу, естественно, была квалифицирована как должностное преступление.

Исчерпав, наконец, весь запас басен, анекдотов и выдумок о разведке, автор книги «Мой отец - Лаврентий Берия» вдруг совсем неожиданно разражается главой «Тайна великой княгини». Речь, разумеется, идёт о дочери царя Николая II Анастасии, которая в очередной раз избежала гибели. Прямого отношения к разведке эта глава не имеет, но я не могу лишить себя удовольствия обратить внимание читателей на ещё одно «открытие» Берии-младшего. Впрочем, оно логично и естественно вписывается в контекст его книги. Венцом всех откровений автора о таинственном спасении Анастасии можно считать описание его личной встречи с великой княгиней в Большом театре, на представлении «Ивана Сусанина» , через три-четыре года после окончания войны. Организовала эту историческую встречу мать автора, а смысл рассказанного тот, что Лаврентий Берия был не великим злодеем, а человеком, который мог позволить Анастасии приезжать в Советский

Союз и даже посещать Большой театр.

Много раз Серго Берия утверждает, что история все поставит на свои места и образ его отца засияет для будущих поколений во всей своей чистоте. Нет, этого не произойдёт. Приговор, вынесенный историей Лаврентию Берии, окончательный и обжалованию не подлежит. И вообще никакая история никому не в силах помочь и ничего уже не может изменить. Её полезно знать, к ней полезно возвращаться, чтобы избегать ошибок, но в ней невозможно найти путеводные нити и даже простые рецепты для будущего. Мир развивается стремительно, во многом непредсказуемо, и историческая наука, увы, не успевает объяснять, что же всё-таки с нами в действительности случается.

Впрочем, один раз на моей памяти история действительно все поставила на свои места. Дело было в моём родном городе Курске в незапамятные времена. Недалеко от нашего дома находилась улица Золотаревская. Названия улиц складывались исторически. Была слобода Стрелецкая, где во времена Ивана Грозного жили стрельцы. Была Ямская слобода, где селились ямщики. Была слобода Казацкая, где располагалось казачье воинство. И была улица Золотаревская, где жили со своими лошадьми и повозками золотари, которые выгребали дерьмо из городских уборных и вывозили его за город к местам назначения.

В год 1934-й от Рождества Христова, когда Генрих Григорьевич Ягода возглавил наркомат внутренних дел СССР, городские власти переименовали улицу Золотаревскую в улицу Ягоды. Когда же пришёл Ягоде срок идти на расстрел, его сменил на посту наркома Николай Иванович Ежов. Городские власти не стали ломать себе голову разными выдумками и, естественно, не зная, как дальше будет развиваться отечественная история, мгновенно переименовали злосчастную улицу в улицу Ежова. Тут вскоре появился на обложке журнала «Крокодил» и знаменитая карикатура художника Бориса Ефимова «Ежовые рукавицы». Молодой и даже красивый, с интеллигентным и мужественным лицом, Ежов давит рукавицей с острыми шипами свору извивающихся гадюк с отвратительными вражьими мордами - Троцкого, Бухарина, Рыкова и прочих вероотступников.

Ну, а в 1938 году очередной «главный исполнитель массовых репрессий» был расстрелян, и новые городские власти, пришедшие на смену прежним, тоже расстрелянным властям, опять переименовали бывшую Золотаревскую, бывшую Ягоды и бывшую Ежова в улицу имени товарища Берии.

В год смерти Сталина и ареста Берии несчастной кривобокой улице было, наконец, возвращено её историческое название - Золотаревская.

Пройдя по улице Золотаревской, вернёмся к книге Серго Берии. Она самым удивительным образом перекликается с нашумевшей книгой Павла Судоплатова «Разведка и Кремль». Одни и те же персонажи из скопища псевдоагентов свободно перемещаются из одной книги в другую, внедряя в сознание читателей уверенность в полной достоверности описываемых

явлений и событий.

В целом книга Судоплатова - это отнюдь не рядовое явление. Автор - сам участник нашей мученической истории, свидетель эпохальных событий от первых послереволюционных лет до победы советского народа во второй мировой войне, доживший до распада СССР и до нашего смутного времени, и к тому же человек, проведший долгие годы в заключении как ближайший сподвижник сталинского сатрапа Лаврентия Берии.

При внимательном чтении этих мемуаров сразу возникают три вопроса:

1. Кем они написаны?

2. С какой целью это сделано?

3. Какие материалы были использованы при их написании?

Начнём с того, что книга написана не самим автором, а группой дельцов, в которую входили американские граждане супруги Джеральд и Леона Шехтеры. Джеральд - журналист, хорошо известен в России, так как несколько лет возглавлял в Москве бюро журнала «Тайм», а Леона - предприниматель, владелица нескольких фирм, в том числе и литературного агентства. Рассматриваемое коллективное творение вначале вышло в США и, следовательно, учитывало запросы и интересы американского литературного рынка и политику Вашингтона. Впрочем, это не отрицает и сам Судоплатов. В предисловии к русскому изданию, вышедшему за месяц до его смерти, он пишет: «К сожалению, у меня не было иного выхода, как издать воспоминания первоначально на Западе, так как отечественные издатели намерены были их опубликовать только после консультации в «компетентных инстанциях». Я искренне благодарен Дж. и Л.Шехтерам, которые сделали литературную запись моих воспоминаний и помогли им увидеть свет». Этим, кажется, всё сказано. Вместе с американцами над составлением книги трудился и сын Судоплатова - Анатолий Судоплатов, профессор-экономист.

В чём состоят главные цели создателей книги? Со стороны Шехтеров - укрепить распространённые на Западе представления о советской разведке как о главном источнике зла на планете, а со стороны Судоплатовых - внушить читателям мысль, что Павел Судоплатов не входил в число ближайшего окружения Берии и не имел прямого отношения к испытаниям смертельных ядов на людях.

Какие материалы шли в ход при написании книги? Во-первых, всё, что писалось на Западе в разные периоды о деятельности советской разведки, было соответствующим образом обработано Шехтерами и освящено именем Судоплатова и «подтверждено» его «личным» участием. Во-вторых, авторами были использованы многочисленные архивные материалы органов госбезопасности СССР, которые были открыты после августа 1991 года, и на их основании были сделаны соответствующие интерпретации. В-третьих, Павел Судоплатов поддерживал тесные отношения с ветеранами органов безопасности и

разведки, и они кое-что рассказывали ему. Ну и, в-четвёртых, сам Судоплатов, несомненно, многое сохранил в своей памяти, хотя последние сорок лет жизни не имел никакого отношения к делам нашей разведслужбы. Анализ перечисленных в книге фактов конкретной разведывательной деятельности приводит к следующим выводам: примерно треть материалов соответствует действительности, вторая треть - это полуправда и, наконец, последняя треть - чистой воды выдумки. К выдумкам, в частности, относятся утверждения о принадлежности к агентуре советской разведки крупнейших учёных-специалистов американского ядерного проекта «Манхэттен» и, в частности, Роберта Оппенгеймера, а также Ольги Чеховой, польского графа Я.Ф. Радзивилла и многих других. Не соответствуют действительности и утверждения о сотнях агентов, внедрённых в особо охраняемые объекты западных стран, абсурдны фантастические суммы, выделенные советской разведке на организацию заговоров с целью свержения неугодных СССР режимов и ликвидации иностранных лидеров.

Появление книги Судоплатова вызывало в России много откликов, появились «очевидцы», которые нанизывали на измышления авторов свои собственные. Особенно муссировалась тема атомного шпионажа. В одной из телевизионных программ состоялась дискуссия на тему о том, как была создана атомная бомба в СССР. При этом, ссылаясь на материалы книги, участники передачи утверждали, что все ведущие американские учёные-атомщики являлись агентами НКВД. В этих условиях бездарным советским учёным во главе с Курчатовым ничего не приходилось делать самим, они лишь реализовывали сведения, которые доставлялись им мешками и содержали полную документацию по американской атомной бомбе. Досталось, конечно, и советским разведчикам, которые, не затрачивая каких-либо усилий, выполняли простейшую функцию почтальонов по отправке материалов «манхэттенского проекта» в Советский Союз. Эта ложь, думаю, в комментариях не нуждается.

На страницах 410 и 411 книги Судоплатова содержатся утверждения, что автор в 1953 году, будучи ещё заместителем начальника разведки, имел конкретный план задействования нелегальных резидентур для слежения за 150 основными западными стратегическими объектами в Европе и в Соединённых Штатах Америки и был готов вывести их из строя путём диверсий. Не здесь ли зарыта главная собака? Сто пятьдесят нелегальных резидентур с диверсантами! Вот, оказывается, чего надо было бояться и прежде, и сейчас! Вот почему не надо жалеть денег на разведывательное сообщество США! Вот почему неуклонно надо двигать НАТО к границам России! Компетентные люди и в разведке, и за её пределами, конечно, без большого труда разобрались, что из себя представляют книги Серго Берии и Павла Судоплатова и какие цели преследовали их авторы. Очень точный и глубокий анализ этих книг сделал ветеран внешней разведки, ныне литератор и журналист Виталий Геннадиевич Чернявский в газете «Деловой мир» от 20 мая 1995 года. Наши выводы полностью совпадают. Материалы В.Г.Чернявского ценны ещё и тем, что он работал в разведке, и именно по Германии, в военные

годы и имел непосредственный доступ к тем сведениям, на которые ссылаются авторы упомянутых книг.

Возникает и законный вопрос, а есть ли вообще какая-либо польза от рассматриваемых здесь книг? Как это ни удивительно, определённая польза все же есть. Она заключается в том, что специалисты разведки, отталкиваясь от материалов книг, могут проверить достоверность всех изложенных фактов, открыть для себя новые страницы истории внешней разведслужбы и понять, с какой целью запускается та или иная дезинформация. Так что нет худа без добра.

Ряд интересных материалов у Судоплатова содержится, в частности, в главе «Разведка в военное лихолетье». Здесь он наиболее компетентен, так как во время войны был начальником 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД, сотрудники которого проводили боевую работу на советской территории, оккупированной немцами. В этой главе Судоплатов назвал многих сотрудников своего управления, совершавших героические подвиги во время Великой Отечественной войны. Надо сказать правду, что большинство оставшихся в живых сотрудников 4-го Управления с любовью и уважением вспоминают П.А.Судоплатова, и если бы не его книга, написанная американскими руками, то он остался бы в памяти разведчиков-партизан истинным героем Отечественной войны, тем более что за героизм, проявленный во время войны, отпускаются все грехи: и прошлые, и будущие.

В 1991 году в нашей стране произошли кардинальные изменения на книжном рынке. Классику и вообще серьёзную литературу отодвинули на задний план книги ужасов, порнография, дешёвые детективы, астрология, мистика и многочисленные пособия, которые гарантируют читателю овладение английским языком за несколько месяцев и даже недель, и, конечно, мемуары, мемуары и мемуары... Если раньше воспоминания разрешалось писать маршалам Советского Союза, командующим фронтами, изредка - командующим армиями и «выдающимся деятелям международного коммунистического и рабочего движения», то теперь мемуары можно писать всем, и все их пишут. Мне кажется, что большинство этой мемуарной продукции только запутывает историю, так как авторы, как правило, ссылаются на покойников, изобличают ушедших в мир иной, спорят с ними и каждый полностью оправдывает себя. Он, мемуарист, дескать, все видел, все понимал, всем возмущался, всегда страдал и даже сигнализировал о недостатках, но вышестоящие начальники его не слушали, ничего не понимали и продолжали разваливать государство, Думаю, что большинство авторов мемуаров склонны переоценивать значение своей продукции. Вот он сочинил мемуары, пригвоздил своих противников к позорному столбу, поддержал единомышленников, провозгласил истину в последней инстанции, полностью очистился таким образом от скверны и обвинений в свой адрес и успокоился... А что же дальше? А дальше ничего! Читают мало, а главное, уже не верят никакому печатному слову, равно как и голосам из телевизионных ящиков. Трудно нынче писать, но всё-таки надо.

Вот и Служба внешней разведки пишет очерки своей запутанной истории.

Авторский коллектив, состоящий из ветеранов нашей разведслужбы, уже несколько лет работает над «Очерками истории российской внешней разведки». Написать историю своей службы без идеологической зашоренности, без привычных штампов, без устоявшихся лозунгов и, главное, без исторических ошибок чрезвычайно трудно. Мне кажется, что написать историю какого-либо общественного явления одному человеку в наше время вообще не под силу. Один отдельно взятый человек не может быть абсолютно объективным, ибо у него есть политические пристрастия, свой индивидуальный взгляд на исторические события. Нельзя доверять и очевидцам, если рядом с очевидцем нет свидетелей, нельзя полностью доверять и документам, так как документы тоже составляются людьми и очень часто по прямому указанию начальников с заранее сформулированной основополагающей политической концепцией. Поэтому создать более или менее объективную историю может в наших условиях только коллектив, в котором люди придерживаются разных взглядов на одно и то же явление, где идут бесконечные споры, борьба мнений, а главное, проводится бесконечная и изнурительная проверка фактов.

Мне кажется, что наш коллектив именно так и работает, развеивая басни, легенды и ложные утверждения об отечественной разведке.

О наших союзниках

Дружба с сотрудниками восточноевропейских разведок, в частности с представителями ГДР и ЧССР, завязалась у меня в Египте в 1970 году. Отдельные встречи имели место и раньше, но настоящие товарищеские отношения установились именно в Каире.

К тесному общению друг с другом подталкивала необходимость взаимной проверки полученных сведений и обмена аналитическими оценками неустойчивой и чреватой неожиданностями обстановки. Прежде чем посылать сообщения в Берлин, Прагу или Москву, особенно те, которые вызывали сомнения, полезно было посоветоваться с друзьями. В кризисных ситуациях, например, во время октябрьской войны 1973 года, встречи происходили ежедневно.

На Западе давно сложилось мнение о полной подчинённости разведок восточноевропейских стран интересам КГБ СССР. Хочу это мнение оспорить. Не исключаю, что в период создания разведок союзных стран с помощью советских спецслужб могли возникнуть перекосы. Сторона, выступающая в роли наставника и учителя, склонна требовать отчёта в усвоении уроков на практике. Однако по мере укрепления разведок восточноевропейских стран наши отношения становились всё более партнёрскими и равноправными. По крайней мере в моей личной работе не было случая, чтобы я и мои коллеги ставили друзьям задания в приказном порядке или толкали их на какие-либо действия против их

воли. Установки, получаемые из Центра, были также полны предупреждений о соблюдении особой деликатности и тактичности при поддержании контактов с друзьями. Отношения с каждой из восточноевропейских стран имели, естественно, свою специфику. Наиболее тесные и многосторонние контакты поддерживались с разведкой ГДР. Далее по степени интенсивности взаимодействия я поставил бы Болгарию, затем ЧССР, Венгрию и Польшу. Постоянных контактов с Югославией и Румынией, вопреки утверждениям специалистов по КГБ в США и других странах НАТО, у нас с первой, начиная с конца 40-х годов, а со второй, спустя десять лет, вообще не было.

Думаю, что сейчас, после коренного изменения обстановки в мире, международная общественность имеет возможность получить достоверную информацию о характере союзнических отношений между разведкой СССР и разведками стран Восточной Европы. Мои друзья, сотрудники разведок ГДР и ЧССР в Каире, скромные и порядочные люди, верили в прогрессивность социалистической идеи и честно служили своим государствам. Можно ли теперь ставить это им в вину?

Из немецких товарищей наиболее тесные отношения сложились у меня с Францем Т. и Берндом Ф. Общение с первым несколько затрудняло недостаточное знание им иностранных языков. Мы объяснялись на какой-то мешанине немецких, английских, арабских и русских слов, при помощи мимики и жестов, а иногда даже при помощи схем и рисунков. В конце концов мы всё-таки договаривались по любому вопросу, поскольку были единомышленниками. Любопытный факт. Я заметил, что Франц пользуется странным запасом русских слов типа «цап-царап», «пайка», «нары». Это своеобразие лексики побудило меня однажды поинтересоваться, не был ли он, случаем, у нас в плену. Франц ответил утвердительно.

Здесь уместно сказать об отношении немцев вообще к пребыванию в плену в СССР. Я разговаривал на эту деликатную тему с немцами в обеих Германиях (один из руководителей разведки ГДР тоже трудился, будучи военнопленным, на восстановлении разрушенного Минска) и всегда получал однотипные ответы: мы рады, что оказались в плену, иначе погибли бы на фронте; с нами обращались вполне по-человечески; вопреки фашистской пропаганде, не было ни насилия, ни издевательств; и, наконец, мы видели, как голодает и как плохо живёт русский народ, и ценили ту пайку, которую он выделял нам из своего скудного котла.

Бернд уже тогда, в Каире, будучи совсем молодым, имел солидное образование, хорошо знал несколько языков и очень быстро стал опытным разведчиком. Моё общение с ним продолжалось затем и в Берлине, и в Москве. Встречались мы и семьями. Возможно, больше нам не доведётся встретиться, но друг есть друг, и человеческой памяти свойственно хранить все хорошее, что было в прошлом.

Я рад, что почти все мои друзья из ГДР побывали в моём доме и даже успели пообщаться с моей матерью. Мать при этом, естественно,

вспоминала свою жизнь в оккупированном Курске и рассказывала про попавшихся ей «хороших немцев» (двоих пожилых солдат-хозяйственников, которые были определены на постой в наш дом). Один из них по собственному желанию вскопал ей огород, а другой, случайно увидев мою фотографию в форме курсанта школы ВВС, стал успокаивать перепугавшуюся до смерти мать: «Ничего, он ещё молодой... Война скоро капут, он вернётся, не бойся, матка!»

Из всех многообразных впечатлений от частых поездок в Восточную Германию и от общения с немецкими коллегами хочется выделить три наиболее, как мне кажется, характерных момента. Первое, разумеется, немецкая дотошность и пунктуальность. Все намечаемое ими к переговорам выполнялось обязательно, безукоризненно и до мельчайших деталей. Второе - умение принимать гостей. На всех наших маршрутах нам вручались сувениры, проспекты, программки, книги, книжечки, открытки, значки. Кто-то пел, кто-то показывал фокусы, кто-то играл на аккордеоне. Работа, отдых, поездки - всё было спланировано на самом высоком уровне. Третье - это способность отключиться от дел, от сложных проблем и отдаться полному отдыху, не думая ни о чём, что может омрачить часы веселья. Нам это почему-то никогда не удавалось.

В силу служебных обязанностей я знал все руководство разведки ГДР и обо всех без исключения сохранил самые лучшие воспоминания. Эти мои чувства разделяют и мои товарищи по службе в российской разведке. Не стану перечислять здесь имена и фамилии. Не хотелось бы, чтобы наши многолетние товарищеские отношения обернулись для них какими-то негативными последствиями.

Последний раз я посетил Берлин в октябре 1988 года во главе делегации на многостороннем совещании руководителей разведок социалистических стран, но об этом чуть позже.

Из представителей разведки ЧССР я знал в Каире и постоянно общался с покойным уже Франтишеком Шнайдером и его коллегой Владимиром Г. Франтишек, человек очень чувствительный, остро реагировал даже на малейшие обиды или неприятности, а его жена Мария была воплощением доброты и гостеприимства. Она часто вспоминала, при каких обстоятельствах погиб её отец. В 1945 году, в конце войны, он выпивал вместе с советскими солдатами, они хватили какой-то отравы вроде метилового спирта, и все скончались в муках. Мария рассказывала об этой трагедии со смешанным чувством горечи и гордости. В том, что отец погиб и был похоронен вместе с советскими солдатами-освободителями, ей виделось что-то сближавшее нас.

Владимир, в отличие от своего старшего товарища, был человеком оптимистического склада, весёлого нрава и удачливым во всём. Умел работать, умел и веселиться. Жену его звали Таня. Лишь по прошествии нескольких лет знакомства и общения семьями как-то в разговоре выяснилось, что это имя она взяла себе, когда училась в средней школе, прочитав роман Ажаева «Далеко от Москвы». В классе говорили, что она похожа на героиню этого романа Таню.

Володя очень любил рассказывать об одном случае из того времени, когда он учился в Москве на курсах при нашей Высшей школе госбезопасности. Их учебная группа повадилась ходить в ресторан «Берлин» (ныне опять «Савой»), куда одно время пускали только иностранцев. Володя как-то на несколько шагов отстал от группы и подошёл к «Берлину», когда приятели уже скрылись за входной дверью. Швейцар, загородивший мощной фигурой вход, со знанием дела заявил: «Не положено!» Володя на хорошем русском языке начал доказывать, что он - иностранец. На это многоопытный страж ответствовал: «У иностранцев таких морд не бывает!» Это тоже нас как-то сближало...

Чехословацкие друзья постоянно вспоминали 1968 год: кто и как вёл себя тогда, кто был прав, кто виноват. Эти разговоры вызывали во мне тяжёлые мысли. Вспоминая, как в мае 1945 года нас встречали в Чехословакии цветами и объятиями, скромным, но от души предложенным угощением, я размышлял, как могло случиться, что пришлось вводить наши войска в Чехословакию. Умом я ещё был в состоянии осмыслить ситуацию, но сердцем принять не мог и чувствовал, что за эту акцию прощения не будет.

События 1968 года серьёзно осложнили и обстановку в чехословацкой разведке: началась частая смена руководящих кадров, появились подозрительность и недоброжелательность в отношении друг к другу, копились взаимные обиды. Обиженным и неустроенным оказался и мой каирский друг Франтишек. Он был рано отправлен на пенсию, очень уязвлён этим, на него неумолимо наступал рак, и на последней нашей встрече в Праге он всё время плакал и говорил жалкие слова: «Все меня забыли, Вадим, свои забыли, а ты вот не забыл, нашёл меня».

Переговоры и обмен мнениями и информацией с чехословацкими коллегами проходили не столь интенсивно и скрупулёзно, как с немцами, детали так не разжёвывались, но проблем по части взаимопонимания никогда не возникало. В Чехословакии, как и в ГДР, было много дружеских и сердечных встреч и поездок по стране.

Владимиру, большому бонвивану, в Праге были известны все места, где приготовляли чудеса кулинарного искусства, и к тому же он отлично знал Гашека. Меня он тоже представлял своим знакомым большим специалистом по Швейку. Чтобы не оказаться в неудобном положении, я был вынужден перед каждой поездкой в ЧССР заново перечитывать похождения бравого солдата.

Случаев вспоминать Швейка было множество...

Однажды прекрасным майским днём 1975 года мы поехали в Конопиште, в замок-музей австрийского престолонаследника, эрцгерцога Франца Фердинанда, в убийстве которого, как известно, сознался Швейк. («„Я только что сознался, - заявил он сокамерникам, - что, может быть, это я убил эрцгерцога Фердинанда». - И все шесть человек в ужасе спрятались под вшивые одеяла».) Десять залов огромного, содержащегося в прекрасном порядке замка, отведённые под музей,

заполнены охотничьими трофеями Фердинанда: головами животных, чучелами птиц и зверей и бесчисленным количеством рогов.

Путешествуя по всем странам мира, Фердинанд в основном занимался охотой и убил лично, как свидетельствовали работники музея, около 300 тысяч животных. Убивал даже слонов в Индии. Похоже, это был патологический убийца с водянистыми, рыбьими, судя по портретам, глазами. Он бы и ещё продолжал убивать, если бы его самого на пятьдесят первом году жизни не подстрелил в Сараеве Гаврило Принцип, ставший национальным героем Югославии. В специальной витрине лежала одна из пуль, поразивших эрцгерцога. Гид весьма торжественно назвала эту пулю «первой пулей первой мировой войны». Мой вопрос, не хранится ли у них и первая пуля второй мировой войны, почему-то развеселил её. А мне подумалось: главное - не было бы первой ракеты третьей мировой войны!

В мае 1977 года я возобновил своё знакомство с Венгрией, начавшееся тридцать два года назад. С января по апрель 1945 года мы вели бои в Венгрии, очищая её от немецко-фашистских войск, а затем, после окончания военных действий в Австрии и Чехословакии, я служил до конца 1945 года в самом Будапеште в составе Центральной группы войск. Воспоминания о том периоде сохранились довольно смутные и отрывочные. Помню тяжёлые бои под Балатоном, то быстрое, то медленное продвижение по стране в сторону границы с Австрией. После освобождения города Сомбатхей наша дивизия вошла в Австрию у города Кесег.

Деловые встречи с руководством венгерской разведки в 1977 году проходили продуктивно и спокойно, в атмосфере товарищества и взаимопонимания. Венгерские друзья сетовали на свои ограниченные возможности за рубежом и главное внимание уделяли европейским делам, в частности своим ближайшим соседям, что было вполне естественно. Наши оценки развития событий в различных районах мира венгры воспринимали с большим интересом.

После окончания переговоров я попросил провезти нас по тому пути, который прошла наша дивизия в 1945 году. У меня долгое время хранилась боевая карта того времени, носил я её в голенище сапога, и она давно истёрлась, истлела и распалась на куски, но я успел вовремя списать маршрут нашего движения. Никаких следов войны мне не удалось обнаружить. Все города, посёлки и деревни давно отстроились заново. Вместо прежних унылых крестьянских дворов, где в один ряд и под одной крышей стояли жилой дом, хлев, сарай и прочие хозяйственные постройки, мы увидели добротные каменные дома, похожие скорее на городские. О прежнем облике городов напоминали лишь многочисленные соборы. Казалось, только они и сохранились от военного времени, а всё остальное построено уже после войны.

А Будапешт изменился мало. Он и во время войны умудрялся оставаться красивым городом. Бросалось в глаза множество маленьких детей. Нам объяснили, что правительство установило значительные

льготы семьям, имеющим детей, с целью увеличить рождаемость в стране. Эта мера быстро дала положительные результаты. Нарядные здания, многократно воспетый Дунай, маленькие нарядные дети - всё это создавало впечатление, что Будапешт готовится к какому-то празднику. Впечатление это усиливалось постоянно звучавшей музыкой Легара и Кальмана, слушать которую на её родной земле приятнее, чем где бы то ни было.

Многие из сотрудников разведки, с которыми мы познакомились в Будапеште, отличались помимо высоких профессиональных качеств чувством юмора и любовью к шутке. Тут мы узнали про некоего шалуна Морицку, с которым всё время случались хотя и не очень приличные, но зато забавные истории.

Про одного из своих коллег Иштвана Н., в прошлом рабочего Чепельского завода, который был внушительного вида, венгры говорили так: «Он всё время заслоняет солнце от партии».

Встречи с венгерскими коллегами в Будапеште и в Москве всегда оставляли хорошее впечатление, хотя, возможно, здесь было меньше проявлений дружеских эмоций, чем в Болгарии, Восточной Германии и Чехословакии.

Надо сказать, что в откровенных разговорах с нами восточноевропейские друзья часто критиковали свои порядки. Доставалось и Хонеккеру, и Кадару, и Гусаку, и особенно Живкову. Сочувственно выслушивая критику, мы вместе с тем видели, насколько жизненный уровень населения во всех этих странах выше, чем в нашей. Это, с одной стороны, наводило на невесёлые размышления, а с другой - мешало отнестись к словам друзей с той серьёзностью, которой они заслуживали.

С Польшей наши отношения по линии разведки не носили всеобъемлющего характера. Внутренние трудности не позволяли руководству Польши уделять много внимания разведывательной службе. Но, определив для себя наиболее перспективные направления разведывательной деятельности, поляки взаимодействовали с нами вполне успешно. Знакомых у меня в Польше было немного, но те польские коллеги, с которыми я регулярно встречался, были очень симпатичными людьми.

В 1980 году, когда мне представилась возможность побывать в Польше с рабочим деловым визитом, я ехал туда с особыми чувствами. Дело в том, что в детские и ранние юношеские годы, когда мои познания о странах Восточной Европы были весьма туманными и складывались главным образом через коллекционирование почтовых марок, Польша была, пожалуй, единственной из этих стран, о которой я имел какое-то определённое представление. На родине, в Курске, жило много поляков, переселившихся сюда в тот период, когда Польша входила в состав Российской империи, и над самим Курском гордо парил костёл - красивое и необычное для здешних мест здание. Стоял костёл чуть ли не на самой

высокой точке города, окружённый маленькими домиками с садами, и казался громадным и величественным.

Но главное постижение Польши происходило, конечно, через Генрика Сенкевича. Им я зачитывался взахлёб. Герои XVII века - паны Скшетуский, Володыевский и Заглоба были моими кумирами. С другом Ленькой мы разыгрывали целые баталии на темы романов Сенкевича. При этом действующих лиц - гордых панов, прекрасных дам и воинов - изображали гильзы от знаменитой винтовки Мосина, оставшиеся повсеместно и в большом количестве от первой мировой и гражданской войн. Гильзы были соответствующим образом наряжены и вооружены.

Побывал я в Польше впервые в январе 1945 года. Тогда меня поразили там две вещи: обилие колбасы на рынках и старушки на велосипедах. За годы войны мне, кажется, ни разу не удалось попробовать колбасы, а собственные велосипеды у нас в то время считались признаком богатства.

По пути в Польшу было что вспомнить. Все поляки, начиная от министра внутренних дел и начальника разведки и кончая нашей элегантной и нарядной (каковой и должна быть настоящая полька) переводчицей Мирославой, с большим беспокойством говорили о своих внутренних делах. В Польше наступала эпоха нестабильности и потрясений. Рабочие забастовки, скачкообразный рост цен, пассивность и нерешительность правительства. Тогда мы ещё не знали, что это наше собственное будущее, и сочувствовали полякам.

Болгария - для нас страна особая. Приезжая туда, чувствуешь, что приехал к близким родственникам: понятная славянская речь, ничем не омрачённая история отношений, сотни памятников русским воинам-освободителям, множество смешанных браков. Не могу поверить в то, что изменения, происшедшие в наших государствах, способны посеять рознь между двумя братскими народами.

Каких-либо сложных ситуаций во время переговоров с болгарами никогда не возникало, обмен взаимополезной информацией осуществлялся постоянно. Если мы обращались с просьбой, которую болгары не имели возможности выполнить, они откровенно об этом говорили. Мы, со своей стороны, стремились информировать болгарскую разведку как можно полнее по вопросам её первоочередных интересов.

Перечислять своих болгарских друзей по именам и фамилиям не буду, а хотелось бы. Старшее поколение сотрудников болгарской разведки прошло во время второй мировой войны через испытания подпольной работой, тюрьмами, партизанской борьбой. Этим своим прошлым болгарские друзья законно гордились. Прошёл такой путь и бывший заместитель министра внутренних дел Болгарии по разведке генерал-лейтенант Стоян Савов. О нём необходимо рассказать.

В годы войны он был членом Революционного союза молодёжи, за что подвергался арестам. Сражался в партизанском отряде - его фотография тех лет висит среди других на стенде в маленьком музее в родной

деревне Савова. Жена Стояна - Мая тоже была партизанкой, и псевдоним Мая стал для всех привычным и сделался её именем. Вот предсмертное письмо Савова:

«Дорогие мои Мая, дети и внуки, я решил уйти из жизни, которую так сильно любил! Принять это решение было нелегко, но я считаю его правильным.

Полвека, всю свою сознательную жизнь, я целиком посвятил идеям социализма, Болгарии и народу, своей семье. Жизнь у меня не была лёгкой - я прошёл через преисподнюю фашистской полиции, выдержал пытки, поклялся никогда не попадать туда вновь и ушёл партизанить в горы.

Остался в живых после боя на горе Еледжик 15 февраля 1944 г., когда погибло более двадцати верных товарищей, встретил 9 сентября 1944 г. в селе Черногорово, где мы установили новую власть под знаменем Отечественного фронта. После этого мы пошли на войну против гитлеровцев, в кровавом бою с фашистами я снова потерял дорогих товарищей.

На протяжении всего моего жизненного пути мои погибшие товарищи были моей совестью и честью, по ним я сверял все свои поступки. Я очень виноват в том, что не сумел написать об их короткой, но героической жизни.

Если я приду на вершину Еледжика, быть может, там, возле них, я и завершу свой земной путь! А может быть, у могилы Хаджии в Большой роще!

Дорогие мои!

Я честно прожил свою жизнь, любил людей и коллег, и они отвечали мне такой же любовью. Вы очень хорошо знаете, что задолго до 10 ноября 1989 г. я ненавидел Т.Живкова и живковцев и не могу сейчас пережить то, что моё имя будет запятнано или связано с этими преступниками.

Милая моя Мая, милые дети и внуки!

Вы все знаете, как сильно я вас люблю, но я очень устал, я болен, и душа у меня болит. Больше не могу. Простите за неприятности, которые вам доставил и которые вам доставлю сейчас. Умоляю вас: если можете, простите..

Милые мои друзья и товарищи, простите! Дорогие мои лесичане, простите! Верьте в социалистические идеи, они снова возродятся! Верьте в Советский Союз, русский и советский народы! СССР переживёт кризис и воскреснет, как жар-птица. Верьте в талант болгарского народа. Если можно, похороните меня возле могилы моей мамы».

Стоян Савов покончил с собой 6 января 1992 г. в своём родном селе Лесичево, у памятника павшим партизанам. Около тела найден кольт. Приведённое письмо опубликовано в газете «Дума» Болгарской социалистической партии 13 января 1992 года. В нём сказано всё или

почти все. Те, кто близко знал Стояна Савова, читали это письмо со слезами на глазах. Это был необыкновенно честный, скромный и легкоранимый человек, задумчивый и углублённый в себя. К нему тянулись дети, бессознательно чувствуя его человеческую доброту.

Я могу засвидетельствовать, что Савов резко критически относился к Живкову и его окружению, считал, что культ Живкова, его всевластие и барство компрометируют болгарскую государственную систему.

Думаю, что только очень честный человек мог покончить счёты с жизнью на могиле своих боевых товарищей и попросить похоронить себя рядом с матерью. Мне очень дорого то, что в последних строках своего письма Стоян вспомнил нашу родину и пожелал ей возрождения.

В заключение разговора о друзьях из Восточной Европы хочу вспомнить последнюю нашу большую встречу в октябре 1988 года в Берлине. Это было последнее многостороннее совещание разведок социалистических стран. Помимо делегаций из Восточной Европы на нём присутствовали делегации Кубы, Монголии и Вьетнама.

Процесс разложения режимов в Восточной Европе уже набирал скорость, и это сказывалось на работе совещания. Если официальные доклады звучали отчасти ещё во здравие, то кулуарные разговоры были исключительно за упокой. Большинство руководителей делегаций чувствовали себя неуверенно. В министерствах безопасности и внутренних дел стран содружества началась кадровая чехарда и неразбериха. И как только мы разъехались по домам, начальники разведок один за другим стали покидать свои посты. Одна эпоха заканчивалась, начиналась другая, неизвестная.

Обречённость чувствовалась во всём. Один руководитель делегации жаловался коллегам, что не знает, о чём ему завтра говорить в докладе. Второй задавал всем загадку: «Что такое социализм?» и тут же давал ответ: «Это самый тяжёлый и мучительный путь от капитализма к капитализму». Третий растерянно сообщал: «У нас уже нет компартии, от неё остались одни конвульсии!» Четвёртый заявлял, что его государство сейчас занимается не политикой, а экономикой, и деятельность разведки надо подчинять интересам экономики. Несмотря на владевшие всеми чувства неуверенности и обречённости, оценки ситуации в докладах давались достаточно объективные. Однако дата и место нового совещания уже не были назначены. Никто не мог взять на себя такую ответственность.

После завершения совещания хозяева организовали для его участников экскурсию на большом прогулочном катере по озёрам и каналам вокруг Берлина. Оказалось, что существует прекрасная «берлинская Венеция»: маленькие уютные домики, чистые участки с цветами и фруктовыми деревьями (и куда они только прячут мусор, навоз, кирпич и доски?), множество катеров, лодок и лодочек. Расставание было грустным. Со многими приходилось прощаться навсегда - это как бы висело в воздухе. Содружество разведок социалистических стран

закончило своё существование.

Болгарские мотивы

Своим появлением на свет эта глава обязана моим старым болгарским друзьям, которые предложили издать книгу «Из архива разведчика» в Болгарии.

Книгу я писал, естественно, для русского читателя, и прежде всего для сотрудников Службы внешней разведки России и её ветеранов, и не думал, что она привлечёт чьё-то особое внимание за границей. И слова сердечной благодарности болгарам и Болгарии за радушие и гостеприимство в этой книге отнюдь не были обращены к болгарскому читателю, а явились просто констатацией моих чувств, ощущений и оценок.

Но все же жила надежда, что кто-нибудь из моих болгарских знакомых прочитает когда-нибудь книгу и вспомнит нашу дружбу и совместную работу. Это случилось.

Стали поступать отрывочные сведения, что книга дошла до моих болгарских друзей.

В середине 1994 года поступило предложение издать книгу в Софии и написать для болгарского читателя специальную главу, что я и сделал. С большим удовольствием снова и снова вспоминал свои многочисленные поездки в Болгарию, страну, близкую нам по духу, необычайно красивую, с ласковым тёплым морем и великолепными горными пейзажами. Вспоминал, роясь в записных книжках и фотоальбомах, мельчайшие детали встреч с сотрудниками болгарской разведки и саму нашу совместную работу.

Вот что я написал тогда для болгарского читателя... Встречаясь с болгарскими коллегами и по службе, и в часы отдыха, мы часто говорили друг другу слова, ставшие своеобразными штампами наших отношений: «Мы дышим одними общими лёгкими», «У Болгарии и России лишь один спорный вопрос: кто кого больше любит?» Конечно, нельзя сказать, что это были тонкие и изысканные перлы изящной словесности, но слова эти в полной мере отражали наши чувства и настроения.

По этому поводу вспоминается и такой случай. В августе 1976 года два старейших представителя наших нелегальных служб совершали (я тоже был в этой компании) ознакомительную поездку по маршруту София-Габрово-Варна-Бургас. К концу поездки оба ветерана настолько подружились, что от разных недугов стали демонстративно, в знак особой солидарности, принимать одни и те же лекарства.

Эпицентром остроумия и жизнерадостности болгарской нации является город Габрово. Смех, шутки и анекдоты, культивируемые на государственном уровне, в масштабе всей страны, - это признак здоровья и жизненной стойкости народа.

Конечно, габровцы никакие не скряги, они так же гостеприимны и дружелюбны, как все болгары. Но сама идея сделать Габрово всемирной столицей смеха и радости заслуживает всеобщего одобрения и подражания. И действительно, за Габровом с его карнавалами и фестивалями последовала и Одесса. Однако самым смешным мне показалось то. что в качестве города-побратима габровцы выбрали себе белорусский город с довольно мрачным названием Могилёв.

Болгарские друзья - и ушедшие в мир иной Стоян Савов и Васил Коцев, и ныне здравствующие - постоянно живут в моём сознании, и память о них настойчиво внушает полную оптимизма мысль, что всё-таки есть на свете бескорыстная и настоящая дружба.

Что же являлось определяющим в совместной советско-болгарской разведывательной деятельности? Как глубоко в историю уходят корни нашего сотрудничества? Прежде всего, следует сказать, что болгарская разведка в период после второй мировой войны, несмотря на известные идеологические представления и блоковую солидарность, всегда выдвигала национальные интересы Болгарии на первое место и лишь потом занималась общими проблемами Варшавского Договора. Поэтому никак нельзя признать состоятельными обвинения в адрес болгарской разведки, что она якобы только выполняла указания из Москвы.

Болгарская разведслужба в качестве первоочередных задач решала своими специфическими методами вопросы развития экономики и, в частности, быстрого научно-технического прогресса государства. В области же политической разведки главной заботой было получение необходимой информации о своих соседях, в первую очередь Турции. Перечисленные проблемы всегда являлись предметом наших переговоров с болгарскими коллегами.

Так случилось и во время одной из моих встреч с министром внутренних дел Димитром Стояновым 18 сентября 1984 года в Софии. В качестве иллюстрации и для того, чтобы читатель мог лучше понять и объективно оценить характер наших отношений, перечислю здесь все обсуждавшиеся вопросы (помимо уже упомянутых выше):

- действия обеих разведывательных служб по выявлению признаков подготовки «главного противника» к внезапному ракетно-ядерному нападению на СССР и страны Варшавского Договора;
- получение в интересах обеих сторон дополнительной информации о технологии производства магнитных дисков для вычислительных машин нового поколения;
- разоблачение через возможности советской и болгарской разведок вздорных обвинений о причастности Болгарии к покушению на папу римского и оказание разносторонней помощи по освобождению болгарского гражданина Антонова, арестованного по этому сфабрикованному делу;
- обмен мнениями о работе по «главному противнику»;

- подтверждение необходимости в получении информации по КНР и активизация обмена сведениями по этой теме;
- координация действий по получению информации о положении в Албании;
- констатация возросшей активности различных террористических организаций и необходимость повышения уровня работы болгарской и советской разведок по получению необходимой информации по этому направлению;
- учитывая заинтересованность спецслужб «развивающихся стран» в установлении контактов с органами безопасности Болгарии и СССР, договорились о дальнейшей координации на этом участке работы.

В заключение нашей беседы Димитр Стоянов сделал комплимент, заявив, что тесные и плодотворные контакты между разведками наших стран являются примером для других подразделений МВД Болгарии и КГБ СССР. Это не было простым проявлением вежливости. Деловые связи между нашими разведками действительно были самыми эффективными и многосторонними во всей системе госбезопасности обоих государств.

И в самом конце этой встречи был сюрприз: министр вручил мне медаль, учреждённую к столетию со дня рождения Георгия Димитрова. Помнится, я сказал тогда, что мужество Димитрова в борьбе с германским фашизмом вдохновляло советскую молодёжь и в далёкие предвоенные годы, и в ходе самой Великой Отечественной войны. Факты этой нашей общей истории уже нельзя переписать заново!

Считаю полезным рассказать также и о работе советских представителей в Болгарии. После победы над фашизмом в Болгарии работало много наших советников по различным направлениям государственной безопасности. Не всегда они, правда, были людьми самой высокой квалификации, особенно в первые послевоенные годы. Во-первых, сама советская разведка после Великой Отечественной войны испытывала большой недостаток в высокообразованных кадрах, а во-вторых, иногда срабатывал упрощенческий принцип: «Ну что там Болгария, ведь это же братская страна, туда можно послать человека и попроще, там не нужно знание иностранного языка и прочих премудростей». С течением времени приходило понимание того, что к своим ближайшим союзникам надо направлять лучшие кадры, и такой период в конце концов наступил.

Хотя и первых своих наставников ветераны болгарской разведки вспоминали с теплотой и уважением. Один из них рассказывал мне: «Был такой Иван Иванович, во время нашей первой встречи он вместо ожидаемого повествования о тайнах разведки достал из своих карманов шило, суровые нитки и большую канцелярскую иглу и сказал: „Начнём с начала. Прежде всего в разведке надо научиться вести дела и бережно подшивать в них документы»«.

Действительно, так оно в жизни и было. Автор этих строк после окончания разведывательной школы также начал свои первые дни в

разведке со знакомства с шилом, нитками, иглой и папками. Это довольно нудное занятие вызывало внутренний протест, но в конечном счёте воспитывало бережное отношение к секретным документам и приводило к осознанию того факта, что в разведке нет места делению работы на черновую и творческую.

Если, приблизительно округлив, сказать, что сотрудничество российских служб безопасности с болгарскими насчитывает уже пятьдесят лет, то станет понятным, что перечислить всех наших представителей в Болгарии невозможно. Но об одном из них просто необходимо рассказать, тем более что мой друг генерал-майор Владилен Николаевич Фёдоров возглавлял представительство КГБ в Болгарии около десяти лет, то есть одну пятую часть этого периода. Думаю, что не было в Болгарии другого нашего представителя, к которому болгарские коллеги относились бы с такой же симпатией и уважением, как к нему.

Начну с того, что Федоров свободно говорил и по-болгарски, и по-турецки, прекрасно знал Турцию, так как был там в своё время резидентом КГБ, а этот опыт для Болгарии всегда имел особое значение.

Я был свидетелем того, что Фёдорова встречали в различных округах Болгарии как старого друга, и что он знал проблемы каждого округа, особенности экономики, культуры, быта, не говоря уже о проблемах безопасности. В каждом болгарском городе Владилен Николаевич и его жена Тамара Николаевна были желанными гостями.

Существовала у нас с Фёдоровым и особая тема во время поездок по Болгарии - некоторый лингвистический деликатес. Он рассказывал о турецких заимствованиях в болгарском языке, а я угадывал арабские слова и образования, перекочевавшие из арабского в турецкий и из турецкого - в болгарский. Особое удивление вызвало у меня слово «похмелье» - «махмурлия», созданное по всем правилам арабского словообразования, но не существующее в арабском языке, очевидно, ввиду антиалкогольных традиций арабского мира.

Откуда же у Федорова такие знания о Болгарии и такая привязанность к этой стране? Объяснение таково. Закончив после войны Военный институт иностранных языков, молодой лейтенант был направлен в Болгарию, где с его участием издавалась в 1946-1947 годах на турецком языке газета для болгарских турок. Таким образом, у почётного гражданина города Русе Владилена Федорова и начало служебной деятельности, и её завершающий этап оказались самым тесным образом связанными с Болгарией.

Занимаясь по долгу службы вместе с группой ветеранов СВР работой по созданию «Очерков истории российской разведки», я с приятным удивлением обнаружил, что после победы над турками и окончания Османского владычества над Болгарией первым военным министром этой страны по просьбе болгарских патриотов стал российский разведчик, полковник Пётр Дмитриевич Паренсов. Разведывательная деятельность его была высоко оценена начальником Главного штаба российской армии,

генерал-адъютантом Обручевым. «Никогда данные о турецкой армии, - писал он, отмечая работу Паренсова, - не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи!»

А сколько других русских имён символизирует нашу дружбу!

Мне хочется упомянуть здесь некоторые из них, начав с российского императора Александра II - «царя-освободителя», как его с любовью называют в Болгарии. Далее идут имена прославленных генералов, политиков, художников и учёных:

- генерал от инфантерии М.Д.Скобелев в 1877-1878 годах успешно командовал отрядом под Плевной, а затем в качестве командира дивизии принимал участие в сражении при Шипке-Шейново;
- генерал-фельдмаршал И.В.Гурко в 1877-1878 годах совершил поход в Забалканье, сражался под Плевной, участвовал в освобождении Софии и разгроме турок под Филиппополем;
- князь А.М.Дондуков-Корсаков, генерал от кавалерии, верховный русский комиссар в Болгарии и участник разработки Тырновской конституции (1878-1879 годы);
- граф Н.П.Игнатьев, генерал от инфантерии, участник подготовки Сан-Стефанского мирного договора 1878 года, в дальнейшем министр внутренних дел России;
- русский художник В.В.Верещагин, принимал личное участие в русско-турецкой войне, автор знаменитой картины «На Шипке все спокойно»;
- маршал Советского Союза Ф.И.Толбухин, командующий 3-м и 4-м Украинскими фронтами во время Великой Отечественной войны, оказал Болгарии большую помощь в достижении национальной независимости, избежав при этом какого бы то ни было кровопролития;
- народный художник России Н.В.Овечкин, принимавший участие вместе с болгарскими коллегами в создании замечательного памятника «Плевенская панорама»;
- ныне здравствующий академик Д.С.Лихачёв, который много сделал для исследования проблемы общности болгарской и русской культуры.

В этот славный ряд от Службы внешней разведки России мне хочется поставить и генерала Федорова. Я уверен, что этот список будет иметь и достойное продолжение в будущем.

Развал СССР и Варшавского Договора в 1991 году нарушил привычные связи российских разведчиков со своими болгарскими коллегами. Сократился обмен делегациями, разведчики перестали ездить друг к другу для проведения отпуска, что было в прошлом обычным явлением.

Мне посчастливилось дважды отдохнуть в Болгарии с внуком и внучкой. Восьмилетний внук подружился на пляже в Варне с болгарским мальчиком Валентином, который учился в русской школе. Они целый день

плескались в море и забавлялись чем-то на берегу. Внук Серёжа жаловался нам: «Я никак не могу найти Валентина, потому что у него какое-то незапоминающееся лицо». А Валентин никак не мог запомнить, как зовут нашего внука, и ласково называл его «Альёша». Так и остались в нашей семейной хронике «болгарский друг с незапоминающимся лицом» и «русский друг с незапоминающимся именем». Тревожила мысль, как там живут наши старые друзья-разведчики в новой Болгарии. И вот совсем неожиданно, в апреле 1992 года я попал в уже хорошо знакомую Софию на международную конференцию «Роль разведывательных служб в демократическом обществе». Участие в этой конференции было значительным событием в моей жизни, и об этом я упомянул в главе «Курс на сотрудничество».

Присутствие нашей делегации в Софии вызвало интерес международных средств массовой информации, и мне пришлось дать более десяти интервью и ответить на множество вопросов. Беседы получились интересные, содержательные и серьёзные, но от некоторых вопросов веяло и знакомым уже ледяным дыханием «холодной войны». Одна интересная молодая женщина, корреспондент какого-то агентства США, кстати, болгарка по национальности, бойко спросила меня:

- Расскажите о роли КГБ в организации покушения на папу римского.

- Такая красивая женщина, - ответил я, - и задаёт такие глупые вопросы! Неужели вам не надоело повторять эти басни?

Корреспондент «Голоса Америки» с явным неудовольствием спросил:

- Как же так, вы несколько десятилетий служили тоталитарному коммунистическому режиму, а теперь рассуждаете о роли разведки в демократическом обществе?

Пришлось и ему дать необходимые разъяснения.

Был и ещё один, совсем уже неожиданный заход. Болгарский полковник в военной форме спросил меня, как российское руководство относится к проблеме восстановления монархии в Болгарии. Монархиста я, естественно, обижать не хотел и сказал, что этот вопрос волен решать только сам болгарский народ. Но на этом беседа не окончилась. Полковник пояснил, что болгарский народ чуть ли не единодушно выступает за восстановление монархии, но только при том обязательном условии, что это мероприятие поддержит Россия и сама первая восстановит у себя монархию (!).

На международной конференции в Софии были высказаны здравые мысли о том, какими принципами должны руководствоваться разведывательные службы в демократическом государстве, необходимым инструментом которого они являются. В самом кратком изложении эти принципы сводятся к следующему:

- государства должны иметь чёткие законы о разведке;
- необходим разумный парламентский контроль за деятельностью разведки;

- разведка должна проводить свою работу цивилизованными средствами, не прибегая к насилию, угрозам и шантажу;
- разведслужбы в демократических государствах должны переходить от конфронтации к сотрудничеству в тех областях, которые являются угрозой для всего человечества (терроризм, организованная преступность, наркомафия и так далее).

Приятно сознавать, что болгарская и российская разведка в настоящее время уверенно двигаются по этому пути.

В сентябре 1994 года я снова имел счастливую возможность побывать в различных районах Болгарии, полюбоваться красотами Западных Родоп, где на солнечных полянах вдруг появляются изящные «сернички». И снова я осматриваю памятники героической борьбы болгарского народа с османским владычеством в Батаке. А вот и старая знакомая - музейная пушка, сделанная из ствола черешни, - родная сестра знаменитой пушки, из которой вазовский герой Боримечка стрелял по турецким позициям (Вазов Иван (1850-1921) - болгарский писатель и общественный деятель. Видный представитель критического реализма).

В начале 1997 года моя книга «Из архива разведчика» с подзаголовком «Занавес приподнимается» вышла в Болгарии, и в июне болгарские друзья пригласили нас с женой на её презентацию.

Эта последняя встреча с Болгарией была особенно насыщенной, глубокой по впечатлениям и трогательной. Сама презентация состоялась в одном из залов «Национального центра культуры», построенного благодаря настойчивости дочери болгарского лидера прошлого режима Людмилы Живковой. Кстати, громадная позолоченная статуя богини - покровительницы искусств, находящаяся в центральном холле дворца, имеет портретное сходство с самой Людмилой.

Презентация прошла живо и интересно, при полном зале. Задавалось множество вопросов. Я отвечал, и сердце моё было переполнено радостью, поскольку в зале сидело немало моих друзей и знакомых. Здесь были и бывший министр внутренних дел Димитр Стоянов с женой, и Мая Савова, бывшая партизанка и вдова болгарского героя Стояна Савова, прежние руководители разведки Владо Тодоров, Тодор Генов и многие другие. Присутствовали и новые друзья, спонсоры всего данного мероприятия: отец и сын Минчевы, оба Георгии.

После презентации один из ветеранов разведки сказал мне: «Никто и никогда из иностранных авторов не писал о Болгарии с такой теплотой и любовью, как вы!» Конечно, эти слова больше чем преувеличение, но услышать их было очень приятно.

Ежедневно мы встречались со множеством людей и увидели фактически всех наших прежних знакомых.

Были мы и в Лесичево на «лобном месте», где рядом с могилой партизана застрелился Стоян Савов, были и на его могиле. Очистили её от сорняков, поставили в баночки цветы и окропили могилу по болгарскому

обычаю красным вином.

Кладбище расположено на возвышенном месте, откуда открывается широкий обзор окрестных вершин и лесов. Где-то здесь партизанили в годы второй мировой войны Мая и Стоян Савовы. От этих лет осталась фотография. Её увеличенная копия висит в деревенском доме Савовых: оба они молодые, восемнадцатилетние, красивые, в партизанских пилотках. А музей партизанской славы в Лесичево закрыли. Новым властям он не нужен. Историю теперь нужно переписывать заново.

Мая Савова кормила нас, поила и спрашивала: «Наверное, он всё же был не прав, что ушёл из жизни и оставил нас?»

Многие друзья России в Болгарии с горечью и тревогой говорили нам, что сокращаются не только политические, военные, экономические и торговые связи с Россией, но и сам русский язык и русская культура уходят из Болгарии. Одна знакомая семья нашла оригинальную форму протеста против этого явления: все члены семьи между собой стали говорить только по-русски! Много у нас в Болгарии все же друзей... Эти друзья в беседах с нами постоянно затрагивали две темы (они же звучали и в многочисленных интервью средствам массовой информации): «Россия, конечно, без Болгарии проживёт, но Болгария не сможет жить без России» и «Те люди, которые выступают за вхождение Болгарии в НАТО, не понимают, что присутствие в одном военно-политическом блоке Болгарии и Турции создаст последней лучшие условия для вмешательства во внутренние дела Болгарии. Да и вообще членство в одном блоке не избавляет его участников от военных столкновений, наподобие того, как это постоянно имеет место в отношениях между Турцией и Грецией».

Политическая обстановка в Болгарии сложная, проблем здесь множество, но болгарская тема не уходит из нашей жизни.

Болгария продолжает жить в моём сердце.

Начальники внешней разведки

По самому своему смыслу понятие «начальник разведки» окружено ореолом таинственности и исключительности.

Я не собираюсь давать подробные профессиональные и политические характеристики шести начальникам разведки, при которых проходила моя служба.

Каждый из них вносил посильную лепту в становление разведки, каждый отдавал себя целиком этому нелёгкому делу. Да и вряд ли найдётся человек, который станет серьёзно утверждать, что сможет полно и объективно оценить роль и вклад в общее дело того или иного начальника разведки. Вот и для меня было бы верхом самонадеянности брать на себя решение такой задачи, хотя я долгие годы их всех, за исключением Панюшкина, лично знал, а некоторых даже весьма близко. И все же сейчас, когда у нас весьма ощутим переизбыток претендентов на знание истины в последней инстанции, а также критиков и

ниспровергателей, дающих налево и направо оценки прошлым и ныне здравствующим руководителям, я вижу необходимость просто поделиться воспоминаниями о некоторых начальниках разведки, рассказать, что они собой представляли как личности, учитывая, что остаётся всё меньше людей, тесно общавшихся с теми из них, кого уже нет в живых.

Об **Александре Семёновиче Панюшкине** могу сказать немного, воспринимал я его глазами начинающего работника. Помню, что относились к нему с уважением как к известному дипломату (посол в Китае и США), государственному деятелю. Был он далёк от основной массы работников, перед коллективом выступал редко, пришёл откуда-то сверху и быстро ушёл в верхи. Жаловался постоянно на здоровье и долго в наших коридорах не задержался, а его кабинет № 763 на седьмом этаже дома № 1 на площади Дзержинского (ныне Лубянка), обставленный мебелью из карельской берёзы, в 1956 году занял **Александр Михайлович Сахаровский**. Это уже целая эпоха в жизни разведки, которую он возглавлял пятнадцать лет, пройдя в ней путь от полковника до генерал-полковника. Был он высок ростом, статен, импозантен, и сотрудницы разведки, переводчицы, машинистки, секретари, встретившись с ним в коридоре, особенно в первые годы его начальствования, провожали его восхищёнными взглядами: хорош собой был начальник разведки.

Сахаровского отличала внешняя и внутренняя строгость, к людям он относился требовательно, но без мелочной придирчивости. Побаивались его все, а особенно, конечно, лентяи и подхалимы. Этих он очень не любил. Доверием к окружающим проникался не сразу, лишь после долгих лет испытания их практической работой. О ветеранах, людях заслуженных заботился, особенно когда они уже вырабатывались и выдыхались. Об одном из таких он как-то сказал мне: «Клюют его сейчас со всех сторон, не давай ты его, пожалуйста, в обиду и сам не обижай!»

Работал Александр Михайлович допоздна, во все старался вникнуть сам. Он не обзаводился впрок полезными связями в верхах и вообще не способен был жить по формуле «Ты - мне, я - тебе». Создавалось впечатление, что он очень ценил свою личную независимость и поэтому был весьма осторожен в выборе друзей.

Объём задач разведки всё время возрастал, география её деятельности быстро расширялась и охватывала уже весь мир, а здоровье у Сахаровского было слабое: и сердце, и лёгкие подводили, и давление было какое-то астрономическое. Короче, работалось ему тяжело. Были трудности и с освоением новых задач и проблем. Сказывались отсутствие систематического образования, знания иностранных языков (у сотрудников этого поколения высшее образование вообще было редкостью), серьёзного личного опыта работы за границей. Связи Александра Михайловича с представителями иностранных государств ограничивались в основном контактами с руководителями разведок социалистических стран. Этого, конечно, было недостаточно.

Все пятнадцать лет пребывания Сахаровского на посту начальника

разведки я регулярно докладывал ему оперативные дела, связанные с Египтом, арабскими и африканскими странами. Часто присутствовал во время приёма начальником разведки наших послов в этих странах. На послов он всегда производил положительное впечатление, так как очень конкретно ставил перед ними вопросы, касавшиеся наших общих интересов.

Говорил он просто, ясно, мысли выражал чётко и лаконично, отчего слова его надолго запоминались. Случилось так, что ещё в качестве заместителя начальника разведки Сахаровский давал мне напутствие перед выездом в первую долгосрочную загранкомандировку. В числе других полезных советов рассказал, как следует готовиться к проведению встреч с агентурой и изучаемыми лицами из числа иностранцев. Говорил вроде бы уже известные мне вещи, но формулировал их так, что его наставления я запомнил почти дословно и не только сам следовал им, но и использовал их позже в беседах с молодыми сотрудниками.

Действительно, тщательная подготовка к встречам с интересующими разведку иностранцами имеет громадное значение и свидетельствует о высокой профессиональной культуре разведчика. Можно утверждать, что как встреча подготовлена, так она и пройдёт. Гарантия успеха встречи, получения интересной информации и оказания морального воздействия на собеседника закладываются уже в процессе подготовки. В этом состоит один из простых секретов результативной работы разведчика.

Будучи сам скупым на слова, Александр Михайлович требовал от сотрудников, выступавших с докладами, отчётами и сообщениями на служебных совещаниях, точности и ясности изложения. Если выступавший растекался мыслию по древу или начинал своё повествование слишком издалека - от залпов «Авроры», как у нас говорилось, - Александр Михайлович спокойно, без ехидства и иронии говорил: «Вы плохо подготовились к выступлению, пока садитесь и учтите это на будущее». Отметив своё шестидесятилетие, Александр Михайлович стал быстро сдавать, и в главке уже начали поговаривать о возможности его близкой замены.

В последнюю заграничную командировку (и единственную, кстати, в «несоциалистический» мир) начальника ПГУ сопровождал я. Дело было в марте 1970 года. Предстояли переговоры с руководством Службы общей разведки и военными контрразведчиками Египта по обеспечению безопасности прибытия в страну наших ракетчиков и военной техники. Я выступал в качестве советника, так как в течение нескольких лет выполнял миссию офицера связи с египетскими спецслужбами, переводил беседы и в какой-то мере был гидом во время поездок по Египту.

Чувствовал себя Александр Михайлович неважно, жаловался на постоянные головные боли. Переговоры с египтянами проходили тяжело и нервно. Поездки в Александрию и Асуан были для него утомительными, а запланированную поездку в Луксор и Карнак вообще пришлось отменить. Накануне отъезда из Египта Александр Михайлович положил руку мне на плечо, вздохнул, посмотрел с грустью на пирамиды и изрёк: «Да,

поздновато я начал ездить по заграницам!»

Когда после возвращения мы докладывали Ю.В.Андропову о результатах поездки, Александр Михайлович ещё раз раскрылся как прямой и честный человек. Рассказав Андропову о трудных переговорах, о том, что не получил от египетских партнёров ответов на прямо поставленные вопросы, Сахаровский заявил председателю КГБ: «Таким образом, можно считать, что мне не удалось выполнить те задачи, которые на меня возлагались, и моя миссия положительных результатов не дала!» (Надо сказать, что египетскую сторону в тот раз представляли действительно недоброжелательные собеседники: это были случайные люди, и они долго не задержались на своих постах.) Что же касается заявления Сахаровского председателю КГБ, то это был единственный случай в моей служебной практике, когда руководитель такого уровня при докладе прямо заявил, что ему не удалось выполнить данное ему поручение. Обычно в подобных случаях использовалась какая-либо спасительная формула: «Несмотря на объективные трудности, удалось достичь некоторого взаимопонимания» или «Выявлены точки соприкосновения и поле общих интересов» и тому подобное.

Когда Александр Михайлович покидал разведку, он, прощаясь, сказал: «Я оставил здесь все - здоровье, друзей и любимую работу!» Уйдя на пенсию, он сохранял достаточно тесные связи с коллективом. Не было ни одного торжественного собрания, научной конференции или встречи с ветеранами, на которых бы он не присутствовал. Регулярно, не реже раза в месяц, заходил ко мне на чашку кофе, но встречи эти уже были овеяны безысходной грустью. Любые воспоминания о прошлых делах, о людях «из прошлого времени» вызывали у него слёзы, трудно было найти тему, на которую с ним можно было бы спокойно говорить. От его самообладания ничего не осталось, казалось, передо мной совсем другой человек, и видеть это было тяжело.

На смену А.М.Сахаровскому в 1971 году пришёл его многолетний первый заместитель **Фёдор Константинович Мортин**, человек совсем иного склада. Вместо спокойного и скупого на жесты и слова Сахаровского главк обрёл импульсивного, живого, вечно суетившегося шефа. По его походке было видно, что никакими видами спорта он никогда не занимался: ходил вразвалочку и как-то по-утиному. Был постоянно переполнен разными идеями и задумками и искренне стремился придать разведке новый, современный облик и направить её на решение нужных государству проблем.

К моменту своего назначения на должность начальника разведки Федор Константинович уже много поездил по свету, пообщался с нашими коллективами за рубежом и усвоил немало свежих идей, над претворением которых в жизнь начал активно работать. В целом он, конечно, был более динамичен, чем Александр Михайлович. Пожалуй, наибольший вклад Мортин сделал в развитие и укрепление научно-технической разведки, своевременно поняв перспективность этой службы. К его заслугам по справедливости нужно отнести и то, что он

явился преобразователем нашей скромной разведшколы № 101 в современный институт.

Свои мысли и идеи Федор Константинович излагал весьма бурно и темпераментно: одна фраза догоняла другую и наступала ей на пятки. Приходилось ставить уточняющие вопросы. Да и бегущий по волнам почерк как-то очень соответствовал темпу его речи. Мортин писал длинные резолюции, разбирать которые приходилось с трудом. (У Сахаровского, наоборот, резолюции были короткими, а почерк - ровным и чётким.) В сравнении с Сахаровским Мортин был мягче, доступнее. Дверь в его кабинет было открывать легче, чем входить к Сахаровскому.

Федор Константинович пришёл в ПГУ на должность заместителя начальника разведки в 1954 году и начал свою деятельность с освоения ближневосточных проблем. Одну из своих первых командировок совершил в мае 1956 года по арабским странам. Это был не просто дежурный визит с целью инспекции или ознакомления с обстановкой. Процессы, начавшиеся на Ближнем Востоке, и в частности намечавшийся в Египте поворот в сторону Советского Союза, требовали с нашей стороны более пристального внимания и корректировки внешней политики в сторону её активизации в странах этого района.

Прибывшего в Каир Мортина мы в деталях знакомили с внешней и внутренней политикой Египта, с особенностями оперативной работы, а я ещё и часто возил его по городу, показывая интересные с оперативной точки зрения районы. Помотав Фёдора Константиновича по Каиру два вечера подряд, я вдруг сообразил, что занимаюсь совершенно ненужным делом, так как он просто физически не может что-либо усвоить в незнакомом городе. Энтузиазм мой окончательно угас, когда он во время второй поездки вдруг спросил: «Когда у вас тут обычно ужинают?» Прошло ещё несколько дней, подошёл срок отъезда Федора Константиновича в Москву, и он, отведя меня в укромный уголок, задал вопрос, поставивший меня в тупик: «Что за обстановка в резидентуре? У меня уже заканчивается командировка, а никто ещё не обратился ко мне с какой-либо просьбой и никто ни на кого не пожаловался. В других местах было иначе». Я объяснил, что трудности мы преодолеваем по возможности сами, а коллектив сплочённый и дружный, проблемы взаимоотношений не существует. Так оно и было. Викентий Павлович Соболев, трудясь самоотверженно сам, увлекал всех нас работой, да и люди подобрались хорошие во всех отношениях. Живя и работая в таком коллективе, я тогда, признаться, не понимал, что нахожусь в исключительно благоприятных условиях. Мне представлялось, что это и есть норма нашей жизни. Оказалось совсем не так. Были, увы, резидентуры с напряжённой и даже склочной обстановкой. По моему глубокому убеждению, в создании такой обстановки повинен прежде всего сам руководитель резидентуры.

До конца дней своих Федор Константинович, несмотря на изъяны в здоровье, оставался очень живым и беспокойным человеком. Как и прежде, он был переполнен идеями, предложениями и вопросами.

Заходил к нам на работу, часто звонил по телефону и скончался как бы на ходу, не испытав переживаний старческой немощи и усталости от жизни.

Долгие годы Египет занимал большое место в советской внешней политике, и, естественно, начальники разведки не могли миновать его. Федор Константинович Мортин приезжал в Египет второй раз в 1973 году и вёл переговоры со Службой общей разведки. Снова были Александрия и Асуан и каирские достопримечательности с традиционной поездкой на верблюде в бедуинском одеянии на фоне гизехских пирамид.

Пирамиды стоят себе и стоят, а люди и верблюды приходят к ним и уходят. Недавно я увидел знакомый до боли снимок даже в книге. Ф.И.Шаляпина «Страницы моей жизни». Та же пирамида Хеопса, такой же верблюд, а на верблюде сам Шаляпин, и подпись: «Египет, 1903 год».

Сахаровский и Мортин прикоснулись к пирамидам, успели сфотографироваться у их подножия и ушли из жизни, оставив о себе добрую память у разведчиков старшего поколения.

Затем пришёл **Владимир Александрович Крючков**, возглавлявший разведку, как и А.М.Сахаровский, пятнадцать лет. Тоже целая эпоха по меркам нашего времени. Были в его деятельности, конечно, и сильные, и слабые стороны. Однако в отличие от своих предшественников, не оставивших воспоминаний, В.А.Крючков опубликовал в 1996 году свои мемуары в двух томах под названием «Личное дело». Думаю, что внимательный читатель найдёт там исчерпывающие материалы о работе В.А.Крючкова и в качестве начальника разведки, и в должности председателя КГБ.

В 1988 году начальником ПГУ был назначен **Леонид Владимирович Шебаршин**, первый и единственный профессионал в роли начальника разведки. Пройдя путь к руководящему креслу через все служебные ступени, он был способен видеть то, чего не могли разглядеть его предшественники. Л.В.Шебаршин реально, в деталях знал разведывательную работу. Политические процессы за рубежом и в нашей стране он не воспринимал ни в каком другом цвете, кроме натурального, хотя работать ему пришлось в тяжёлый и нервный период, которому более всего подходит известное в нашей истории определение «смутное время». Трагический распад Советского Союза пришёлся на последние дни пребывания Л.В.Шебаршина на посту начальника разведки. Уход его из разведки был прежде всего связан с тем, что работать с Бакатиным было невозможно. Об этом, впрочем, Л.В.Шебаршин сам уже рассказал в своих воспоминаниях.

В октябре 1991 года мы стали уже не ПГУ КГБ, а Центральной службой разведки СССР, затем - Службой внешней разведки Российской Федерации. У нас новый начальник, директор СВР **Евгений Максимович Примаков**, которого я знаю с 1948 года, он годом позже поступил на арабское отделение Московского института востоковедения. Он - учёный-политолог. Весь опыт его прошлой деятельности говорит о том, что по своему характеру он не разрушитель, а созидатель. На прежних постах

ему приходилось иметь контакты с разведкой, и он хорошо её знает. Примаков открыт для общения, доброжелателен и - что совсем немаловажно -обладает большим терпением и бережно относится к людям.

Евгений Максимович возглавлял внешнюю разведку четыре с лишним года. Срок, если сравнить с пребыванием у руля ПГУ А.М.Сахаровского и В.А.Крючкова, небольшой. Но за это время Примаков сделал столько полезного для совершенствования нашей разведывательной системы и сохранения её кадров, что я должен подробно рассказать об этом в следующей главе.

И ещё несколько замечаний о начальниках разведки, но уже общего порядка. Работа в этом качестве практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя. Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем. Все неприятные происшествия в наших загранучреждениях докладываются круглосуточно начальнику разведки. Этот человек живёт в обнимку с телефоном. Неписаные законы запрещают ему хотя бы на миг расставаться с ним. Телефон у него стоит на письменном столе, у изголовья в спальне, в автомашине и в комнате санатория, где он проводит отпуск.

Прелести такого существования мне очень хорошо известны. Однажды, возвращаясь субботним вечером с какого-то совещания в Центре, я увидел на улицах Москвы множество гуляющих людей. Дело было весной, стояла тёплая погода, солнце ещё не зашло, люди были нарядные, многие несли цветы. Я вдруг с тоской вспомнил, что уже лет двадцать ни разу не ходил по улицам без цели, куда глаза глядят, не отлучался из дому, не поставив в известность дежурного о том, куда я иду и надолго ли. Подобный режим существования с невидимой цепью на шее при бесконечном рабочем дне, с перерывом лишь на ночь в течение многих лет подряд может выдержать только очень здоровый физически человек с хорошо отлаженной нервной системой.

К чему об этом пишу? К тому, чтобы читатели лучше представляли себе реальную жизнь персонажей, населяющих эту главу, и чтобы возможные кандидаты на должность начальника разведки в XXI веке знали, что их ожидает.

Е.М.Примаков - академик, разведчик, министр

Сентябрь 1948 года. В Московском институте востоковедения, на нашем арабском отделении появляется новый студент, тбилисец Женя Примаков. Весь первый год учёбы он ходил в «сталинском» френче защитного цвета, что должно было знаменовать, с одной стороны, верность знамени Ленина-Сталина, а с другой - свидетельствовало об

отсутствии у него иного гардероба.

В ту далёкую пору почти все мужское население института ходило в кителях, гимнастёрках, френчах, армейских шинелях, то есть в том, в чём они демобилизовались из армии, и даже те юноши, которые не служили в армии, очень часто носили военную одежду, доставшуюся им от старших членов семьи или просто приобретённую где-нибудь на рынке по дешёвке. Попадались люди и в спортивной одежде, каких-то незамысловатых курточках и штанах из «чёртовой кожи» (существовала и такая материя), но отнюдь не в приличных костюмах. Так что Женя Примаков своим видом из общей массы не выделялся. Между средней школой и Институтом востоковедения у него была ещё служба на флоте в качестве курсанта Бакинской школы юнг, откуда он был отчислен по состоянию здоровья.

В институте Примаков сразу стал известным человеком благодаря своей поразительной способности к общению с людьми. Через несколько недель пребывания в институте его уже знали все, и он знал всех. Быть всё время на людях, общаться со всеми, получать удовольствие от общения и не уставать от этого - здесь кроется какая-то загадка. Скорее всего, это врождённое качество, помноженное на кавказское гостеприимство и южный образ жизни.

Естественно, что человек с таким темпераментом не мог оставаться вне общественной жизни: тут была и работа в комсомоле, и активное участие в художественной самодеятельности, и (прошу заметить!) большой интерес с первого же курса к студенческим научным кружкам.

На наших театральных подмостках быстро приобрела популярность вокально-музыкальная группа в составе Жени Примакова, Эдика Маркарова и Сурена Широяна.

И вот идёт наги караван:

Маркаров, я и Широян... -

пел задушевным басом на музыку модной тогда песни Женя. Караван оказался недолговечным. Очень рано из жизни ушли талантливые, литературно и музыкально одарённые Маркаров и Широян.

Поначалу среди друзей Примакова было больше всего кавказцев. Среди них - бесстрашный, вспыльчивый и неуправляемый Герой Советского Союза Зия Буниятов, воевавший в штрафных батальонах, что наложило отпечаток на всю его последующую жизнь. Наверное, Жене Примакову было лестно дружить со старшим по возрасту героем, перед которым гостеприимно к тому же открывались двери театров, ресторанов и железнодорожных касс. Моё же общение с Зией Буниятовым носило совсем иной характер. Как секретарю партбюро арабского отделения, а потом и всего института, мне всё время приходилось разбирать персональные дела героического сына азербайджанского народа, главным образом по части рукоприкладства. Однако учёба Буниятова в нашем институте пошла ему на пользу - он стал азербайджанским академиком и вообще знаменитым в республике человеком.

Всех институтских друзей Примакова перечислить, естественно, невозможно. Тут были и будущие послы СССР в арабских странах Юрий Грядунов и Владимир Поляков, учившиеся с ним в одной учебной группе, тут был и будущий знаменитый писатель Юлиан Семёнов, создавший легендарного Штирлица, сначала героя разведки, а затем постоянного персонажа анекдотов. Кстати сказать, по числу; анекдотов Штирлиц и его антипод начальник гестапо Мюллер в конечном счёте превзошли героя гражданской войны Чапаева и его ординарца Петьку. Короче говоря, вокруг Примакова всегда шумела весёлая и озорная компания умных и находчивых ребят, а он неизменно был в её центре. Хорошая была послевоенная молодёжь: жадная до жизни, деятельная и глубоко патриотичная.

Подвижная натура Примакова, разнообразие его интересов неизбежно привели к некоторым противоречиям с арабским языком. Этот язык, если, конечно, не обладать выдающимися лингвистическими способностями, нужно было упорно долбить, сидя на одном месте, а потом, немного передохнув, снова заниматься беспощадной зубрёжкой. Это было не для Примакова.

Или кто-то ему подсказал, или сам он, будучи человеком практического склада ума, дошёл до понимания того факта, что арабский язык может сожрать все учебное время и дать к тому же весьма скромный результат, но, так или иначе, он высвободил время для английского языка и для общественно-политических дисциплин, в изучении которых достиг высоких результатов.

Во всяком случае, когда мы надрывались над зубрёжкой арабского, Примаков читал умные книги, расширял свои знания по Востоку, по международным отношениям и готовил себя к карьере политолога.

Мне кажется, что уже на старших курсах Женя точно знал, что пойдёт в аспирантуру и, став затем кандидатом наук, начнёт активную, творческую общественно-политическую жизнь.

Женитьба на землячке из Тбилиси Лауре, женщине энергичной и остроумной, с саркастическим уклоном, рождение сына Саши, а затем и дочери Наны не изменили образа жизни Примакова. Он так же, как и в студенческие годы, продолжал щедро расходовать своё время на общение с друзьями, и у меня даже впоследствии сложилось твёрдое убеждение, что он поставил нигде не зарегистрированный мировой рекорд по количеству друзей и знакомых. О ком с ним, бывало, не заговоришь, он тут же скажет: «Я его очень хорошо знаю», или: «Он мой хороший товарищ», или: «Он мой очень давний и близкий друг». Успешно закончив аспирантуру и став кандидатом экономических наук, Примаков пошёл работать в арабскую редакцию всесоюзного радио и быстро приобрёл репутацию знающего и оперативного радиожурналиста, а когда его пригласили на работу в газету «Правда», он вскоре оказался на посту корреспондента газеты в Каире, а это означало, что Евгению доверили главную корреспондентскую точку на Ближнем Востоке.

В Египте Примаков появился уже после того, как я закончил свою первую командировку в этой стране, и мы общались лишь во время моих краткосрочных приездов в Каир, но его репортажи из Египта я читал всегда с большим удовольствием, ибо были они интересны, выразительны и насыщены актуальной информацией.

В нашей прессе довольно часто звучат призывы: «Надо разобраться, с какого времени и в каком качестве Примаков начал сотрудничать с советской разведкой! Какие у него были псевдонимы и вообще что он в ней делал?» Попробую, хотя бы частично, удовлетворить любопытство журналистов. Дело в том, что руководитель корпункта «Правды», органа ЦК КПСС, по существовавшему тогда положению не мог быть привлечён к сотрудничеству в качестве агента. В то же самое время имела место разумная практика поддержания тесных деловых контактов между руководителем корпункта и резидентом КГБ. Между ними происходил постоянный обмен политической информацией. Это было необходимо, чтобы избежать ошибок при оценке той или иной ситуации. Кроме того, был необходим и обмен сведениями на разных людей, чтобы не напороться на каких-либо провокаторов или просто проходимцев. Мог быть у Примакова и псевдоним. Псевдонимы присваивались не только агентуре, но и политическим деятелям и сотрудникам различных учреждений, так как в шифрованной переписке удобнее и безопаснее было назвать псевдоним вместо указания должности и фамилии. Так что в этом вопросе любопытства всегда было больше, чем пищи для него.

Являясь руководителем двух крупнейших академических институтов - Востоковедения и Мировой экономики и международных отношений,- доктор экономических наук, а затем и академик Примаков поддерживал постоянно нормальные рабочие контакты с КГБ и в первую очередь с разведкой. Он был инициатором многочисленных симпозиумов, совместных ситуационных анализов, на которые приглашались представители различных ведомств. В этот период возобновились и наши регулярные деловые контакты и дружеские отношения.

Добрый, отзывчивый на чужую боль Евгений никогда не мог причинить кому-либо вреда. Ему совершенно не свойственны чувства зависти, мстительности или злобы, но тем не менее на всех этапах его быстрой научной карьеры и становления его в качестве общественного деятеля появлялись какие-то завистники и недоброжелатели, сочинялись пасквили и анонимки, распространялись сплетни.

Всё это не мешало Примакову, однако, работать и получать удовольствие от жизни. Уже при рождении был дарован ему свыше неистребимый заряд оптимизма.

В период, когда Примаков директорствовал в институтах, и даже несколько ранее ему поручались различные деликатные миссии в арабских странах и на Ближнем Востоке. Пробирался он и по горным тропам в восставший Иракский Курдистан, устанавливал дипломатические отношения с Оманским султанатом, уговаривал Саддама Хусейна отказаться от очередных авантюр и тому подобное. И,

конечно, во всех этих миссиях именно разведка оказывала ему необходимую помощь. И несмотря на то, что прежнее тайное давно уже в наши дни стало явным, авторы дурацких статей и сейчас с наивностью благородных институток бесконечно задают один и тот же вопрос: «А не лукавит ли Примаков? Ведь вовсе не от «Правды» и не от институтов он совершал эти миссии, а от разведки!» Казалось бы, всем давно уже понятно, что поручения деликатного свойства и вообще все командировки за границу совершались в те времена по решению ЦК КПСС, а предложения по важным миссиям политического свойства вносились в ЦК КПСС Министерством иностранных дел, международным отделом ЦК, КГБ, Министерством обороны и другими ведомствами. Естественно, Евгений мог выезжать для выполнения этих поручений только в своём качестве то ли заместителя главного редактора «Правды», то ли директора института...

В 1981 году в жизни моего друга наступили чёрные дни. 1 мая, прямо во время демонстрации, скончался от сердечного приступа сын Примакова Саша, молодой и способный учёный. Очевидно, он унаследовал слабое сердце от Лауры, которую в июне 1987 года также внезапно, прямо на улице, настигла смерть. На помощь Примакову бросились его многочисленные друзья, поддержали его, обогрели, помогли, чем могли.

Я не хочу далее касаться этой темы, нанизывать одно на другое слова сочувствия и сострадания. Скажу только, что эти утраты переживали многие люди, близкие к семье Примаковых. Ушедшие от него родные продолжают жить в нём, с ними он ежедневно беседует и вовлекает в общую беседу о них своих друзей.

Самое же удивительное, что после всего этого Примаков не сник, не сломался, не утратил своей работоспособности, а наоборот - как бы противопоставил всем своим несчастьям страстное желание работать, работать и работать. И при этом его потребность быть постоянно в движении и среди людей стала ещё более очевидной. Все это достойно удивления и даже восхищения...

В застойные времена была изобретена удачная формулировка - активная жизненная позиция. Мне лично она очень нравится, поскольку применима ко всему человечеству и определяет главную сущность людских характеров. Благодаря своей активной жизненной позиции, трудолюбию и умению строить отношения с людьми Примаков в конце концов и занял по праву высокие посты и в ЦК КПСС, и в Верховном Совете СССР.

После провала ГКЧП в августе 1991 года теряющий власть и почву под ногами Горбачёв направил своих членов Совета безопасности Бакатина и Примакова соответственно в КГБ и разведку.

Первый начал осуществлять свойственную ему функцию разрушителя, второй сделал все, чтобы сохранить разведку, а в дальнейшем и укрепить её положение в российской государственной системе.

В декабре 1991 года в Ясенево, в расположении Службы внешней разведки, появился президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин, чтобы решить вопрос о её директоре. Это был беспрецедентный шаг. Никогда ранее глава государства здесь не бывал.

Замордованные и дезориентированные, мы вдруг почувствовали, что ещё что-то значим для государства, раз к нам пожаловал сам президент. Он начал свою речь просто и доходчиво:

- Одни говорят, что Примаков находится на своём месте, другие - что он не компетентен и здесь должен сидеть профессионал. Давайте посоветуемся, обсудим этот вопрос и совместно примем решение.

Своего рода исключительное событие. Торжество демократии! Глава государства совместно с руководящим составом разведки решает жизненно важный для нас вопрос.

Идя на это совещание, я, естественно, готовился выступить, вспоминал какие-то факты, подбирал аргументы, мысленно обосновывал необходимость оставления Примакова в кресле начальника разведки.

Когда Ельцин открыл дискуссию, первым взял слово ныне покойный заместитель директора СВР, эрудит и книгочей, Вячеслав Иванович Гургенов, оставивший в нашем ведомстве неизгладимый след и прекрасную память. Он, в свойственной ему чёткой и лаконичной манере, изложил свои соображения о необходимости оставить Примакова на посту руководителя разведки. В конце его выступления я почувствовал, что надо взять слово и мне, как старшему по возрасту и по стажу работы в разведслужбе. Моё выступление было более пространным.

Во-первых, я высказался в том смысле, что нынешний директор вовсе не новичок в разведке, что он и ранее выполнял важные разведывательные задания, имел постоянные контакты с Первым главным управлением КГБ, будучи журналистом и директором академических институтов, и не утратил связи с разведкой, находясь на ответственных государственных и партийных постах.

Во-вторых, в сложившихся ныне условиях на посту директора СВР целесообразнее иметь известного политолога, учёного и авторитетного человека в государстве, нежели чем просто опытного профессионала. Профессионалами же являются все нынешние заместители директора, так что в руководстве разведки уже существует слаженный оркестр.

В-третьих, Примаков за короткий срок в разведке успел сделать многое: сохранил её кадры и определил её место и значение в условиях новой российской действительности.

В-четвёртых, я рискнул сказать, что выражаю общее мнение коллектива о Примакове,

Затем, затаив дыхание, я стал слушать других выступающих, следя в то же время за реакцией президента. Высказалось человек двенадцать. Мнение было единогласным: Примаков нужен во главе разведки.

Подводя итоги, Б.Н.Ельцин сказал:

- Многие лица из моего окружения советовали мне заменить Примакова, но я понял в результате состоявшегося обмена мнениями, что они были не правы.

Я должен также сказать, что когда я был в опале и подвергался всяческому шельмованию, Евгений Максимович был одним из немногих государственных деятелей, которые относились ко мне по-человечески и не стеснялись подавать мне руку. Так тому и быть! - Вслед за этим глава государства взял предусмотрительно заготовленный проект указа о Примакове (были и другие заготовки) и прилюдно подписал его.

В своём заключительном слове президент назвал как раз одну из характерных черт Примакова - его доброжелательное отношение к людям, независимо от политических или идеологических воззрений. У нас ведь как воспитывались послереволюционные поколения? Очень просто: раз ты идейный противник - значит, ты и мой личный враг.

Примаков же мог с кем-то расходиться в политических или научных взглядах, а также по вопросам этики, морали и поведения, но при этом мог относиться к этому человеку сочувственно и даже дружески. Раньше меня, признаться, удивляла эта всеядность или, выражаясь научно, поливалентность Евгения, но теперь я вижу в этом скорее проявление мудрости, так как при полном разбросе и полярности политических мнений и различном образе самой жизни в нашем нынешнем российском обществе жить по-иному вообще было бы просто невозможно.

Недоброжелателей Примакова раздражает факт его непотопляемости. «Почему, - вопрошают они,- он так долго находится на верхней ступени нашей государственности: и при Брежневе был Примаков, и при Андропове, и при Черненко, и при Горбачёве, и при Ельцине? Это же вопиющая беспринципность!»

Прежде всего надо сказать, что при Брежневе, Андропове и Черненко никаких партийных и государственных постов Примаков не занимал, а функционировал в сфере науки, выполняя при этом, как и многие другие руководители академических институтов, поручения политического характера. Но не это главное. Основным в политическом поведении Евгения является то, что он всегда хотел работать на благо своего государства, приносить ему пользу и получать личное удовлетворение от хорошо сделанной работы, а вождей себе он никогда не выбирал. Скорее наоборот: Горбачёв взял его себе в ближайшие сотрудники как человека знающего и деятельного. К сожалению, подобных людей было мало в окружении первого и последнего президента Советского Союза.

Есть у Евгения Максимовича ещё одна особенность, которая меня всегда удивляла, а иногда и раздражала: его доверчивость к окружающим. Все у него хорошие, все знающие, все добрые. «Откуда такая наивность?» - думал я. Оказалось, что это тоже его позиция, метод, философия. Скажем, будучи уже директором СВР, к подавляющему большинству своих партнёров в силовых структурах и государственных

учреждениях он относился с большим доверием и высказывался о них только в положительном ключе.

В конечном счёте позиция Примакова оказалась беспроигрышной. Он создавал вокруг себя как бы положительное поле, и никто никогда не мог его упрекнуть в предвзятости, недоброжелательности, в нежелании сотрудничать и взаимодействовать.

Вообще, в том, что касается отношений с коллегами и подчинёнными, Примаков всегда проявляет терпение высшего порядка. Лишь многократно и до конца убедившись в неблаговидных поступках того или иного человека, он расстаётся с ним, не прибегая при этом к демонстрации своего недовольства. Короче говоря, ему совершенно не свойственна та идиотская принципиальность, когда из-за какой-то несущественной мелочи люди начинают криком кричать, портить настроение себе, окружающим и в своём ослеплении забывают о первопричине конфликтной ситуации и губят начатое дело.

Мне помнится, что с юношеских лет Евгений был добрым, терпеливым и отзывчивым человеком, а смерть сына и жены ещё больше обострила эти качества. Все его друзья смело обращаются к нему за помощью и знают, что если это в его силах, он всегда поможет.

Службой в разведке Примаков дорожил, рассматривал её как подарок судьбы и как проявление к нему доверия со стороны сотрудников СВР. Назначение на должность начальника разведки гражданского человека и академика многие зарубежные политологи расценили как свидетельство демократических тенденций в нашем обществе. И по большому счёту это именно так и было. Не случайно новый директор СВР с первых дней пребывания на своём посту начал думать о создании закона о разведке, о придании деятельности службы цивилизованных форм и методов. Я думаю, что Примаков поступил очень мудро и дальновидно, отказавшись и от больших генеральских звёзд при назначении на должность начальника разведки, чем ещё больше повысил свой авторитет среди её сотрудников.

Кстати говоря, приход Евгения Максимовича в разведку после провала ГКЧП заранее был вычислен нашими аналитиками, и он отнюдь не свалился нам как снег на голову. Примаков легко и естественно вписался в наш коллектив, так как многих сотрудников здесь он знал лично, а главное, хорошо понимал международную обстановку и место России в изменившемся мире. Знание российской действительности, многочисленные деловые контакты с прежними и новыми государственными деятелями и острое политическое чутьё позволили ему избежать на новом посту каких-либо ляпов и ошибок. Он никогда не выдвигал авантюрных предложений и не делал ошибочных прогнозов в развитии международных событий, тщательно сам выверял разведывательную информацию, предназначенную для доклада руководству страны.

Всю работу разведслужбы Примаков ввёл в спокойное русло -

систематический доклад актуальной информации, прогнозы, предложения, содействие средствами разведки внешнеполитическому курсу государства и никаких самостоятельных акций в сфере международных отношений. Всем абсолютно ясно, что руководить разведывательным ведомством при устоявшейся государственной системе намного легче, чем в условиях политической нестабильности в стране, раздираемой острыми противоречиями. Всем также понятно, что удержаться на плаву в таких условиях разведка может, если её руководитель обладает высокими профессиональными и нравственными качествами и способен к тому же создать в руководстве службы коллектив единомышленников. Евгению Максимовичу все это удалось.

Прошло полвека с тех пор, как мы познакомились с Примаковым в Московском институте востоковедения. В те далёкие годы нам не дано было знать, кем мы станем впоследствии, и тем более, что оба окажемся на работе в Службе внешней разведки. Я вообще на первых курсах института не знал, что это такое, и не мог, конечно, предполагать, что спустя пять десятилетий не раз скажу Примакову: «Спасибо тебе, Женя, что ты спас разведку в самое тяжелое для неё время!»

Спокойное и разумное руководство Службой внешней разведки предопределило и назначение Примакова министром иностранных дел в январе 1996 года. Для него это был не свободный выбор: он подчинился логике обстоятельств.

Естественно, как человеку и политику Примакову было лестно и приятно, что ему был предложен этот высокий пост, однако я уверен, что если бы он был свободен в выборе, он предпочёл бы остаться на посту директора СВР. Прощаясь с руководящим составом разведки 10 января 1996 года, новый министр иностранных дел сказал: «Я прирос к разведке... Я провёл здесь свои лучшие четыре года и четыре месяца... Ухожу от вас не по своей воле...»

Новое назначение Примакова повсеместно вызвало многочисленные отклики. Серьёзные комментаторы отмечали знание им проблем внешней политики страны, компетентность в международных делах. При этом подчёркивалось, что новый министр не представляет никаких политических платформ, не служит интересам каких-либо политических групп, а движим лишь государственными интересами России, и, кроме того, его линия в проведении внешней политики будет полностью предсказуема. Наряду с объективными и спокойными комментариями, было много и гнусностей, злопыхательства и просто охаивания. Появились и решительные прогнозы: «Специалисты дают новому министру один-два месяца, чтобы проблемы и трудности не оставили от маски самоуверенного сановника и следа». Активно обыгрывалась и тема утечки через Примакова секретов СВР на Запад. Со ссылкой на тех же анонимных специалистов утверждали, что на одном из первых заседаний руководства разведки Примаков потребовал дать ему список всей агентуры СВР, а потом эти данные, понятно, и утекли...

Мало-мальски знающие и разбирающиеся в делах разведки люди

осведомлены, конечно, о том, что никогда ни в одной разведслужбе не составлялись и не составляются полные списки агентуры. Это категорически запрещено, и если бы какой-либо безумец дал такое распоряжение, то оно не было бы выполнено ввиду явно преступного характера подобного указания. Начальники подразделений разведки, конечно, знают свою основную агентуру, ибо иначе они не могут осмысленно руководить оперативными мероприятиями на своём участке работы. При этом в подавляющем большинстве случаев агентура известна им по псевдонимам, а не по их настоящим именам. Настоящие имена агентов в разведке вообще никогда не произносятся.

Когда в статье то ли о Примакове, то ли о разведке вообще идут ссылки на анонимных «специалистов», «знающих людей», «аналитиков», «ветеранов разведки», «высокопоставленных друзей-генералов», то далее обычно следует беспардонное враньё, неуклюжие выдумки и просто злобное кудахтанье. Как правило, сами такие авторы никогда никакого отношения к разведслужбе не имели, Примакова в глаза не видели, а просто выполняли за деньги чьи-то поручения.

Из боязни сделать хотя бы маленькую рекламу авторам подобных статей и из чисто гигиенических соображений я не буду приводить их имён и злоупотреблять цитатами, но кое-кого все же надо упомянуть.

Дело в том, что более определённый внешнеполитический курс Примакова, проводимый в национальных интересах России, вызвал истерическую реакцию со стороны некоторых лжедемократов - сторонников полного подчинения российских интересов интересам США. Очередная антипримаковская кампания началась, когда окончательно была определена наша внешняя политика по вопросу о продвижении НАТО на Восток и когда весной 1997 года Примакову сделали операцию по поводу удаления жёлчного пузыря. Пошли заказные статьи, а на телеэкранах снова замаячил бывший министр иностранных дел Козырев - как новая старая надежда российской дипломатии. В телепередаче «Герой без галстука» Козырев даже поведал, что его любимый поэт - Брюсов и в подтверждение этого признания прочитал, запинаясь и перевирая, стихотворение «Мне не нравится томность ваших скрещённых рук»... которое написал вовсе не Брюсов, а, простите, Николай Гумилёв.

Страстный призыв к возвращению Козырева в министерское кресло прозвучал в бесцеремонной статье Константина Борового, опубликованной в «Независимой газете» 6 февраля 1997 года под заголовком «От Козырева к Примакову - путь назад». Название статьи более чем неудачно, так как путь от Козырева к любому другому министру может быть только путём вперёд. Пятиться назад и сдавать все наши позиции во внешней политике, как это делал Козырев, дальше было просто невозможно.

Бессмысленные выдумки Борового со ссылками на анонимных «бывших коллег Примакова» и на «намёки специалистов» о том, кто привёл Евгения Максимовича на министерский пост (Коржаков!) и кто сидит у Примакова на крючке (Кучма и Квасьневский!), не поддаются

разумному истолкованию и несовместимы со здравым смыслом.

В подтверждение грубого и крайне тенденциозного характера статьи приведу несколько цитат.

«За деньги американцев российская разведка наносила ущерб американской безопасности». Вот, оказывается, о чьих деньгах и о чьей безопасности печётся в Думе Константин Боровой!

И далее:

«Примакову было позволено лишь облизывать ручки дверей, за которыми проходили переговоры, а на подписание договоров, участником которых был Козырев, Примакова даже не приглашали». Эта хамская фраза хорошо иллюстрирует уровень интеллекта и воспитания Борового, а в сочетании с первой цитатой показывает наглядно, ручки чьих дверей он готов лизать сам.

И ещё один шедевр из статьи: «...Всего этого было недостаточно, чтобы старого волка назначить министром иностранных дел вместо молодого и уважаемого всеми профессионала»... Кто, спрашивается, позволил Боровому давать оценки Козыреву от имени всех? Очевидно, в данном случае действует принцип: если Боровой любит Козырева, а Козырев любит Борового, и их обоих любит Новодворская, то все трое они суть любимцы всего нашего народа!

Среди статей, написанных о Примакове в критическом ключе, есть одна явно заказная, где каждая строчка дышит недоброжелательством. Статья называется «Канцлер», помещена она в еженедельнике «Собеседник» № 11 от марта 1997 года. Автор - некто Владимир Воронов, обозначивший своё журналистское амплуа как «расследователь». Судя по тону и содержанию статьи, её автор придерживается крайне правых, экстремистских взглядов по отношению к арабскому миру. Президенты Сирии и Ирака, естественно, называются диктаторами, палестинцы - террористами, а Израилю присваивается эпитет «дружественное нам государство Израиль»!

Статья эта интересна тем, что в ней собраны практически все публиковавшиеся ранее обвинения в адрес Примакова, поэтому имеет смысл прокомментировать некоторые её положения по порядку.

В начале даётся характеристика личных качеств Примакова. «Самое яркое впечатление от министра - его неяркость», самое его любимое место обитания - кабинетный полумрак, улыбка у него «дежурная», а его речь «поразительно скупа, суха, бледна, обтекаема и трудновоспринимаема на слух».

Ну что сказать? Здесь нет ни слова правды. Все люди, которые знают Примакова и общаются с ним, знают, что он - яркий, живой, общительный, остроумный человек. Евгений Максимович всегда на людях, он никогда не замыкался в тёмных кабинетах, речь его точна, конкретна, выразительна, а все его доклады и выступления имеют ещё одну прекрасную особенность - они сжаты и предельно понятны.

Следующее обвинение: это служба Примакова на высоких постах при всех режимах. Он-де вписывался в «номенклатурную вертикаль - при Хрущёве и Брежневе, Андропове и Черненко, Горбачёве и Ельцине». Каждый новый ниспровергатель добавляет к списку вождей по меньшей мере одну фамилию. Последующим авторам, пишущим о Примакове, я советую начинать прямо с Маркса, примерно так: горячо исповедуя ложные принципы учения Маркса, Энгельса и Ленина, Примаков занимал партийные и государственные посты при Сталине, Хрущёве (далее по известному списку).

Воронов обвиняет академика в том, что он учился в привилегированном Институте востоковедения, где студенческая жизнь «была отравлена премерзостным духом гниющей сталинской диктатуры». На самом деле это высшее учебное заведение было открыто для всех, и я тому свидетель. Хороший был институт, много было в нём отличных преподавателей, радостная и здоровая атмосфера царила там, было скромное, но уютное общежитие в Алексеевской студгородке, все студенты получали стипендии и имели государственное распределение по окончании учёбы. Но вот прошло с тех пор 50 лет, и некто Воронов, наверное, годящийся нам по возрасту во внуки, наконец открывает нам глаза и публично объясняет, как нам было плохо. Нам-то было хорошо, а вот каково теперь нынешним студентам?

Далее идут уже набившие оскомину подробные «исследования» «расследователя» на тему - кто же всё-таки посылал Примакова в командировки за рубеж? Ну, успокойтесь же, наконец! ЦК КПСС посылал, в том числе и по инициативе разведки, и по согласованию с другими ведомствами. Ну что, теперь вам полегчало немного?

Следующие абзацы уже связаны непосредственно со мной. Удостоился, однако, высокой чести быть упомянутым! То Фредерик Форсайт в своей книге угробит и похоронит на Новодевичьем кладбище, то Олег Калугин обвинит в сдаче Эймса, а теперь вот некто Воронов компрометирует Примакова тем, что он не только не скрывал свои тесные контакты с резидентом КГБ в Каире Вадимом Кирпиченко, но «более того, после своего воцарения в Ясенево Примаков сделал Кирпиченко своим консультантом, фактически замом...»

Вот беда! Опять Примаков дал промашку! Не мог скрыть от широкой мировой общественности дружбу с кагебешником! Далее автор статьи бросает Примакову кость, которая призвана быть своего рода показателем объективности «расследователя». Он пишет: «Сотрудники ИМЭМО характеризуют своего бывшего шефа положительно. Примаков был единственным директором, про которого ни разу не сочинили анекдот, сплетню. Да и поводов он не давал». Эта констатация, кстати говоря, опровергает вольно или невольно многие другие инсинуации Воронова.

После этого единственно позитивного абзаца в статье опять идёт одна чернуха. Автор буквально изничтожает своим сарказмом Примакова за дружбу с арабами, явно людьми десятого сорта: «...Лично знакомый с

лицом арабской национальности Арафат-Асад-Саддамом, академик был одним из тех, кто влиял на ближневосточную политику нашего государства добрых два десятка лет. Не в последнюю очередь благодаря ему мы мило дружили семьями с палестинцами, йеменцами и прочими лицами саддамхусейновской национальности...»

Ещё один решительный удар Воронов наносит Примакову за то, что тот осмелился в своей книге сожалеть относительно гибели тысяч мирных жителей Ирака в результате бомбёжек и обстрелов его территории американской авиацией. Во-первых, как можно понять автора, выражать сочувствие по поводу смерти каких-то арабов вообще нельзя, поскольку это просто неприлично, а во-вторых, почему Примаков не сочувствует чеченцам? «Никак не пойму, - пишет сочинитель, - почему академик и член Совета безопасности России не уронил и слезинки по поводу гибели десятков тысяч мирных граждан собственной страны от бомб уже российской авиации и снарядов российской же артиллерии во время «восстановления конституционного порядка» в Чечне?»

Дальше идут знакомые уже пассажи о сдаче Эймса («Отдельные профессионалы утверждают, что Эймса «сдали» в Москве»), ну и, конечно, (а как же без этого?) о «золоте партии», поискам которого, естественно, мешал академик Примаков. И не просто мешал, а прямо пустил под откос «попытки расследовать каналы утечки за рубеж и местонахождение „золота партии»«.

Справедливости ради следует отметить, что Служба внешней разведки полностью отчиталась за все денежные операции ЦК КПСС, к которым она имела отношение, и перед президентом, и перед парламентом, и перед многочисленными комиссиями, и никаких претензий по этой части к разведке нет. Ну, а «расследователь» Воронов пусть теперь сам уже ищет «партийное золото». Может, глядишь, и обнаружит его где-нибудь в Израиле.

А в конце повествования автор пишет о чём-то вообще малопонятном: о каких-то мертвецах, выползших из брежневского гроба, и братьях-славянах, убегающих «прочь, прочь от араболюбивых канцлеров...» После этих мистических сцен делается вывод, что канцлер Примаков всё равно всех переживёт и будет канцлером при новом режиме. Я лично ничего не имею против этого, а также против того, что Евгений Максимович переживёт и самого автора, потому что пользы государству от Примакова больше, чем от Воронова.

Итак, Служба внешней разведки в январе 1996 года рассталась со своим директором. Рассталась с большим сожалением, но сохранила его в своей памяти на долгие годы. Портрет Примакова висит на Доске почёта в кабинете истории разведки, а его имя золотыми буквами написано на стенде, где перечислены все разведчики, награждённые знаком «За службу в разведке».

На посту директора СВР с этого времени находится Вячеслав Иванович Трубников, бывший при Примакове его первым заместителем.

Он исходит из того, что, осуществляя свои служебные задачи, разведка вместе с тем должна самым активным образом способствовать успешному выполнению Министерством иностранных дел внешнеполитического курса России. Тесное взаимодействие между Примаковым и Трубниковым привело к тому, что впервые в истории нашего государства перестали существовать серьёзные раздражители между МИД и разведкой. Обнаружилась поистине удивительная вещь: как только на постах министра и директора оказались два порядочных человека, живущие интересами государства, сразу ушли в прошлое долголетние противоречия и недопонимания. При этом, конечно, играет большую роль знание обоими руководителями специфики работы каждого из ведомств. Короче говоря, никогда раньше такого благополучия между дипломатическим ведомством и ведомством разведывательным не наблюдалось. Ну, а пресса будет продолжать делать своё дело -печатать про Примакова и хорошие статьи, и плохие. Это нормально в нынешних условиях. Знаю, что Евгений Максимович на критику не обижается, а на инсинуации и злобные сплетни не реагирует. Он по-прежнему ведёт активную, интересную и созидательную жизнь. Да и сама она, жизнь, у него за последние годы стала полегче. В доме его появился уют, тепло, покой. Это всё обеспечила жена Примакова - Ирина Борисовна, врач по профессии и призванию, женщина под стать мужу, жизнерадостная, приветливая, умная. Оба они многим обязаны друг другу. В их дом приятно приходить...

В прессе иногда писалось, что Примаков - это человек-загадка. Так кто же он такой на самом деле?

В меру своих сил и способностей я попытался ответить на этот вопрос.

Наши новые знакомые - директора ЦРУ

Если лет 25 тому назад Уильям Колби, тогда директор ЦРУ США, обращаясь к какой-либо аудитории, объявил: «Вот, познакомьтесь, пожалуйста, мой хороший друг и коллега Вадим Кирпиченко!», я бы сам скомандовал себе: «В Сибирь, шагом марш!» и отправился бы в какой-нибудь лагерь, где обретались вероотступники, узники совести и правозащитники.

Такой шизофренический сон мог привидеться прежде только в результате неумеренного употребления алкогольных напитков.

Но прошли годы, и этот бред стал явью. Действительно, Билл Колби и я прилюдно называли друг друга коллегами и друзьями. Мир изменился, и люди тоже.

Впрочем, Билл Колби, увы, уже покойный, - это особый случай. Из всех директоров ЦРУ он наиболее активно боролся за избавление своего учреждения от таких его функций, как многочисленные «тайные операции», связанные с грубым вмешательством во внутренние дела суверенных государств, похищением и уничтожением неугодных

Вашингтону людей, совершением государственных переворотов и так далее. Надо сказать, что Колби нашёл в себе мужество, чтобы публично не один раз осудить эти варварские действия. Многие подчинённые уважали его за это. Но матёрые волки «холодной войны» считали диссидентом и даже предателем.

Впервые мы познакомились с Колби в Софии в апреле 1992 года на международной конференции представителей спецслужб, а затем стали регулярно встречаться на различных форумах, конференциях и семинарах в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сеуле, но чаще всего в Москве. Затем последовали знакомства с другими директорами ЦРУ, бывшими и действующими, - Гейтсом, Вулси, Хелмсом, Уэбстером и, наконец, Тернером. Повезло мне, однако, на контакты со «шпионами № 1» Америки. Долгие годы мы изучали названных и подобных им деятелей на расстоянии, не имея какой-либо прямой связи с ними, и все они представлялись нам людьми, наделёнными какими-то сверхъестественными качествами, не похожими на простых смертных. Главное для нас было определить поточнее их политические взгляды, отношение к СССР, к России, проанализировать их практическую деятельность по руководству Центральным разведывательным управлением.

И теперь, время от времени встречаясь с этими, в основном пожилыми уже людьми, я с интересом изучаю их, пытаюсь обнаружить в них какие-то необычные свойства характера, интеллекта, что-то отличающее их от простых людей, но, честно признаться, не обнаруживаю ничего удивительного.

Объективности ради следует признать, что у всех них есть характерные особенности и свойства: выдержка, спокойствие, вежливость, умение слушать собеседника. Никто из них не страдает недержанием речи, все мало едят и очень мало пьют спиртного на приёмах и званых обедах. Они никогда не выказывают раздражения или явного удивления.

Очевидно, все эти качества выработаны долгой работой в службах, где неврастеникам нет места, где приходится принимать важные государственные решения и распоряжаться судьбами людей. В этих условиях и рождается привычка взвешивать каждое сказанное слово и не давать произвольного выхода своим эмоциям.

Все бывшие директора ЦРУ с большим удовольствием приезжают в Россию, чтобы, наконец, понять, кого они победили в «холодной войне», с кем и зачем они всё-таки боролись, отдав этой борьбе лучшие годы жизни. Во время встреч с ними у меня возникало ощущение, что, посещая наши города и веси, они прежде всего хотели убедиться, что Россия побеждена навсегда, что больше она никогда не поднимется, и испытывали от увиденного у нас чувство большого облегчения. Поэтому столпы американской разведки были милы, ласково улыбались и горячо благодарили за гостеприимство.

Меньше всего дарил нам улыбок Гейтс. Приезжал он в Москву в октябре 1992 года в качестве действующего директора ЦРУ, был сдержан, осторожен, недоверчив и боялся сделать какой-нибудь неверный шаг. По всему чувствовалось, что отойти от мысли, что перед ним находится уже не «главный противник», он не мог, да и беседы с нами он пытался временами вести с позиции силы. Идея поддержания контактов на равных ему никак не подходила. Поведение Гейтса, манера излагать свои мысли, его взгляды находились в полном соответствии с имевшимися у нас характеристиками: убеждённый воин времён «холодной войны», сильный аналитик, противник поиска разумных компромиссов.

Роберт Гейтс возглавил ЦРУ в 1991 г. после Уильяма Уэбстера, во время правления президента Буша. Исследователи разведывательных служб, политологи, представители средств массовой информации всегда называли Гейтса опытным разведчиком, прошедшим все ступени служебной карьеры вплоть до высшего директорского поста. Позволю себе с этим не согласиться. Вряд ли можно назвать опытным разведчиком, асом разведки человека, который сам ни разу не работал «в поле», не встречался с агентурой в «боевых» условиях, не вербовал агентов и не докладывал добытую им самим информацию в Центр.

Люди наподобие Гейтса, сделавшие карьеру в разведке исключительно в штабах, на мой взгляд, и по характеру, и по образу жизни отличаются от сотрудников, прошедших свой путь через работу в резидентурах. Конечно, мои наблюдения не являются универсальными и их, естественно, можно опровергнуть различными живыми примерами, но всё-таки люди, работавшие «в поле», как правило, более коммуникабельны, более открыты для общения, у них меньше комплексов и, наконец, они вообще более дружелюбны и оптимистичны, чем бюрократы, которые всю жизнь провели в коридорах власти. Аппаратчик, не нюхавший настоящей разведывательной работы, страдает, как правило, комплексом неполноценности и отсутствие конкретного опыта пытается компенсировать показной строгостью, жёсткими подходами и неразумной мелочной требовательностью. Такие люди встречались и в отечественной разведке. Они могут быть хорошими организаторами, неплохими аналитиками, но до конца понять душу и проблемы «полевого» работника им не дано.

Оценивая Гейтса, пишущие о нём люди как раз и отмечали его неразумную требовательность, жёсткое отношение к подчинённым, недоверчивость и даже грубость.

Сейчас уже трудно установить, какие международные анализы и прогнозы Гейтса оказались точными, а какие нет. Но среди множества высказываний о Гейтсе мне хочется выделить один пассаж, связанный с его отношением к Советскому Союзу, к России. В своих докладах президенту США Роберт Гейтс очень часто преувеличивал разведывательную и военную мощь СССР, что вызывало ответную реакцию руководства США в виде новых финансовых вливаний в американское разведывательное сообщество и в создание новых военных

программ вплоть до известной программы «звёздных войн».

Исследователи ставят вопрос так: а не заключается ли дальновидность и коварство Гейтса именно в том, что, сознательно преувеличивая опасность, исходящую от СССР, он подталкивал президентов США на принятие новых военных программ? Этим самым супераналитик Лэнгли вызывал ответные действия СССР, в результате которых советская экономика потерпела крах, что в свою очередь поставило российскую военную мощь на грань исчезновения. Если это именно так, то надо признать гениальность Гейтса и поставить бюст на родине героя в городе Уичито в штате Канзас, где Роберт Гейтс родился 25 сентября 1943 года, в результате чего, кстати, я вынужден отмечать свой день рождения одновременно с Гейтсом.

Следующим директором ЦРУ, с которым мне пришлось познакомиться, был Роберт Джеймс Вулси. Встреча состоялась в Вашингтоне в январе 1993 года, когда он ещё не был окончательно утверждён в своей новой должности. Вулси произвёл на меня очень хорошее впечатление своей политической незашоренностью, искренним желанием понять собеседника, готовностью к поиску полей сотрудничества.

В отличие от Гейтса, у него уже был обширный опыт взаимодействия с советскими представителями на различных международных совещаниях и конференциях, в основном по вопросам разоружения.

Так, он принимал участие в качестве члена делегации США на переговорах по ограничению стратегических наступательных вооружений в Хельсинки и в Вене, а затем был уже руководителем американской делегации на переговорах в Женеве в 1969-1970 годах. При президентах Рейгане и Буше работал в ряде правительственных комиссий, в том числе по реформе Федерального законодательства по стратегическим силам.

Поражает количество университетов, которые Вулси окончил с отличием: 1963 год - Стенфордский, 1965 - Оксфордский, 1968 - Йельский.

Разговор с Вулси был конкретным, насыщенным и профессиональным и касался главным образом вопросов будущих контактов между ЦРУ и СВР. И, надо сказать, что в дальнейшем Вулси стремился пунктуально выполнять все договорённости.

И Гейтс, и Вулси не справились с задачей реформирования ЦРУ, которое оказалось необходимым в период после окончания «холодной войны», они систематически подвергались критике со стороны общественности и Конгресса США и, наконец, пали, став жертвами дела Олдридча Эймса (Олдридч Эймс - руководящий сотрудник ЦРУ, осуждён в 1985 году американским судом к пожизненному заключению за шпионаж в пользу СССР, а затем России. Он признал, что был советским и российским агентом с 1985 по 1994 год. Служба внешней разведки это сообщение не комментировала). Долго он будет им ещё являться в кошмарных сновидениях!

После своей отставки Вулси не ушёл из большой политики, он часто

высказывается по вопросам международных отношений, по поводу главных направлений деятельности ЦРУ. Приведу одно из его характерных высказываний в интервью, которое было опубликовано в январе 1997 года во французском сборнике «Политик интернасиональ»:

«ЦРУ переживает сложный период переориентации на новые цели, задачи и методы разведывательной деятельности, что вызвано происходящими в мире политическими переменами. Однако основными объектами его интереса по-прежнему являются Россия и Китай. Пристального внимания требуют также непредсказуемые режимы таких стран, как Иран, Ирак, Ливия, Судан, и исламский фундаментализм. Главными направлениями деятельности ЦРУ на современном этапе остаются добывание разведывательной информации за рубежом, в первую очередь с помощью агентуры, анализ международных событий и прогноз развития ситуации, а также проведение «тайных» операций».

Как и Вулси, большинство других бывших директоров ЦРУ дружно говорят о необходимости реформ, переориентации на новые цели, но по существу все они подчёркивают и утверждают неизменность главных направлений в деятельности ЦРУ, с сохранением прежних форм и методов работы.

В июле 1994 года меня попросили оказать внимание приехавшему в Россию Ричарду Хелмсу. Ему к этому времени исполнился уже 81 год, но жизнь его ещё не согнула, и понятие «старик» к нему как-то не подходило.

Родился Ричард Макгарра Хелмс в семье иммигрантов из Германии и среднее образование получил в немецкой гимназии, а затем прошёл курс в частной средней школе в немецкоязычной Швейцарии.

Окончив в 1935 году Уильямс-колледж в США, Хелмс занялся журналистикой и в качестве американского корреспондента освещал Олимпийские игры в Берлине в 1936 году. Вершина журналистского успеха Хелмса: он получил через год интервью у Гитлера.

С 1942 года Хелмс в звании лейтенанта начал службу в военно-морских силах США. В следующем году его прикомандировали к Управлению стратегических служб (Управление стратегических служб - разведка Вашингтона, созданная в 1942 году. Руководил УСС генерал-майор Уильям Донован. Расформировано после окончания второй мировой войны. Его бывшие сотрудники составили в 1947 году кадровое ядро ЦРУ), он стал, таким образом, профессиональным разведчиком. Ему даже довелось поработать во время войны в Европе под личным руководством самого Аллена Даллеса. За четыре года пребывания в ВМС и УСС Хелмс дослужился до подполковника, затем вышел в отставку и остался на службе в созданном в 1947 году Центральном разведывательном управлении. Здесь он занимал различные руководящие должности, имел отношение к реализации разведывательной программы полётов самолётов-разведчиков «У-2» над территорией Советского Союза и в связи с этим давал показания в комиссии Конгресса по делу сбитого над

территорией СССР американского пилота Пауэрса.

В 1965 году президент Джонсон назначил Хелмса директором ЦРУ. На этом посту он находился до 1973 года.

Вскоре после отставки Хелмса президент США Ричард Никсон совершенно неожиданно для бывшего директора предложил ему поехать послом в Иран. То, что было неожиданным для Хелмса, вовсе не было случайностью для хозяина Белого дома. Он разыгрывал в это время на Ближнем и Среднем Востоке серьёзную шахматную партию. В начале семидесятых годов Никсон поддерживал интенсивную переписку с президентом Египта Анваром Садатом и уже исходил из того, что египетский лидер скоро покончит с советским военным, экономическим и политическим присутствием в Египте. (Советская разведка в этом вопросе, кстати, оказалась на высоте, поскольку имела возможность знакомиться с этим эпистолярным творчеством.) Таким образом, Садат практически становился другом и союзником Вашингтона. Но оставался ещё один верный американский друг - Иран, где последний шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви чувствовал себя год от года все более неуверенно. Сохранить эту страну вместе с Египтом в орбите влияния США - такой была главная задача Никсона. Вот почему ему в Иране нужен был не столько крупный дипломат, сколько опытный разведчик и большой специалист по «тайным операциям». Собственно, новое назначение Хелмса именно так и было понято политологами всех мастей. Но этот шаг, увы, не спас шахский режим, который был сметён волной народного гнева в 1979 году.

Ничего не скажешь - богатая политическая биография, насыщенная большими событиями жизнь... Какой же он на самом деле, этот Ричард Хелмс? Итак, на 82 году жизни вместе со своей супругой Цинтией Маккелви бывший журналист, бывший моряк, бывший разведчик и бывший дипломат, ныне свободный от всех обязанностей, кроме разве умеренной игры в теннис и чтения художественной и мемуарной литературы, Ричард Хелмс прибыл в Санкт-Петербург для осмотра его достопримечательностей. Это был его первый визит в нашу страну.

Оказывая Хелмсу гостеприимство, я имел намерение побеседовать с ним по некоторым вопросам и, в частности, узнать, как правительственные круги США относятся к миротворческой деятельности России в Содружестве Независимых Государств, к положению русскоязычного населения в Прибалтике и к другим актуальным в то время проблемам.

Против ожидания, Хелмс вёл беседу вяло, старательно прислушивался к моим вопросам, часто переспрашивал. Наконец я понял, что у него не всё в порядке со слухом, и умерил своё любопытство.

Несколько раз Хелмс упомянул, что давно уже отошёл от конкретных политических дел, хотя и продолжает живо интересоваться международными событиями.

В ходе беседы я затронул тему о предателях из нашей службы и

сообщил Хелмсу, что в своих мемуарах сделал ссылку на одно его интервью, в котором он квалифицировал наших перебежчиков как людей корыстных и аморальных, а отнюдь не как идейных и бескорыстных борцов против советской системы. Хелмс подтвердил, правда, без большого энтузиазма, сказанное им ранее по этому поводу.

Что касается вопросов, которые задал Хелмс, то его интересовало моё мнение о развитии обстановки в Северной Корее и о книге Судоплатова, с которой он в США уже ознакомился. Я сказал ему, что в книге содержится множество вымышленных фактов, непроверенных материалов и привёл соответствующие примеры.

Надо сказать, что заметно более молодая, чем сам Хелмс, его жена Цинтия активно участвовала в беседе и задавала множество вопросов. Некоторое время спустя после возвращения в США Цинтия прислала в качестве благодарности за хороший приём свою книгу «Жена посла в Тегеране». Главное достоинство книги в том, что автор просто и выразительно рассказывает, как она жила, что видела и слышала в Иране, что читала о его истории и культуре, с кем встречалась, как воспринимала быт и нравы населения. При этом Цинтия не пытается делать каких-либо политических обобщений, не вторгается в чужие сферы деятельности.

От общения с Хелмсами осталось впечатление, что они дружная пара и что они стремятся насытить новыми впечатлениями грустную пору своей жизни.

В июле 1995 года на московской земле появились в качестве гостей посла США бывший директор ЦРУ Уильям Уэбстер со своей молодой супругой (некоторое время он был вдовцом) и бывший американский посол в Заире, Тунисе и Саудовской Аравии Вальтер Калтер также с женой. Уэбстер и Калтер - большие друзья и хорошо известные люди в верхнем эшелоне вашингтонских властей. Посол США в Москве Пиккеринг и другие сотрудники посольства оказывали им подчёркнутое внимание, давали приёмы, обеды и водили их на экскурсии. А у меня состоялось ещё одно интересное знакомство. Мало того, что Уэбстер был директором ЦРУ (1987-1991 годы), до этого он одиннадцать лет занимал пост директора ФБР. Это единственный случай в истории Соединённых Штатов, когда один человек последовательно руководил обеими спецслужбами.

Начинал Уэбстер свою карьеру, как и Хелмс, со службы в военно-морском флоте (1943-1946 годы), затем, получив юридическое образование, работал судьёй и прокурором в штате Миссури.

В США Уэбстер известен как человек, жёстко и неукоснительно исполнявший законы, а кроме того, как смелый новатор: он открыл двери ФБР и ЦРУ для представителей различных этнических групп США. Таким образом, Уэбстер стал в США своего рода символом и олицетворением американской Фемиды, и поэтому все называют его не сэр и не мистер, а «джадж» - судья. Джадж Уэбстер! Хорошо звучит, солидно...

Как и Хелмс, Уэбстер приехал в Россию впервые. Сначала он ловил советских шпионов в США, затем засылал своих в Советский Союз, а

теперь приехал сюда сам, чтобы поразмыслить, зачем он всё это делал, и увидеть собственными глазами бывших «главных противников». Ну и нам очень было любопытно взглянуть профессиональным оком на грозного и всемогущего босса. И снова перед нами сдержанный, вежливый, разумный человек. Подтянутый, спортивный, верой и правдой служивший своему государству, а теперь отдыхающий от своей очень нервной в прошлом работы. Но отдых этот весьма относителен. В свои 70 с небольшим лет Уэбстер полон сил и энергии и состоит консультантом, советником и членом совета директоров разных компаний.

Рассказывая о своём образе жизни, Уэбстер не без гордости поведал, что увлекается теннисом и конным спортом, и даже имеет своих лошадей. Я сразу же задал вопрос, приученный долгой службой в разведке выяснять все подробности, а сколько, собственно говоря, у него скакунов. Тут джадж Уэбстер надолго задумался, и я уже решил, что он просто забыл, о чём у нас шёл разговор. Но после паузы он всё-таки ответил, что у него пять лошадей. Тут я снова проявил настойчивость и спросил Уэбстера, почему он так долго считал. Собеседник ответил, что лошади находятся пока в его совместном владении с сыном и они ещё окончательно их не поделили.

Уэбстер очень гордится и тем, что он происходит из семьи первых переселенцев из Европы. Кстати сказать, таких людей в Соединённых Штатах немало. В их гостиных висят портреты предков - первооткрывателей Америки - и стоят старинные фортепьяно, которые, согласно семейным преданиям, были вывезены из Европы.

Уэбстер сообщил мне, что его прародитель прибыл в Америку в 1620 году на знаменитом судне «Мейфлауэр» («Майский цветок») вместе с другими «отцами-пилигримами», мало того, во время морского путешествия из Европы в Америку он познакомился со своей будущей женой. Здесь же, на паруснике, их и обвенчали.

У Уэбстера интересная манера вести разговор: сначала идёт неторопливая беседа, вопросы, ответы, а потом он вдруг задаёт неожиданный вопрос, сформулированный так, что при любом ответе на него отчётливо видна позиция отвечающего.

На обеде у посла США в честь Уэбстера и Калтера слева от меня сидела живая и весёлая жена Уэбстера, а справа - молодая высокая дама с типичными русскими чертами, миловидная и приятная. При знакомстве она с гордостью сказала, что её девичья фамилия Трубецкая и что она, стало быть, княгиня, а замужем она за американским бизнесменом, также русского происхождения. К этому следует добавить, что напротив меня сидел американец с не менее звучным именем Пётр Голицын. Мне как-то сразу страстно захотелось самому стать отпрыском ещё более древнего рода, скажем, Милославским или Ромодановским, и отсудить у какого-нибудь колхоза свои кровные земли и разводить на них, как Уэбстер, скаковых лошадей... Но, как всегда, сразу возник и проклятый вопрос: «А зачем мне нужны эти лошади? К тому же эти традиционные перебои с овсами... Да ну их всех!..»

Общение с носителями княжеских и графских титулов воскресило в моей памяти историю о том, как прошлым летом мы с женой были приглашены на обед к великим княгиням - бабушке и матери нашего будущего монарха цесаревича Георгия. В ответ на моё признание в близости к августейшей и порфироносной семье княгиня Трубецкая сурово ответила, что эти люди не имеют никакого права на российский престол. Вот тебе и на! А недавно и сам академик Лихачев (естественно, после ухода Собчака с поста санкт-петербургского мэра), опираясь на строго научные исторические факты, доказал, что претенденты не имеют никакого права на царствование у нас. А жаль... В случае чего знакомство с царём могло бы и пригодиться...

После обеда все собрались на веранде посольского особняка на Спасопесковской площадке, где начался оживлённый светский разговор о разновидностях хобби. Дошла очередь и до меня. Я рассказал о своих пристрастиях, сделав акцент на огородных работах и на кошении травы. Это вызвало некоторую сенсацию. Публика стала подходить к нашей группе и живо обмениваться только что полученной информацией. Особый интерес вызвало то обстоятельство, что я сажаю и картошку. Бывший директор ФБР и ЦРУ даже разволновался и, сообщив, что они с женой тоже пытаются что-то делать на своём участке, стал дотошно выяснять, как ухаживать за картошкой, на какую глубину её следует сажать, а главное, каким концом следует втыкать клубни - тупым или острым. С кошением травы все тоже обстояло непросто. Сначала американцы думали, что я кошу траву специальной машинкой, а потом долго не могли понять, что такое коса, ибо уже забыли английское слово «сайс» и думали, что речь идёт о серпе. Ну, прямо инопланетяне какие-то!

Последний мой знакомый из плеяды столпов американской разведки - четырехзвездный адмирал Стенсфилд Тернер. Ранее мне уже много приходилось слышать и читать о нём, и когда в мае 1996 года он вторично приехал в Москву и попросил встречи со мной, я с большим интересом принял это предложение. Встречи с Тернером оказались интересными, насыщенными, достаточно откровенными и, надеюсь, взаимно полезными.

Снова «морской волк», но уже самый настоящий, с самым высоким адмиральским званием на американском флоте. В 1947 году он окончил военно-морскую академию, затем, находясь на военной службе, учился в Оксфордском университете, получил последовательно степени бакалавра и магистра гуманитарных наук по специальности «международные отношения».

Далее пошли войны. Во время войны в Корее Тернер служил на эсминце, затем участвовал в вьетнамском вооружённом конфликте, уже командуя таким же кораблём. С 1972 по 1974 год - начальник военно-морской академии, а затем командующий 2-м флотом США в Атлантическом океане.

В 1975 году Тернер был назначен верховным главнокомандующим союзными вооружёнными силами в Южной Европе со штаб-квартирой в Неаполе.

Оттуда в марте 1977 года Тернер совершенно неожиданно для себя был назначен директором ЦРУ и возглавлял это ведомство до января 1981 года.

Инициатива назначения Тернера на этот пост целиком принадлежала президенту Картеру. В подаренной мне книге «Секретность и демократия. ЦРУ в переходный период» Тернер подробнейшим образом описывает процедуру назначения и свои переживания в связи с изменениями в служебной карьере. Этот поворот в жизни Тернера объясняется тем, что Картер хорошо знал его по совместной учёбе на одном курсе в военно-морской академии. В США назначение Тернера живо обсуждалось и при этом всегда подчёркивалось, что Тернер был официально признан лучшим выпускником курса, а будущий президент занял только 5-е место.

Однако мой большой интерес к Тернеру объяснялся отнюдь не его близким знакомством с бывшим президентом, а его политическими взглядами.

Во-первых, заняв пост директора ЦРУ, он критически оценил положение в этом учреждении и предпринял смелые попытки поставить управление под контроль законодательных органов; а во-вторых, после окончания «холодной войны» он совершенно недвусмысленно заявил, что в новых условиях натовский альянс «сыграл свою роль» и должен быть распущен.

Об этом адмирал, в частности, говорил в октябре 1995 года в норвежском городе Буде на международной конференции, где обсуждалась тема окончания «холодной войны». «Блок НАТО, - напомнил он, - был создан во время «холодной войны» с совершенно ясными целями. Сейчас эти цели достигнуты. Ситуация изменилась, и НАТО в настоящее время находится в поисках своих новых политических целей. Так почему вообще не распустить НАТО?»

В Москву Тернер прибыл по приглашению Института США и Канады Российской академии наук для участия в семинаре «Гражданско-военные отношения в демократическом обществе». Заседание длилось целый день, выступавших было множество, и Тернер, как и другие представители натовских стран, ошарашенно воспринимал убийственные факты о положении в российской армии, о неразберихе с её реформированием, о всевозможных злоупотреблениях и воровстве. Ужасное впечатление произвело сообщение отставного российского генерал-полковника, который поведал аудитории о том, что он теперь не носит генеральский мундир из опасения, что ему могут плюнуть в физиономию, так как его коллеги-генералы постоянно делают безответственные заявления, занимаются коммерцией, погрязли в гнусных интригах, и все эти действия окончательно скомпрометировали некогда уважаемое генеральское сословие. В своих выступлениях представители натовских стран выражали нам своё сочувствие, давали советы, как лучше реформировать армию, чтобы сделать её профессиональной, пытались убедить в том, что продвижение НАТО на Восток не таит в себе никакой угрозы для интересов России, а в душе,

надо полагать, радовались, что теперь навсегда покончено с некогда победоносной Красной, затем Советской, а ныне распятой российской армией. Мне кажется, что я даже улавливал радостный блеск в глазах молодых северо-атлантистов, когда выплёскивался очередной поток информации о бедственном положении нашего воинства.

Стенсфилд Тернер внимательно слушал ораторов, но его серо-голубые глаза ничего не выражали, и изборождённое глубокими морщинами лицо морского волка оставалось непроницаемым.

Вообще, весь его облик - это олицетворение спокойствия, уверенности и собранности. И одет он в спокойные сине-серые тона.

Выступление Тернера также было по-военному чётким и кратким. Он рассказал о взаимодействии ЦРУ с Конгрессом США, о проблемах секретности в разведывательном сообществе США, о необходимости разведки быть законопослушной. Кстати сказать, в своём интервью газете «Совершенно секретно» (№ 7 за 1996 год) адмирал сообщил, что свой доклад на нашей конференции он согласовал с ЦРУ и получил соответствующую апробацию. Замечу попутно, что наши бывшие руководящие работники разведки в большинстве своём считают недостойным согласовывать свои выступления с пресс-бюро Службы внешней разведки России, поскольку наша демократия давно уже обогнала в своём развитии все другие демократии мира, и снова мы маячим впереди планеты всей.

Выступления соотечественников на конференции «Гражданско-военные отношения в демократическом обществе» были в основном острыми и интересными, но все они безбожно нарушали регламент и заплывали в своих рассуждениях далеко в сторону от объявленной темы.

После окончания конференции я спросил у Тернера, как обстоят дела в США на подобных форумах по части соблюдения регламента и деловитости. Собеседник явно не хотел нас обижать, но потом всё-таки сказал, что у них порядка значительно больше, так как в Америке давно научились ценить время.

Как это уже очевидно, из политики Тернер не уходит и помимо активного участия в разного рода конференциях является ещё и профессором Центра международных исследований проблем безопасности Мэрилендского университета. Здесь он ведёт семинар по проблемам возникновения войн, исходя из понимания, что войны есть продолжение внутренней политики государства. Тернер с большим удовольствием принял моё приглашение посетить наше Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации в Колпачном переулке (сейчас оно размещается на Остоженке) и ознакомиться с его работой. Здесь пресс-секретарь директора СВР Татьяна Самолис с большим энтузиазмом рассказала ему о наших принципах работы с журналистами: никому не лгать, вежливо разъяснять, почему СВР не может удовлетворить ту или иную просьбу представителя прессы, не оставлять невыполненным ни одного обещания. Несомненно, такая линия

поведения способствовала тому, что СВР имеет сейчас нормальные отношения со средствами массовой информации. В свою очередь, Тернер с видимым удовольствием рассказал, что, став директором Центрального разведывательного управления, он после недолгих размышлений понял полезность работы с прессой и учредил впервые в истории ЦРУ аналогичное учреждение. Задача его была двуединой: просвещать американскую общественность о деятельности управления и информировать о работе иностранных разведок как в США, так и в других странах.

Беседовать с Тернером было интересно. Он не уходил от ответов на вопросы и создавал впечатление доверительности в разговоре, был всегда чёток и конкретен. Тернер отличается от большинства мужского населения планеты тем, что не курит и не употребляет спиртных напитков. Причиной такого нестандартного, скажем, поведения является то, что пятьдесят лет тому назад погиб в автомобильной катастрофе его родной брат, находившийся в нетрезвом состоянии. После этого Тернер дал обет воздержания от алкоголя и ни разу его не нарушил. Так что выпить за его здоровье во время обеда мне пришлось одному. Своей открытостью, доброжелательностью, готовностью к диалогу Стенсфилд Тернер больше всего напоминал мне Билла Колби. И оба они заметно отличались от других директоров ЦРУ. Если те были способными администраторами и сторонниками замкнутой разведывательной системы, то Тернер и Колби были её реформаторами в сторону большей открытости и законности.

Колби приезжал в Россию чаще остальных бывших директоров ЦРУ, давал многочисленные интервью российским журналистам и у нас, и в США, поэтому нет особой нужды излагать в деталях его взгляды и практическую деятельность. Однако поскольку я имел удовольствие довольно часто общаться с ним, а в промежутках между встречами обмениваться письмами, и тем более, что его уже нет на этом свете, я хотел бы в конце этой главы сказать ещё несколько слой о нём.

Думаю, что Колби искренне хотел глубоких реформ в ЦРУ, чтобы превратить эту организацию в более цивилизованную и законопослушную. Об этом свидетельствуют и его высказывания, и практические действия в бытность директором разведывательного ведомства. Колби решительно выступил против бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других государств, против организации убийств и похищений руководящих деятелей за границей, против проведения медицинских опытов над людьми, он осуждал агрессивную политику США в ряде районов мира. А начал он свою деятельность в качестве руководителя разведки с увольнения на пенсию начальника внешней контрразведки Джеймса Энглтона, который отвечал и за внутреннюю безопасность управления. С течением времени Энглтон превратился в неуправляемого монстра, который никому не подчинялся, подозревал всех в предательстве, стал настоящим параноиком и держался на своём посту так долго потому, что его патологическая ненависть к Советскому Союзу не вызывала ни у кого сомнений и являлась

как бы индульгенцией против всех его грехов и беспрекословным доказательством его выдающегося патриотизма.

Энглтон вёл свои интриги, не ставя в известность руководство Лэнгли, и даже имел в своём распоряжении личные шифры для переписки с зарубежными партнёрами ЦРУ. Как свидетельствуют компетентные люди, особо тесные связи у Энглтона были со спецслужбами Израиля.

Мне всегда было легко и интересно беседовать с Колби не только в силу общности профессии, но и потому, что в наших биографиях было много сходного: одна возрастная группа, участие во второй мировой войне, принадлежность к воздушно-десантным войскам, работа в резидентурах в условиях войн и кризисов (у Колби - вьетнамская война, у меня - арабо-израильские и Афганистан), совместное участие в международных конференциях по проблемам разведки...

Хочу развеять и одну легенду о Колби. И при жизни, и после его смерти американские и российские журналисты переписывали друг у друга одни и те же фразы о том, что он, мол, серая и невыразительная личность. Из одной статьи в другую кочевала фраза: «По словам лиц, хорошо знавших Уильяма Колби, он идеально подходил для шпионской деятельности: незаметный, серый человек, напоминавший коммивояжёра, запомнить внешность которого очень трудно...» Все это не так. Колби, наоборот, привлекал к себе людей своей доброжелательностью, открытостью, вокруг него всегда толпились учёные, журналисты, бизнесмены, всем было интересно с ним поговорить, узнать его мнение по самым различным вопросам, в том числе и далёким от разведывательной тематики. Но, как известно, очень трудно бывает избавиться от однажды найденного клише, особенно если делаются псевдонаучные ссылки на Грэма Грина[1], который якобы использовал черты Колби при написании своего «Тихого американца».

Колби отнюдь не был серым, это был яркий человек, и даже смерть его в апреле 1996 года была необычной: не справившись с течением во время прогулки на байдарке-одиночке, он потерял сознание и утонул в реке Уикомико, недалеко от американской столицы.

В заключение приведу выдержку из письма Уильяма Колби ко мне от февраля 1993 года:

«...Вы правы, что мы ещё не дожили до того момента, когда государства могут обойтись без разведки. Самое главное, вы правы, говоря о том, что разведка должна быть ори-

[1] Речь идёт о романе английского писателя Грэма Грина, напечатанного в 1955 году. ентирована на защиту национальных интересов своей страны, но без идеологических предвзятостей относительно «противников». Следуя таким курсом, разведывательные службы наших государств могут служить своим народам, избегая непродуманных эксцессов на своём пути, и сотрудничать в тех областях, где совместно мы можем сделать больше для своих стран, чем по отдельности. Разработка конкретных деталей этой деятельности будет

непростым делом, но это будет захватывающий процесс, и он принесёт благо всем нам».

Предатели

В своих воспоминаниях о работе в разведке я никак не могу обойти тему предательства, хотя, естественно, никаких приятных эмоций она не вызывает. Но это тоже часть жизни в разведке, и никуда от этой темы не уйти. Предательства имели место в прошлом, есть они и теперь...

Во время сталинских репрессий некоторые разведчики отказывались возвращаться в СССР и оставались за границей во имя спасения своей жизни. Осуждать их трудно: здесь срабатывал нормальный инстинкт самосохранения. После смерти Сталина и устранения Берии и его сообщников никакой «охоты на ведьм» в разведке уже не велось. За время моей службы в этом ведомстве не было ни одного случая, чтобы разведчик стал жертвой доноса, интриг или клеветы и был незаслуженно репрессирован. Теперь предательство имело уже совершенно иную основу - разнообразные проявления аморальности в сочетании с психическими отклонениями. Подавляющее большинство таких предателей попыталось представить себя перед лицом мировой общественности в роли политических борцов с системой, которая провозгласила себя социалистической, как противников тоталитаризма, как «узников совести».

Но вот уже изменилась система, она делает мучительные попытки перейти к рыночной экономике, к демократии, а предателей, увы, не стало меньше, да и прежние «идейные», несмотря на полученные гарантии, что-то не спешат возвращаться на родину. Вывод напрашивается такой: наш перебежчик предаёт не социальную систему, а свою родину, коллектив разведки, друзей (которым предательство перебежчиков обходится дорого - ломается их служебная карьера), родителей, жену, детей. Во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и низменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной спецслужбой на основе компрометирующих материалов; бегство от больной или нелюбимой жены; уход от семьи с любовницей; пьянство и деградация личности на этой основе; трусость, проявленная при столкновении с иностранной спецслужбой; патологическая жадность к деньгам и вещам; половая распущенность; боязнь ответственности за промахи в служебной деятельности; бездушное или неприязненное отношение к своим ближайшим родственникам и даже желание отомстить своему начальнику ценой собственной измены. В этом далеко не полном наборе мотивов предательства возможны самые удивительные сочетания и комбинации.

Каждое предательство тяжело сказывалось на настроениях в коллективе разведки. Ни один такой случай не вызывал в ком-либо сочувствия к самому предателю - со всех сторон раздавались самые

жёсткие и крайние оценки его поступка. Ряд предательств был раскрыт совместными усилиями разведки и контрразведки, и сотрудники, вставшие на путь измены, получили суровые приговоры. Кстати говоря, предательство никогда не остаётся нераскрытым, хотя иногда это происходит слишком поздно.

Те из предателей, кого не настигла кара, кто спас свою жизнь, убежав к своим хозяевам, по данным, которыми мы располагаем, не обрели спокойной и счастливой жизни. В Центре же их предательство оборачивалось многочисленными неприятностями для сотрудников разведки. Начинались мучительные разбирательства и служебные расследования, которые приводили к стереотипным выводам: 1) допущены просчёты при приёме бывшего сотрудника на работу; 2) его плохо изучали и не воспитывали в процессе работы; 3) руководство подразделения допустило ошибку при рекомендации его на работу за границу. Виновным давались взыскания, начиналась очередная кампания перестраховок и недоверия, которая длилась до очередного предательства. Далее всё начиналось с начала и следовали уже знакомые императивы: уволить, понизить, предупредить, объявить, усилить, углубить, потребовать, обратить внимание, тщательно разобраться, наказать виновных своей властью и так далее, и тому подобное.

На той стороне предатель, получив за измену сумму благ, делает безуспешные попытки прижиться на новом месте, пьёт и гуляет под надзором полиции, пытается забыть о предательстве, но сделать это практически невозможно: мысль о том, что он предатель, навсегда поселяется в его сознании и преследует до самой смерти. Жалко покинутых детей, покинутых жён, но всего невыносимее думать о престарелых родителях, об их неустроенной и обездоленной старости, знать, что последней мыслью в угасающем сознании умирающего отца будет мысль о сыне-предателе...

Предатели из числа бывших сотрудников разведки, живущие ныне на Западе, естественно, не хотят, чтобы их называли предателями. Возможно, они даже самих себя пытаются убедить в том, что они вовсе не предатели, а идейные правдоискатели. В целях самооправдания некоторые сделали попытку стать писателями. В частности, за последние годы в роли авторов книг выступили Кузичкин, Гордиевский и Швец, разоблачающие «козни разведки и КГБ». К ним можно отнести и Олега Калугина. Но о нём я подробно расскажу позже в следующей главе.

В.А.Кузичкин изменил родине в 1982 году в Иране. Он бежал в Англию один, оставив в Москве больную жену и одинокую мать. Книга его вышла в 1990 году. Называется она «В стенах КГБ» и написана с помощью небезызвестного Фредерика Форсайта. Книга не вызвала на Западе какого-либо интереса, критика обошла её молчанием. В ней не найти материалов исследовательского характера, и заполнена она главным образом фактами из личной жизни Кузичкина, соответствующим образом препарированными.

При чтении этой книги меня поразила настойчивость, с которой

Кузичкин доказывает читателю, что он встал на путь лжи и предательства с детских лет. Он, оказывается, уже в младенческом возрасте полностью разочаровался в существовавшем режиме, ибо ясно видел все его пороки. Став взрослым, он планомерно проводил линию на предательство. Чтобы иметь возможность убежать из Советского Союза, он, находясь на службе в армии, вступает в члены КПСС. Членство в партии помогает ему стать студентом Института стран Азии и Африки, где он, продолжая ненавидеть государственную систему и КПСС, с мыслью о будущем переходе на Запад активно участвует в партийной жизни и избирается в течение нескольких лет членом институтского партбюро. Эта деятельность Кузичкина принесла ему желаемый результат - он был приглашён на работу в разведку, и путь для его ухода на Запад, таким образом, был открыт. О том, что ему с детства пришлось лгать и притворяться, Кузичкин пишет с явным удовольствием.

Комментировать книгу с точки зрения соотношения в ней вымысла, дезинформации и действительно имевших место фактов бессмысленно, она этого просто не заслуживает. Остановлюсь только на примере, который касается лично меня, - тут мне доподлинно известно, что соответствует действительности, а что нет. Обо мне Кузичкин, в частности, пишет: «Кирпиченко... был резидентом КГБ в Египте, когда в отношениях с Садатом наметились первые признаки ухудшения. Резидентура КГБ узнала из своих надёжных источников, что Садат планирует выдворить из Египта всех советских советников. Одним из таких источников являлся Сами Шараф, возглавлявший египетскую службу безопасности. Резидентура направила разведданные в Центр, но, к изумлению её сотрудников, реакции никакой не последовало. Наоборот, Центр начал задавать вопросы о надёжности информации».

В действительности дело обстояло следующим образом.

1. Центр регулярно информировался о готовившейся акции против военных специалистов, и это не вызывало каких-либо недоуменных вопросов со стороны Центра.
2. Информация - а вернее, дезинформация - о том, что Сами Шараф - мой агент, впервые появилась в книге Джона Баррона «КГБ» в 1973 году и с тех пор в разных вариантах почему-то перепечатывается в книгах предателей. Ответ на это «почему» я дам в одной из последующих глав. Сами Шараф никогда не был нашим агентом, а я с ним не был даже знаком.
3. Наших специалистов Садат изгнал из Египта в июле 1972 года, а Сами Шараф был посажен Садатом в тюрьму в мае 1971 года и поэтому вообще никого и ни о чём не мог информировать.

Если книга Кузичкина не вызвала на Западе никакого интереса, то книга Гордиевского, написанная им в соавторстве с преподавателем Кембриджского университета Кристофером Эндрю, привлекла внимание политиков, историков и журналистов.

Но прежде о самом предателе. Гордиевский был завербован

английской разведкой МИ-6 в 1974 году. Утечка через него информации к противнику вызвала предположение о наличии на этом участке работы предателя. Кольцо вокруг Гордиевского стало смыкаться, он почувствовал опасность, и летом 1985 года англичане тайно вывезли его из Москвы.

Интерес к книге был вызван содержавшимися в ней «сенсационными» разоблачениями, а безапелляционность суждений авторов и полная бездоказательность их утверждений вызвали законное возмущение и раздражение информированных читателей. Книга начинается со следующего исторического открытия: «Опричнина, прародительница современного КГБ, первая в истории России политическая полиция, была основана в 1565 году Иваном Грозным...» Копнув в глубь веков, авторы заставляют вспомнить школьный анекдот. Нерадивая ученица стоит у доски и не может ответить на вопрос учителя, что такое опричнина. Наконец она слышит подсказку отличника с первой парты и бодро сообщает: «Опричнина - это пирог с гречневой кашей». По мере внимательного прочтения книги я постоянно возвращался к этому определению... Действительно, книга эта - настоящий пирог с кашей. В её переплёт втиснуты все сведения, которые когда-либо печатались на Западе о КГБ и разведке, при полном отсутствии спокойного анализа и трезвых размышлений. И хотя книга называется «КГБ: взгляд изнутри», правильнее было бы назвать её «Поверхностный взгляд извне».

Помимо опричнины авторы делают и другие исторические «открытия». Так, английские разведчики Локкарт и Рейли характеризуются в книге как очень наивные, легковерные и не искушённые в политике люди, которых окончательно запутали сотрудники ВЧК Здесь же «проливается свет» на коллизию вокруг Ленина и Сталина: «Невысокое происхождение Сталина и его грубые манеры, в которых отсутствовал всякий намёк на буржуазную утончённость, опять же вызывали у Ленина чувство вины за своё непролетарское происхождение...» Как видим, авторы углубились ещё и в тайны психологии.

Весьма оригинальным является взгляд авторов на борьбу с фашизмом. Они осуждают, в частности, то, что в борьбе с фашизмом одновременно участвовали и Коминтерн, и советская разведка. Эндрю и Гордиевский крайне недовольны тем, что именно эти две силы вовлекали «честных и доверчивых» англичан в борьбу с фашизмом. Так и хочется уличить самих авторов в явных симпатиях к фашизму, тем более что они всё время дают повод для этого.

Общеизвестны настойчивые попытки руководства СССР во время второй мировой войны добиться от своих союзников скорейшего открытия второго фронта в Европе. Авторы проводят мысль, что Тегеранская конференция глав трёх союзных держав, состоявшаяся в конце 1943 года, проходила по сценарию НКВД и советской разведки, а Рузвельт и Черчилль оказались игрушками в руках Сталина и сдавали ему одну позицию за другой в вопросе открытия второго фронта. Много усилий Эндрю и Гордиевский уделили «доказательству», будто советник и

ближайший помощник президента США Рузвельта Гарри Гопкинс был агентом советской разведки. Это утверждение базируется на двух фактах. Во-первых, Гопкинс, активный борец с фашизмом, выступал за эффективный союз России и США в войне с Гитлером, а во-вторых, преподаватель института, где готовят разведчиков, прямо сказал в своей лекции (на которой присутствовал Гордиевский), что Гарри Гопкинс был «самым важным агентом Советского Союза в США за период второй мировой войны». Умудрённый опытом работы в советской разведке и приобретший дополнительный опыт в качестве агента английских спецслужб, Гордиевский должен был понимать, что ни в какой лекции имена ценных агентов не называются. Но ведь читатель, конечно, глуп, он и это заглотает. Читатель, однако, оказался не так прост. По вопросу о том, был ли Гарри Гопкинс агентом советской разведки, на страницах западной прессы разгорелась бурная дискуссия, пик которой пришёлся на конец 1990-го - начало 1991 года. Приговор был вынесен жёсткий: «В книге поражает почти полное отсутствие новой информации», «В книге слишком много второстепенных и анонимных источников», «Книга изобилует сомнительными местами», «Нападки на Гопкинса - это позорная клевета», «Такие же бездоказательные обвинения, как против Гопкинса, выдвигаются также против президента Финляндии Урхо Кекконена и премьер-министра Швеции Улофа Пальме». Это выводы американского историка и общественного деятеля Артура Шлезингера, который в мартовском номере журнала «Атлантик» (США) за 1991 год сделал интересную попытку подвести итоги дискуссии вокруг этой скандальной книги, и он, как мне кажется, справился с этой задачей.

И снова о Сами Шарафе. Из книги в книгу история о моей работе с ним обрастает новыми подробностями. У Эндрю и Гордиевского есть такой пассаж: «Кирпиченко играл на тщеславии Шарафа, постоянно уверяя его, какое огромное значение его информации придавал сначала Хрущёв, а потом и Брежнев». Вместо брани сделаю корректное замечание: невозможно обсуждать с человеком какие-либо вопросы и тем более играть на его тщеславии, не имея чести быть с ним знакомым.

Соавторы замахнулись на всю историю развития органов безопасности в России, а получился конфуз. Эндрю поставил под сомнение свою репутацию как преподаватель университета, а из Гордиевского писателя так и не получилось, и он остался тем, кто он есть, - предателем.

Другие предатели не претендуют на писательские лавры, но, единожды связав свою судьбу с иностранной разведкой, вынуждены продолжать своё сотрудничество, в том числе принимая участие в различных оперативных играх с нашей разведкой. В этом качестве выступали Богатый и Гундарев.

А.Н.Богатый с женой и двумя детьми, оставив в Москве отца-пенсионера и тяжелобольную мать, бежал в США из Марокко в 1982 году, а В.П.Гундарев - из Греции в 1986 году. При этом Гундарев бежал не только от нас, но и от собственной жены, украв у неё, по существу,

младшего сына. Вместе с ним бежала и его любовница - учительница советской школы. С течением времени и тот и другой стали искать контакты с работниками советских учреждений в США и подавать невнятные сигналы, что при соблюдении нами определённых условий они могли бы вернуться на родину и снабдить советскую разведку важной информацией, которую получили у американцев. Вся эта возня велась достаточно вяло, без выдумки и без какой-либо уверенности, что мы клюнем на эти приманки. Вскоре наши оппоненты из ЦРУ и ФБР выдохлись, и эти поползновения прекратились. Создалось впечатление, что и Богатый, и Гундарев пошли на эти контакты под большим нажимом и лишь для того, чтобы отработать положенное им содержание за предательство.

Тема предательства и предателей интересует многих. Задаются вопросы, каким образом человек решается на предательство, как осуществляется само предательство, каковы его последствия, как в дальнейшем складывается жизнь предателя, если ему удалось избежать возмездия...

На всех моих встречах за последнее время с представителями иностранной прессы эти вопросы неизбежно поднимались по инициативе собеседников. В основном спрашивали, не пересмотрели ли мы в разведке своё отношение к предателям в результате изменений, которые произошли в нашем государстве, не рассматриваем ли мы их в настоящее время в качестве борцов с прежней тоталитарной системой. Кстати сказать, в аналогичном ключе поднимается эта проблема и в некоторых наших печатных органах, где ставится заодно под сомнение и прежняя практика по отношению к предателям со стороны правосудия.

Бельгийский журналист Ален Гийом, работающий в газете «Ле суар», задал мне все эти традиционные вопросы. После состоявшегося между нами обмена мнениями он согласился с тем, что ставшие известными за последнее время случаи предательства носили в своей основе аморальный характер и были связаны со злоупотреблениями по службе.

При встрече с английским писателем и журналистом Расселом Уорреном Хау, проживающим в США, среди прочих была затронута тема о том, не связаны ли случаи предательства с некоторыми психическими отклонениями. Мы сошлись во мнении, что этого нельзя исключать. После нашей беседы господин Хау решил поговорить на эту же тему с бывшим директором ЦРУ США Ричардом Хелмсом (возглавлял ЦРУ с 1966 по 1973 год) и задал ему вопрос относительно психической полноценности предателей и мотивов их перехода на сторону США.

Ответ Хелмса был таков: «Я не думаю, чтобы хоть один русский перешёл на сторону противника по идеологическим соображениям, но я также не считаю, что они изменили по причинам материального свойства. КГБ был гордой элитой. Сотрудники КГБ жили лучше, чем кто-либо другой в Советском Союзе. Кирпиченко прав в том, что у них у всех были проблемы психологического порядка, именно поэтому Джим Энглтон отказывался от их услуг». Дж. Энглтон был в своё время начальником

внешней контрразведки ЦРУ, отвечал за её безопасность, отличался повышенной подозрительностью и категорически не верил перебежчикам из СССР. Интервьюировавший Хелмса Рассел Уоррен Хау поставил перед ним уточняющий вопрос: считал ли Энглтон всех перебежчиков подставами КГБ. Хелмс ответил: «Что ж, возможно, он утверждал также и это. Но он видел, что они были, если выразиться мягко, людьми, не имевшими высоких принципов. Они перебежали из-за проблем со своей любимой девушкой, или из-за пьянства, или потому, что их должны были арестовать».

Для меня было приятной неожиданностью, что мои собственные мысли и оценки по поводу предателей в основном совпадают с мнением бывшего директора ЦРУ. Он как бы протянул мне из-за океана руку помощи в этом вопросе.

За последние годы у нас стало модным обращаться к знаменитому толковому словарю Даля. Писатели и журналисты прибегают к этому приёму для подтверждения собственной позиции по какому-либо вопросу, для придания большей выразительности своим тезисам... Решил и я посмотреть, какое объяснение понятию «предатель» давалось в прошлом. По Далю, это «изменник, вероломец, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец». В общем, «предатель» и ныне столь же ясное и конкретное понятие, каким оно было прежде, и смысл его неподвластен времени.

Снова о предателях - теперь о Калугине

Эта тема не уходит из нашей жизни и никого не оставляет равнодушным. Физиономии предателей из разных ведомств довольно часто мелькают теперь на экранах телевизоров, им дают возможность выступать в прессе, с ними устраивают дискуссии. Похоже, что это становится нормой нашего бытия. Люди, открывающие предателям дорогу на телеэкран и в прессу, ссылаются на то, что они дают возможность зрителю и читателю самим разобраться в сути происходящего и не считают подобные действия аморальными. Как говорится, Бог им судья.

Из всех предателей последнего времени самым вредоносным является, конечно, Олег Калугин. Утверждая это, я не выдвигаю против Калугина юридически обоснованных обвинений в выдаче спецслужбам других держав агентов и сотрудников российской внешней разведки, хотя полностью уверен, что дело обстоит именно так. Расследование, естественно, должны провести прокуратура и суд совместно с компетентными службами.

Тем не менее я попытаюсь обосновать некоторые имеющиеся у меня соображения, опираясь на уже опубликованные в прессе материалы и не касаясь тех данных, которые хранятся в наших служебных досье.

Но прежде всего о личности Калугина.

Несомненно, Калугин - человек способный, смелый в суждениях, энергичный, предприимчивый, решительный и тому подобное, но все эти его качества заряжены отрицательной энергией и оказывали разлагающее воздействие на ближайшее окружение. Никаких особых заслуг перед разведкой и перед государством у него не было, а быстрый рост по службе объясняется умением сходиться с нужными людьми и повязывать их общими делами и интересами, скрепляя дружеские отношения обильными возлияниями.

Пребывание Калугина на посту начальника управления внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР с 1973 по 1979 год отмечено прежде всего тем, что в этот период не был разоблачён ни один агент спецслужб противника из числа работавших в нашей разведке. С учётом фактов сегодняшнего дня вполне уместно задать вопрос: а не было ли здесь умысла и расчётов на будущую дружбу со спецслужбами США? Или за этим скрывается что-то более серьёзное? Некоторые действия Калугина в бытность его начальником управления «К» (внешняя контрразведка) ПГУ КГБ говорят о том, что он был крайне не заинтересован в проникновении в ЦРУ, ФБР и другие важные для нас объекты.

Хотя если вспомнить его выступления на служебных совещаниях и на партийных собраниях, то они были самыми что ни на есть ортодоксальными, самыми жёсткими, требовательными и верноподданническими. Никаких «демократических вихляний» он не допускал и никому их не прощал. Известен такой случай: секретарь парткома управления «К» Николай Иванович Штыков выразил сомнение, стоит ли изучать, как это предписывалось свыше, литературные произведения Л.И.Брежнева, - они-де ничего не дают, да и к тому же не им самим написаны. Калугин не пропустил мимо ушей эти высказывания секретаря парткома и добился его осуждения, снятия с должности и откомандирования из управления внешней контрразведки, то есть, выражаясь его собственным языком, «схарчил» Штыкова. Ход был правильный. Секретарь слишком много знал о жизни и деятельности начальника управления «К». Эта история о «принципиальности» Калугина и его «верности партийному знамени» живо обсуждалась в разведке.

Как-то в одном из своих интервью Калугин заявил, что он пришёл в органы безопасности романтически настроенным юношей. Верится этому с трудом. Чего-чего, а романтизма у Калугина, похоже, отродясь не было. Он и в молодости, судя по его мемуарам, был алчным, циничным и беспринципным волчонком. Об этом свидетельствуют многие факты его биографии, не имеющие ничего общего ни с романтизмом, ни с «моральным обликом коммуниста», ни с «демократическими ценностями». А то, что он рассказывает о своей юношеской невинности, и долгие перечисления любимых писателей, художников и поэтов - не что иное, как попытка спрятать волчьи зубы под овечьей шкурой, чтобы внушить читателям своих мемуаров мысль о собственной чистоте, непорочности и интеллектуальности. .

Быстро достигнув при помощи друзей поста начальника управления

«К», Калугин начал протаптывать путь на более высокую ступень. Речь идёт о должности заместителя начальника разведки - куратора линии внешней контрразведки. На этом посту тогда находился участник Великой Отечественной войны, опытный контрразведчик, волею случая оказавшийся на одном из важных позиций в ПГУ. Разведки и международных дел он не знал и имел к тому же слабость к спиртному. Калугин начал его подсиживать и заметно преуспел в этом деле. Правда, на освободившееся место Калугина не назначили, а услали в Ленинград, так как к этому времени полностью проявилась его собственная несостоятельность как руководителя, не говоря уже об атмосфере аморальности, которую он создал вокруг себя. А основной подспудный мотив заключался в том, что Калугин был просто опасен для разведки.

После августа 1991 года для Калугина наступил золотой век. По представлению его друга Бакатина Калугину вернули ордена, генеральское звание, генеральскую пенсию. Он стал и депутатом Верховного Совета СССР (что, интересно, он сделал для своих избирателей?), и постоянным претендентом на высшие посты в сфере государственной безопасности, и кандидатом на пост губернатора Краснодара («Думаю, что президент может назначить меня на этот пост», - заявил Калугин в одном из своих интервью).

В последние годы, до отъезда в США, Калугин был постоянно окружён толпой журналистов. Если какому-либо корреспонденту нужно было услышать гадость о разведке или контрразведке в прошлом, настоящем или будущем, он шёл к Калугину в полной уверенности, что требуемый материал ему гарантирован. Уверовав в счастливую звезду и полную безнаказанность, Калугин даже не пытался контролировать свои высказывания: он выдавал государственные секреты и одновременно врал напропалую - и все это публиковалось и шло «на ура».

Вот некоторые образчики «откровений» Калугина на протяжении нескольких лет.

В 1993 году Калугин заявил, что наши учёные (по заданию разведки, разумеется) готовили сейсмический взрыв на дне океана, в районе Калифорнии, с целью вызвать землетрясение, которое сокрушило бы Соединённые Штаты. Ввиду полной абсурдности этого заявления, оно не вызвало никакой реакции со стороны научных кругов, да и в США не проявили к нему интереса.

1993 и 1994 годы изобиловали также обвинениями в адрес КГБ о его причастности к убийству болгарского диссидента Маркова и советского перебежчика Артамонова. Обвинения носили путаный, противоречивый характер и не были признаны заинтересованными сторонами в качестве достоверных. В связи с этими обвинениями вызывает удивление один момент. Если верить Калугину, то обе акции проводили сотрудники управления «К» ПГУ и именно в тот период, когда Калугин являлся его начальником. Во все времена начальник подразделения военной организации всегда нёс персональную ответственность за то, что творят его подчинённые. Калугин мог отказаться выполнять противозаконные

приказы (не 1937 год на дворе!). Неуклюжие попытки обвинить других и откреститься от личного участия в этих «мокрых делах», естественно, нельзя принимать всерьёз. Если бы эти убийства действительно имели место, Калугин как организатор должен был нести за это главную вину. Запоздалые «покаяния» не освобождают его от судебной ответственности ни по законам России, ни по законам Болгарии и Англии.

В феврале 1993 года, выступая в Международном пресс-клубе по проблемам разведки, Калугин обрушился на Службу внешней разведки, обвиняя её во всех грехах, а её руководство в полной некомпетентности. В частности, он заявил, что СВР вскоре «должна стать соучредителем коммерческого банка» и уже якобы внесла в это коммерческое предприятие деньги налогоплательщиков, «то есть наши с вами деньги». Он заявил также, что разведка занимается «продажей документов на Запад» через бывшего сотрудника разведки Игоря Прелина.

Никто, правда, интереса к этим вздорным утверждениям не проявил, и сама разведка не пыталась возбуждать дело против Калугина, понимая, что ему только и нужно быть в центре внимания и получить новую трибуну для выступлений. Наши судебные инстанции и без того завалены более взрывоопасными делами, а тут наветы на разведку. Подумаешь - у нас и так все клевещут друг на друга, велика важность.

С обвинениями Калугина не захотел смириться лишь депутат парламента С.Н.Бабурин, которого Калугин окрестил «агентом КГБ» под кличкой «Николай». Обидевшийся политический деятель выдвинул иск за моральный ущерб в сумме 100 миллионов рублей, но в результате судебного разбирательства получил от Калугина в качестве компенсации 50 тысяч «деревянных», что, надо полагать, не полностью компенсировало нанесённый Бабурину моральный ущерб.

Такие неувязки никогда Калугина не обескураживали, и он продолжал рваться в бой, так как не мог допустить, чтобы пресса и телевидение потеряли к нему интерес. Тем более, что была уже апробирована методика выступлений - компрометация деятельности разведки путём выдачи её секретов и одновременно распространения лжи, инсинуаций и провокационных обвинений.

Из одного факта двухчасовой встречи разведчика О.Нечипоренко в январе 1973 года с пленным американцем во Вьетнаме Калугин состряпал целый спектакль о незаконно удерживаемых во Вьетнаме десятках американцев, которых его подчинённые якобы допрашивали в течение длительного времени. Эти утверждения, породившие в США надежды на то, что могут быть ещё обнаружены пропавшие без вести американские военнослужащие, вызвали в стране волну недоверия к заявлениям вьетнамцев и, естественно, возбудили новый интерес к Калугину. Всячески раздувая его, «борец» против КГБ» давал «показания» специальному комитету Сената США по делам военнопленных, клялся на Библии, актёрствовал и лгал. Надо полагать, что клятва в американском Сенате окончательно освободила его от подписки, которую он давал о неразглашении служебных секретов.

Какие же тайны выдал Калугин? На основании опубликованных в нашей печати материалов можно назвать следующие эпизоды.

В августе 1990 года, выступая перед избирателями Краснодара, Калугин рассказал, что советская разведка использовала в качестве агентов служащего базы атомных подводных лодок США Джон Уокера и членов его семьи. После этого заявления судебные органы США пересмотрели дела уже осуждённых лиц и всем добавили сроки заключения, а Калугин был избран депутатом Верховного Совета СССР. Почётный список народных представителей пополнился предателем.

Рекламируя свою книгу и самого себя как борца с тоталитарным режимом, Калугин продолжал разъезжать по разным странам и сдавать агентуру.

Австралийским журналистам он сообщает приятную новость, что «в австралийской разведслужбе АСИО в конце 70-х годов действовал агент, а быть может, и не один, который передавал секретную информацию советской контрразведке. Калугин назвал внушительные суммы, которые выплачивались агенту, и заявил, что тот не был разоблачён и, возможно, действует до сих пор.

Выступая по канадскому телевидению, также в связи с рекламой своих мемуаров, Калугин упомянул, что у КГБ был крупный агент в канадской разведке, который так и не был раскрыт.

В книге Калугина, появившейся за океаном, имеются сведения об источниках вашингтонской резидентуры внешней разведки. По ним не составляет особого труда вычислить этих людей. Вот почему мемуары долго «мариновались» в Соединённых Штатах, где специалисты скрупулёзно изучали их. Более того, до меня доходили слухи, что те лица, от воли которых зависело издание книги, передали мемуаристу своё заключение: чтобы книга вышла в свет, нужно включить в неё больше конкретных фактов о деятельности советской разведки. В результате таких пожеланий в ней появились новые страницы, и как раз эти конкретные дополнения почему-то оказались опущенными в русском издании.

В нескольких интервью, данных в марте 1996 года, Калугин отрицал возможность вычислить советских агентов по сведениям, содержащимся в его книге. Эти утверждения были оценены журналистами как попытка со стороны автора ввести публику в заблуждение. К слову сказать, Калугин «вешал лапшу на уши» своим слушателям и читателям с давних пор, но прозрение наступило почему-то только теперь, когда он, увы, уже сделал всё, что мог, и перебазировался за океан.

Чтобы развеять все сомнения, если таковые ещё остались, хочу сказать, что любая разведка и контрразведка охотятся не только за полными материалами об агентах другой стороны в своих учреждениях, но и стремятся изо всех сил получить даже самые отрывочные сведения на этот счёт. Ведь каждая дата, кличка, обрывок фразы, намёк и тому подобные мелочи могут замкнуть цепь и выявить шпиона. Занимаясь

ловлей «кротов», спецслужбы Вашингтона годами накапливают необходимые материалы, и нам никогда доподлинно не бывает известно, какими источниками в наших учреждениях в каждый данный момент располагают американцы. Очень часто для того, чтобы вычислить агента, достаточно иметь только один маленький недостающий факт. Мне припоминается в связи с этим один случай из недавнего прошлого. Начальник одного из подразделений ПГУ сказал своему коллеге, оказавшемуся, как выяснилось впоследствии, агентом ЦРУ: «Слушай, не мешай мне сейчас... Завтра в одну из моих стран прилетает крупная рыба из-за океана, мне сейчас не до тебя!» В данном случае слово «завтра» все и определило. Наш агент вскоре был арестован и получил «пожизненное вознаграждение».

Вешая разнообразную лапшу на уши и критикуя своих прежних начальников, Калугин в одном из интервью называет и «хороших людей в КГБ» (надо полагать, им не особенно приятно прочитать похвалу в свой адрес). В числе их фигурирует Борис Александрович Соломатин, ветеран разведки, многократно бывший резидентом КГБ в странах Европы, Азии и Америки, бывший заместитель начальника ПГУ. В своё время он дружил с Калугиным, поддерживал его и считал достойным для продвижения по служебной лестнице человеком. Соломатину, думаю, особенно тяжело переживать предательство Калугина, но он нашёл в себе силы и мужество дать оценку его действиям. Интервью с Соломатиным опубликовала газета «Аргументы и факты» от 11 марта 1996 года. Оно, несомненно, заслуживает того, чтобы быть воспроизведённым в своих главных позициях:

«...Калугин недавно заявил, что изложенные в книге сведения об агентуре не позволят её идентифицировать, даже если сто следователей будут стремиться сделать это в течение десятков лет. Так ли это?

Вот список некоторых агентов КГБ, перечисленных в книге Калугина, которые, как он считает, не могут быть персонально выявлены.

1) Посол Норвегии в Вашингтоне, который скончался в США в 1965 г. Сколько послов Норвегии в США могли скончаться в 1965 г.? Ответ ясен. Если хочешь узнать, кто это, - смотри дипломатический справочник.

2) Старший дипломат (видимо, советник, первый секретарь) посольства одной из западноевропейских стран. Придерживался левых взглядов. До приезда в США работал в Бонне. Проверка по официальным документам позволяет значительно сузить круг старших западноевропейских дипломатов, прибывших из Бонна...

3) Женщина-архивист посольства крупной европейской страны, которая приехала в Вашингтон из Москвы, где пробыла два года. Имея такие данные из книги Калугина, даже самый ленивый сотрудник ФБР или ЦРУ сумеет определить, кто же это такая.

4) Посол крупной арабской страны, с которым Калугин встречался в течение года и который покинул Вашингтон в 1966 г. Чтобы

пересчитать послов крупных арабских стран в Вашингтоне, хватит пальцев на одной руке. Тем более известно, кто из них покинул Вашингтон в 1966 г. и, как наверняка знают люди из ФБР, встречался с Калугиным.

И, наконец, в отношении «именинника» недавних событий солдата Липки. Калугин в своей книге, вышедшей, напоминаю, в сентябре 1994 г., пишет о нём: «Из всего, что мне известно, он всё ещё может быть агентом КГБ, работая в Агентстве национальной безопасности или ЦРУ». А что же ему было известно о Липки в сентябре 1994 г.? И почему сейчас он говорит, что его не помнит?»

Интересно то, что, арестовав Липки, американские власти впервые сослались на информацию, полученную ими от Калугина. Это может свидетельствовать о том, что он уж, видимо, больше не нужен, так как всё, что можно было, из него уже выдоено. Я не удивлюсь, если американцы заставят Калугина выступить на стороне обвинения в суде над Липки под угрозой уголовного преследования его самого за ведение подрывной деятельности в США.

Калугин гордится в книге своей смелостью, которую он приобрёл, вдыхая в течение десяти лет свободный американский воздух. На самом деле написать такую книгу - никакая это не смелость, а точный расчёт на безнаказанность, на бессилие Российского государства защитить свои интересы».

И, наконец, о деле Эймса.

Конечно, теряя одного за другим агентов из числа советских разведчиков, спецслужбы США упорно искали у себя «крота», и кольцо вокруг Эймса всё время сужалась. Но последнюю точку и здесь, скорее всего, поставил Калугин. Это не утверждение, а лишь моя собственная версия.

В российской печати уже после ареста Эймса появились данные о работе с ним одного из сотрудников нашей резидентуры в Вашингтоне. И было сказано то, что разведчик получил за это дело орден Ленина. Правда, указ о награждении в своё время сделали сверхсекретным, но окружение разведчика, естественно, знало о необычно высокой награде. Одним из его ближайших друзей ещё со времени учёбы в Ленинградском институте КГБ был как раз Калугин. Более того, награждённый и в разведку попал по ходатайству Калугина. Можно даже смоделировать разговор Калугина с другом. (Надо сказать, что подобные разговоры с близкими друзьями Калугин вёл на блатном жаргоне: «Его надо схарчить! Они у нас будут кровью харкать!») Наверно, было сказано так: «Ну, колись, Витек, за что такой крупный ордяшник отхватил?» Не берусь гадать, что ответил собеседник, возможно, отделался нейтральной фразой: «Ну, знаешь, такие штуки задарма не дают!» Но самого факта награждения орденом Ленина бывшего подчинённого Калугина вполне достаточно, чтобы дать сигнал: «Ищите там-то, период такой-то, фамилия сотрудника такая-то». И ещё раз цепь замкнулась.

Разумеется, об этом в книге Калугина ничего не сказано. В очередном же интервью на тему «Кто сдал Эймса?» Калугин заявляет: сдали его руководители разведки - или бывшие, или настоящие, их было человек пять-шесть. Названы и фамилии: «Крючков, Шебаршин, Кирпиченко, Примаков, Трубников. Там и надо искать...» («ТВ-парк», № 23, 17-23.10.94 г. стр. 37.)

Целый поток обвинений был обрушен на разведку в марте 1996 года. Одному журналисту Калугин заявляет: «Прокуратуре имело бы смысл посмотреть на состояние дел в руководстве российской разведки и с точки зрения взяток. У меня совершенно серьёзные данные о том, что руководство коррумпировано и брало взятки». Кроме того, продолжает Калугин, руководство СВР продало не только Эймса, но и Липки, и других... В качестве подтверждения имеющихся у него «совершенно серьёзных данных» Калугин ни к селу ни к городу поминает покойного министра безопасности Российской Федерации Баранникова.

А в феврале 1995 года Калугин порадовал российских избирателей, объявив, что на очередных выборах в Думу он будет баллотироваться как независимый кандидат, так как на только что состоявшихся выборах его подвёл Гайдар, поставив его в списках своей партии «на плохое место».

Как-то Б.А.Соломатин, имея в виду Калугина, саркастически заметил: «Вот и у нас появилась новая категория людей - «предатель в законе». А Л.В.Шебаршин однажды сказал в интервью корреспонденту «Комсомольской правды»: «...Калугин, на мой взгляд, давно переиграл свою роль и вместо эксперта по борьбе с коммунизмом превратился в эксперта по борьбе с Россией».

Курс на сотрудничество

Одной из функций разведки является сотрудничество со спецслужбами других государств на основе взаимных интересов. После окончания второй мировой войны советские органы госбезопасности оказали помощь странам «народной демократии» (в дальнейшем - «социалистический лагерь», а затем - государства «социалистического содружества») в создании собственных спецслужб и с большинством из них позднее активно сотрудничали.

В 50-е годы были установлены через возможности разведки первые контакты между КГБ СССР и службами безопасности стран «третьего мира». Это направление в 60-е годы получило довольно широкое развитие.

А с конца 80-х годов мы ощутили и желание некоторых западноевропейских спецслужб установить с нами неофициальные отношения. Это было новое, несколько неожиданное и не всеми понятое явление. Скептики считали, что идти на подобные контакты не следует. Но период перехода от конфронтации к сотрудничеству, процесс смягчения международной напряжённости быстро развеяли сомнения, и мы решили откликнуться на эти инициативы - связи с

западноевропейцами начали налаживаться. В качестве одного из руководителей разведки я имел прямое отношение к развитию этих процессов: принимал вместе с коллегами иностранные делегации в Москве и сам выезжал для установления деловых связей в некоторые страны.

Начало было нелёгким. Не отрицая права каждого государства на ведение разведки, западноевропейские партнёры тем не менее пытались оказать на нас давление - побудить нас снизить активность внешней разведки в Западной Европе. При этом звучали призывы переходить к «более цивилизованным формам ведения разведывательной работы». Правда, западноевропейские партнёры не приводили примеров наших «нецивилизованных» действий, а также фактов, свидетельствующих о нашей «излишней активности». Эти порой горячие дискуссии были, несомненно, полезными. После ряда встреч обычно достигалось взаимопонимание в том, что из практики разведывательных действий должны быть исключены силовые приёмы, шантаж, психотропные средства, похищение людей и тому подобное. Все это обговаривалось скорее в профилактическом плане, так как конкретных примеров подобных действий ни у той, ни у другой стороны не было.

Под «цивилизованными формами ведения разведки» понималось, что если местный гражданин добровольно идёт на сотрудничество с иностранным разведчиком и если дело ограничивается сбором информации, а не перерастает в активные или подрывные действия, направленные против существующего режима, и при этом разведчик не попадается в руки местной контрразведки, значит, так тому и быть. Ну а если разведчик проваливается, то уж не взыщите... Хотя и здесь не исключается урегулирование конфликта «мирным» путём, если это выгодно по каким-либо причинам обеим сторонам.

При контактах с западноевропейцами чувствовалась, конечно, взаимосогласованность вопросов, которые они ставили перед нами. Просматривалась достаточно тесная координация в работе между западноевропейскими спецслужбами, а также между ними и спецслужбами США.

Для улучшения международной обстановки личные контакты между руководителями спецслужб являются существенным и жизненно необходимым дополнением к этому процессу. При такой практике действительно джентльменское поведение становится обязательным. Теперь, когда руководитель той или иной спецслужбы берёт ручку, чтобы утвердить акцию разведывательного характера, перед его мысленным взором возникает лицо недавнего собеседника, и это заставляет его лишний раз проанализировать целесообразность данной акции. Думаю, что у наших партнёров из Западной Европы за последние годы серьёзно изменилось представление о руководителях и сотрудниках российской разведки, и изменилось, несомненно, в лучшую сторону. Живые контакты пришли на смену искажённой информации. Ведь если сравнивать направленность в недалёком прошлом нашей и западной пропаганды и

персонажей спецслужб в кино и художественной литературе, то западный разведчик или контрразведчик у нас всё-таки изображался похожим на нормального человека, с некоторыми, может быть, перекосами. Сотрудники же наших спецслужб, за очень редкими исключениями, преподносились западному читателю, слушателю и зрителю как некие монстры и гориллы, лишённые всякой морали, отчаянные пьяницы, патологические развратники и, уж само собой разумеется, нечистью на руку. В карикатурах советский чекист изображался обычно в виде страшного медведя с огромным ножом в зубах.

Помимо главного вопроса о принципах ведения разведки, обсуждение которого не всегда велось прямо, а зачастую как бы путём осторожных касаний, более откровенно и детально с представителями западноевропейских спецслужб рассматривались проблемы безопасности загранучреждений, терроризма, организованной преступности и наркомафии. Эти направления совместной деятельности не вызывали больших разногласий, и, можно сказать, взаимополезные контакты по этим вопросам уже осуществляются сравнительно нормально. В дальнейшем механизм взаимодействия, конечно, будет работать более эффективным образом. В отдельных случаях по конкретным просьбам взаимодействующих сторон практикуется обмен и политической информацией, и оценками различных международных событий.

Говоря об этих процессах движения спецслужб навстречу друг другу, хочу подчеркнуть исключительную корректность, дружелюбие и радушие, которые проявлялись при взаимных обменах делегациями. Надо полагать, сотрудники спецслужб, участвовавшие в организации и проведении профессиональных встреч, понимали важность своих задач и были движимы естественным желанием содействовать улучшению международной обстановки. На смену таким идеологическим атрибутам нашего прошлого, как «классовая ненависть», «политическая бдительность», «превосходство над буржуазными чинушами», приходит нормальное человеческое общение и утверждается деловой подход к решению вопросов взаимной заинтересованности.

В процесс налаживания сотрудничества между разведками государств, ранее принадлежавших к различным социальным системам, и перехода к цивилизованным методам работы вносит свой положительный вклад «Центр за демократию» со штаб-квартирой в Вашингтоне. Это неправительственная, некоммерческая организация, спонсорами которой выступает ряд американских фондов. Основателем «Центра за демократию» и его президентом является профессор, историк Аллен Уайнстейн.

Чтобы покончить с «менталитетом изолированности», присущим разведывательным спецслужбам, и способствовать их переходу «от конфронтации к сотрудничеству», центр организовал в Софии 8-10 апреля 1992 года международную конференцию на тему «Роль разведывательных служб в демократическом обществе». В работе

конференции приняло участие свыше двадцати представителей различных стран Северной Америки, Западной и Восточной Европы. Уровень представительства был неоднородным - от руководителей спецслужб и их заместителей до советников, консультантов, экспертов и наблюдателей. Конечно, представитель каждый спецслужбы во время работы конференции действовал, исходя из национальных интересов своего государства, но в заключение работы была принята общая декларация в поддержку идеи борьбы разведок с такими глобальными угрозами человечеству, как терроризм, наркобизнес, незаконная торговля оружием, незаконный экспорт капитала, распространение технологий и материалов для производства оружия массового уничтожения. Большинство выступавших высказались за необходимость парламентского контроля над общим направлением деятельности разведок своих государств.

В нашем докладе на конференции содержались предложения, которые совпадали с рекомендациями, изложенными в вышеупомянутой декларации. Сотрудничество между разведками различных государств на многосторонней и двусторонней основе можно развивать, способствуя решению таких проблем, как снижение уровня военного противостояния, продолжение разоруженческого переговорного процесса, стабилизация положения в мире, урегулирование региональных конфликтов.

Не знаю, как пойдёт дальше работа «Центра за демократию» и как долговечна будет вообще его жизнь, но полезность таких форумов, на мой взгляд, несомненна.

Есть ещё некоторые особенности встречи в Софии, может быть, ускользнувшие от внимания широкой международной общественности. Во-первых, это была первая в истории человечества международная встреча представителей разведок, в том числе недавно яростно враждовавших между собой. Во-вторых, эта встреча открыла глаза мировой общественности на полезность и законность деятельности разведок при условии соблюдения ими цивилизованных методов работы.

Развитие контактов с западноевропейскими партнёрами, которые всегда организовывали для наших делегаций поездки по своим странам, дало возможность и лучше познакомиться с жизнью и культурой Европы, любоваться шедеврами картинных галерей и музеев, строгой красотой средневековых крепостей и соборов, уютом и чистотой современных городов и селений, ухоженными полями, сытым и чистым скотом на фермах. Поражало, в сравнении с нашей действительностью, бережное отношение к истории, к памятникам прошлого...

Памятники прошлого в нашей стране разрушались на протяжении всего XX века. Видно, не дошёл до нас из глубины тысячелетий страстный призыв египетского фараона XI династии, наставлявшего своего сына Меркару: «Не разрушай гробниц! Не разрушай! Не разрушай! Вот поступал я так, и согласно деяниям моим поступил со мной Бог... Не повреждай памятника чужого... Не воздвигай себе гробницы из обломков чужих надгробий...»

XXI век не за горами. Профессионалы разведок различных государств тоже задают себе вопрос: «Что нас ожидает в недалёком будущем?» Думаю, что разведки будут жить и работать на благо своих государств. Неизбежны, конечно, и противостояния между различными спецслужбами, но сотрудничество непременно будет расширять свои границы. Ведь на смену известным XX веку катастрофам могут прийти пока неизвестные нам беды и потрясения, которые, в свою очередь, потребуют объединения усилий и потенциалов не только науки, правительств, но и разведок. Итак, будущее за сотрудничеством!

Противники и оппоненты

От «развитого социализма» мы перешли к «перестройке» и, перестраиваясь в неизвестном направлении, пришли в конце концов к развалу СССР. Коммунистическую идеологию мы заменили общечеловеческими ценностями и решаем проблему своего существования без всяких лозунгов и идеологий. Наша страна уже не возглавляет «социалистический лагерь», не идёт «впереди всего прогрессивного человечества» и никому не угрожает.

В этих условиях внешняя разведка деидеологизировалась, департизировалась и полностью поставила себя на Службу России, надеясь одновременно быть полезной и Содружеству Независимых Государств.

Некогда стабильные дружественные и союзнические отношения между разведками социалистических стран без больших потрясений сошли на нет. Бывшие друзья и бывшие враги превратились в партнёров. Перестав сами быть чьими-либо врагами, мы довольно спокойно отказались и от понятия «главный противник». Эпоха конфронтации и враждебности, казалось бы, могла и закончиться. Содержание термина «главный противник» в нашем оперативном лексиконе с течением времени претерпевало изменения, но во все времена мы относили его прежде всего к спецслужбам США.

Итак, с понятиями и терминами мы покончили, а как быть с разведкой? Разведка остаётся. Это одна из древнейших профессий, и она будет существовать, пока существует государство, ибо является одним из важнейших его атрибутов. Опыт исторического развития России и всего мирового сообщества подтвердил ту истину, что у любого государства не может быть ни вечных друзей (мы очень часто бездумно провозглашали многочисленные лозунги «Да здравствует вечная и нерушимая дружба между СССР и...»), ни постоянных врагов, есть лишь интересы, которые с течением времени - а в отдельные периоды нестабильности и довольно быстро - меняются. Эти интересы разведка и должна обеспечивать своими специфическими средствами. Защищать интересы России означает для разведки добывать информацию: о секретных планах иностранных государств в отношении России и о связанных с этими планами военных и политических приготовлениях; о состоянии тех отраслей науки и техники,

которые могут резко изменить в одну сторону установившийся военно-стратегический паритет; о работе спецслужб иностранных государств против государственных учреждений Российской Федерации за рубежом и против сотрудников этих учреждений, располагающих особо важными секретами.

Хотелось бы надеяться, что со временем деятельность ЦРУ, ФБР и других спецслужб США против России не будет носить резко враждебный характер, однако строить иллюзии, будто масштабы этой деятельности сократятся, к сожалению, не приходится. Наоборот, положение в бывших республиках СССР привлекает все более пристальное внимание спецслужб США. Их постоянно будут интересовать эволюция отношения стран Содружества Независимых Государств к России, проблема размещения ядерного оружия, возможные тенденции по созданию нового союза в рамках бывшего СССР, возникновение различных блоков в этом географическом пространстве, отношения между отдельными республиками и конфликты между ними.

Возникает также законный вопрос: соответствует ли интересам США возрождение сильной и независимой России, природные богатства и высокий военный потенциал которой теоретически могут обеспечить ей статус супердержавы? Очевидно, нет, не соответствует.

Здесь можно провести известную аналогию с отношением США к послевоенным Германии и Японии. Оказывая этим странам после второй мировой войны экономическую помощь, Соединённые Штаты сделали все, чтобы они не стали вновь источниками военной угрозы для США.

Можно высказать предположение, что в ближайший период США будут активизировать свою разведывательную работу на территории бывшего СССР. Так, неожиданно для самих себя рассыпавшись на отдельные государства, мы вводим США в новые расходы на разведку. Для их спецслужб открываются возможности обогатить национальный контингент вербуемых. Почему бы, например, ЦРУ, ФБР и другим спецслужбам США не начать вербовать украинцев для работы против России, азербайджанцев - против Армении и Грузии или, например, таджиков для работы против Ирана?

Таким образом, круг разведывательных интересов США по отношению к России и бывшим союзным республикам несомненно будет расширяться, о чём свидетельствуют постоянные и недвусмысленные высказывания официальных лиц США. Однако воспринимать всё это следует спокойно и трезво, как непреложный факт, как историческую данность, и самим вести разведку и проводить защитные контрразведывательные мероприятия.

В прошлом о делах своей разведки мы практически ничего не говорили, это считалось запретной темой. Если что-то и высказывалось, то шёпотом, в кругу родственников или очень близких друзей. Публичное обсуждение вопросов, связанных с разведкой, считалось непатриотичным и чуть ли не преступным. Сейчас тема разведки широко и повсеместно

обсуждается, однако она не должна быть предметом разного рода сенсаций и спекуляций, границы дозволенного всё-таки должны существовать.

Разведке, очевидно, тоже надо более спокойно относиться к тому, что о ней говорят и пишут. Общественность вправе знать об общих направлениях деятельности разведки, о законах, на основании которых она действует, о системе парламентского контроля над разведкой, о её истории. Руководящим работникам разведки следует выступать перед общественностью и отвечать на вопросы самых различных аудиторий. Что же касается действующих сотрудников разведки, её агентуры, оперативных замыслов и конкретных операций, то они должны составлять скрытую от глаз подводную часть айсберга, к тому же строго охраняемую законами Российской Федерации.

Центральное разведывательное управление США давно уже нашло своё место и легализовалось в американском обществе. Руководящие сотрудники ЦРУ плодотворно сотрудничают с государственными учреждениями США, корпорациями, компаниями, фирмами, прессой, выступают с лекциями, проводят пресс-конференции, и это ни у кого не вызывает недоуменных вопросов. Кроме того - что самое главное, - в США имеется необходимый минимум законов, гарантирующих уверенную деятельность разведки. Секретность работы сотрудников, их честь и достоинство обеспечены существующим законодательством.

В то же самое время в США писалось и пишется много книг о своих спецслужбах, что призвано вызывать к ним уважение в американском обществе и во всём мире. Вот, например, прекрасно иллюстрированное, красочное издание 1986 года «Центральное разведывательное управление. История в фотографиях». Здесь есть все: история разведки, структура, задачи, отдельные операции, разведывательное сообщество, техническая вооружённость, знаки отличия ЦРУ, руководители ЦРУ. Есть все и... ничего лишнего, потому что законы 1949 года «гарантируют тайну бюджета ЦРУ, освобождают ЦРУ от необходимости раскрывать свою организационную структуру, функции, имена сотрудников, официальные должности, оклады и численность персонала».

Советская разведка никогда не писала книг о себе, не было у нас и книг о КГБ. Наши собственные пробелы американцы ловко восполняют систематической публикацией работ о советской разведке и контрразведке. Все эти книги крайне тенденциозны и наряду с действительно имевшими место фактами изобилуют ошибками, неточностями и прямой дезинформацией.

Из этой серии наибольшую известность (не без помощи организаторов издания) получила книга Джона Баррона «КГБ», вышедшая в 1973 году (В 1983 году Д.Баррон написал вторую книгу о Комитете госбезопасности СССР: «КГБ сегодня. Невидимые щупальцы». Обе книги вышли несколько лет назад в русском переводе в нашей стране). Она стала на Западе своеобразным справочником и даже учебником. Сведения, которые в ней содержатся, состоят из правды, полуправды и

фальсификаций. Книга эта давно и тщательно проанализирована специалистами разведки, и по всем материалам, требующим нашего профессионального внимания, даны оценки и сделаны необходимые выводы. Удалось решить и некоторые загадки по поводу утечки материалов. Я тоже основательно поработал над этой книгой. Приведу несколько примеров, свидетельствующих о тенденциозности автора. Хотелось вначале написать о «недобросовестности» автора, но это слово здесь не подходит, так как сочинение носит вполне осознанный и целенаправленный характер.

В книге содержится ложное утверждение, будто КГБ вынуждал президента Египта Гамаля Абдель Насера проводить политику войн. С этой целью Комитет госбезопасности якобы передавал Насеру дезинформацию о готовности Израиля начать войну против арабских стран. Такой дезинформации КГБ ни прямо, ни через посредников Насеру не передавал и тем более никогда не подталкивал ни египетских президентов Насера и Садата, ни сирийского президента Асада, ни иорданского короля Хусейна к войне. Правда, рядом с этим утверждением стоит другое, прямо противоположное по смыслу: КГБ знал о планах нападения Израиля, но скрывал от Насера эту информацию «или сознательно, или из-за бюрократической нерадивости».

В книге Баррона много самой разнообразной информации на все вкусы. Тут и утверждение, что КГБ осуществляет проникновение в американские учреждения за границей с помощью технических средств (как будто само ЦРУ проникает в наши учреждения не при помощи техники, а при помощи телепатии!), тут и не менее «ценные» сведения о том, что лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов похитил рукопись «Тихого Дона», а чтобы было понятно, какое это отношение имеет к КГБ, сам Шолохов объявляется сотрудником НКВД.

Баррон просвещает международную общественность и в том, что офицеры безопасности КГБ осуществляют-де слежку за советскими послами, а также упоминает - вне всякой связи с КГБ, - что «страшная организация» Главлит осуществляет цензуру над печатанием автобусных билетов. Ответственность за попытки спецслужб США организовать заговоры с целью устранения Фиделя Кастро неожиданно перекладывается на КГБ. Оказывается, это мы пытались избавиться от Фиделя Кастро, чтобы превратить Кубу в советскую колонию.

В 8-й главе книги КГБ обвиняется в том, что он, весьма искусно манипулируя общественным мнением, заставил отдельных американских общественных деятелей и туристов поверить, будто в СССР успешно решается жилищная проблема!

Появление в Западной Европе в конце 50-х годов неофашистских организаций и их антиеврейская направленность - это тоже, утверждает автор, козни КГБ.

В книге около сорока послов СССР объявлены либо лицами, занимающимися тайной деятельностью (?), либо просто агентами КГБ.

Один из них, очевидно, чтобы было страшнее читать, представлен шепелявым человеком «по причине плохих зубов». Человека я этого знаю лично, зубы у него нормальные, и он никогда не шепелявил...

Название 11-й главы носит устрашающий характер - «Заговор с целью уничтожения Мексики». Людям, именуемым в книге «сотрудники КГБ», инкриминируются совершенно невероятные вещи: подрыв экономики Мексики, подкуп профсоюзного движения с целью организации всеобщей забастовки трудящихся, связь с партизанским движением и тому подобное. Нагромождение этих нелепостей сопровождается перечислением имён неизвестных нам мексиканцев, с которыми якобы имели связь сотрудники разведки. Кто сочинял эти приведённые Барроном в книге небылицы и с какой целью, понять нетрудно. Имело место жёсткое противостояние между СССР и США на международной арене, и ЦРУ было заинтересовано в подрыве позиций СССР в Латинской Америке. Распространение ЦРУ подобных легенд дало определённые результаты: группу советских работников, среди которых действительно были и сотрудники разведки, выслали из Мексики, естественно, без каких-либо доказательств их «страшной» вины, поскольку таких в природе не было.

К сожалению, Баррон не рассказывает о финале этого дела: президент Мексики Эччеверия во время визита в Москву принёс извинения советскому руководству за имевший место инцидент, сказав, что он стал жертвой подготовленной провокации (не сказал, правда, кем она была подготовлена), и сообщил, что правительство Мексики не будет препятствовать возвращению в страну изгнанных в марте 1971 года советских сотрудников. И в самом деле, некоторые из них приезжали впоследствии в Мексику.

Описав изгнание советских сотрудников из Мексики, Баррон сделал далеко идущее обобщение: стратегия КГБ во всех странах одинакова - «забастовки, восстания, демонстрации, дезинформация, саботаж и терроризм».

Ещё один маленький перл: КГБ через своих людей записывает в трудовые книжки советских граждан сведения о политической неблагонадёжности инакомыслящих. Есть в книге и туманный намёк на то, что КГБ занимается... похищением детей.

Книге была обеспечена беспрецедентная реклама. Она выдержала чуть ли не пятнадцать изданий. Джон Баррон во время пресс-конференций всех убеждал, что потратил на написание книги четыре года (в другой раз он указал шесть лет). Эти утверждения весьма сомнительны. Но подобные заявления о долгой работе над книгой должны были внушить читателям веру в серьёзность и фундаментальность труда. На самом же деле, по моему глубокому убеждению, книга была составлена за несколько месяцев. Именно необходимостью выполнить заказ в срочном порядке объясняются хаотичное изложение материала и многочисленные ошибки фактического порядка.

Зачем же понадобилась такая спешка? Очевидно, было несколько причин. Одной из главных, на мой взгляд, было желание оказать срочную и решительную поддержку египетскому президенту Садату в его действиях, направленных на фактический разрыв отношений с Советским Союзом. Обвинив СССР в грубом вмешательстве во внутренние дела Египта, легче было расчистить Садату путь для сближения с Израилем, оправдать действия президента Египта перед другими арабами.

Во 2-й главе - «Секреты из пустыни» (она не случайно вынесена в начало книги) - утверждается, что Вадим Кирпиченко завербовал египетского министра по делам президента Сами Шарафа, которому Насер поручил поддерживать контакты с Кирпиченко как с представителем советской разведки. Вербовка Сами Шарафа, утверждается далее, обеспечила СССР глубокое внедрение в египетские спецслужбы и в египетское правительство. Таким образом читатели книги Баррона подводятся к мысли, что все арестованные Садатом (в действительности без всяких на то оснований) ближайшие соратники Насера - Али Сабри, Шаарави Гомаа и Сами Шараф - были предателями и действовали в интересах СССР, а не Египта. Не стану повторять уже сказанное мной ранее по этому поводу. В Службе общей разведки Египта имеются на этот счёт исчерпывающие данные. Она доподлинно знает, с кем и когда я поддерживал контакты.

Кардинально изменившаяся обстановка в мире, очевидно, будет препятствовать появлению в будущем таких сфальсифицированных сочинений. На повестку дня встают другие проблемы. Знамением времени становится многоплановое международное сотрудничество, и роль разведок в этом процессе требует дальнейшего осмысления и соответствующих корректировок.

Государства остаются, внешняя политика остаётся, остаются и разведки. Хотелось, чтобы их деятельность осуществлялась более цивилизованными методами.

Правда об Афганистане

Вследствие чего разлагаются и гибнут победоносные в прошлом армии? Как и почему рушатся мировые империи и супердержавы? Ответить на эти вопросы точно и объективно не может, наверное, ни один историк или политик.

Практически невозможно учесть и связать воедино все слагаемые исторических процессов. Нет и механизма, который бы точно учитывал настроение общественных слоёв и групп, а также возможные формы проявления этих настроений. Все объяснения крупных исторических явлений носят, по моему убеждению, лишь приблизительный характер.

Думаю, что в рамках подобной приблизительности я могу изложить и своё мнение по поводу нашей вовлеченности в афганские дела.

Тезис о том, что ввод наших войск в Афганистан был ошибкой

советского руководства, получил широкое распространение в мире, и в этом никто уже как бы и не сомневается. Мне кажется, что не сам ввод войск в Афганистан был трагической ошибкой, а именно их присутствие там в течение десяти лет.

Убедившись в течение первого года, что присутствие и военные действия нашей армии в Афганистане не способствуют ни стабилизации обстановки в стране, ни консолидации дружественного нам режима, из Афганистана надо было уходить.

Ни трезвости, ни мужества, ни дальновидности в этом вопросе советское руководство не проявило, хотя некоторые наши военачальники и политики хорошо понимали ситуацию. На регулярных совещаниях, где обсуждалось развитие обстановки в Афганистане и на которых я присутствовал, маршал С.Ф.Ахромеев, ныне покойный, генерал армии В.И.Варенников говорили вполголоса: «Поймите, ведь советская армия воюет с народом, и никакой победы в Афганистане быть не может!»

Афганская эпопея усугубила те политические, экономические и национальные кризисные явления, которые начали назревать в нашем государстве с 70-х годов. Афганистан не позволил нам заняться поисками путей выхода из кризиса и привёл к гибели нашей армии и государства.

К афганской трагедии я лично оказался причастен, так как весь декабрь 1979 года провёл в Кабуле, где выполнял вместе со своими коллегами указания руководства СССР и КГБ.

После смены власти в Кабуле 27 декабря 1979 года всем участникам этой операции было рекомендовано все забыть, а документы оперативного характера уничтожить. Ликвидировал и я свои служебные записи, где не только по дням и часам, но и по минутам было расписано, как развивались события в Афганистане в декабре 1979 года.

Прошли годы, сменилась власть, и те начальники, которые призывали к молчанию, начали писать на афганскую тему мемуары, выступать на телевидении, давать интервью. Причём в авангарде рассказчиков о событиях в Афганистане почему-то оказались именно бывшие сотрудники КГБ, а отнюдь не армейские генералы. То ли представители КГБ устали от своей прежней тотальной секретности, и им захотелось выйти из «зоны молчания», то ли в армии присяга оказалась покрепче. Не знаю.

Во всяком случае, рассказывать о некоторых «тайных операциях» разведки в Афганистане, на мой взгляд, не следовало бы, поскольку это разоружает и дезориентирует молодые поколения разведчиков.

Я не ставлю перед собой задачи написать всё, что знаю о нашей вовлеченности в афганские дела, тем более что большинство интересных страниц этой эпопеи уже прочитаны и перевёрнуты. Нет, наверное, смысла рассказывать вновь, кто и как принимал решение о вводе войск в Афганистан: как по приказу Амина задушили его «единственного и любимого» учителя Тараки; как в четырёх специально сконструированных гробах вывозили окружным путём в Москву четырёх ближайших соратников Амина, ставших его противниками; как откомандировывали из

Кабула советских военных советников, испытывавших большие симпатии к Амину; как проходил штурм дворца Амина Дар-уль-Аман; как заменяли Бабрака Кармаля на Наджибуллу - обо всём этом не раз говорилось в средствах массовой информации, исследованиях и мемуарах.

В этой главе я хочу рассказать только о своём личном участии в афганских делах и о тех выводах, к которым я приходил на разных этапах развития обстановки в Афганистане.

После этих предварительных замечаний имеет смысл перенестись в ноябрь 1979 года и вспомнить, как все это начиналось.

Однажды меня вызвал к себе начальник разведки В.А.Крючков и сообщил, что в Афганистане назревают важные события. Правящая в стране Народно-демократическая партия Афганистана окончательно раскололась на два крыла «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Афганский диктатор Амин проявил себя как отъявленный фашист и палач афганского народа. Кроме того, выявлены факты, говорящие о его готовности переориентироваться в своей политике на США. В этих условиях «парчамисты» начали подготовку к свержению Амина и взятию власти в свои руки. Задача разведки - помочь «парчамистам» покончить с диктатором. Кому-то из руководства Первого главка надо выехать в Афганистан, дополнительно изучить обстановку, уточнить наши возможности и провести подготовительную работу по изменению ситуации в нужном нам направлении.

У меня не было никаких сомнений в том, что под неопределённым «кому-то» Крючков имеет в виду меня, и я с готовностью согласился вылететь в Кабул в любое время.

Решив этот вопрос, начальник разведки поручил мне сформировать 3-4 группы из опытных сотрудников во главе с офицерами, знавшими персидский язык и обстановку в Афганистане и соседними с ним странами, для направления в Кабул, чтобы в решающий момент оказать помощь «парчамистам».

С этого момента афганские дела надолго стали приоритетными в моей служебной деятельности. Боевые группы были сформированы, экипированы, вооружены и вместе с армейскими специалистами перебазированы на афганскую военную базу Баграм за несколько дней до событий.

Я же вылетел в афганскую столицу раньше, в первых числах декабря 1979 года.

Зима... Холодно... Ночь... Аэродром «Чкаловское» погружён в темноту, мрачный и неуютный. Долго ищу самолёт, в котором надо лететь до Баграма. Никто ничего не знает или просто не хочет говорить с неизвестным штатским человеком.

Наконец самолёт найден. У меня диппаспорт на весьма прозаическое имя Николаева Петра Ивановича. Этот паспорт я, кстати говоря, нигде никому так и не предъявлял. В списках пассажиров я значился и был

допущен в самолёт вместе с группой генералов и офицеров-десантников.

Командир экипажа предупредил нас, что самолёт грузовой, без удобств, перелёт до Ферганы долгий и облегчиться от лишнего груза надо заблаговременно, прямо под крылом самолёта, так как в самом самолёте на крайний случай имеются только вёдра.

Среди команды военных старшим был генерал-лейтенант, заместитель командующего воздушно-десантными войсками. С ним я впоследствии, уже в Кабуле, составлял планы выхода советских войск на основные объекты столицы Афганистана, которые надлежало занять нашим армейским частям, и прикомандировывал к ним группы разведчиков КГБ, заранее изучивших обстановку на этих объектах.

Короче говоря, поводырями у армейских частей в Кабуле были сотрудники разведки из отряда «Каскад», владевшие местными языками.

Летели долго, разместившись на каких-то ящиках, мешках и перевёрнутых вёдрах, и, таким образом, привыкали к суровым афганским будням. Было холодно и тревожно от полной неизвестности.

В Фергану прибыли перед рассветом, и здесь нас уже ожидали и стол, и кров, и объятия десантников, которые тоже уже целенаправленно готовились, как выяснилось позднее, к выброске в Афганистан.

На военный аэродром Баграм мы прилетели в этот же день в сумерках и расположились на ночь в армейских бункерах, а утром на нескольких машинах отправились в Кабул. Незнакомая страна, незнакомые люди, но кого они все же мне напоминают? Да и пейзаж какой-то очень знакомый. Ата, вспомнил. Это же Йемен. И горы такие, и люди бородатые, худощавые, мрачные, пропылённые. Кто одет в солдатскую шинель, кто в пальто, кто в драный халат. На ногах тоже большое разнообразие: и солдатские ботинки, и кеды, и даже галоши.

По всему видно, что достижения цивилизации проникают через Гиндукуш крайне медленно. Машины глохнут от разрежённого горного воздуха. Постояв немного, снова движемся в сторону Кабула. Никто на нас не обращает внимания. К русским автоколоннам здесь давно уже привыкли.

В Кабуле прежде всего я встретился с генерал-лейтенантом Борисом Семёновичем Ивановым, старшим представителем КГБ, давно и хорошо мне знакомым, и вся моя дальнейшая работа проходила вместе с ним в полном единстве мнений и согласованности. Мы лишь распределили между собой участки работы, чтобы не мешать друг другу.

Жили мы с Борисом Семёновичем тут же, на территории посольства, и разлучались лишь ненадолго, чтобы поспать несколько часов ночью, но были, конечно, и полностью бессонные ночи. Чем ближе к 27 декабря - тем чаще.

Для того, чтобы лучше разобраться в обстановке и оценить наши реальные возможности, я в первые же дни познакомился с руководителями некоторых советских коллективов. Среди них были посол

СССР Фикрят Ахмеджанович Табеев, только что заступивший на свой пост; главный военный советник генерал-полковник Султан Кекезович Магомедов и находившийся во временной командировке в Афганистане первый заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант Виктор Семёнович Папутин.

Вскоре я обнаружил, что никто из них не знает о готовящихся событиях, ничего не ведал об этом и резидент Главного разведуправления.

«Будет успех в смене власти в пользу „парчамистов», - подумал я, - все лавры достанутся КГБ, окончится дело провалом, - в ответе тоже окажется наше ведомство». Через несколько дней у меня сложилось вполне определённое мнение, что представительство и резидентура КГБ в Кабуле своими силами оказать решающую помощь «парчамистам» не в состоянии. Об этом мы с Б.С.Ивановым и докладывали в Центр.. Но ещё много дней руководство СССР не решалось поставить в известность главного военного советника и других должностных лиц высокого ранга о готовящемся перевороте и предрешённом вводе наших войск в Афганистан.

Ближе к дню «Икс» Виктор Семёнович Папутин что-то почувствовал и, обращаясь к нам с Борисом Семёновичем, сказал однажды:

- Ребята, я вижу, вы здесь что-то затеваете... Оставьте меня в Кабуле, я вам пригожусь с нашим отрядом «Кобальт». Мне в Москву не хочется возвращаться. Там в МВД, на самом верху, творятся плохие дела.

Знал он уже, конечно, что на замену ему министр внутренних дел Щёлоков приготовил зятя Брежнева - Чурбанова, и хотел поэтому оттянуть своё унизительное отстранение. Оно вскоре действительно состоялось. Папутин не вынес этой несправедливости и пустил себе пулю в лоб как раз на следующий день после переворота в Кабуле.

Примерно за неделю до этих событий представительству КГБ, главному военному советнику и старшему представителю МВД было предложено общими усилиями по единому плану и совместно с «парчамистами» произвести смену власти. Посол СССР и резидент ГРУ так и не получили никакой информации по сему поводу.

Вместе с несколькими армейскими генералами мы с Б.С.Ивановым начали окончательную ревизию своих сил и возможностей «парчамистов». После двухдневных изнурительных дебатов написали коллективную телеграмму Брежневу и своим министрам о том, что без войсковой поддержки мы не можем ручаться за успех переворота и что в случае его неудачи Афганистан будет для нас потерян навсегда, а посольство СССР будет разгромлено.

Лишь после этой телеграммы Москва поставила нас в известность, что поддержка армии будет обеспечена. Одна воинская часть будет из Баграма направлена для «защиты» дворца Амина в окрестностях Кабула во исполнение его просьбы (на самом деле - для штурма дворца), а 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия высадится на Кабульском

аэродроме 25 декабря, для чего нам следовало обеспечить контроль над ним. В составе «защитников» дворца находились спецподразделения ГРУ ГШ и отряд КГБ во главе с моим коллегой и товарищем, заместителем начальника внешней разведки генерал-майором Юрием Ивановичем Дроздовым.

Заместитель начальника воздушно-десантных войск и я вместе с небольшой группой из Министерства обороны начали составлять план боевых действий.

Было выделено 8 объектов, которые должны были быть заняты боевыми группами 103-й гвардейской воздушной дивизии в первую очередь, а сотрудникам КГБ и МВД совместно с «парчамистами» было предписано провести предварительную работу на этих объектах, чтобы склонить работающих там людей отнестись спокойно к перемене власти.

Привожу по памяти эти объекты:

1) дворец Амина;
2) Генеральный штаб афганской армии;
3) тюрьма для политических заключённых в Пули-Чархи;
4) Служба разведки и контрразведки;
5) Министерство внутренних дел;
6) Министерство иностранных дел;
7) радио-и телецентр;
8) телефонная станция.

Дворец Амина было поручено взять армейскому десантно-штурмовому подразделению и отряду Ю.И.Дроздова. Поскольку при взятии дворца предполагались потери, на территории советского посольства мы развернули медицинский пункт.

После высадки воздушно-десантной дивизии на Кабульском аэродроме я выехал туда вместе со старшими разведывательно-диверсионных групп «Каскада» для прикомандирования их к дивизии. Это было 26 декабря 1979 года. При знакомстве с командиром дивизии последний представился нам по всей форме:

- Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

Познакомившись с комдивом, я спросил у него, почему он не назвал свою дивизию полным титулом «Краснознамённая, ордена Кутузова 2-й степени». Иван Рябченко удивился этому вопросу и в свою очередь задал вопрос:

- А вы-то откуда это знаете?

- В этой дивизии мне пришлось воевать и закончить военную службу, - пояснил я.

После этого мы зашли в штабную палатку, разбитую здесь же, на аэродроме, и распределили группы «Каскада» по частям и подразделениям 103-й дивизии.

Рябченко вызывал своих командиров, я знакомил их со старшими групп, совместно мы уточняли и ставили задачу, и наши товарищи тут же вливались в боевые порядки моей родной дивизии. Вот такая была неожиданная встреча с ней через 33 года.

Во время движения к объектам и в момент их занятия старшим групп «Каскада» предписывалось докладывать по рации в представительство КГБ (в здании посольства) о том, как развивается операция. Мы же с Б.С.Ивановым должны были координировать их действияи информировать о развитии событий Москву по специальному телефону.

Вечером 27 декабря, с наступлением темноты колонны 103-й дивизии ВДВ во главе с нашими группами (в некоторые из них включили «парчамистов») двинулись по разработанным маршрутам. К утру 28-го все операции должны были быть завершены.

Борис Семёнович Иванов решил, что ему целесообразнее находиться не в нашем представительстве, а в штабе военного командования. Он заблаговременно туда выехал и находился там до утра следующего дня.

Таким образом, вся информация о движении войск, взятии объектов докладывалась мною в Москву, а в ходе докладов приходилось одновременно заниматься и вопросами координации, чтобы наши колонны по ошибке не начали стрелять друг в друга. Такая опасность всё время возникала.

Сотрудники представительства КГБ, резидентуры и бойцы отряда «Каскад» отлично подготовились к операции и обеспечили на большинстве объектов бескровный переход власти к «парчамистам». Самыми трудными объектами для взятия оказались дворец Амина и помещение Генерального штаба. К сожалению, наши оценки, что без боя овладеть этими объектами не удастся, подтвердились.

Раненых и убитых свозили в посольство.

Наверное, это была самая тяжёлая ночь в моей жизни. Во время Великой Отечественной войны, на фронте были и дни, и ночи пострашнее этой, но тогда я был старшим сержантом, отвечавшим за решение какой-то частной задачи, а здесь на мою голову свалилась большая доля ответственности за успех многоплановой военно-политической операции.

Несмотря на то, что разговоры по войсковым рациям велись практически в открытую, никто их не услышал. И жители столицы, и сотрудники посольств иностранных государств мирно спали, а утром проснулись уже при новой власти. Спокойному сну поспособствовали и наши разведчики из отряда «Каскад»: примерно за час до штурма дворца Амина в некоторых узлах они вывели из строя телефонную сеть. Правда, в различных частях города время от времени слышались выстрелы, но в Кабуле это никого давно не смущало. Думали, наверное, что аминовцы

расстреливают очередную партию арестованных.

Посол Ф.А.Табеев, когда раздались первые выстрелы и на территорию посольства стали привозить раненых, всполошился, позвонил мне и гневным голосом потребовал объяснений того, что происходит в городе. Я сказал, что идут бои, власть переходит к «парчамистам», и сейчас у меня нет возможности беседовать. Подробно обстановку доложим утром.

Многое уже забылось, но основные эпизоды прочно сохранились в памяти.

Среди ночи раздался звонок по внутреннему телефону и чей-то голос сказал:

- Вадим Алексеевич, я такой-то, вы работали одно время с моим отцом... Я получил несколько ранений и, возможно, скоро умру. Я хочу проститься с вами. У меня здесь больше никого нет!

Фамилия эта ничего мне не говорила. Я хотел было броситься в медпункт, но вспомнил, что не могу покинуть командный пункт, и сказал в трубку:

- Милый мой, извини... Идёт бой, я не могу отлучиться ни на минуту! Потерпи и не теряй мужества!

Так я и не знаю, что стало с этим человеком. И фамилию его я забыл, и не знаю, выжил он или нет, а совесть до сих пор неспокойна.

Москва же хотела знать подробности, и в первую очередь, что стало с Амином. Доложил, что, по предварительным данным, он убит во время штурма дворца.

Утром, после подведения первых итогов, я поехал осматривать дворец. Убитых афганцев, в том числе и Амина, уже захоронили, и землю разровняли бронетранспортёрами. В одном из помещений дворца я подобрал большую фотографию диктатора. Сохранил её для истории.

Когда мы не имели ещё подтверждений о гибели Амина, радио Кабула начало передавать сообщения, что по решению революционного трибунала предатель Хафизулла Амин приговорён к смертной казни и что приговор приведён в исполнение. Вслед за этим последовало обращение Бабрака Кармаля к народу, заранее записанное на плёнку, а сам он начал движение из Баграма в Кабул в сопровождении одного из отрядов, сформированных нами ещё в ноябре.

28 декабря весь день подводили итоги операции.

Я уже упомянул, что сотрудники представительства КГБ, резидентуры и отряда «Каскад» действовали профессионально и прекрасно ориентировались в обстановке. Вечером 27 декабря, перед выступлением войск к намеченным объектам, многие наши разведчики разъехались по министерствам, ведомствам и службам, чтобы уговорить служащих сохранять спокойствие и принять новую власть. Большую работу в этом направлении провели и сами «парчамисты». Одним из сложных объектов, подлежащих нейтрализации, был ХАД (Служба

государственной безопасности). Туда направился заместитель руководителя представительства КГБ Владимир Александрович Чучукин. О том, что там произошло, через некоторое время рассказал мне старший группы «Каскад», которая шла впереди армейской колонны:

«Подхожу к зданию ХАД... Тихо, только в одном из помещений горит свет. Думаю, притаились, гады. Приготовил гранату и тихо подкрадываюсь к двери. Сейчас шарахну... Приоткрыл дверь, а там сидит Владимир Александрович, пьёт чай с руководителями ХАД. Идёт оживлённый разговор и временами раздаётся смех. Граната не понадобилась».

Освобождённых из тюрьмы Пули-Чархи политзаключённых стали назначать на ответственные посты в государстве. Бабрак Кармаль со своими соратниками разместился в кабульском дворце Арк и через день после переворота принял руководителей представительства КГБ и отличившихся офицеров из отряда «Каскад». Б.С.Иванов, Ю.И.Дроздов и я также принимали участие в этой встрече. Бабрак Кармаль горячо нас поблагодарил и заявил, что без помощи Советского Союза «парчамисты» не смогли бы утвердиться у власти.

У меня было чувство облегчения от того, что большинство наших оперативных планов оказались хорошо разработанными, подготовленными и успешно осуществились. Но при всём этом смерть нескольких наших товарищей при штурме дворца Амина представлялась неоправданной. Их гибель послужила, кстати, толчком к сооружению на территории службы разведки в Ясенево памятника сотрудникам, отдавшим жизнь во имя Родины. По прошествии многих лет ясно, что все наши жертвы в Афганистане, увы, были напрасными.

30 декабря 1979 года пришло указание мне и Ю.И.Дроздову вылететь в Москву для доклада о проведённой операции. 31-го, уже после окончания рабочего дня, мы предстали перед Ю.В.Андроповым и отчитались за свою работу.

В семье была большая радость - Новый год удалось встретить всем вместе, дома, а с души свалился тяжёлый груз ответственности.

В первые новогодние дни радостные чувства не покидали меня. Все теперь пойдёт хорошо в Афганистане: руль государства перешёл там в руки разумных людей без всяких экстремистских завихрений. Наш сосед остаётся нашим большим другом, и к тому же единственным на всём протяжении южных границ СССР. Всех участников событий председатель КГБ пообещал щедро наградить.

Но вскоре стали раздаваться тревожные голоса.

Мой большой друг и старший товарищ Иван Алексеевич Маркелов (в то время он был, как и я, первым заместителем начальника разведки) на первой же встрече после возвращения из Афганистана спросил меня с тревогой в голосе: «А зачем мы туда вообще влезли? Добром для нас эта экспедиция не окончится!»

Затем пошли отклики из США. Там радостно потирали руки: «Советы попались - не учли нашего плачевного опыта. Афганистан станет для СССР тем же, чем стал Вьетнам для США».

Потом зашевелились и востоковеды - специалисты по Афганистану и этому региону. Они стали высказывать критические замечания о бесперспективности пребывания наших войск за Гиндукушем. От них пошла впоследствии утвердившаяся в средствах массовой информации оценка: «Влезли в Афганистан, не зная его географии».

Наступили времена сомнений и раздумий. А руководство КГБ требовало решительных действий по оказанию помощи режиму Бабрака Кармаля и ликвидации «бандитского движения». Началось массовое наводнение Афганистана советниками всех мастей. Их и до переворота было много, а теперь началась настоящая «советническая оккупация» страны.

Деятельность советников подверглась в наших средствах массовой информации в перестроечный период не только критике, но и просто осмеянию. Они, мол, делали все по нашему образцу: создавали не только машинно-тракторные станции, но и комсомольские, женские и даже пионерские организации. Это, конечно, наговоры. Нет: слепого копирования не было. Наоборот, руководство всё время напоминало о необходимости действовать сообразно с местными условиями и обычаями, с учётом средневековости Афганистана и его племенного уклада.

Но попытки прямого перенесения нашего опыта, естественно, имели место. Это относится в какой-то мере и к области разведывательной и контрразведывательной работы. В конце концов, понимание национальных особенностей страны - это одно, а конкретный личный опыт каждого советника - это совсем другое. Изобретать что-то совершенно новое на базе своего опыта - дело чрезвычайно сложное.

В Москве началась целая эпоха совещаний и заседаний по Афганистану, начиная от комиссии ЦК КПСС до ведомственных и межведомственных...

Довольно часто для решения внешнеполитических вопросов, связанных с Афганистаном и нашим военным присутствием там, собирались дипломаты, военные и разведчики. Чаще всего эти встречи имели место в МИД СССР, у первого заместителя министра Георгия Марковича Корниенко. Обычно там присутствовали С.ФАхромеев, В.И.Варенников, а от Комитета госбезопасности или я, или Я.П.Медяник.

Понятно, что афганские дела систематически обсуждались в рамках ответственности КГБ и у Ю.В.Андропова. Были совещания у других министров, и в том числе у военного министра Д.Ф.Устинова. Последний проводил совещания неторопливо, с чаепитиями и всевозможными отвлечениями от главной темы. Иногда разговор принимал характер, далёкий от повестки дня. Однажды, во время такого затянувшегося отступления от темы, я стал развлекать себя тем, что начал подсчитывать количество и качество орденских планок у наших военачальников, и

обнаружил удивительную гармонию в системе награждения. У Ахромеева было на один орден больше, чем у Варенникова; у Соколова на один орден больше, чем у Ахромеева, а у Устинова на два больше, чем у Соколова.

Видно, в аппарате ЦК КПСС какие-то специальные люди зорко следили за тем, чтобы не было никаких нарушений в субординации. Каждый герой должен точно знать своё место в ряду героев.

Для внешней разведки Афганистан стал главной задачей: мы укрепляли органы безопасности Афганистана, направляли своих советников во многие афганские провинции, сотнями стали готовить афганских разведчиков и контрразведчиков на территории Советского Союза и в Кабуле. Делали все, вплоть до открытия в нашей стране детских домов для афганских детей-сирот.

Приказы руководства КГБ были однозначны: для Афганистана ничего не жалеть, все их заявки удовлетворять немедленно. Следующий год (а в дальнейшем каждый следующий) должен был стать годом «решительного перелома в борьбе с душманами...»

В руководстве ПГУ четыре человека с утра до вечера занимались афганскими делами - сам начальник В.А.Крючков, я, заместитель начальника разведки по этому району Яков Прокофьевич Медяник и заместитель начальника разведки - начальник Управления «С» Юрий Иванович Дроздов.

Я курировал, в частности, работу представительства КГБ, участвовал в многочисленных совещаниях по Афганистану и в КГБ, и за его пределами, и очень много времени уделял беседам с нашими сотрудниками, побывавшими в стране. В этих беседах решались различные текущие дела, но я, помимо этого, хотел понять перспективу развития событий. К сожалению, в своём подавляющем большинстве эти доклады были неутешительными. По-прежнему режим удерживал свои позиции только в Кабуле, а на периферии власть переходила из рук в руки, и нигде не было и намёка на стабилизацию режима и поддержку его населением.

Примерно через год после переворота я понял, что пребывание наших войск в Афганистане не даёт ощутимых результатов, а через два пришёл к выводу, что оказание нашей политической, экономической, военной и всех остальных видов помощи Бабраку Кармалю не спасёт его режим и не приведёт к стабилизации обстановки.

Разочаровавшись в Бабраке Кармале (он действительно был слабым организатором при больших амбициях), советское руководство (по предложению и при помощи разведки) пошло на замену афганского руководителя Наджибуллой.

Утверждение Наджибуллы в качестве афганского лидера на какое-то время породило надежды на улучшение обстановки в Афганистане, но скоро всё пошло по-прежнему. Афганистан продолжал тянуть из нас все соки, армия не понимала, за что она воюет, вмешательство во внутренние дела страны других иностранных государств нарастало, в своей основной

массе афганцы считали нас оккупантами, а Наджибуллу - ставленником Москвы.

Руководство КГБ, однако, не допускало мысли о нашем поражении в Афганистане и постоянно выступало с новыми инициативами по оказанию помощи южному соседу во всё возрастающем объёме. Даже отдалённые намёки на то, что нам надо уходить оттуда, считались антигосударственными, антипартийными и крамольными.

Видя всю обречённость нашего участия в афганских делах, трудно было сохранять хоть какой-то энтузиазм. Потери нашей армии и громадная военная и экономическая помощь, сгоравшая в «чёрной дыре» за Пянджем, вызывали чувство протеста и действовали угнетающе.

Парадокс этого явления состоял в том, что КГБ, и в первую очередь разведке, удалось создать действительно работоспособные афганские органы госбезопасности, которые вели успешную работу не только на всей территории страны, но и проникали в Пакистан, а пришедший с нашей помощью к власти Наджибулла был, несомненно, самым достойным лидером из бывших когда-либо в Афганистане. Я знал его лично и встречался с ним и в тот период, когда он возглавлял органы безопасности, и когда стал президентом.

Он был хорошим организатором, высокообразованным человеком, противником проведения репрессий в стране, да и сама его специальность - врач - уже предполагала гуманное начало в его характере. Наджибулла искренне хотел счастья и процветания своему народу и не щадил своих сил, чтобы как-то улучшить обстановку в Афганистане.

Как-то я сопровождал его вечером на пути из центра Москвы в Ясенево. Мы ехали по Ленинскому проспекту, и, глядя на освещённые окна домов, Наджибулла сказал:

- Когда же будут такие современные дома в Афганистане, когда же у нас будет такая счастливая и спокойная жизнь, как у вас? Доживу ли я до этого времени?

Тут была и боль за Афганистан, и понимание того, что путь в более или менее цивилизованное общество в его стране будет долгим и мучительным.

Вера в Наджибуллу и в надёжность его органов безопасности порождала в руководстве КГБ иллюзии, что раз на этом участке можно добиться успехов, значит, можно и должно добиваться их в масштабах всей страны. Эти опасные иллюзии, нежелание взглянуть правде в глаза задержали вывод наших войск на несколько лет. И большая доля вины за это ложится на КГБ. Следует сказать, что на должности руководителей представительства этого ведомства в Кабуле выдвигались руководящие работники разведки, положительно проявившие себя на оперативной работе и очень хорошо разбиравшиеся в делах Ближнего и Среднего Востока. Помимо Б.С.Иванова, представительство последовательно возглавляли Л.П.Богданов, В.Н.Спольников, Н.Е.Калягин,

Б.Н.Воскобойников, В.П.Зайцев. Трое из них, Богданов, Спольников и Зайцев, были востоковедами и ранее работали в странах этого региона.

Последним нашим представителем в Кабуле был В.А.Ревин. У него сложились особо близкие отношения с Наджибуллой. Ревин как мог подбадривал афганского лидера. Следует также сказать, что все наши руководители представительства имели прямой доступ к Бабраку Кармалю и Наджибулле, которые принимали их по первой же просьбе. Очевидно, уместно отметить, что Афганистан обернулся поражением не только для нас. Во многом просчитались и США. Именно они были инициаторами создания на территории Пакистана вооружённых формирований моджахедов, которые вели вооружённую борьбу с советской армией. Именно Вашингтон вооружал их и направлял на борьбу с «неверными». Это американские власти по существу открыли путь террористам, которые, прикрываясь знаменем ислама, наводят страх и ужас во многих странах и в настоящее время. То, что происходит сейчас в Алжире, - это тоже результат деятельности секретных служб Вашингтона. Организаторы резни мирного населения в Алжире прошли подготовку в пакистанских лагерях на деньги американцев. И гражданская война в Таджикистане, и братоубийственная война в самом Афганистане, которая бушует до сих пор, это тоже в известной мере следствие политики США, которые были готовы сотрудничать с самыми тёмными и реакционными силами, лишь бы ослабить влияние Советского Союза.

Десятилетняя война в Афганистане разлагала нашу армию. Военные действия в чужой стране с малопонятными целями вызывали ненужную жестокость в обращении с населением, которое не без основания рассматривалось в качестве пособников моджахедов - душманов. Грабежи и насилия стали обычным, повседневным явлением.

Да и кровавые разборки, которые до сих пор случаются между различными группами в наших ветеранских организациях, - это тоже печальное следствие той кровавой войны.

Генералитет же систематически получал высокие звания и награды. Стало правилом, что генерал, выехавший на полгода в Афганистан, получал очередное генеральское звание, а нередко и Золотую Звезду Героя.

Так всё-таки зачем мы влезли в Афганистан? Некоторые наши политики и высокие в прошлом должностные лица ссылаются на важные стратегические интересы Советского Союза, но в чём они заключались, как правило, не объясняют. Вообще словосочетание «важные стратегические интересы» всегда покрыто тайной. Раз стратегические, значит, это не всем дано понять и не всем положено знать. И нечего лезть с вопросами. Самым понятным и приемлемым объяснением было то, что мы заинтересованы в сохранении дружественного нам Афганистана и спокойной советско-афганской границы. Кроме того, было желание продемонстрировать перед всем миром, и прежде всего перед США, нашу решимость отстаивать государственные интересы не только посредством дипломатических акций, но в крайнем случае и путём применения

военной силы. Тем более, что американцы действительно всё время давали повод. Они не только демонстрировали свою военную силу, но и реально и повсеместно её наращивали.

Конкретных подтверждений этому было более чем достаточно: проволочки с ратификацией Договора ОСВ-2, новые долгосрочные программы вооружения армии США, создание американских «сил быстрого развёртывания». Предположение о том, что если мы пустим развитие событий в Афганистане на самотёк, то там могут появиться ракеты, нацеленные на Советский Союз, тоже не было лишено оснований. Плюс к этому затяжной конфликт с Китаем и многое другое (пограничная Турция - член НАТО, возможное вмешательство США в дела соседнего Ирана и так далее).

Рассуждения же о том, что Советский Союз через свою военную акцию в Афганистане хочет выйти к «тёплым морям», расширив зону своего влияния вплоть до Индийского океана, не выдерживают серьёзной критики. Наше политическое руководство не было до такой степени наивным и уверенным в своих собственных военных, экономических и политических возможностях, чтобы строить подобные авантюрные планы.

Я думаю, что, принимая решение о вводе войск, Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов просчитали только одну сторону из всего комплекса наших военно-политических интересов, а именно - положение в Афганистане и на наших южных границах. Другие аспекты международной политики в расчёт не принимались, не говоря уже о политике внутренней.

Введя войска в Афганистан и оставшись там на долгие годы, мы дали хороший повод США для более активного вмешательства в дела этого региона и обеспечили ему надёжных союзников в проведении антисоветского курса. Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира на ввод войск. В одночасье мы потеряли в этом мире друзей и приобрели много врагов, да и «движение неприсоединения» отвернулось от нас.

Но главное - это то, что при принятии данного решения были полностью проигнорированы вопросы внутреннего положения в СССР.

Похоже, что высшие советские руководители продолжали верить в монолитность нашего общества, национальное единство, надёжность армии и неисчерпаемые экономические возможности. То, что наше вооружённое вмешательство в Венгрии и Чехословакии было крайне негативно встречено частью советской интеллигенции, предпочли забыть, а этого не следовало бы делать.

Самое же прискорбное состояло в том, что не была учтена реакция населения на гибель наших солдат в Афганистане. Смерть и увечья тысяч молодых людей во имя непонятных «стратегических интересов» с каждым днём подрывали доверие населения Советского Союза к своим руководителям. Только полным параличом высшей власти можно объяснить то, что наша разлагающаяся армия целых десять лет

оставалась в Афганистане.

Горькие плоды афганской трагедии мы пожинаем и по сию пору.

А что касается меня, то в результате афганской войны я стал убеждённым пацифистом (раньше в нашем партийно-правительственном аппарате это слово было вообще ругательным). Я пришёл к окончательному выводу, что ни одну национальную проблему в мире нельзя решить путём иностранной военной интервенции. Война допустима лишь в одном случае: когда надо защищать свою родину от напавшего на неё врага. Все остальные конфликты должны решаться без оружия.

* * *

Закончил я эту главу 24 сентября 1997 года, а, вернувшись вечером домой, увидел в «Красной Звезде» некролог:

«Военный совет, командование ВДВ, друзья и товарищи с глубоким прискорбием извещают о смерти участника боевых действий в Республике Афганистан бывшего командира 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майора запаса Рябченко Ивана Фёдоровича и выражают соболезнование родным и близким покойного».

И снова вспомнил я бравого генерала небольшого роста, очень живого и решительного. Ему очень шли усы, придававшие его облику ещё более решительный вид. Он уверенно отдавал распоряжения командирам подразделений своей дивизии и как полновластный хозяин распоряжался Кабульским аэродромом.

Поработали мы с ним всего часа полтора, а в памяти он остался на всю жизнь.

Станет ли другом вечный враг?

С детства у меня сохранилось впечатление, что о Японии я знал всегда, знал, что она есть, что она необычна, не похожа на все остальные страны и... что это наш враг на вечные времена.

Вспоминается бесконечное разглядывание рисунков и фотографий в самом популярном до Октябрьской революции, имевшемся в нашем доме, журнале «Нива» о баталиях на русско-японском фронте.

Потом, уже подростком, я узнал подробнее про Порт-Артур, Мукден и Цусиму. А из громадных рупоров старинных граммофонов услышал щемящие и бравшие за душу слова вальсов «На сопках Маньчжурии» и «Амурские волны». И из них тоже следовало, что Япония - наш вечный враг.

А дальше к понятиям Порт-Артур, Мукден и Цусима прибавились японская интервенция на Дальнем Востоке, Хасан и Халхин-Гол, а из чёрных тарелок радиоточек запел популярнейший эстрадный артист Леонид Утёсов:

На Дальнем Востоке акула

Охотой была занята,

Злодейка-акула дерзнула

Напасть на соседа-кита...

Постоянным прилагательным к слову «Япония» стало «милитаристская», равно как к Германии - «фашистская».

Первые годы Великой Отечественной войны мы с нетерпением ждали открытия второго фронта союзниками на Западе и очень опасались открытия второго фронта против нас Японией на Востоке. А после войны снова ощутили дыхание «холодной войны», и снова у нас появились враги и на Западе, и на Востоке.

С укоренившимся уже представлением, что Япония - извечный наш враг, я и пришёл в 1952 году на работу в разведку, и уже здесь началось узнавание Японии как страны чрезвычайно интересной и во многом необыкновенной, а может быть, и самой необычной и своеобразной на всём земном шаре. Японское «экономическое чудо» произвело впечатление на всё человечество. И соседи Японии, и Европа, и Америка долгие годы пытались разгадать, в чём состоит сила Страны восходящего солнца, в рекордные сроки ставшей одной из передовых в экономическом отношении стран. И многие в этом анализе справедливо отдавали должное японскому характеру, таким его качествам, как стойкость, патриотизм, исключительное трудолюбие, уважительное отношение к старшим, самоотверженность в том, что касается интересов своего государства. А послевоенный отказ Японии от имперских амбиций, экспансионизма и курса на всеобщую милитаризацию страны быстро снискал ей международное уважение.

Советскую разведку с момента её создания - а это без малого 80 лет - интересовало в Японии многое: её военный потенциал, экономика, политика и научно-технический прогресс, положение в политических партиях и, конечно, союзнические отношения Японии с Германией, а после второй мировой войны - с США.

Рискну даже сделать вывод, что создание в России разведки как самостоятельного института в значительной степени связано с Японией. Именно поражение, которое нанесла Япония России в войне 1904-1905 годов, со всей очевидностью прояснило, что свою восточную соседку мы не знали, не понимали, и вместо трезвой оценки японской действительности в нашем обществе господствующим было уже навязшее в зубах высказывание: «Да мы в случае войны её шапками закидаем!» В России к тому же было распространено убеждение, что «маленькая азиатская страна» вообще не рискнёт начать войну против «мировой державы России».

При неуважительном отношении в России к Японии, к её военному потенциалу раздавались и трезвые голоса. Военный атташе России в Токио полковник Самойлов регулярно направлял в главный штаб

информацию о состоянии японской армии и военно-морского флота. 14 ноября 1903 года Самойлов передал в Санкт-Петербург итоговую информацию о том, что японская армия и флот полностью отмобилизованы и готовы начать военные действия против России. В этом документе указывалось, что японцы предполагают на первом этапе ведения войны уничтожить русский флот.

На основании этого и других донесений Самойлова, а также сообщений военных атташе России в Корее и Китае в декабре 1903 года Николаю II была подготовлена записка о военных приготовлениях как в самой Японии, так и в Китае и Корее. Записка была доложена царю за месяц до начала войны, но никаких конкретных распоряжений от него не поступило.

Что же касается Японии, то она к войне с Россией готовилась основательно, и тому есть много примеров. Но мне хотелось бы сослаться лишь на одно художественное свидетельство серьёзности подготовки Токио к войне. Я имею в виду широко известный рассказ классика русской литературы А.И.Куприна «Штабс-капитан Рыбников». В этом рассказе речь идёт о японском офицере-разведчике, который под личиной недалёкого, не очень грамотного офицера русской армии появлялся в тех местах, где можно было собрать нужную для японского генерального штаба информацию. Играя роль ограниченного, склонного к постоянному употреблению спиртных напитков человека, японский офицер не вызывал никаких подозрений, и в его присутствии собеседники обсуждали все новости русско-японской войны, иногда касаясь действительно важных вопросов.

Выражаясь современным языком, штабс-капитан Рыбников был разведчиком-нелегалом высшей категории.

Поразительно то, что в рассказе, написанном в 1905 году, когда антияпонские настроения в России, казалось бы, достигли своего апогея, А.И.Куприн пишет о японском офицере даже с симпатией, отдавая должное его героизму и самоотверженности. Устами героя рассказа, журналиста, А.И.Куприн говорит:

«...Но если всё это правда, и штабс-капитан Рыбников действительно японский шпион, то каким невообразимым присутствием духа должен обладать этот человек, разыгрывающий с великолепной дерзостью среди бела дня, в столице враждебной нации, такую злую и верную карикатуру на русского забубённого армейца! Какие страшные ощущения должен он испытывать, балансируя весь день, каждую минуту над почти неизбежной смертью».

И далее: «Здесь была совсем уже непонятная для Щавинского очаровательная, безумная и в то же время холодная отвага, был, может быть, высший из всех видов патриотического героизма. И острое любопытство вместе с каким-то почтительным ужасом всё сильнее притягивали ум фельетониста к душе этого диковинного штабс-капитана».

Интересен и тот факт, что «штабс-капитан Рыбников» - это, пожалуй, первое в русской литературе художественное произведение, посвящённое разведывательной тематике, было связано с Японией.

Сколько-нибудь серьёзная структура российской разведки так и не была создана вплоть до первой мировой войны, и лишь после Октябрьской революции, 20 декабря 1920 года, было впервые в России создано отдельное подразделение внешнеполитической разведки под названием «Иностранный отдел Всероссийской Чрезвычайной комиссии». Военная же разведка как управление Генерального штаба Красной Армии оформилась ещё в 1918 году.

Деятельность советской разведки в Японии в период до начала второй мировой войны носила достаточно активный характер, поскольку Япония тогда рассматривалась нами как вполне вероятный противник. И работала наша разведка весьма продуктивно. Взять хотя бы добычу в 1927-1928 годах небезызвестного «Меморандума Танаки».,В этом документе раскрывались военные планы Японии, и его копии советской разведкой были добыты дважды. Первая копия меморандума была получена в 1927 году в результате секретной выемки из японского разведывательного центра в Харбине, который действовал при военной миссии Японии и проводил работу против советского Дальнего Востока, Сибири и Монгольской Народной Республики.

Год спустя вторую копию этого документа советские разведчики добыли в Корее. В своих воспоминаниях резидент в Сеуле И.А.Чичаев, работавший там в 1927-1930 годах, рассказал, что ему удалось в указанный период завербовать агента японской полиции и жандармерии, бывшего офицера российской армии, с помощью которого было получено много секретных сведений о планах японского правительства. Самым ценным из этой серии документов был как раз «Меморандум Танаки».

Таким образом, полученные в Японии, Корее и Китае материалы о приготовлениях Японии к войне с СССР не вызывали никаких сомнений.

В начале 30-х годов советская контрразведка располагала и «Планом подрывной деятельности японских разведорганов против СССР». Этот план, кстати, был предъявлен в Токио советской стороной на процессе против японских военных преступников в 1948 году в качестве одного из обвинительных документов.

После второй мировой войны деятельность советской разведки в Японии уже не носила наступательного характера. Наличие на Японских островах большого числа американских спецслужб, работавших в тесном контакте с местными специальными органами и свободно использовавших японских граждан в качестве агентов и осведомителей, поставили советскую разведку в положение обороняющейся стороны. В качестве примера можно привести нашумевшее в своё время дело о попытке похищения ЦРУ в марте 1966 года резидента КГБ в Токио Г.П.Покровского. В подготовке этой операции были задействованы и японские граждане. Руководитель, работавший на ЦРУ, японской агентурной группы Мисаки

Мацумото целый год выслеживал Покровского; изучал его образ жизни и вёл наблюдение за его квартирой. А когда американцы собрали все необходимые данные, из Лэнгли прибыла под видом бизнесменов группа захвата - трое сотрудников штаб-квартиры разведки Вашингтона.

Решительные действия Покровского, сумевшего быстро вызвать подмогу из посольства СССР, привели к задержанию американцев японской полицией. Это скандальное дело получило огласку и стало достоянием международной прессы.

Позднее Мисаки Мацумото решил порвать с ЦРУ. На основании его показаний японская газета «Джапан Таймс» 15 августа 1969 года поведала не только об акции ЦРУ в отношении Покровского, но и о готовившихся похищениях советских спортсменов и даже канадских граждан, подозреваемых в сотрудничестве с советскими спецслужбами.

Излюбленным методом американских служб против советской разведки в Японии было внедрение в советскую разведывательную сеть Москвы своих «подстав» - агентов-провокаторов, главным образом их числа военнослужащих Соединённых Штатов. Такие операции проводило не только ЦРУ, но и разведывательные структуры всех войск. Цели при этом преследовались многоплановые: выявление советских разведчиков, дезориентация советской военной науки и направление её по ложному пути, создание вокруг наших разведчиков компрометирующих ситуаций, как для возможной вербовки, так и для организации политических скандалов.

В штаб-квартире внешней разведки потребовалось разработать специальную методику по разоблачению «подстав» из числа американских военнослужащих. После всестороннего анализа поведения агентов-провокаторов их стало легче разоблачать и поворачивать развитие ситуации в выгодном нам направлении.

Вот один из примеров.

В поле зрения нашей токийской резидентуры в начале 60-х годов попал американец, который работал инженером на одной из американских баз в Японии. Уже в ходе первых встреч выяснилось, что он располагает интересующей нас информацией и имеет доступ к секретным документам.

С самого начала инженер производил впечатление человека, остро нуждающегося в деньгах, ищущего возможности «подзаработать», недовольного своей судьбой и неустроенностью, неудачной личной жизнью. На предложение сотрудничать с нами за деньги живо среагировал и стал передавать документацию по военно-технической тематике. Эти материалы носили в основном секретный характер, подлинность передаваемых документов подтверждалась экспертными оценками Центра.

В поведении американца имелись настораживающие моменты, однако характер передаваемой информации побуждал нас к продолжению работы с соблюдением необходимых мер

предосторожности. Поэтому, когда во время одной из встреч в ресторане за столик по приглашению инженера неожиданно сел ещё один американец и представился офицером американской контрразведки, наш оперработник, курировавший агента, внутренне был уже готов к такому развитию событий. Дальнейшая беседа проходила в отсутствие инженера. Подсевший «охотник за шпионами» сообщил, что ему всё известно о контактах оперработника с инженером и что тот уже давно действует под контролем американских спецслужб. Вместе с тем офицер признал, что переданные ранее документы были достоверными. Он предложил нашему оперработнику сотрудничать с американцами, обещал организовать в дальнейшем через инженера передачу «ценной» военно-технической информации.

На это сотрудник резидентуры ответил, что сам является офицером советской разведки, и предложил, в свою очередь, сотрудничать американскому офицеру за хорошее вознаграждение, сообщив ему, что мы давно знали об игре с нами через инженера и что ждали такой встречи. В продолжение своей легенды о том, что мы давно работаем с инженером с целью вербовки его руководителя-контрразведчика, он сообщил американцу, что все беседы записываются на плёнку, а настоящая встреча обеспечивается несколькими сотрудниками резидентуры.

Неожиданное поведение нашего оперработника привело американца в явное замешательство. Не давая возможности ему прийти в себя, оперработник покинул место встречи, пообещав при прощании опешившему американцу позвонить по телефону и вернуться к начатому разговору.

С целью локализации возможных действий американцев против сотрудника резидентуры было принято решение провести с американским контрразведчиком ещё одну встречу с соблюдением необходимых мер предосторожности и вновь предложить ему сотрудничество с нами. На другой день оперработник позвонил американцу и предложил встретиться. Американец от встречи на предложенных нами условиях отказался.

Правильное поведение нашего сотрудника позволило избежать нежелательных для нас последствий. В дальнейшем каких-либо провокационных действий в отношении этого оперработника заокеанскими джеймсбондами не предпринималось. В подобных условиях советской разведке приходилось работать в Японии долгие годы, пока не смену «холодной войне» и постоянной конфронтации не пришла эпоха разрядки международной напряжённости и сотрудничества.

Естественно, возникает вопрос, насколько цивилизованно вела себя советская разведка все эти годы в Стране восходящего солнца? Можно ли рассматривать её действия как грубое вмешательство во внутренние дела нашей соседки? И, наконец, какие конечные цели преследовала советская разведка в Японии?

Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Работала советская разведка в Японии достаточно осторожно, стремясь не повредить курсу правительства СССР на достижение лучшего взаимопонимания с восточной соседкой. Грубого вмешательства в дела Японии не было, если не считать того, что сама разведывательная деятельность является незаконной с точки зрения страны пребывания.

Советская разведка никогда в послевоенный период не ставила своей целью изменение политического строя Японии, совершение переворотов и приведение к власти в Токио каких-то своих сторонников.

Весьма интересными на этот счёт являются высказывания бывшего сотрудника резидентуры КГБ в Японии Станислава Левченко, изменившего Родине в 1979 году. Он, в частности, публично признавал, что советскую разведку интересовали прежде всего те слои общества и те политики, которые выступали за всестороннее развитие дружбы и сотрудничества Японии с Советским Союзом. И разведка Кремля старалась развивать контакты с людьми этой категории, чтобы ещё больше поощрить их действовать в целях укрепления разносторонних советско-японских связей. Наверное, нельзя назвать такую работу разведки, даже при очень большом желании, разрушительной или нецивилизованной.

Но надо сказать, что и в эпоху конфронтации и политической напряжённости взаимный интерес России и Японии имел постоянную тенденцию к росту. Географическая близость, экономические интересы, желание познать культуру друг друга - все это определило поступательное движение в отношениях между нашими странами. Весной 1978 года - это было в марте, когда цветёт сакура - японская вишня, посчастливилось и мне посетить Страну восходящего солнца, чтобы познакомиться с работой нашей резидентуры в Токио. К поездке я готовился особенно тщательно, отчётливо понимая, что, насколько серьёзной будет подготовка, настолько и глубокими будут впечатления и результаты от поездки. Прочитал несколько книг, ознакомился со справочниками и географическими картами, подробно побеседовал с нашими работниками, которые по многу лет провели в Японии.

Во время этой подготовительной работы я окончательно понял, что Япония - это перспективная для широкого сотрудничества наша соседка на Востоке, что там масса людей, которые интересуются Россией и любят её. Я убедился, что в Японии хорошо знают нашу литературу, театр, вообще все наше искусство.

Моё пребывание в Японии в течение десяти дней было чрезвычайно интересным и насыщенным. Несмотря на очень большой интерес к японской культуре и многому другому, меня больше всего интересовали все же сами японцы, особенности их психологического склада и национального характера. И если многие писатели, исследователи и журналисты часто пишут о «загадочной славянской душе», то в неменьшей степени в мире идёт спор и о непостижимой загадке

японского характера.

Помимо тех черт японцев, о которых я уже упомянул, меня поражает ещё японская любознательность, пунктуальность и необыкновенная вежливость.

Японских туристов можно обнаружить во всех городах мира, где есть какие-либо памятники истории, культуры или архитектуры. Я видел их многочисленные группы в испанских городах, в Мексике, Перу и во многих других странах. Они есть всюду. И они не просто лениво таращат глаза или что-нибудь жуют, или же рассматривают сувениры в лавках, а внимательно слушают экскурсоводов, снимают все на видеоплёнку, фотографируют и тщательно все записывают. Они - само внимание, и ничто не может их отвлечь от рассказов гида и полной фиксации увиденного и услышанного. Ну, а японская вежливость - это уже что-то особенное, не известное в большинстве других стран. Меня поразила однажды сцена созерцания японскими туристами мавзолея Тадж-Махал в Индии. Осмотрев этот шедевр архитектуры, японцы, не отрывая глаз от дворца и постоянно отвешивая поклоны, пятились чуть ли не с километр к входным воротам, не рискуя повернуться спиной к этому белоснежному чуду, как бы парящему над землёй в безоблачном голубом небе.

А однажды в Японии, в гостинице курорта Атама-центр, мы решили вместе с нашими японскими друзьями сфотографироваться всей группой в холле гостиницы. Я навёл свой «роллефлекс» на группу, поставил затвор на автоматический спуск, присоединился к группе, и аппарат нас сфотографировал. После этого оба сопровождавших нас японца поблагодарили фотоаппарат, поклонившись ему. Это было самое удивительное проявление вежливости в моей жизни.

Конечно, за этой доведённой до автоматизма вежливостью даже по отношению к неодушевлённым предметам лежит нечто более глубокое, а именно уважение к человеческому гению, создавшему удивительные дворцы, пирамиды, машины...

Можно было бы и посмеяться над подобными церемониями, но меня они скорее приводят в восхищение, особенно по сравнению с традиционной, увы, российской грубостью.

Прибыв в Японию, я, естественно, не хотел ограничить себя только внутренними делами нашего коллектива и посещениями достопримечательных мест, а стремился побывать на приёмах и других общественных мероприятиях. Было решено, что это удобнее сделать в качестве советника МИД СССР, занимающегося вопросами культурных связей между СССР и Японией. Это и предопределило мои контакты и знакомства.

Среди моих новых знакомых оказалось много содержательных и компетентных собеседников, которые всерьёз были озабочены проблемой советско-японских культурных связей. Все их просьбы и предложения я добросовестно довёл до нужных адресатов по возвращении в Москву.

Особое внимание мне оказали супруги Хасегава, имевшие свою

картинную галерею и горевшие желанием познакомить японцев с шедеврами западноевропейского импрессионизма, хранящимися в музеях России. И я сам, и сопровождавшие меня сотрудники посольства были особенно тронуты проявленным к нам вниманием со стороны госпожи Тиеко Хасегава.

На мой взгляд, она проявила прямо чудеса гостеприимства, без устали показывая нам достопримечательности Токио с уютными ресторанами, где бережно сохранялись традиции прошлого, включая гейш, которые танцевали и пели, аккомпанируя себе на национальных инструментах.

Тиеко Хасегава, по-моему, вполне могла быть самой красивой и обворожительной женщиной Японии.

Думаю, что если госпожа Хасегава прочитала бы эту книгу, то особенно не разочаровалась, узнав, что она оказывала гостеприимство заместителю начальника советской внешней разведки, а не сотруднику МИД. Во всяком случае, мне было бы приятно через много лет передать ей таким способом свой привет и сердечную благодарность за оказанные в своё время внимание и приём, которые способствовали лучшему узнаванию Японии.

России и Японии нужно пройти ещё немалый путь, чтобы стать наконец друзьями. Должен быть развеян ядовитый туман предубеждений, нужно покончить с проявлением ненужных амбиций с обеих сторон и уничтожить психологические барьеры, мешающие сближению двух стран.

Мне бы очень хотелось, чтобы мои будущие правнуки, показывая на Японские острова на географической карте и спрашивая: «Что это такое?», получили бы следующие примерно ответы от своих родителей: «А это страна такая - Япония... Она - наш большой друг на Востоке... И солнце всегда появляется над нашей страной со стороны Японии...»

Однажды, находясь на каком-то собрании в клубе Ассоциации ветеранов внешней разведки России спустя много лет после моей поездки в Японию, я увидел на стене красочную афишу, которая сразу привлекла моё внимание. На ней была изображена ветка сакуры, хризантема и какая-то райская птица на фоне горы Фудзияма. А заголовок гласил: «Япония - любовь моя»... А далее следовал текст: «21 мая 1993 года в 14.00 в гостиной клуба Ассоциации ветеранов внешней разведки состоится вечер встречи со Страной восходящего солнца. Кинофильмы, рассказы и комментарии, чайная церемония, выставка картин». Этот вечер уже состоялся, а афиша продолжала напоминать собравшимся о приятно проведённом вечере. Как же изменился мир! Ветераны разведки - японисты сочли необходимым рассказать членам клуба о достопримечательностях Японии, подобрали для объявления традиционные японские символы и нашли сердечные слова.

Я подумал - а возможно ли такое мероприятие в Японии? Возможно ли, чтобы сотрудники-ветераны какой-либо японской специальной службы провели вечер под девизом «Россия - любовь моя»? Вряд ли...

Но кто-то в этом мире в любом деле всегда должен быть первым...

Разбирая архив...

Много накопилось разных бумаг... Сначала я сохранял их без какой-то определённой цели - просто жалко было выбрасывать интересные вырезки из газет и журналов, театральные афиши, проспекты, пригласительные билеты. Потом появился осознанный интерес к сохранению памяти о людях и событиях. С начала первой командировки в Египет стал вести картотеку на известных государственных и политических деятелей, писателей, журналистов, представителей мира искусства. Привык к этой работе, она оказалась очень полезной для служебных целей. Затем последовала арабская картотека, африканская и снова египетская. Потом я стал собирать письма родственников и друзей и теперь располагаю даже перепиской со старшим внуком Серёжей и старшей внучкой Ксенией. Есть уже и письма шестилетнего Вадика, а самая маленькая, Лерашка, в свои пять лет выводит первые каракули, употребляя для написания слов, подобно арабам, только согласные буквы и упорно игнорируя гласные.

Есть в архивах и дневники, которые я пытался вести с четырнадцатилетнего возраста, и около сотни блокнотов, заполненных во время служебных командировок, киноплёнки и видеоплёнки. Главное же моё богатство - фотоальбомы, их у меня тоже около сотни. Фотографировать я начал лет с десяти, когда крёстная мать подарила мне восьмирублевый фотоаппарат, сделанный из картона, оклеенного дерматином. В аппарате, рассчитанном на фотопластинки размером 4,5 х 6 см, не было абсолютно никаких механизмов, и тем не менее он снимал! Для этого, правда, надо было проделывать сложные манипуляции: залезать в тёмный подвал, разрезать кремнём фотопластинку 6 х 9 см на две равные части, закладывать одну из них в фотоаппарат, выходить на свежий воздух, размещать аппарат на каком-либо устойчивом предмете, ставить перед ним людей, потом, сняв колпачок с объектива, произносить «айн, цвай, драй», закрывать объектив и снова спускаться в подвал, чтобы проявить пластинку. Самое удивительное, что, несмотря на войны, оккупации и эвакуации, несколько снимков, сделанных этой чудо-машиной, уцелело и хранится в моём первом фотоальбоме.

Самый древний документ в архиве - письмо моего деда по матери Петра Лукьяновича Слюсарева, датированное 1905 годом. Деда я никогда не видел, он умер от тифа в гражданскую войну. Был он в современном понимании хозяйственником и состоял в должности заведующего складом на сахарном заводе Боткина (из известной в России семьи промышленников, врачей, писателей и художников) в посёлке Ново-Таволжанка Шебекинского района Белгородской губернии. За свои заслуги на хозяйственном поприще дед даже получил звание «потомственного почётного гражданина», но писал, судя по упомянутому письму, с грубыми ошибками. Вообще с грамотностью в наших краях дело обстояло слабовато. У меня, например, хранится выданная моей матери в

1930 году Курской контрольно-семенной станцией невразумительно составленная (но зато снабжённая штампом и печатью) характеристика. В ней утверждается, что она владеет латинским языком, которым и пользуется в работе. В действительности же мать могла разбирать названия семян, написанных по-латыни.

В посёлке Ново-Таволжапка родились и моя мать Екатерина Петровна, и её младшие брат и сестра. Все прочие члены семьи умерли рано, а маму, единственную из рода, судьба-хранительница избрала в качестве долгожительницы. Скончалась она тихо и спокойно в возрасте девяноста пяти лет. А в девяностолетнем возрасте ещё была бодрая и энергичная старушка. К этому её юбилею я сделал подборку фотографий, начиная с младенческих лет и до глубокой старости, и теперь часто рассматриваю эти снимки. Вот девочка с куклой. Вот гимназистка. Вот высокая и стройная молодая женщина с милыми и мягкими чертами лица. А потом сразу - увядшая женщина. Войны, голодные годы, не очень счастливое и кратковременное замужество (отец умер в очередную, как говорилось в народе, голодовку 1931-1933 гг.), страх за единственного сына, которого надо чем-то накормить и хоть во что-нибудь одеть. А потом, после войны, мама как бы законсервировалась и десятилетиями уже мало менялась, да и жизнь наладилась, и ей уже не надо было думать, где и как добыть хлеб насущный.

Я несколько раз заводил с матерью разговор о нашем национальном происхождении. Понятно, что я русский. Родился в России, мать и отец тоже русские. А почему фамилия на «о» - Кирпиченко? Из рассказов матери выяснилось, что по-украински кирпич - цегло, и если бы фамилия была украинская, то я должен был бы зваться Цегленко. Смутно припоминаю, что в каких-то древних документах отца видел и такое написание - Кирпиченковъ. Наверное, вместе с твёрдым знаком отскочило и где-то затерялось «в». Фамилия матери - Слюсарева - также заключала в себе некий парадокс: русская по форме, она образована от украинского слова «слюсарь» - «слесарь». Мать говорила, что в их местах все давно перемешалось - и семьи, и языки. Говорили по-русски, а пели по-украински. То, что в моих жилах течёт русская и украинская кровь, даёт мне моральное право заявить, что я одинаково ненавижу и русский великодержавный шовинизм, и воинствующий украинский национализм, особенно в эти дни, в дни развала нашего многонационального государства и разгула националистических страстей.

А ведь было у нас и интернациональное воспитание, и дружба народов, но что-то не получилось. Пример такой дружбы я нашёл в моём альбоме периода учёбы в Институте востоковедения - это фотография четырёх девочек, живших вместе в комнате общежития в Алексеевском студенческом городке: русской Вали Андреевой, узбечки Дильбар, татарки Иры Мангутовой и испанки Терезы, изучавшей к тому же китайский язык. В нашем институте учились представители всех национальностей Советского Союза и даже привезённые в СССР дети испанских республиканцев. Кроме Терезы была ещё одна испанка... Но лучше по порядку... В 1982 году мне случилось присутствовать на приёме

в советском посольстве в Мехико. Я стоял в компании сотрудников посольства. Вдруг в зале появилась красивая женщина с чёрными, пышными, ниже плеч волосами, с большими выразительными глазами. Не заметить её было нельзя, так как она была на голову выше остальных представительниц женского пола, в основном невысоких мексиканок. Спрашиваю местных коллег: «Что это за яркая птица?» «А это, - отвечают, - местная поэтесса, испанка, поддерживающая тесные связи с советским культурным центром». Испанка же стремительно направляется к нам, обнимает меня и вопрошает: «Какими судьбами, Вадим?»

Первая мысль: «Опасность! Опознали! Кто это? Под какой я здесь фамилией?» Соображаю, что нахожусь здесь под своей фамилией и, следовательно, никакого конфуза быть не может. А испанка продолжает расспросы. Постепенно начинаю понимать, что это Кармен, подруга Терезы, учившаяся в институте на одном с нами курсе, на турецком отделении.

Попутно поясню, что выезды за границу под другой фамилией вызывались не какими-то супершпионскими обстоятельствами, а желанием спокойно получить въездную визу, ибо моя фамилия к тому времени приобрела уже нежелательную известность.

Жизнь Кармен - настоящий роман в духе папаши Дюма. Уже после окончания института она отыскала в Мексике своего отца и, оставив в Союзе семью (мужа и сына), уехала за океан, но не просто, а с приключениями.

Тем для расспросов оказалось множество. Через два дня я побывал у неё в гостях, куда она пригласила несколько близких ей людей. Признать в этой даме прежнюю Кармен было очень трудно. В институте она была самой тощенькой и казалась даже прозрачной от худобы, а тут предстала в облике яркой красавицы.

Среди многочисленных воспоминаний о друзьях и знакомых, о жизни в общежитии и разных забавных случаях Кармен напомнила и то, о чём я уже забыл. «А помнишь, - говорила она, - как на первом курсе в самом начале учебного года твою будущую жену выгнали с лекции? „Девушка в красной кофточке, - сказал тогда заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Романов, - немедленно покиньте аудиторию и идите болтать в коридор!»« Действительно, был такой случай.

Удивительные все же бывают встречи, учитывая громадность дистанции от Алексеевского студгородка до Мехико и в пространстве, и во времени (пролетело тридцать лет!).

Теперь в одном из моих фотоальбомов несколько страниц посвящено встрече с Кармен Кастальотте, а в домашней библиотеке имеются два томика её стихов. При общении с Кармен мне показалось, что сердце её находится не в Азербайджане, где, по всей видимости, живут её первый муж и сын, и не в Польше, где она жила со вторым мужем, не в Испании, где она родилась, и даже не в Мексике, где она сейчас живёт, а в далёких Сокольниках, где находился Институт востоковедения и прошла её

молодость.

Вот фотографии моей тётки Марии Петровны Анкировой, женщины одинокой, нервной, имевшей в молодости неистребимую тягу к перемене мест. В первую мировую войну, совсем ещё юной девушкой, она убежала на фронт медсестрой. Эта тема нам хорошо знакома: и мои сверстницы, и подруги детства тоже убегали из дома на фронт в 1941-1945 годах. На одной из фотографий тётка, очень молоденькая и хорошенькая, снята в платье сестры милосердия, а на груди у неё следы двух выскобленных Георгиевских медалей. Медали на фотографиях тётка уничтожила в 1937 году в целях безопасности. Поистине безграничная наивность по отношению к НКВД!

После окончания войны Мария Петровна ездила в Туркмению и в Крым подрабатывать на сборе фруктов, работала медсестрой на Шпицбергене, подвизалась и в качестве актрисы в знаменитой тогда «Синей блузе», ставившей в 20-х годах революционные пантомимы и что-то из Маяковского. Это была своего рода «живая газета» в танцах, песнях и стихах на все актуальные темы внутренней и международной жизни. На двух фотографиях тётка стоит в первом ряду «синеблузников», самая маленькая и самая весёлая, а средний в ряду - сам Лев Борисович Миров, ставший знаменитым конферансье.

Была тётка ещё и заядлой физкультурницей, и когда в 1931 году учредили знак «Готов к труду и обороне СССР», она получила его одной из первых. Эта реликвия тоже каким-то чудом оказалась в моём архиве. Орденов тогда ещё было мало, и спортивные значки изготавливали на Монетном дворе по той же технологии, что и правительственные награды, из серебра и под номерами. Тёткин номер - 43, а 44-й должен был быть у всесоюзного старосты М.И.Калинина, который получил этот знак вслед за ней. Но Михаил Иванович, понятно, уже не прыгал и не бегал, и выдали ему сей знак из уважения к власти.

Когда я демобилизовался из армии в конце 1946 года, тётушкина микроскопическая комната на короткое время, до поступления в институт, стала и моим пристанищем. Находилось тёткино жилище не где-нибудь, а в самом Сивцевом Вражке, переулке, который по частоте упоминания в отечественной литературе стоит на одном из первых мест. До сих пор целы этот четырёхэтажный дом № 14 и небольшой сквер перед ним. Он совсем не похож на розовый домик с мезонином, описанный Ильфом и Петровым, но мне всегда казалось, что именно дом № 14 и послужил прототипом общежития имени монаха Бертольда Шварца. Во всяком случае, я уверял своих знакомых, что живу в том самом доме, где потрошились стулья из гарнитура тёщи Кисы Воробьянинова.

Именно Мария Петровна приобщила меня к большому искусству. Первые оперы и балеты я слушал и смотрел не где-нибудь, а в Большом театре. Дело в том, что в доме № 14 жила некая дама - концертмейстер Большого театра, которой тётка регулярно красила волосы, получая в качестве платы за труд театральные билеты.

Да, каждый входит в храм искусства своим путём.

Среди всех изобретений, обогативших человечество и вооруживших его достоверной и разнообразной информацией, самым удивительным и ценным после изобретения письменности я считаю изобретение фотоаппарата. От него пошло уже всё остальное - и кино, и телевидение, и прочее из этой области.

Наверное, по-разному можно рассматривать фотографии. Можно, глядя на них, просто вспоминать места и людей, которые оказались запечатлёнными на снимках, а можно и попытаться увидеть на них что-то новое, прежде ускользнувшее от внимания.

Живя в Египте, я особенно много фотографировал. Тут и техника была хорошая, и фотохимикалии, и бумага. В посольстве, правда, не было фотолаборатории и в нашей разведточке тоже. Тогда мы решили продолбить стену из той комнаты, где все работали, в соседнюю тёмную каморку и устроили в ней фотолабораторию, необходимую для служебных целей. Чтобы соблюсти конспирацию и замаскировать вход в лабораторию, мы заставили лаз обычным шкафом и ходили через него. Когда начиналось «хождение в шкаф», дверь кабинета закрывали на ключ. Однажды дверь забыли запереть, и в комнату вошёл мой маленький сын (хорошо, что не взрослый чужой дядя). Увидел вход в другое помещение из шкафа, хитро улыбнулся и сказал: «А интересный у вас здесь шкафчик!» В дальнейшем этот вход у нас назывался «интересным шкафчиком», а все разговоры сына на эту тему мы уводили в сторону, пока он не позабыл о своём открытии. Стену, кстати сказать, мы тихо долбили и разбирали по ночам, и кирпичи также выносили с соблюдением секретности и незаметно выбрасывали их в великий Нил, который протекал рядом со зданием посольства.

Моя египетская, арабская и африканская картотека, которую я вёл двадцать лет, вызывает у меня грустные чувства. Где все эти президенты, премьеры, министры, губернаторы, руководители партий, влиятельные чиновники и дипломаты? Как быстротечно оказалось время их государственной и общественной деятельности! Эта картотека кажется мне сейчас каким-то кладбищем потухших светил. Но вот что интересно. Долгожителями в картотеке остались в основном писатели и артисты Они уверенно пережили всех остальных, многие из них даже и сейчас продолжают свой творческий путь.

Есть в картотеке знаменитые и блиставшие в своё время исполнительницы «танца живота». Египетские знатоки отрицают гаремное и турецкое происхождение «танца живота» и утверждают, что он возник на народной почве. В доказательство приводится и арабское название танца - «ракс баладий», что означает «народный танец», а вовсе не «танец живота», как его называют на некоторых европейских языках. Возможно, в этом танце есть и турецкие заимствования, но одно несомненно: в настоящее время лучшими исполнительницами его являются египтянки.

А вот и самые старые материалы картотеки: два старика в тарбушах. Один из них - Ахмед Аббуд, монополист сахарной промышленности Египта. Его состояние в середине 50-х годов оценивалось в 15 миллионов египетских фунтов - баснословные в то время деньги. Другой - Мохаммед Фаргали. Этот - хлопковик. Миллионов у него было поменьше, но зато он давно торговал с нами и частенько ходил в посольство на приёмы. В левом верхнем кармашке пиджака у него всегда красовался большой яркий цветок.

- Почему у вас постоянно цветок в кармашке? - однажды спросил я Фаргали.

- А чтобы меня было видно издали!

Есть у меня в картотеке и египетская Мата Хари - некая Хода. По специальности - туристический гид, бойкая, острая на язык женщина с отличным знанием английского языка и высокой профессиональной подготовкой. На глав наших делегаций, людей в возрасте, она всегда производила неотразимое впечатление. Однажды, несколько расслабившись, она призналась: «Вы не думайте, что я сотрудник Службы общей разведки - я просто её агент!»

Несколько карточек заведено на Кваме Нкруму, одного из самых известных и популярных африканских лидеров, борца за свободу и независимость Ганы, в своё время свергнутого, несмотря на то что его безопасность организовали сотрудники КГБ. Деятельность Нкрумы я изучал, и меня поразил в его мемуарах («Автобиография») один факт: он с ужасом описывал, как в тюрьме вынужден был бриться одним лезвием вместе с другими заключёнными и что ему, чистоплотному и брезгливому, было от этого плохо. Я вспомнил в связи с этим и трёхъярусные нары в казарме, и холодные нужники на сорок посадочных мест, и вшей, которые во время войны практически не переводились. Вспомнил, как одним «бычком» из моршанской махорки затягивалось по очереди пять-шесть человек. А тут, видите ли, одно лезвие фирмы «Жиллетт» на несколько человек - целая трагедия.

В карточках на Нкруму есть ещё запись о его браке с египтянкой Фатхией. Надо сказать, что египетское правительство во времена Насера очень активно поставляло жён политическим деятелям других стран. Считалось, что египтянки, женщины красивые, темпераментные и политически подкованные, должны были поощрять проегипетские симпатии мужей. Здесь же пометка, что от брака с Фатхией у Нкрумы родился сын, которого назвали Гамаль-Горький - в честь Гамаля Абдель Насера и Максима Горького. Это дитя давно уже должно было вырасти. Что с ним? Где оно? Как относится к тем людям, имена которых соединены в его собственном имени? Кстати, у египтян одно время было модой давать детям имена известных политических деятелей и просто знаменитых людей. Тут были и Неру, и Тито, и Хрущёвы, и Булганины, и Гагарины.

К чему, собственно, весь этот разговор о разборке архива? Есть ли в

нём какой-нибудь смысл?

Смысл, по моему разумению, состоит в том, что, сохраняя личные архивы и передавая их по наследству, человек способствует воспитанию своих потомков, приучает их дорожить своей родословной, памятью предков. А люди, уважающие прошлое своей семьи, будут, наверное, уважать и историю своего государства.

Мне бы очень хотелось протянуть нить в далёкое прошлое, но она оказалась оборванной. Я не только никогда не видел своих деда и бабку по линии отца, но даже не знаю, кем они были и как выглядели.

Личные архивы каждого - это материал по истории нашего государства для воспитания будущих поколений, когда уже не надо будет скрывать, были ли в твоём роду дворяне, священники, белые офицеры, красные командиры, партаппаратчики, чекисты.

Во мне всегда вызывают завистливое удивление надписи на этикетках пивных бутылок в Западной Европе, утверждающие, что данная фирма существует с тысяча четыреста такого-то года и наследует своё производство от отца к сыну. А что у нас сохранилось, передаваясь по наследству, с пятнадцатого века?

Войны, оккупации, революции, контрреволюции привели нас к тому, что мы стоим на грани превращения в людей без роду без племени. И не покаяние нам нужно, а всеобщее примирение и выработка взаимоприемлемых норм жизни и труда.

Вот такие мысли не раз возникали у меня, когда я разбирал свои архивы.

Признание в любви

В книге воспоминаний Ираклия Андроникова «Великая эстафета» моё внимание приковала фраза: «До сих пор для меня Ленинградская филармония - мера всего высокого и самого совершенного, любимое место на земле». И я подумал: а у меня какая мера самого высокого и есть ли самое любимое место на земле? Есть ли эти понятия в осознанном и конкретном виде у моих детей, будут ли они у внуков?

Мера самого высокого... Она у всех людей очень разная. У меня эта мера на пути моего становления означала степень добросовестного отношения к работе, доброго и справедливого отношения к окружающим, объективности оценок всего происходящего и категорическое неприятие подлых поступков. В этом, мне кажется, высший смысл собственного бытия.

Сейчас очень много говорится и пишется о том, что наша прежняя государственная система делала из нас рабов, роботов, толкала людей на подлые поступки и преступления. Я много и долго размышлял по этому поводу, вспоминал своих друзей, знакомых, коллег и пришёл к выводу, что, несмотря на все сложности, тяготы и трагизм нашей жизни, человек

и в тех условиях мог не опуститься до того, чтобы стать подлецом, мог отказаться от должности палача, не согласиться стать осведомителем органов госбезопасности, если это претило его убеждениям, или отказаться по этой же причине от кресла партаппаратчика.

А что касается любимого места на земле... Оно есть у каждого, и может быть, даже не одно... Долгие годы и даже десятилетия моим любимым местом был родной дом в городе Курске, на улице Дружининской, 22, в четыре оконца по фасаду, с садом и двором. Как мучительно хотелось в этот дом, к матери в годы войны! Крепко сидели в памяти разные мелочи, связанные с детством, вспоминались детали прошлой жизни... Было время, когда по нашей улице возвращались с нижних лугов коровы и, лениво мыча, расходились по своим дворам, а иногда и дворовая собака встречала свою корову и сопровождала её домой, выполняя свой собачий долг. Потом держать коров запретили, а на улице рядом с нами построили большой четырёхэтажный (он казался громадным) дом для руководящего состава областного управления НКВД. Появились суровые люди в шинелях из коверкота с воротником-шалью и с чекистской эмблемой на рукаве. Напуганные курские обыватели начали избегать нашу улицу, обходили её, чтобы ненароком не попасться на глаза какому-нибудь начальнику...

В нашем саду была яблоня - «белый налив». Весь её ствол представлял из себя сплошное дупло, а яблоня все плодоносила и плодоносила и до войны, и после войны, и эта живучесть поражала моё воображение, хотя детскому возрасту вроде бы и несвойственно обращать внимание на такие мелочи.

Вспоминались и тёплые майские вечера, когда мы, подростки, сидя на лавочке и на брёвнах у громадных кустов сирени, пели песни Дунаевского и Блантера на слова, естественно, Лебедева-Кумача и Исаковского, а вокруг нас летали стаи майских жуков, и их золотистые крылья волшебно сияли.

А какая в Курске была земля! Когда я подростком копал грядки в саду, я просто не знал, к какой земле прикасаюсь, и только много лет спустя, изрядно повозившись с грунтом в разных местах, понял, что такое курский чернозём. Мать, занимаясь огородом в Подмосковье, всё время ворчала: «Разве это земля? Вот у нас была земля так земля - чёрная, жирная, её можно было на хлеб намазывать вместо масла!»

В мой первый после долгой разлуки приезд в Курск в конце войны родной дом показался маленьким, потолки низкими, мать стала тоже ниже ростом, почему-то изменился и её голос. Он стал тише и глуше. Изменилось всё... Сейчас в этом доме живут незнакомые люди, в саду и во дворе всё переменилось, появились какие-то новые строения, и этот дом, когда я его увидел много-много лет спустя, перестал быть для меня тем любимым местом, каким был раньше. А в памяти навсегда остался прежний дом, прежний двор, прежний сад, и все, кто жил в этом дворе, навсегда остались со мной.

Изменились и другие дома, и сами улицы. На оживлённой ранее улице Пионерской не было видно ни души, а гостеприимный дом подруги юности Жени Старосельской был разрушен. От дома остался обвалившийся остов, и узнать уже ничего было нельзя, но на заборе кто-то написал мелом его старый номер 31.

С юных лет мне хотелось какой-то частицей остаться там, где я жил, учился, работал... Мне всегда казалось это очень необходимым. Если человек покидает какое-либо место и там от него ничего не остаётся, значит, и само наше существование является чем-то призрачным и несерьёзным. А как остаться? Что-то сделать материальное, чтобы можно было сказать: это сделал я? Остаться в письмах, фотографиях? Но главное, конечно, сохраниться в памяти людей, которые продолжают жить там, откуда ты уехал. А люди уезжают из прежних мест, что-то забывают, что-то теряют по дороге жизни, а потом и сами уходят, исчезает их след, и ничего от них не остаётся в памяти. Хотелось мне, чтобы остался я в памяти нашего класса «А» 4-й курской средней школы, бывшей железнодорожной. Годы шли, и мне казалось, что собираются вместе время от времени ровесники, вспоминают своих однокашников, интересуются их жизнью.

И вот после двадцатипятилетнего перерыва я приехал в Курск со старыми фотографиями, чтобы разыскать свой класс и напомнить о себе. Тщетно. Нет класса. Есть давняя и близкая знакомая Тамара Анненкова, которая когда-то была Тамарой Комаровой, жила во дворе школы № 4 и знала её учеников. Остался одноклассник Юра Ендржиевский, утомлённый жизнью человек. Мы рассматривали с ним дорогие фотографии, на которых были изображены девочки и мальчики, снятые после окончания 4-го и 7-го классов. Юра рассказывал о том, кто где, а мой летописец - внучка Ксения, у которой с самого раннего детства лёгкая на писание рука и, наверное, есть литературный дар, записывала с его слов: «...Танкист, погиб на фронте... Лётчик, погиб на фронте... Умерла... Умерла... Неизвестно где... Живёт в Курске... Появлялся на короткое время в капитанских погонах... Зарезан в драке... Обе умерли... Погиб на фронте...» И всё в таком же духе. Наконец, «Кирпиченко Вадим. Жив» - так внучка и записала. Против имени Юры Ендржиевского такая же отметка. Ну и ещё малая горстка живых. А так большинство рассеялись, погибли на фронтах, просто умерли, ушли в неизвестном направлении. Нет нашего класса 4-й курской средней школы, а в здании самой школы теперь размещается детский театр.

Опуская другие остановки на жизненном пути, упомяну, что очень хотелось остаться в памяти тех, кто служил со мной в родной 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. В годы учёбы в Московском институте востоковедения из этой дивизии вначале приезжали ко мне сослуживцы, тем более что путь многих лежал через Москву, а потом все окончательно разъехались по собственным маршрутам...

Один знакомый генштабист иногда говорил мне, что 103-я дивизия все стоит, мол, на том же месте, близ Полоцка, в белорусских лесах.

И вот... в декабре 1979 года на кабульском аэродроме я встретился с бравым генерал-майором, командиром воздушно-десантной дивизии, которая первой высадилась на афганской земле для «выполнения интернационального долга». И это была моя дивизия - 103-я Гвардейская Краснознамённая ордена Кутузова II степени, а потом уже и других орденов воздушно-десантная дивизия.

Хотелось мне душой и памятью вернуться и в Московский институт востоковедения в Ростокинском проезде, где я учился с 1947 по 1952 год, и в студенческое общежитие Алексеевского студгородка, где в эти годы жил. Но два года спустя после окончания нами института его вообще расформировали. Остались, правда, друзья - арабисты и неарабисты, но нет уже дома, куда можно было бы приходить и вспоминать о том, что было здесь раньше, дышать тем, прежним, воздухом...

Или посольства, под крышей которых текла наша бурная жизнь. И это уходит. Крыша есть, а люди уже другие. Хотя в стойких своими традициями семьях арабистов дети часто наследуют профессию родителей и можно, приехав через много лет в тот же Каир, увидеть там вместо отцов их детей - и это приятно, вроде бы реальное продолжение нашей жизни.

В посольствах люди живут тесной семьёй. Рождаются легенды, предания, анекдоты, пишутся пьесы и стихи, работают драмкружки и «клубы весёлых и находчивых». Но живёт это всего несколько лет, а потом начинает угасать и забываться. Нет надёжных нитей преемственности, нет летописей. Остаются лишь казённые слова в виде телеграмм и почтовой информации. Встретится какая-нибудь старая фамилия, а кому она принадлежит, уже не помнишь.

И, наконец, разведка. Это последний рубеж. Здесь я бросил свой якорь. В этом доме постепенно проходила моя жизнь. Отсюда мы ездим на кладбища и в крематории прощаться со своими товарищами. Сколько же здесь было ночных бдений, сколько переживаний за неудачи и провалы. Были, правда, и редкие радостные и торжественные моменты.

И все же, и все же... своими записями я делаю отчаянную попытку подольше остаться жильцом этого дома.

В конечном счёте главным побудительным мотивом написания книги является любовь к разведке, к её сотрудникам, к профессии, к самим её зданиям и её территории, любовь и чувство благодарности судьбе за её щедрость ко мне. На страницах книги мне хотелось упомянуть как можно больше своих товарищей, рассказать о совместной работе, но и в этом желании, конечно, нужно было соблюсти разумную меру. Особенно хотелось написать о тех, с кем я одновременно пришёл в разведку. Впечатление такое, что из этого поколения я один остался в строю. Своё намерение я выполнил лишь в очень незначительной степени. Из тех, кто пришёл тогда в нашу службу, больше всего мне дороги фронтовики, солдаты Великой Отечественной войны. Эти люди когда-то составляли сердцевину разведки, были её движущей силой. Между нами всегда было

особое взаимопонимание, поскольку и жизнь мы воспринимали по-особому - самую её суть, без ненужных мелочей. И в руководстве разведки в разное время было немало фронтовиков. Это заместители начальника разведки генералы Юрий Иванович Дроздов, Анатолий Иванович Лазарев, Яков Прокофьевич Медяник, Юрий Иванович Попов, Борис Александрович Соломатин, Владимир Александрович Чухров, Евгений Изотович Шишкин.

Ну что ж, признание в любви я сделал. Была ли эта любовь взаимной? И насколько возможна такая постановка вопроса вообще? Может ли разведка любить своих отдельных представителей? Нельзя сказать: «Его любила разведка», равно как нельзя сказать: «Его любила родина». Любовь к разведке, как и любовь к родине, может быть только односторонней. И я счастлив тем, что мне суждено было долгое время работать в разведке и искренне любить её.

Закончу своё повествование полюбившимися мне стихами поэта-фронтовика Александра Гитовича:

Жизнь проходит -

Разве в этом дело?

Разве, в неоглядности своей,

Молодость когда-нибудь хотела,

Чтобы детство возвратили ей?

Так и нам печалиться не надо,

Только бы - разумна и добра -

Длилась, как последняя награда,

Деятельной старости пора.

Москва,1998.

Оглавление

К читателю 1
Школа № 101 2
О тех, кто был рядом в начале пути 6
Ушедшие друзья 11
На земле фараонов 17
У истоков взаимного доверия 20
Шагнувшие с портретов 24
Тройственная агрессия 27
Йеменское средневековье 30
Главный визит 35
На развалинах Карфагена 40
Африка грёз и действительности 45
Ещё одна арабо-израильская война 51
Гамаль Абдель Насер 54

Самолётом - на заседание Политбюро 57
В ожидании новой войны 59
Встречи с А.Н.Косыгиным 64
Крутой поворот 68
Юрий Владимирович Андропов 71
Председатели КГБ: взгляд в прошлое 77
Иван Александрович Серов (март 1954 - декабрь 1958) 78
Александр Николаевич Шелепин (декабрь 1959 - ноябрь 1961) 81
Владимир Ефимович Семичастный (ноябрь 1961 - май 1967) 85
Юрий Владимирович Андропов (май 1967 - май 1982) 89
Виталий Васильевич Федорчук (май-декабрь 1982) 89
Виктор Михайлович Чебриков (декабрь 1982 - октябрь 1988) 91
Владимир Александрович Крючков (октябрь 1988 - август 1991) 91
Вадим Викторович Бакатин (август 1991 - декабрь 1991) 92
Благодатная Сирия 94
Чёрные скалы Адена 97
Наш старый друг - Эфиопия 101
Танцы в Анголе 104
Советы ливийского лидера Каддафи 109
Мой могильщик Форсайт 113
Разведка: мифы, легенды и просто выдумки 117
О наших союзниках 125
Болгарские мотивы 131
Начальники внешней разведки 137
Е.М.Примаков - академик, разведчик, министр 141
Наши новые знакомые - директора ЦРУ 150
Предатели 159
Снова о предателях - теперь о Калугине 164
Курс на сотрудничество 169
Противники и оппоненты 172
Правда об Афганистане 176
Станет ли другом вечный враг? 186
Разбирая архив... 192
Признание в любви 197